

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АЛЕКС АНЖЕЛО

Я ПРЕВРАЩУ
ТВОЮ ЖИЗНЬ В АД
ТЕРАДОВА НОЧЬ
Холиральская академия

Annotation

Переместившись в магический мир в тело своего двойника, я желала лишь одного – вернуться домой.

Думала, что лишена колдовства, но у меня открылся редкий дар природника. А тот, кого считала врагом, стал ближе всех.

Мне предстоит выяснить, что же случилось с предыдущей владелицей тела и почему она выпала из башни, и принять участие в Герадовой ночи – самом опасном соревновании года.

- [Алекс Анжело](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Эпилог](#)
-

Алекс Анжело

**Я превращу твою жизнь в ад. Герадова
ночь**

© А. Анжело, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Магическое отделение

Боль яркими вспышками расцветала повсюду. Как удары молнии в ночи и гром, сотрясающий воздух в непогоду.

Тьма и пустота.

Я вспоминала родителей – не идеальных в мелочах, но любящих и заботливых. Из-за работы мама порой бывала взвинченной, но одновременно сдержанной. Она могла злиться, но не высказываться вслух, пока не остынет. Отец – само спокойствие, ну и доброта. С легкостью подстраивался под других, если дело касалось не слишком важных для него вещей. Маму это качество иногда раздражало.

Но, несмотря ни на что, я чувствовала себя центром их мира... Как же все переменилось! Устала гадать об их чувствах, утрате и горе. Возможно, для мамы с папой я умерла...

Большинство воспоминаний отзывалось с трудом, будто половина их полопалась подобно мыльной пене. Но в поисках утраченного я нашла нечто другое, что тянулось ко мне, призывало и надеялось, как покинутый ребенок, что я больше его не оставлю.

Я почти плакала, протягивая руки к зеленому огоньку, который замер в нерешительности, перед тем как скользнуть в мои ладони и разлиться родным теплом. Сила – часть меня. Она обижена. Она давно меня ждала.

Горечь и радость – я не могла выбрать, разрываясь от охвативших меня эмоций.

Мне было безумно страшно, до холода, до ледяной дрожи и окружающей тьмы, разрываемой на осколки зеленым сиянием, вырывающимся из каждого миллиметра моей сущности. Скорее всего домой я больше не вернусь...

Сила. Утрата. Радость. Горечь.

– Эмма. – Настоячивый зов остановил поток моих мыслей, как стаю испуганных рыбок. – Красивое имя. – Тихий тембр, слегка насмешливый, выдергивал меня на поверхность, словно пинками.

Целостность. Привязанность.

Руки стали замерзать, будто я закопалась ими в сугроб. Зубы отбивали чечетку. Чувство реальности понемногу пробивалось на поверхность. Я где угодно узнаю голос некроманта – спокойный, немного усталый и властный.

– Не хочешь ли вернуться ко мне? – Эхо вопросов звучало повсюду, его издавала сама тьма.

«Нет».

– Ты уверена? – вкрадчиво переспросил маг.

«Я хочу побыть одна». – Моя правда слишком горька для сиюминутного возвращения.

Пауза. Тревожная тишина.

– Не время, не место. Извини, Эмма. – И я перестала дышать. Легкие заболели, с каждым мгновением заставляя чувствовать тело все явственнее.

Сначала расщепилась тьма, потом померкло изумрудное сияние, словно фонарик с севшими батарейками, и вернулась тяжесть собственного тела. Отдельные участки кожи будто горели.

Я не хочу возвращаться! Пожалуйста,пусти меня!

Какая-то часть меня уверяла, что стоит открыть глаза и обратного пути не будет, я потеряю последнюю ниточку. Самообман и ложь – иногда самое желанное лекарство. Воспоминание об аварии было живым, таким безумно ярким, немного хаотичным, впрочем, как и вся моя жизнь, но я словно вернулась домой.

Струи дождя, суэта большого города и голос мамы, что я смогла услышать вновь...

Нет, нет, нет!

И я со свистом втянула воздух, как после долгого плавания на глубине, и открыла глаза, погрязая в красном холодном облаке. Но Лефевр находился рядом, я чувствовала его ладони на своих плечах.

Красная дымка рассеивалась, обнажая детали происходящего.

Первые секунды окрасились потрясением, я плохо осознавала, что вернулась. И меня совсем не волновало, почему я лежу в чертовом зеленом коконе, у которого сбоку проделана дыра с почерневшими краями.

Пахло свежестью, такой же, что источал цветок перема.

Некромант наклонился, его удивительно крепкие руки скользнули ниже, удобно обхватывая мое тело.

– Даниэль... – выдохнула я и увидела, как зрачки его расширились, когда с отчаянием добавила: – Мне так хочется тебя придушить.

Конечно, я говорила не всерьез и, возможно, где-то в глубине души была благодарна ему за то, что он вытянул меня из горьких воспоминаний.

Голова гудела, глаза увлажнились, а руки дрожали от охватившего их странного, необычного напряжения. Я бы могла сойти с ума от отчаяния, если бы не чувство силы, что крепла и обживалась в своих новых владениях.

– Попробуешь как-нибудь в другой раз, – нахмурившись, сухо сказал некромант и взял меня на руки, вытаскивая из кокона в теплую ночь.

Царила разруха, всюду валялся мусор – игральные карты, разбитые бокалы, перевернутые столы и дурманицы, земля темнела от влаги, а в воздухе висел терпкий аромат алкоголя. Я медленно прикоснулась к лицу и с неожиданным безразличием обнаружила на щеке порез – неглубокий, но на пальцах остались капельки крови.

– Камень от дорожки. Сама поранилась, – сказал Даниэль, а я понемногу приходила в себя. Всего несколько минут, чтобы оправиться от воспоминания своей возможной смерти. Но все же не до конца...

– Это я сотворила? – тревожно прошептала, глядя на мощные стебли, что раскрошили тропу и разметали камешки и булыжники повсюду.

– Да, Эмма.

Я вздрогнула, запоздало поняв, что Лефевр уже произносил мое имя. На меня накатила паника, и впервые за все время я дала этой злодейке возобладать над собой.

– Никому. Пожалуйста, не говори никому. – Мои пальцы вцепились в рубашку Даниэля.

Он остановился.

– Тихо, – раздраженно бросил, резко опуская меня на ноги. Колени подогнулись, и я бы упала, если бы некромант не обхватил меня за талию, прижимая к себе. – Я сказал, что поймаю тебя с любой высоты, и сдержу обещание. Пора поверить. Не знаю, что произошло,

но не умоляй меня молчать, когда я никогда и не думал кого-то ставить в известность, – быстро, яростно прошептал он.

Я сглотнула, отыскивая в себе силы и досадуя на свою глупость. Разбитая, потерянная, еще не нашедшая себя – вот такой я представала перед самой собой.

За спиной некроманта, у дома, я отчетливо видела кокон, из которого он меня вытащил. Стебли – зеленые, гладкие, с листьями – вырастали из земли, как деревья, подобных которым я прежде не встречала.

– Можешь мне не доверять, но и не рассказывай своему надзирателю. Поняла, Эмма? Как бы ни хотелось выговориться, поделиться... Промолчи. Пора быть сильной девочкой. Все проходит. Не забывается, но боль ослабевает, – мягко, но убедительно продолжил Даниэль. Он знал, о чем говорил.

Откровенность, ясность, открытость – вот что звучало в словах мага смерти, и я кивнула.

Его рука на мгновение крепче сжала мою талию, чтобы в следующую секунду отпустить и позволить мне стоять самой.

– Конкордия.

Я узнала Горидаса и не без помощи некроманта развернулась, разглядывая процессию, недавно прошедшую через ворота.

С десятков одинаково одетых людей ступали рядом с Горидасом – мужчины в зеленых костюмах и женщины в туниках того же цвета с каемками, вышитыми белой нитью. Вслед за ними отдельной группой вошли госпожа Фаден, придерживающая свою мантию, чтобы та не цепляла края вздыбившейся земли и камня, магистр Арнолид и незнакомый мужчина с посеребренной сединой бородой и внимательным карим взглядом. Он обладал настолько выдающимся ростом, что, несмотря на мое состояние, я мысленно окрестила его башней – ему не хватало лишь остроконечной шляпы, чтобы она исполняла роль крыши.

– Аника, проверь состояние госпожи, – прозвучал приказ Горидаса, и молоденькая девушка с копной рыжих непослушных волос шагнула к нам с Даниэлем.

На мгновение я вновь почувствовала страх, но он был лишь отголоском испытанных чувств. Выпрямившись, я отыскивала силы, чтобы запрятать панику глубоко внутри. Вскоре дыхание стало ровнее,

словно я переняла спокойствие Даниэля. Это точно влияние некроманта, потому что у меня не укладывалось в голове, как я могу быть настолько хладнокровной после пережитого и вернувшихся воспоминаний.

– Можно? – Аника протянула руку ладонью вверх, но смотрела она не на меня, а на Лефевра.

– Конечно, – бросил некромант, отстраняясь.

Горидас пристально наблюдал за мной, но, как и прежде, понять, о чем он думает, не удалось.

– Руку, – попросила девушка.

Она целитель. Такая же, как Ивонна...

Помня, что дар этих магов способен не только лечить, но и калечить, я все же вложила свою ладонь. Мимо нас с целительницей пробежал магистр Арнолид и закружил у кокона, возвышавшегося над землей не менее чем на метр. Люди в зеленых костюмах дернулись, собираясь остановить его, но Горидас, предостерегая, поднял правую ладонь вверх.

Я отвлеклась и не сразу обнаружила сверкающий, будто наполненный мелкими бриллиантами, туман, ползущий вверх по моей руке.

– Расслабьтесь, – попросила девушка.

Расслабиться? Вряд ли у меня получится. Белый туман нервировал. Он скользил выше, напоминая голодное животное, с жадностью накинувшееся на добычу. А еще знак на бедре дал о себе знать непрекращающимся зудом.

Я не смогла улучшить момент и поискать его значение в книгах, но, даже если копаться в записях ежедневно, не исключено, что пройдут недели, прежде чем найду что-то полезное. Уж простите, в собственную удачу я не верила.

Но остается Лефевр... Спросить у него? Каким-то образом он узнал мое имя?

Некромант стремительно открывал мои тайны. Искусно вскрывал их, как вор, мастерски орудуя отмычками. Хотя я сравнила бы его с изобретателем или ученым, строящим самые невероятные гипотезы.

Мне необходима слабость Даниэля, нужна для сохранения равенства. В какой-то степени его предложение поделиться со мной – это шаг навстречу, без которого некромант мог прекрасно обойтись. Я

должна с ним поспать... По-другому никак. Буду надеяться, что дневной сон его устроит.

– Идемте, – прошелестел мужчина-башня и, развернувшись, отдал распоряжения госпоже Фаден: – Отправьте запрос в контору Барклей, пусть устранят беспорядок на улице. И подготовьте документы на перевод студентки на магическое отделение.

Я дернулась, и Аника возмущенно зашипела, крепче стискивая мою руку.

– Хорошо, господин ректор, – покорно отозвалась госпожа Фаден.

Башня – это ректор? Отец Дарлы оказался старше, чем я предполагала?!

Магическое отделение? У меня есть дар... Боже, неужели!

Конечно, я даже отдаленно не понимала, как им пользоваться. Это как дать человеку Средневековья компьютер и надеяться, что он самостоятельно научится на нем работать. Но ведь я могу понять, разобраться? И тогда... У меня будет защита? То, благодаря чему я смогу выжить в этом мире даже без Райалинов?

Радоваться рано, но открывшиеся перспективы воодушевляли.

– Подождите, – обратился Горидас к ректору. Сегодня на руках мужчины красовались зеленые перчатки. – Ввиду новых обстоятельств род Райалин ходатайствует об исключении Конкордии Райалин из участников Герадовой ночи.

– Каких обстоятельств? – Брови главы академии приподнялись. – Девушка стоит на ногах, не ранена, не при смерти. Уверен, ваша целительница обнаружит лишь легкое магическое истощение. Не вижу никаких обстоятельств. – Ректор говорил мягко, четко, но высокомерно.

– Теперь она маг. И правило о ненападении перестало действовать, – не растерялся Горидас.

– Пока госпожа Райалин не использует свой дар в игре, она останется участником без способностей. Вас устроит такое послабление? – вкрадчиво поинтересовался ректор.

Горидас задумался, но вскоре был вынужден согласиться. Советник, отвернувшись, что-то тихо проговорил подчиненным, и несколько мужчин в зеленых костюмах отделились от группы, шагнув ко мне и обступив со всех сторон. Горидас же отправился к ректору, и

последующий их разговор, не предназначенный для посторонних, проходил тихо.

Аника выпустила мою руку, светлый туман беззвучно рассеялся.

– Что со мной?

Целительница собиралась уйти, ничего мне не сказав.

– Легкое истощение, – с неохотой отозвалась девушка.

Всего лишь истощение, но я чувствовала себя гораздо лучше. Хотя еще минуту назад ощущала себя ожившим мертвецом.

Озираясь, я попыталась отыскать Даниэля. После прихода целительницы маг смерти незаметно исчез, словно призрак. Но я быстро обнаружила его поднимающим опрокинутый стул с земли и отряхивающим бархатное сиденье. Спустя секунду Лефевр сидел рядом со своими друзьями. С их мест открывался прекрасный обзор, будто парни пришли на сеанс в кинотеатре.

Посмотреть было на что... Магистр Арнолид осматривал растения, и я как раз застала момент, когда один из ростков щелкнул его по носу. Но порицающего взгляда удостоилась я, а не стебли, поэтому улыбка сошла с моего лица, толком не успев появиться.

Некромант наклонился, прошептав что-то Клайму и Риджу. Но происходящего дальше я не разглядела, один из магов в зеленом закрыл обзор своим громоздким, как у вышибалы ночного клуба, телом.

Они будто боятся моего побега. Почему? Я под охраной?

– Прекрасной ночи, господа. Могу ли я попрощаться со своей подругой? – Ридж появился внезапно и выглядел непринужденно, будто отправился на прогулку.

Отказ еще не прозвучал, а я уже знала, что магу воздуха не позволят ко мне приблизиться.

Почему Горидас приставил ко мне стражников? Пока я решительно этого не понимала. Но и появление Риджа неспроста, поэтому надо помочь.

– Всего несколько секунд, – сказала, прошмыгивая мимо стражников и обнимая Ловеласа. Это нисколько не напоминало то, как я обнимала некроманта. Просто необходимость, ничего более. Чтобы оттеснить меня от Риджа, мужчинам понадобится время.

– Клайм поработал над вторым каналом, – тихий всепроникающий шепот ветра достиг меня. Ридж отстранился,

напоследок отыскивая и сжимая мою ладонь. Я ощутила, как холодный металл коснулся кожи.

– Отойдите. – Очнувшись, один из надзирателей оттеснил мага воздуха, который ничуть не сопротивлялся и с легкой лукавой улыбкой отступил назад.

– Мы всего лишь попрощались, – донеслось оправдание парня.

Пока Ридж отвлекал внимание на себя, я приоткрыла ладонь, чувствуя, как бешено стучит сердце, будто я вор, которого вот-вот поймут с поличным, и внезапно обнаружила свой же санкровен.

Когда они его сняли? Лефевр? Столько вопросов, но я не могла не восхититься предусмотрительностью и изобретательностью этой троицы. Санкровен в доли секунды оказался на моем пальце.

Так мне спокойнее... Я не одна, больше не одна. Надеюсь, я не ошибаюсь.

– Что у вас? – Я впервые слышала от Горидаса настолько приказной тон. Теперь уже Ридж отступал под пристальным и твердым, как закаленная сталь, взором советника. – Идемте.

Горидас за считанные мгновения оказался рядом, положив руку мне на плечо.

Будто груз лег на плечи...

– Через несколько часов прибудет ваш отец. Надо подготовиться. – Новость словно припечатала меня к земле.

Я не испытала ни страха, ни потрясения, чувствовала лишь нарастающую усталость. Этот день иссушил меня, словно испил до дна, и, похоже, даже и не думал заканчиваться.

Покачивающиеся ветви деревьев разрубали свет фонаря, висевшего над крыльцом, и бросали на землю зловещие тени. Где-то звенел колокольчик, потревоженный дуновением ветра. Погода портилась, набегали тяжелые тучи.

Холирал располагался южнее столицы, и зимы здесь как таковой не было. Летом нещадно палило солнце, а зима напоминала затянувшуюся осень с почти непрекращающимися дождями, что извергались на город и академию ледяными потоками. Снег если и покрывал землю, то быстро таял. Обычно проходило несколько дней, и

от белого пледа не оставалось и следа. Промозглая погода, грязь, отсутствие солнца на несколько месяцев превращали учебное заведение в крайне унылое место.

Некромант не обращал внимания ни на танцующие тени, ни на звон. Внутри разливалась пустота, недостаточно сильная, чтобы поглотить его, но болезненная. Дар смерти залатывал пробелы, затягивал раны. Граница оставалась далека, за нее гораздо тяжелее попасть, чем могло показаться. Но все же, несмотря на привычные горькие чувства, этой ночью все оказалось иначе.

«Эмма... Эмма... Она для тебя, некромант. Мой дар», – беззвучно шептала загадка, но сквозь туман он все же услышал голос, и принадлежал он отнюдь не молодой девушке.

Лефевр относился к рассказам о богах как к сказке, призванной успокоить людей. Ведь им надо во что-то верить? Надеяться на высшую силу, охраняющую их и спасающую от бед.

Суеверие, вымысел, обман...

Но так ли это? Теперь Даниэль сомневался.

Эмма – его дар? Возможно. Но благодарности некромант не испытывал. Отнюдь. Древние, боги, создатели... Как их только ни называли. Они могли напомнить о себе иначе, вмешаться когда угодно. Почему именно сейчас?

Замок щелкнул, открываясь. Изделие из магического металла среагировало на прикосновение хозяина. Холл встретил тишиной, но не пустотой. Дзафи словно давно его ожидала – почти сливаясь со стеной, она изучала некроманта взглядом.

– С возвращением. – Женщина вышла на свет. Ее глаза, как льдинки, бездушно мерцали в полутьме.

– Почему вы не спите? – Даниэль скривился, маска отчуждения схлынула с его лица, обнажая всю усталость, накопленную бессонными ночами.

– Мотыльки... Я видела, как они взлетали. Вы хотя бы управляли ими?

– Да, я владел каждым. Их разметал ветер, можно сказать, я почистил улицы от мусора.

Почти десять лет, именно столько Дзафи жила рядом. Поначалу она была молчалива, и ее тень всюду неотступно следовала за мальчиком. Но она не страшила Даниэля, хотя ее предназначение

поистине ужасно. Убийца, что лишит его жизни, если он потеряет контроль...

По мере взросления слежка ослабевала. Между некромантом и Дзафи возникло хрупкое доверие. Отчасти женщина привязалась к младшему Лефевру, но маг смерти знал, что эта симпатия не помешает ей вонзить кинжал ему в сердце.

– Что произошло? – Дзафи требовала подробностей.

– В дурманицы подкинули берхалею.

Помутнение сознания, головная боль, в крайних случаях отравление – вот что несло с собою это растение. Никаких полезных свойств, лишь вред.

«Наверняка пучки купили в темных закоулках рынка возможностей, ведь в окрестностях Холирала эта трава не растет», – к такому выводу пришли некромант и маг энергии.

Судя по красноречивому молчанию женщины, она была наслышана о свойствах растения.

Даниэль, массируя шею, направился в сторону спальни. Голова раскалывалась от не отпускавших его мыслей.

«Глава рода Райалин наверняка в восторге. В кои-то веки у них появился природный маг. Только чья эта заслуга? Тела или души? Конкордия прожила в своем теле восемнадцать лет, а у Эммы магия появилась спустя неделю. Скорее всего загадка из тех миров, где магии нет». – Лефевр остановился, по лицу пробежала тревога.

Парень ощутил, как сердце пропустило удар, но он далеко не сразу понял природу этого чувства. Как же давно он не испытывал беспокойства, готового вот-вот преобразиться в липкий страх.

Даниэль повел головой, будто избавляясь от наваждения. Пальцы нащупали цепочку отца, которую он снял с его мертвого тела перед тем, как провалиться в междумирье.

– Дзафи... Что ты знаешь о иномирцах? Как много из них вернулось домой? – спросил Лефевр хрипловатым голосом.

Глава 2

Отказ

В последнюю пару минут я думала о сущей ерунде – меня интересовала длина волос двойника на портрете в гостиной. Мысленно я сравнивала ее с короткой прической, с которой ходила на Земле, и с каждым переглядыванием моя уверенность крепла: надо обрезать волосы.

– Ты изменилась, дочь. – Бесцветные нотки в голосе и пристальный взгляд Картуса заставили вновь посмотреть на мужчину.

Отец Конкордии говорил необычно – с паузами, каждое слово будто имело вес и припечатывало собеседника к земле, расставляя по местам, кто хозяин, а кто раб.

Но внешний вид мужчины не выходил за рамки обычного: короткие волосы, собирающиеся у глаз морщины, правильный нос – мужской, с небольшой горбинкой в середине, – острый подбородок, покрытый легкой щетиной.

На удивление, я совсем не робела. После работы целителей, подлечивших меня по возвращении домой, в сознании царила поразительная ясность, лишь поэтому я не клевала носом, хотя ночь за окном рассеивалась, уступая место облачному утру.

– Я ничего не помню. И вас в том числе. – Я не дерзила, лишь констатировала правду.

Надеюсь, он не рассчитывал, что я кинусь к нему с объятиями? Это эгоистично, но я даже рада прохладным отношениям моего двойника с отцом.

– Да, мне докладывали. – Картус кивнул.

Гостиная пустовала, мужчина попросил всех выйти.

Неужели появление магии вынудило его примчаться в Холирал посреди ночи?

– Как это было? – неожиданно спросил он.

– Что?

– Пробуждение силы.

– Не знаю. Наверное, горько. – Я имела в виду не свои воспоминания, а горечь и обиду, которые испытала, когда зеленый

огонек прильнул ко мне. – Магия словно ждала меня.

– Превосходно, – пробормотал мужчина себе под нос.

– Что?

– Природники в нашем роду – редкость. Сарманель был последним, но теперь нет. – Мне не понравился алчный огонек, зажегшийся в его глазах. – Великое разочарование стало наградой. Это как раз то, в чем мы нуждались.

– Я была разочарованием? – прямо переспросила я. – Вы же мой отец, как можно говорить подобное?

Голос звучал предельно спокойно и мирно, чтобы не накликать неприятностей.

Картус отвлекся от рассуждений вслух и сложил ладони лодочкой. Покачивая головой, он задумчиво уставился на меня, будто решая, что со мной делать.

– Да, я твой отец, – ни капли теплоты в голосе, – а ты моя дочь, и, возможно, жертва твоей матери была не напрасна.

– Какая жертва?

Мужчина потер руками виски, черты его лица заострились.

– Слишком много вопросов, девочка. – Он закинул ногу на ногу, принимая деловой вид. – Что там с некромантом? Удача сыграла нам на руку, когда он пришел под ту башню. Ты обратила его внимание на себя.

Его дочь погибла... Боже, как же мерзко!

– Думаю, он меня защищает. От Ивонны и остальных. – Слова дались тяжело. Частичная правда лучше – это был совет Горидаса, который я использовала против него же. Ни о воспоминаниях, ни о том, что Даниэль знал мое настоящее имя, советнику я не рассказала.

Откровенно говоря, я сомневалась в каждом своем поступке. Сердце жаждало некроманта, но разум вносил свою лепту и твердил: «Обожди, не торопись». Конечно, поступки Даниэля говорили о многом. Но прошло сколько? Всего сутки? За эти сутки мое отношение к нему переменялось кардинальным образом. Это вовсе не означало, что я собираюсь замкнуться в себе, вновь рьяно утверждать, что я Конкордия, но приглядеться, чуточку обдумать отношения между нами будет умнее всего.

– Защищает? – Мужчина недоверчиво хмыкнул. – Этот щенок определенно что-то задумал. Все не может быть так легко.

Меня передернуло от сказанного, но Картус не заметил.

– Конкордия. – Мужчина протянул руку к моему лицу, а я отпрянула. Картус не растерялся, ничуть не обидевшись на мое поведение. – Лефевр знает тайну, связанную с Райалинами. Старик не распространяется о том, что стоит на кону, но, судя по безуспешным попыткам подкупить некроманта, это нечто важное. Маги смерти, вечно с этими ублюдками проблемы. – Последняя фраза прозвучала подобно ругательству.

Я давно поняла, что Даниэль прекрасно знал, почему на него открыли охоту. Он говорил об этом Ивонне, когда та пыталась его соблазнить. Теперь та сцена казалась абсурдной, а действия сестры Конкордии – глупыми. Мы знакомы с Лефевром всего неделю, и я уже понимаю, что дешевые трюки с ним бесполезны.

– Что некромант говорил тебе? – Картус тяжело уставился на меня.

– Ничего, – выдавила я и, чуть подумав, добавила: – Мы лишь обсуждали Герадову ночь.

Теперь я была почти послушной. Человек передо мной – не ровесник, с которым я могу язвить и ругаться. Здесь нет права на ошибку.

– Мы уже говорили об этом, но повторю. Ты должна с ним сблизиться. Дай мальчишке все, что он захочет. – Взгляд мужчины скользнул по моей фигуре, будто он смотрел не на дочь, а на ночную бабочку в переулке, предлагающую свои услуги. – Если ты узнаешь необходимую информацию, всего этого фарса со свадьбой не будет. Сарманель не захочет терять второго природника рода.

– Мне надо знать, что именно искать.

– Не беспокойся, когда Лефевр расскажет, ты поймешь, что это *оно*. На этом все. – Картус деловито поднялся на ноги. – Удачи на играх, доченька. Когда ты справишься с заданием, тебя ждет награда.

– А если не выйдет? – порывисто спросила я, впервые за весь разговор позволив эмоциям вырваться наружу.

Картус жестоко улыбнулся:

– Об этом лучше не думать.

Мужчина, одернув пиджак, направился к выходу из гостиной. Я поднялась. Дрожь, прошедшая по телу, была последствием испытанного напряжения. Мне до боли хотелось воззвать к

открывшемуся дару, проверить свою силу. Но я не могла. Мне уже объяснили, что магии необходимо время. В какой-то степени это напоминало батарейку нового телефона, которую надо несколько раз полностью зарядить и разрядить, чтобы он дольше держал заряд. Так же и с магией – я не привыкла использовать ее, она не привыкла ко мне, и точный уровень способностей пока не узнать.

– И еще одно... – Картус остановился. – Сарманель решил, что Горидасу надо наблюдать со стороны, чтобы не спугнуть некроманта. Скорее всего советник переселится в город или снова отправится в столицу. Но мои люди всегда в городе, поэтому помни, я тоже за тобой приглядываю. Осторожность превыше всего.

За дверью раздались шаги – вместе с отцом Конкордии прибыли охранники, которые ждали его в коридоре.

Он уходит?

Я морально приготовилась к тому, что Картус задержится, но, судя по щелчку замка входной двери и повисшей тишине, мужчина действительно ушел.

Рухнув на диван, я попыталась до мелочей запомнить нашу беседу – фразы, интонации, выражения лица. Кажется, моя покорность не убедила его. Или слежка – обычная предосторожность?

Картус приехал напомнить о себе, обозначить цель и пригрозить.

Диван продавился, и я открыла глаза, увидев Горидаса. Мужчина приложил палец к губам, призывая к молчанию, а в следующее мгновение по комнате пронесся вихрь. Но ветер ничего не рушил и не сметал, стихия обследовала каждый уголок, и вскоре в руку советника лег артефакт размером с большую монету.

Магический металл использовали лишь мастера, и он имел характерный, едва приметный голубоватый оттенок, который и выдавал в кругляше артефакт.

Горидас не выглядел удивленным, воздух у его рук будто уплотнился, а после мужчина хлопнул в ладоши, и на пол упал расплюснутый кусок металла, уже потерявший магические свойства.

– Он записывал наши голоса, – разрушил тишину советник.

– Нас слышали?

– Нет. Артефакт запоминает звуки. Кто-нибудь из людей Картуса его бы потом забрал.

– Ясно. Жуткий тип. Ты правда уедешь?

– Да, – без промедления ответил Горидас.

Возможно, это к лучшему – пропадет надобность во лжи. Горидас давал дельные советы, помогал, но и сам многое умалчивал, отчасти поэтому я прислушалась к наставлениям Даниэля.

Мы замолчали, сидя на маленьком диванчике. Наши ноги едва не касались друг друга. Еще пару дней назад место Горидаса занимал Лефевр и мы обсуждали план игры. Уже не ненависть, но и не симпатия – вот что я тогда испытывала к некроманту, хотя отчаянно защищалась гневом, глубоко внутри понимая, к чему мы идем.

– Эмма, – прерывисто выдохнул Горидас.

Сияние светильников мигнуло, и свет в гостиной померк. Мы окунулись в сумерки.

Я видела перед собой привлекательного мужчину. Больше всего цепляли его ясные, синие, как летнее небо, глаза. Собранный, уверенный, менее загадочный и опасный, чем Даниэль, но у Горидаса Ритерда тоже имелись свои плюсы – взрослее, спокойнее, он не напоминал дремлющий вулкан, готовый вот-вот разразиться лавой, и не проверял меня на прочность в первую нашу встречу. Я попыталась отыскать новые преимущества советника, но мозг отказывался играть за другую команду.

«Я вижу, как он на тебя смотрит», – как наяву, услышала слова некроманта, будто упрек.

Да, теперь я тоже вижу...

Синие глаза сосредоточились на моем лице, а я чувствовала, как неминуемо краснеют щеки. Потрясение, неверие, озадаченность. Ну не похожа я на прекрасную деву, разбивающую сердца. То ли совпадение, то ли шутка.

Я совершила ошибку – долгое молчание равносильно согласию. Горидас не стал медлить, порывисто наклонился, и его губы едва не коснулись моих, но натолкнулись на тыльную сторону моей ладони.

– Не надо. – Мой голос звучал твердо и решительно.

Как же неловко!

Мне свойственно сомневаться во многих вещах, но, как выяснилось, только не в симпатии. О любви говорить еще рано...

Лицо Горидаса окаменело. Отстранившись, он поднялся на ноги. В гостиной словно похолодало, атмосфера налилась свинцом, но я ничуть не жалела о своем отказе.

– Я вновь вернусь в столицу. Так будет лучше. Буду следить за ситуацией, – отчеканил советник и, не глядя на меня, продолжил: – Мы не знаем, чем все обернется. Возможно, я предложу тебе поплыть со мной в Риттерин. Времени достаточно, тщательно подумай над ответом.

Гостиная опустела, я осталась одна – растерянная, потрясенная и немножечко злая. Все от меня чего-то требовали, и это выматывало больше всего.

Глава 3

Сон

Санкровен полезен, но у него есть один явный недостаток – сияние. Когда приходит послание, он сверкает. Пока я беседовала с Картусом и Горидасом, подсознательно испытывала страх, хоть и понимала, что некромант догадается ничего не присылать.

Если бы артефакт сверкнул, у Картуса возникли бы вопросы, а советник понял, что кто-то, кроме него, может слать мне весточки.

К счастью, опасения не сбылись.

Спустя несколько напряженных часов я осталась наедине с собой. За окном уже рассвело, а мне необходимо было чуточку поспать. Игра сегодня, уже вечером мы соберемся у академии за ключами. Недосып и усталость не должны мне помешать.

Я присела на кровать, вздохнула и опрокинулась назад, принимая позу ангела на снегу. Ткань аккуратного и скромного платья, надетого на встречу с отцом Конкордии, натянулась. Покрывало подо мной пахло чем-то сладким. Я поморщилась. Хотелось ощутить ароматы свежести и горького шоколада. Так пахли моя магия и некромант.

В одной из подушек рядом лежали цветные шмотки, в которых Конкордия отправлялась в город. Служанка принесла их еще в воскресенье, но из-за Горидаса смогла передать лишь прошлым утром. К моему сожалению, эти наряды мне ничуть не помогли – несколько полупрозрачных костюмов да ажурное белье.

Пахли вещи так же, как и простыни, – сладко. Видимо, Дарина успела их почистить.

После игры наведуясь в Холирал – там я получу ответы. Пришла пора действовать.

Меня одолели воспоминания: о нелепой аварии, которой можно было избежать, о пробуждении магии, о разговоре с Картусом и о несостоявшемся поцелуе с Горидасом. Никто не виноват, это мои поступки привели меня сюда, в этот дом и в этот мир.

Почему я не могу стать эгоисткой? Отказаться от своих принципов, быть бессовестной, лгать не вынужденно, а ради выгоды, быть с кем-то не из-за симпатии, а для спасения? Или сразу с двумя...

Не оттолкнула бы того парня от машины – осталась бы дома. Не стала бы бороться с несправедливым отношением, а вместо этого действовала в тени, отыскивая правду, – Даниэль бы разочаровался во мне и потерял интерес. Поразительно печально и тяжело на сердце от одной мысли об этом, но тогда бы Ивонна не обратилась к Ириде за помощью. Ни команды, ни Герадовой ночи с моим участием. Я могла позволить советнику поцеловать себя, не такое уж это великое дело, зато сохранила бы прекрасные отношения, пусть и обманывала, но оставалась бы в выигрыше.

Нет, это не по мне. Себя не перекроишь, в этом я успела убедиться. В любой ситуации надо оставаться человеком...

Вытянув руку вверх, я разглядывала причудливые линии на коже, что, как маленькие ущелья в каньоне, сталкивались и скользили дальше по тыльной стороне ладони.

Экстрасенсы, хиромантия, созвездия – теперь ничто из этого не казалось мне ерундой. Если я способна выращивать растения по щелчку пальцев, то почему другое не может быть правдой?

Опустив руку, я клубочком свернулась на кровати, проверяя боковым зрением, заперта ли дверь. Убедившись, что щеколда задвинута, прикрыла глаза.

Зевнув, я попыталась составить подробный план действий, но мысли ускользали, а сознание меркло, настойчиво требуя долгожданного отдыха.

Даниэль лежал с закрытыми глазами. Санкровен безмятежно поблескивал на пальце, отражая неясные лучи солнца, скрытого тяжелыми, затянувшими небо от края до края облаками. Идея поработать с артефактом Загадки принадлежала некроманту. Мысль об этом засела у него в голове с момента сбора команд, когда Эмме одно за другим приходили чужие послания.

Артефакт красовался на пальчике Эммы с самого ее возвращения в академию. Никаких друзей, что могли отправлять ей весточки, у нее не было, да и отец покинул Холирал, не дожидаясь полного восстановления дочери, поэтому Даниэль сразу догадался: послания от советника.

Но Ридж передал санкровен Загадке не из-за эгоистичных пожеланий Лефевра, а ради ее собственной безопасности. Если станет жарко, то у нее не останется выбора, кроме как обратиться за помощью к магу смерти.

Только артефакт уже долгое время молчал, и Даниэль расслабился, подавляя мысли об исчезновении Загадки.

«Всего лишь девушка. Но я хватаюсь за нее, как за самую жизнь, будто она и есть моя жизнь. Не наделать бы глупостей».

Вдох-выдох. Раскат грома сотряс небеса. Минуты прекрасного спокойствия перед приближающейся игрой.

Даниэль знал: в любом плане есть трещины. Не существует ничего идеального, но непредвиденные ситуации – его закадычные друзья, приходящие внезапно, но с которыми некромант любовно расходился.

Есть приманка, жертва, притворяющаяся охотницей, и команда, где недоумки смешались с довольно смысленными парнями, заключившая сделку с мишенью и взявшая на себя отвлекающую роль.

Лефевр догадывался об этом, и предположения подтвердились.

Шею Даниэля стягивало ноющей болью, но она отступила, когда парень внезапно провалился в сон – глубокий и беспокойный.

Молния расчертила небо пополам. Одно целое на мгновение разбилось, чтобы собраться вновь. Боги любят символичность – деталями преобразовать события в чудеса. Когда одно разбилось, другое сошлось. Два дыхания в унисон, двое воедино.

Тени поползли по стенам, взметнулись, дрожа, как огонек свечи. Бледные длинные пальцы вцепились в простыни, худое лицо напряглось, очерчивая скулы, похожие на острые скалы посреди сухой пустыни. Иногда Даниэлю снилась безмолвная граница с пересекавшими ее потоками душ, стремящихся на другую сторону. Туда-обратно. Кто к жизни, а кто к смерти. Но иногда ночь проходила не так спокойно, и в эти моменты мертвецы нашептывали свои тайны, неоконченные дела – некоторые забывались, а другие намертво врезались в память, приходя во снах вновь и вновь.

Даниэль часто вспоминал историю, рассказанную в далеком детстве кем-то из родителей, а может, старшей сестрой. Неподалеку от столицы королевства Морлад росло древнее дерево, что живет

тысячелетиями и достигает невиданных размеров. Сильное, могучее, живой великан размером с дворец. Но теперь сердцевину вырезали и укрепили, сделав тоннель, через который проходил маршрут партлов. Только не люди погубили его, не бесчисленные ветра и стихийные бедствия, а ничтожные насекомые, пробравшиеся сквозь кору и годами подтачивавшие силы исполина, пока не оборвали его долгую жизнь. Судьба дерева невольно напоминала Лефевру его собственную жизнь, пусть не такую долгую, но все же. Силы ведь небесконечны, и когда-нибудь проклятье возьмет свое.

Только ничто не повторяется дважды, судьба изменчива, ее любимое развлечение и страсть – подкидывать нам сюрпризы. Порой неприятные, горькие, печальные, а иногда сокрушительно прекрасные, способные изменить предполагаемый конец.

Когда тени взметнулись выше, а кожа некроманта покрылась капельками пота, в спальне вспыхнул зеленовато-фосфорными красками силуэт.

Эмма не замечала ни теней, ни тумана, все расплывалось, смешивая серо-красные оттенки. Она видела лишь Даниэля, только его тело оставалось четким, притягивало взгляд и вызывало недоумение.

Всего лишь сон... Но почему все блеклое, а он яркий?

Багровые пятна подскакивали, напоминая огни красных бумажных фонариков. Даниэль спал в позе солдата – на спине, а руки, вытянутые по бокам, комкали ткань, закрывающую его пальцы мутными сполохами.

Лефевр предлагал спать вместе, отсюда и сновиденье. Видимо, крепко мне засело в голову это предложение – теперь Даниэль мне снится.

Я подошла и опустилась на колени неподалеку от некроманта. Я не видела, на кровати он лежал или на диване, а когда коснулась материала поверхности, ничего не ощутила.

Грудь Даниэля вздымалась, то быстро, то замедляясь. Сердце билось, будто птица в клетке.

Как сон мог показывать то, что я даже не могла представить? Некромант в моем сознании оставался цельным, сильным, уверенным,

тем, кому по силам все! Он король, что расставляет фигуры на шахматной доске, а потом сам все рушит. Сейчас же я видела муку, воздух с хрипом вырывался из его легких.

Импульс, острое желание, и моя ладонь коснулась его скул, кончики пальцев обожгло, словно я слишком долго пребывала в холоде и неожиданно зашла в тепло.

Даниэль вздрогнул, губы приоткрылись, а я, не отнимая ладони, поднялась на ноги. Наклонилась, нежно поцеловала мага в подбородок и скользящими прикосновениями достигла губ, ловя его дыхание.

Я здесь... Я рядом... В своем сне я повелительница.

Красные огоньки гасли, напряжение и боль уносились прочь. Мало заботясь о своих действиях, я легла рядом с некромантом, выводя узоры пальчиками на его груди и чувствуя тепло и биение сердца.

Секунды, минуты, часы – течение времени стало иным.

Когда проснусь, мне будет стыдно. Если вспомню...

Неожиданно рука Даниэля легла поверх моей. Сердце испуганно екнуло, но спустя мгновение я поняла, что глаза некроманта все еще закрыты, и чуть успокоилась. Все, кроме Даниэля, оставалось призрачным и нереальным, из-за этого каждое прикосновение отзывалось острым импульсом тепла по телу.

Вдох, но не мой. Даниэль перевернулся на бок и, словно ребенок любимую игрушку, прижал меня к себе. Оковы показались вполне реальными, а дыхание парня щекотало шею, еще немного, и я начну выбираться из его объятий, как гусеница, ползком.

Надо проснуться! Я зажмурилась, представляя пробуждение, но не вышло. Наплевав на все, попыталась выбраться, разводя локти, и хватка парня даже немного ослабла.

Но когда я посмотрела на некроманта, то потеряла дар речи.

Даниэль глядел на меня – затуманенный ото сна взор, пока безмятежный, но такой пронизывающий, что не оставалось сомнений: он видит.

Положение резко переменилось, и я уже лежала под ним, прижатая всем телом к матрасу или еще чему-то там.

– Как? – Голос Даниэля сорвался на громкий хрип.

– Не знаю, – сдавленно пискнула я. – Само.

Но, как оказалось, Лефевр меня не слышал, и с каждой секундой взгляд его леденел. Он задумчиво склонил голову, пальцы его прочертили линию ключиц, скорее изучая, чем соблазняя, но с моих губ все равно сорвался потрясенный выдох.

Стыд, смущение и пылающие щеки – реакция собственного тела претила моему разуму.

Лицо некроманта сделалось строгим, рассерженным, а через мгновение, когда он наклонился ближе, – опасным.

– Не лезь в мою голову, Эмма, – поразительно ласково прошептал он, и ткань платья поползла вверх, оголяя ноги. Ладонь некроманта коснулась бедра, того, что не испортил собою магический знак, и направилась выше, а я предательски не могла пошевелиться. У меня нагло и беспринципно отобрали контроль над сном. – Возможно, это скверно для тебя кончится.

Мочку уха легонько прикусили и следом поцеловали, будто Даниэль сожалел о недавнем поступке. Горячая ладонь легла на мой плоский живот, словно ставя клеймо, а после вновь направилась вниз. И в этот самый миг магический знак взорвался болью, перед глазами потемнело, способность двигаться вернулась, и я успела яростно оттолкнуть некроманта от себя, перед тем как он исчез.

Жадно хватая ртом воздух, открыла глаза. Безлика спальня Конкордии вернулась.

Черт! Черт! Черт!

Взвинченная, я подскочила с постели и кинулась в ванную, стискивая зубы из-за обжигающей боли в ноге. Скинув платье, узрела красное пятно, расцветающее на бедре. Словно плеснули кипятком. Чернила магического знака из зеленого окрасились в алый.

Вода! Скорее холодной воды! Как же больно!

Дернув рычажок крана, я погрузила ладони в прохладный поток и, зачерпнув ладонями побольше живительной влаги, плеснула ее на ожог. Пришедшая волна острого облегчения не задержалась надолго, и, продолжая плескать воду из раковины, я дотянулась до другого крана.

Маленький каменный бассейн, размером чуть больше обычной ванны и покрытый черной плиткой с прожилками, начал стремительно наполняться. Уже через минуту я без промедлений шагнула в него, и холод воды окончательно заглушил невыносимый жар.

Это точно был сон?!

Глава 4

Соперники

Капельки воды, как снаряды, устремлялись к земле, дождь неуклонно набирал силу. Трое в плащах, прикрытые завесой, следовали по своим делам. Клайм нес чемоданчик, Ридж держал непромокаемый мешок с пожитками: маски, запасная одежда, вещи, которые еще предстояло рассовать по тайникам; у некроманта же в ладони лежал длинный, прочный, но достаточно легкий шест в чехле из кожи с завязками на одном конце.

– Дрянная погода. Самая скверная за все пять лет. – Ридж ругался на погоду всякий раз, когда его ботинки, увязая в грязи, издавали характерный «чавк».

До сбора у академии оставалось еще несколько часов, но из-за туч на улице словно стемнело.

Уныло. Зябко. Грязно. Еще и ночь обещала быть прохладной.

– И почему Конкордия не мучается с нами? Ты милостиво решил ее не тревожить? – возмутился маг воздуха, когда ногу вновь засосало.

Даниэль остановился, осматривая округу. В этой части студенческого района пустовало несколько домов, уже старых и обветшалых – никто не хотел арендовать запущенное жилье.

Опустившись на корточки и вытащив из почти обвалившегося столба забора, бывшего некогда высоким, кусок камня, маг смерти бесстрастно проговорил:

– В следующий раз возьму Загадку вместо тебя. Уверен, причитаний будет гораздо меньше.

Даниэль протянул руку за одним из свертков, обмотанных непромокаемой тканью, и уложил его внутрь, закрыв тайник.

– Точно? Она все же девушка... – ничуть не обижевшись, задумчиво протянул Ридж, завязывая мешок.

Клайм придвинулся ближе, прислушиваясь к беседе.

– Не думаю, что ее потревожила бы такая мелочь, как непогода, – намеренно небрежно откликнулся маг энергии.

Даниэль отвернулся, пряча улыбку.

– Хотите сказать, Загадка лучше меня? – вкрадчиво переспросил маг воздуха.

– Ну, по мне, так да. – Лефевр насмешливо взглянул на друга. – Гораздо лучше.

– Да-да. Я понял. Вы дурите меня, – насупился Ридж. – Да что это с погодой? И некромант вздумал шутить, не удивлюсь, если снег пойдет.

Маг смерти промолчал, очищая ладони от грязи. Он совсем не испытывал холода, да и чувствовал себя гораздо лучше, чем в любой из дней за прошедшие несколько месяцев.

«Крепкий сон. Это ее заслуга».

Руки Даниэля коснулись кирпичной кладки дома, расположенного сразу за столбом. Красный туман облаком сорвался с пальцев и впитался внутрь.

– Защищай, – пробормотал Даниэль и, уловив ответную пульсацию магии, отвернулся. – Идемте. У нас не так много времени. Ридж, сходи за Загадкой, захвати ей плащ. Встретимся у академии.

– Почему я? – без возмущения осведомился маг воздуха.

– Ты больше всех жалуешься, – прозвучал логичный ответ. – Мы с Клаймом пока завершим подготовку.

– Ну ладно. Только сделайте все правильно.

Даниэль с Клаймом переглянулись. Маг воздуха покачал головой, недовольно пробормотав:

– Могли хотя бы вид сделать, что я им нужен.

– Ты нам нужен, – подтвердил Лефевр. Даже эта короткая фраза выдавала его приподнятое настроение.

– Ладно. Твоя красавица в надежных руках.

Ридж развернулся и потопал к просвету между домами. Возможно, парень не являлся достаточно одаренным магом, но у него прекрасно получалось заводить знакомства и привлекать к себе внимание, уводя его от Клайма и Даниэля. Везде, кроме академии, это срабатывало, ведь нельзя оставаться в тени там, где на протяжении пяти лет за тобой наблюдают одни и те же люди.

На Западной улице нередко попадались одинаковые дома, стоящие напротив и перемигивающиеся друг с другом пустыми окнами, лишь иногда занавешенными шторами. На покатых крышах высились длинные громоотводы, изящные, с множеством мелких деталей и верхушками-шпилями, способными, казалось, проткнуть облака, если бы те спустились чуть ниже.

Очередная молния расчертила серое небо, а парень, наблюдавший за непогодой, отошел от окна.

– Дождь обложной. Не думаю, что прекратится. – Оберон повернулся к остальным.

На полу, прямо в центре цветастого ковра, была развернута карта с планом академии и студенческого городка. По краям лежало всякое барахло: статуэтка в форме взлетающей со скалы птицы – каждое перышко в ее крыльях было искусно выточено из камня, кружка, еще испускающая пар от горячего чая, книга с выпадающими потрепанными и пожелтевшими от солнца страницами (она долго пролежала на подоконнике, и яркие летние лучи не пожалели некогда белую бумагу) и маска в форме животного с выступающими клыками и алыми зрачками. Иногда по морде проходила рябь, свойственная магическим артефактам, и тогда тварь утробно рычала, а пасть скалилась, обнажая ряд заостренных зубов и красную глотку.

Рафал вздрагивал каждый раз, когда монстр оживал, и с настороженностью косился на него. Сам парень приобрел себе неплохую маску верховного мага, правой руки короля. Ему, как и правителю, полагалась корона, менее помпезная, но все же корона, делавшая его второй персоной после монарха. Артефакт покрывал лицо мутной рябью, прячущей черты, а на голове появлялся тонкий, отливающий синевой обруч, сразу выдающий честолюбие участника Герадовой ночи.

– Почему бы не перенести игру на завтра или послезавтра? Ночью улицы окончательно превратятся в болото. – Рафал поднялся, отступая от карты.

– Герадову ночь не переносят. С момента ее появления этого не случалось, а значит, и сегодня не отменят. – Родриг укладывал по мешочкам взрывчатые порошки – некоторые из них ослепляли, другие источали едкий дым.

– Ни разу за сотню лет? – Рафал поник, осматривая свои пока еще чистые непромокаемые штаны и кожаную куртку.

– Никогда за сто пятьдесят шесть лет, – вмешался Оберон, поднимая с пола маску, вновь издавшую утробный звук.

Рафала передернуло.

Уголок карты, лишившись утяжелителя, попытался завернуться, но Хизерд, четвертый участник команды, опустил на него тарелку с цветными кусочками сахара, выложенными полукругом. Закинув в рот лакомство, парень захрустел, чувствуя стремительно тающую на языке сладость. Как магу огня, ему постоянно требовались силы, и он находил их в еде, чаще всего налегая на пирожные и конфеты, но при этом оставаясь худым как жердь.

У каждого дара свои особенности. Магов воды после чрезмерного использования силы охватывает дичайший холод – сколько ни кутайся в одеяло, он не прекращается, потому что исходит изнутри. Колдовство целителей не выносит расстояния, метр или два – вот его предел, иначе оно просто не достигает цели. С магами энергии после создания мощного артефакта творится нечто странное – они будто пьянеют, каждый по-своему. Маги земли не могут спать на высоте, спальни даже на втором этаже для них неприемлемы, а воздушники, потратив силы, сгибаются под тяжестью небес.

– Держи. – Родриг, которому порядком надоел скулеж парня, перекинул Рафалу мешочки с порошками. – Они для тебя. Используй аккуратно.

– Мы начнем с кладбища? – осведомился Хизерд, проводя пальцем по красной линии, обозначающей ограду Мертвяка – так незатейливо звалось место захоронений на территории Холиральской академии.

– Нет. Пока на Мертвяке Лефевр, мы туда не сунемся, – покачал головой Родриг.

– Вчера ты говорил иначе, – заметил Рафал, осторожно рассовывая мешочки по карманам.

– Я мог сказать Лефевру что угодно. Реальность же такова, что на кладбище с ним лучше не сталкиваться. У меня нет никакого желания покидать игру, толком ее не начав. – Чернявый переплел пальцы и, пощелкав суставами, потянулся, будто минуту назад встал с постели.

– Но ты ведь тоже некромант. – Рафал не видел разницы.

– И что? – Родриг остановился. – Уровень разный. Оно и к лучшему, моя жизнь все еще мне дорога. Если хочешь победить, не надо прыгать выше головы.

– Скольких он может поднять? – Оберон крутил в руках свою маску, облокотившись о стену.

– Десять – пятнадцать скелетов – все равно что маленький отряд. Но Даниэль никогда не выбирает обычных мертвецов. – Родриг выразительно посмотрел на Хизерда. – Огнем их не испепелишь.

– Тогда как? – продолжил расспрашивать Оберон, как и большинство Райалинов, обладавший даром целителя.

– Первый вариант – вырубить Лефевра, но этот умник полагается не только на магию, он возьмет с собой шест, чтобы держать противника на расстоянии, второй – переломать мертвецам кости ног, чтобы они не могли передвигаться. Не стоит забывать про воздушника и того отморозка, Клайма. Последний – талантливый мастер по магическому металлу, его обучали с детства.

– Почему ты назвал его отморозком? – заинтересовался Хизерд.

– Встреться с ним после магического истощения – поймешь, – коротко бросил Родриг. – Самая большая ошибка – недооценить соперника.

– В прошлом году мертвецы утащили большинство целителей и участников без магии, закопав их в землю по самую шею, – безрадостно поведал Райалин. – Они прорыли тоннели под землей.

– Тебя тоже? – напряженно спросил Рафал.

Оберон кивнул, проводя пальцем по шее, почти касаясь подбородка.

– Я даже не сразу понял, что-то схватило меня за лодыжку, а потом я провалился в узкую яму. – Безразличие, звучавшее в голосе парня, обмануло всех, кроме некроманта, но Родриг промолчал, решив, что и так достаточно запугал команду и они отнесутся к соперникам всерьез.

– Мы перетянем их внимание на себя, Ирида получит шанс расквитаться с Конкон. Извини, Оберон, твоей сестренке придется несладко.

– Ничего, – тихо отозвался целитель, у которого были на этот счет свои мысли.

– После Ирида отдаст нам карту с местонахождением ларца.

– Не обманет?

– Не рискнет.

Улыбка Родрига сделалась острой, как бритва.

Глава 5

Болтовня

Горидас уезжал до начала игры. В окне спальни я видела приехавший за ним партландер – маленькую коробку для перемещения внутри города. Движением управлял человек, но в отличие от партлов партландер перемещался при помощи гусениц, расположенных в несколько рядов, позволяющих проезжать где угодно и не требующих особого дорожного покрытия.

Партлы и партландеры – как старшие и младшие братья: одни стремительные и самостоятельные, а другие медлительные, но вездеходные.

Я не хотела провожать советника, но, преодолев себя, спустилась вниз. Мужчина как раз натягивал зеленые перчатки, на полу у вешалки с кривыми извивающимися крючками стоял его чемодан – компактный, с блестящими защелками.

Заметив меня, Горидас на секунду замер, а после как ни в чем не бывало молча снял с вешалки плащ. Дождь нещадно колотил по стеклам.

– Миссис Ладин не вернется, ты остаешься одна. Если возникнут проблемы, свяжись со мной, в Холирале достаточно наших людей, способных справиться с неприятностями, – отстраненно проговорил мужчина, просовывая руки в рукава плаща. – Раз в месяц приходит банковский служащий, передает деньги на личные расходы. Перед этим они обязательно отправляют письмо-уведомление.

Боковым зрением я увидела, как Дарина из коридора, ведущего в гостиную, прошмыгнула в сторону кухни. В ее обязанности входило встречать и провожать гостей, но, видимо, она не хотела нам мешать.

Неловкое прощание – что может быть хуже? Когда мнешься на месте, не знаешь, что сказать или сделать. Может, обнять? Ведь неизвестно, когда мы увидимся вновь. Но хочу ли я этой встречи?

Я не могла смотреть Горидасу в глаза: мучила совесть, накрывало чувство, что я жутко неблагодарная. Мужчина помог мне, а я хотела, чтобы он скорее уехал...

Боже, мне тошно от самой себя.

– Да, спасибо, – понуро вымолвила я.

Вскинув голову, Горидас прищурился.

– Это все? – Вопрос словно пригвоздил меня к полу, озадачив и отогнав гложущее чувство вины.

– Я могу пожелать удачной дороги, но, кажется, это не то, что ты хочешь услышать. – Фраза звучала дерзко, но я не выносила давления. По крайней мере, не от Горидаса.

Приказы Картуса – ерунда, я все равно не собиралась их исполнять, и отец Конкордии не знал, кто на самом деле перед ним, никто не знал, кроме советника и некроманта. Но теперь первый, кому я доверилась, пытался подавить меня из-за одного отказа. Невольно задумаешься: а не случится ли так же с магом смерти?

– Пожелай. Возможно, для начала мне будет этого достаточно, – неожиданно сдержанно откликнулся мужчина.

Я громко сглотнула, чувствуя, как слова застревают в горле.

Внезапно в дверь забарабанили – громко, с задором, будто отбивали мелодию. Некто стоящий по ту сторону не оставлял и шанса, чтобы его проигнорировали.

Еще мгновение Горидас смотрел на меня, ожидая ответа, но стук не давал сосредоточиться, и я продолжала молчать. Лицо советника искажилось яростью, и он с несвойственными ему раздражением и порывистостью распахнул дверь. Каким-то чудом Ридж отскочил и избежал встречи с дверью.

– Фух, еще б чуть-чуть. – Ловелас выдохнул, не переставая улыбаться, его взгляд скользнул к Горидасу и чемодану, стоящему на полу. – Добрый вечер. Вы уходите? Скоро игра, я принес Конкордии плащ. – Ридж потряс свертком.

Дождь стекал по капюшону и рукам, капая на ботинки Ловеласа, измазанные грязью.

В общем-то плащ у меня имелся, я даже подыскала одежду, которую надену на игру. Боль от ожога вынудила выбрать штаны-шаровары, не совсем удобные, но зато не натирающие кожу, она и без того горела не переставая. Знак давно успокоился, но покраснение осталось. Я, лишенная возможности кому-нибудь показать его и попросить помощи, уже смирилась, что придется терпеть всю ночь и ближайшие несколько дней.

Все из-за гребаного знака! Как же он мне надоел!

– Да, мне пора. – Горидас обернулся ко мне. – Думаю, мы скоро увидимся. Удачи в игре.

– Спасибо. Хорошо добаться, – откликнулась, решив, что хватит стоять истуканом.

Горидас вышел не оборачиваясь, темным прямым силуэтом войдя в дождевую завесу, и направился к партландеру. Ридж же, напротив, не дожидаясь приглашения, ввалился в дом и с грохотом захлопнул дверь, как раз в тот момент, когда водитель транспорта выскочил из кабины, приветствуя клиента.

– Кажется, я вовремя. Что? – отозвался Ловелас, поймав мой взгляд. – Думаешь, я верю, что он все время открывает дверь *так*? О чем болтали?

Я фыркнула. На мага воздуха невозможно злиться, обижаться или упрекать в наглости, он просто такой, какой есть, – энергичный, легкий, бесцеремонный.

– Это не твое дело, Ридж, – ответила я с натянутой улыбкой. – Мне надо переодеться. Подождешь?

– А у меня есть выбор, красавица? – расстегивая плащ и стягивая ботинки без помощи рук, осведомился парень.

– С каких пор я красавица? – Озадаченность и недоверие отразились на моем лице, а губы сложились во вполне искреннюю полуулыбку.

Потеряв равновесие, Ридж едва не упал, но ботинок все же снять успел.

– Дважды за последний час. Но вообще, разве не каждая девушка красавица? – распрямившись, со всей серьезностью спросил он. – Мне кажется, вы все в душе считаете себя особенными и, как это говорится, не такими, как остальные. Но, что удивительно, наравне с этим вы безостановочно ищите в себе недостатки: волосы жидкие, глаза не того цвета, руки короткие, ноги кривые, ступня большая. Одна девица меня как-то уверяла, что у нее пупок выше, чем должен быть. Ну не бред ли?! Столько сил тратить на мелочи, да мужики этого не замечают, нам плевать! Конечно, у каждого есть свои предпочтения, но мы уж точно не обращаем внимания на пупок и длину рук, если визуально фиг поймешь, есть ли вообще это отличие.

Дослушав речь, я поджала губы, чтобы не рассмеяться. Конечно, доля правды в словах парня имелась, и даже больше. Но пупок?!

Серьезно?! Кто эта девушка? Хочу знать, кого обходить стороной.

– Ты прям мыслитель, Ридж. Честно, не ожидала. Поразил. Я теперь даже не знаю, что тебе сказать, чтобы не показаться глупой, – сказала, беспомощно разводя руками.

– Ха-ха, – передразнивая, скривился парень, уже успевший разуться. – Не иронизируй, я серьезно.

– Да и я тоже. Впервые встречаю парня, так чутко понимающего женскую натуру. Или просто со мной никто раньше не делился? А вообще ты похож на мою бабушку, ей всегда не хватает общения, и поэтому, когда я приезжаю, она болтает без умолку, – беззаботно продолжила я, неспешно поднимаясь по лестнице.

– Загадка, ты помнишь свою бабушку?

Я обернулась, Ридж стоял на пару ступенек ниже, крепко держась за перила, будто перегораживая путь.

Сердце подпрыгнуло и застряло в горле. Проговорилась. Чуть расслабилась и сболтнула лишнее. Конечно, я уже прокалывалась, и не раз, но настолько по-идиотски – впервые.

– Наверное. Или ее уже нет? Я не знаю, почему так сказала. Само вырвалось, – с сомнением и изумлением проговорила я, потерянно замолчав и коснувшись головы, как бы намекая на ее неисправность.

Ридж испытующе смотрел на меня, а я на него, отыскивая искорки знания, ведь Лефевр мог ему обо всем рассказать.

– Возможно, память возвращается? – простодушно заявил парень, улыбнувшись. И, потеряв ладони друг о друга, проговорил: – Мне срочно надо выпить чего-нибудь горяченького.

– Сходи на кухню и спроси у Дарины. Дальше по коридору, мимо лестницы, – показала я направление, но, когда Ловелас развернулся, окликнула его, чтобы спросить: – Вчера с дурманицами ведь было что-то не так? Неизвестно, кто это сделал?

Ридж задумчиво поджал губы:

– Нет. Но видели кого-то в костюме ключника, он вертелся около чаш.

– Это те, что бегали по несколько человек? – вспомнила людей в масках.

– Да, – кивнул Ридж. – Не беспокойся, красавица, игра пройдет, и мы отыщем того, кто это сделал. Мы злопамятные. За подобное надо наказывать.

Он умеет убеждать. Взгляд колющий. Хоть убейте, воздушник умней, чем хочет казаться.

– Ладно. Я быстро, – сказала, раздумывая, а хорошая ли это идея – оставлять Риджа одного? Только ничего ценного в доме нет, самые важные вещи лежат в тайнике наверху.

Маг воздуха тихо засвистел, спустившись с лестницы.

– Ридж, – позвала, наклонившись через перила, волосы свесились вниз, закрывая лицо. – Не забывай, что ты в гостях. И не напугай мою служанку, – предостерегла я и, подцепив прядь, заправила ее за ухо. Ридж остановился, задрал голову.

– Я понял, Загадка. Не беспокойся. И ты всегда такая? – Он ухмыльнулся, неопределенно помахав ладонями.

– Какая такая?

– Грубая. И почти неженственная. Я тебя несколько раз красавицей назвал, а ты ни разу не покраснела.

Ловелас – прозвище точно для него.

– Ридж, я тебе помидор, что ли, чтобы краснеть? – Какое-то чудное совпадение, но этот овощ отыскался даже в другом мире. – И раз уж на то пошло, признаюсь, с тобой я чувствую себя намного свободнее, чем с другими. Поэтому и болтаю, не подумав.

– Свободнее, чем с Даниэлем? – Губы воздушника растянулись в самодовольную улыбку, он засунул руки в карманы брюк и медленно всем телом покачался из стороны в сторону.

Все равно что сравнивать небо и землю. Земля – спокойствие, добродушие, понимание, а небо – безрассудство, одурение от чистого разряженного воздуха, тревога от потери контроля над ситуацией и бессвязности мыслей. Такова разница в моем отношении к некроманту и Риджу. Совсем различные чувства.

– Да, свободнее, – тем не менее ответила я, совсем не уверенная, что мои слова придутся Лефевру по душе.

Но это правда... С магом смерти я постоянно волнуюсь.

– Лучше договаривай, Загадка. Иначе тебя могут неправильно понять. Свободнее, потому что... – Ридж задумчиво закатил глаза и пролепетал слащавым голосом, манерно кривляясь, как актриса из мексиканского сериала, одну руку уперев в бок, а другой вырисовывая дуги в воздухе: – Я от него без ума. Мое сердечко трепещет от одного взгляда. Все теряет смысл. Ноги ломит, голова болит.

– Фу, Ридж. Переигрываешь. И все совсем не так, – укорила его, но от тихого смешка не удержалась.

– Ладно. Раз не так, то не так. – Ловелас ухмыльнулся, сверкнув всеми тридцатью двумя зубами.

– Я пошла, иначе опоздаем. Да и шея у меня уже затекла, – пожаловалась ему, чувствуя, что голова потяжелела от прилившей к ней крови.

– Да, у меня тоже, – согласился со мной Ридж, до сих пор стоявший с запрокинутым кверху лицом.

– Скоро спущусь. И помни...

– Не напугай служанку? – перебил маг воздуха.

– Нет. Слава Тирэну, Дарина не глухая. Твою болтовню не услышал бы лишь мертвый. Хотя в этом доме вообще не стоит много разговаривать. – Я с опаской оглянулась, вспоминая подслушивающий артефакт, найденный Горидасом в гостиной. – Не забывай, что ты в гостях.

Я в упор посмотрела на парня, и он кивнул, читая истину между строк.

Глава 6

Секретное оружие

Дождь приутих, как притихает свора собак, лающих друг на друга, но ни у кого не оставалось сомнений – это временно. Темные тучи наваливались на горизонт, будто пытаясь его поглотить. Солнце опустилось так низко, что мутному свету, рассеиваемому облаками, едва хватало сил не подпускать близко наступающую ночь.

Уже на подступах к академии студентов становилось больше, такое же явление наблюдается по утрам, когда все спешат на занятия, с единственной лишь разницей, что все учащиеся исчезают в замке, а не толпятся возле него в плащах, будто принадлежащих членам ордена иллюминатов – с широкими и глубокими капюшонами, надвинутыми на лицо.

Многолюдно. Шумно.

Возбуждение витало всюду. Я замечала его в лицах. В них одни эмоции стремительно сменялись другими – от заразительного смеха до нервного напряжения, в вихре которого участники заблаговременно разглядывали и оценивали других, будто вот-вот собирались вступить в бой. Одни не могли устоять на месте, как мышки в клетке передвигаясь между группками, другие, не стесняясь, носили с собой оружие, по большей части выполненное из дерева, – ничего по-настоящему опасного, но это все равно не внушало спокойствия. Поддавшись порыву, я поправила белую повязку на плече, подтянула узел и через мгновение поняла, что переборщила – получился почти жгут.

Надо перевязывать. Долго я так не протяну.

– Деньги – поистине великая вещь, – пробормотала себе под нос.

– Еще какая! – вторил Ридж, в отличие от меня головой он не вертел и выглядел донельзя собранным.

Контраст на контрасте. Надо брать с него пример.

– Ридж, зачем тебе выигрыш? Как я догадываюсь, уроки у ректора ты брать не намерен. Но твоя семья и без того богата, – спросила я, не обдумав вопрос заранее. Однажды моя порывистость сыграет против меня.

– Они вмиг лишат меня средств, если я сделаю не так, как надо, – туманно изрек Ридж, повернувшись.

Я поймала остатки горькой полуулыбки.

– Так, как надо? – ухватила за прозвучавшие с другой интонацией слова.

Я лезу в личное. Загадка лезет в чужие секреты. Черт! Кажется, мне начинает нравиться это прозвище, будто во мне действительно есть что-то куда более таинственное, чем испуганная девочка, затерянная в опасном мире.

Хотя больше не испуганная... Нет, чуть-чуть страха осталось, только дураки ничего не боятся, но появилась стойкая уверенность в себе. Пусть подобие ее и присутствовало раньше, но оно часто разлеталось на кусочки, и я проваливалась в зыбучие пески нескончаемого беспокойства.

Ловелас окинул меня испытующим взглядом:

– У всех есть то, чего они хотят и о чем мечтают. Я не исключение, но мое желание требует сил, смелости и решительности. Последних двух мне не хватает. Возможно, я бы сдался, но чем больше думаю об этом, тем сильнее понимаю: сдамся – и постепенно жизнь утратит краски. Надо с самого начала делать все верно и правильно, а не мириться с действительностью, будто выхода нет.

– Выход есть всегда. Если кажется, что его нет, то мы просто не хотим искать.

– Верно. – Посмотрев на меня, Ридж тепло улыбнулся и неожиданно дал обещание: – Если выиграем – расскажу.

Глубина чувств и личности скрывалась за цветным фасадом. Я оглядела собравшихся – несколько сотен студентов – и неожиданно испытала искреннюю благодарность за то, что судьба свела меня именно с ними – Риджем, Клаймом, Дарлой и Даниэлем.

Я кивнула, ставя галочку в воображаемом списке дел, чтобы не забыть напомнить.

Показавшаяся верхушка шатра быстро вернула меня к реальности. Ткань мерцала, сполохами меняя оттенки от глубокого синего до ярко-пурпурного, золотые кисточки по краям трепыхались под внезапными порывами ветра. Но я не видела опор, словно огромный зонтик завис в нескольких метрах над землей. Лишь приблизившись и едва не

наступив на огромный металлический блин, лежащий у ног, поняла, в чем было дело.

Магия артефактов, пора уже перестать удивляться.

Задрав голову, заметила точно такой же блин, на котором держалась одна из сторон шатра. Пространство между металлом искажалось, заставляя зрительно вытянуться одну из башен замка.

– Не трогай. – Я без труда узнала голос по звучащим в нем холодным интонациям.

– И не собиралась, – резко откликнулась я.

– Ну конечно. – Насмешливые нотки прошлись по моим нервам, как смычок по струнам.

Развернувшись, я с прищуром взглянула на Даниэля. В отличие от многих он не скрывал лицо в тени капюшона. Чувства из сна все еще ярко звенели в голове, сердце и теле. Меня накрывало неконтролируемое раздражение за наглое поведение некроманта, хотя сознание и пыталось донести, что скорее всего это было очень яркое сновидение.

Но ведь это надо еще проверить... Да и ожог приносил неудобства, каждый шаг – словно хлесткий шлепок, превращающий кожу на ноге в красный островок жгучей боли.

– Ты меня дразнишь...

Меня прервал громкий вскрик. Я оглянулась в поисках источника.

– Именно от этого я хотел тебя предостеречь.

Одновременно с тем, как Даниэль договорил, я увидела парня, болтающегося в воздухе, словно золотая рыбка на крючке. Его ладонь, вздернутая вверх, прилепилась к краю металлического блина, подняв за собой все тело.

Неудача парня вызвала бурное веселье, но и желающие помочь тоже отыскались.

– Хорошо. Но я правда не собиралась трогать эту штуку, – стояла на своем я.

Поверил он мне или нет? Хотя не имеет значения. Я увидела Риджа и Клайма под шатром, их лица маячили за спиной Лефевра.

– Ладно. Идем. – Некромант собрался присоединиться к остальным.

– Даниэль, – позвала я, уперев взгляд в крыльцо академии, где собрались магистры и ректор.

– Да?

– Как ты спишь ночами?

Другие команды уже разбились по группкам, огибающим крыльцо академии.

– Почему спрашиваешь? – осведомился некромант.

– Беспокоюсь, – призналась я, хотя в голове вертелись другие фразы. Но не в это время и не в этом месте...

– Я в состоянии позаботиться о себе. Лучше подумай о своих проблемах, – предостерег он перед тем, как забрать что-то длинное в коричневом чехле у Клайма.

Эгоист. Предлагаешь позаботиться обо мне, но даже не допускаешь возможности принять ответную помощь. Не на ту попал.

– Привет, парни, – вклинилась между Риджем и Лефевром девушка, и я с опозданием узнала в ней секретаршу госпожи Фаден. Слегка курносая, покрашенная чуть ярче, чем когда я видела ее в администрации. Она стояла в просторных штанах, до боли напоминающих обычные черные треники, но в облегающей куртке. – Мне надо переговорить с Даниэлем. Можно тебя на минуточку?

– Да, конечно. – Некромант без лишних слов отошел.

Я наблюдала за секретаршей и магом смерти боковым зрением.

– Кто она?

– Ревнуешь? – поинтересовался Ридж

– Нет, – ответила я быстро и без сомнений. – Так кто она? Для него? Для вас? Я помню, как Ридж довольно по-дружески общался с ней в администрации. Мне просто любопытно, правда.

– Можно обменяться информацией, – деловито заявил Клайм, неуловимым движением поправив волосы.

– Например? – заинтересовалась я.

Ловелас озадаченно склонил голову.

– Ридж жаловался на твой рюкзак. – Лицо Клайма сделалось коварным.

Маг воздуха понимающе ухмыльнулся, потирая ладони.

Когда мы покинули мой дом, я взяла с собой рюкзак. Ридж всю дорогу до ворот академии терроризировал меня, спрашивая о содержимом, а я молчала как партизан. Отчасти не желая насмешек, но и просто из упрямства.

– Я рассказываю о том, что лежит в рюкзаке, а вы мне о вашей знакомой?

Клайм кивнул. Я вытянула руку вперед, и свершилось рукопожатие.

– На счет три, – предложила я.

– Давай. Ридж, считай.

Происходящее нравилось нам. Все же мы не могли обсуждать план действий, когда рядом куча народа, а молчание еще никогда не скрашивало ожидания.

– Раз, два-а-а, – на секунду замолчав, Ридж провозгласил, махнув рукой: – Три!

– Сковородка.

– Она подруга сестры Даниэля.

Громкий хохот Риджа разрубил повисшую тишину.

– Что? – Взгляд Клайма остекленел, кажется, он не совсем понимал, зачем мне кухонная утварь.

– У меня нет оружия. И магией я не могу воспользоваться, а сковородка оказалась подходящим и привычным мне способом защиты.

Все же смех Ловеласа меня немного смутил, но я просто не могла представить, что останусь совсем беззащитной и полностью положусь на кого-то. Нет уж, пусть я и без магии, но обузой не стану!

Сковородка – пусть и банальное оружие для моего мира, но только, похоже, в этой академии с ним не знакомы. Посмотрим, кому потом будет смешно. Ну, я надеюсь.

Неожиданно лицо Риджа вытянулось и помрачнело, парень поморщился, словно от головной боли.

– Что ты услышал? – потребовал Клайм.

– Тильда здесь. Будет присутствовать на игре среди судей, – раздосадованно выдал Ловелас.

Маг энергии недовольства не выразил, но и особой радости тоже.

– А кто это? – Перемена в их лицах вызвала у меня недоумение.

– Моя сестра. – Некромант вернулся внезапно и как обухом по голове: – Ридж, что я говорил насчет подслушивания? Кого угодно, но не меня.

– Твоя сестра? – глупо повторила я, пытаясь отыскать ее среди магистров у входа, но вперед на освещенный участок вышел ректор, а

они отступили в тень, и лица смазались.

– Да. Видимо, ее пригласили помочь.

– Двое из Лефевров – это слишком много, – выдал Клайм, еще больше меня заинтриговав.

Я посмотрела на мага энергии, взглядом спрашивая, что он имел в виду, но тот лишь покачал головой: «Не сейчас».

Раздалась громкая мелодия – преподаватель по магическому искусству заиграла на незнакомом мне инструменте. Когда музыка смолкла и установилась тишина, глава академии заговорил. Произнес речь – помпезную, словно сам король выступал перед подданными, но он и вел себя подобно правителю – сдержанно, всезнающе и покровительственно. Я пыталась отыскать сходство между ним и Дарлой – может быть, одинаковый нос с горбинкой или разрез глаз, – но, сколько бы ни смотрела, оно не обнаруживалось.

Позади ректора, у щербатой стены, находился стол, где на бархатной скатерти посверкивали ключи желтовато-оранжевого оттенка.

Вскоре глава академии уступил место госпоже Фаден, и студенты оживились.

– Кхм. В правила Герадовой ночи внесено несколько поправок, – сухо провозгласила она. – Но сначала пройдемся по тем, что остались без изменения.

– Это плохо, – пробормотал Ридж, переступая с ноги на ногу.

– Не говори раньше времени, – мой шепот прозвучал неуверенно, немного нервозно.

Смотря на заместительницу ректора, которая зачитывала перечень основных правил, я пыталась ослабить свою повязку. Рука немела и невыносимо колола.

Даниэль обернулся, одними губами сказав: «Тихо», и его взгляд остановился на моем плече.

Лефевр отступил на шаг назад, бесцеремонно скинул мою ладонь и стал распутывать узел.

И вдруг прозвучало мое имя.

– ...Студентка остается участником от немагического отделения до первого применения своего дара. А теперь перейдем к главным изменениям.

До меня едва доходил смысл ее слов. Я замороженно наблюдала за ловкими движениями длинных пальцев Даниэля. Сердце подскакивало, как телега на ухабах, – обычная помощь превратилась во что-то интимное, выставленное на всеобщее обозрение. Глубоко вздохнув, я отбросила прочь отвлекающие мысли и мелькавшие один за другим вопросы. Лефевр закончил перевязывать ткань и с прежним независимым видом уставился вперед.

Тем временем госпожа Фаден перешла к самому важному:

– В этом году территория игры будет сокращаться с каждым часом. За десять минут до истечения времени на щитах с картами опасная местность будет помечаться красным. Все, кто по истечении часа окажутся на исключенном участке, выбывают из игры. – Она сделала шаг назад и, не дав опомниться, объявила: – Команды, прошу за ключами! Счастливой Герадовой ночи!

Ридж выругался. Клайм поджал губы, вопросительно взглянув на Даниэля. Лефевр был мрачен, но отнюдь не растерян. Его брови сошлись на переносице, похоже, он вносил коррективы в план.

Студенты роптали, никто не любил неожиданных сюрпризов.

– Неприятно, но не критично, – наконец выдал некромант, холодно усмехнувшись. – Ридж, сходишь за ключом? Все, что касается вас с Клаймом, остается без изменений, главное – не окажитесь за пределами игры.

– Сколько осталось до начала? – спросила я, продолжая разглядывать магистров-судей у входа в замок. Шестеро стояли у стола с ключами и еще трое скрывались во мраке у закутка около главных дверей.

– Полтора часа, – ответил Клайм.

– Нам не пора? – обратилась к Даниэлю.

Каждая секунда в этой толпе истончала мою сосредоточенность. Некоторые студенты, расходясь, надевали маски, и толпа наполнилась нереалистичными персонажами историй, лицами с эмоциями вечного удивления, страха, печали и угрожающими осками.

Рядом прошли два студента. Один в маске вора с алыми глазницами и безумной улыбкой, обнажающей зубы, а другой – с мордой какой-то опасной твари. На мгновение я не увидела между ними разницы, человек и хищник слились в одно, и тут же заболела голова.

Закрыв глаза, я прогнала наваждение.

Этого они и добиваются – напугать, лишить самообладания. Как только истина открылась мне, я успокоилась, почувствовав внезапное умиротворение.

– Да, идем, – раздался голос Лефевра, когда Ловелас, уже взяв ключ, возвращался обратно.

Наша команда разделилась – тихо, без прощания и напутствий. С твердой решимостью победить и не пострадать. Эта ночь все изменит, поставит меня в иное положение. Уже оказавшись в команде с этой троицей, я заметила, что отношение большинства ко мне переменилось – от откровенно враждебного до любопытно-выжидающего. Теперь надо убедить их, что со мной шутки плохи.

Что ж, сковородка мне в помощь!

Глава 7

Предложение

– Почему ты злишься на меня? – Теперь, когда мы остались одни, я больше не могла молчать.

Даниэль, как бульдозер, продолжал неумолимо двигаться к мелькавшей впереди оgrade Мертвяка.

– Ты тоже злишься. – Он даже не взглянул на меня.

– Но не так, как ты. – Ничто не указывало на его настрой, просто в одно мгновение, словно по щелчку пальцев, я поняла, что в его глазах бесновались гневные искры – каждый раз, когда некромант смотрел на меня.

Даниэль оставил шест у входа на Мертвяк, спрятав его в траве.

Скрипнула калитка кладбищенской огады – хлипкая железка, предназначенная лишь предупредить, а не задержать. Выгнутые металлические пруты изъела ржавчина, и издалека казалось, будто их выкрасили оранжевой краской, но реальность была такова – место захоронений находилось в запустении. Надгробия почти отсутствовали – одни вытянутые каменные столбики с надписями без фотографий и даже имен. Остались лишь даты смерти и перечни преступлений, заменявшие обращение родственников.

Вместо теплых «Тому, кто был дорог при жизни...» или «Ты ушел из жизни, а из сердца нет» значились разные вариации жестоких, шокирующих поступков: «Вор и поджигатель», «Насильник», «Массовое убийство».

Сухие слова несли боль.

Фразы задвоились, и я отвела взгляд.

Я еще с подобным не сталкивалась, одно дело – читать в Интернете, видеть в телевизионных передачах, а совсем другое – знать, что кости чудовищ лежат прямо под ногами и мы с некромантом собираемся их оживить.

«Это его дар – смерть. Прими. Возможно, он сам будет здесь похоронен», – прошептал словно не мне принадлежавший внутренний голос.

Я шумно втянула воздух носом.

– Здесь только преступники? – спросила, лишь бы заглушить мысли.

– Да.

– Но когда ты их оживишь, это будут лишь куклы?

– Не совсем, – напряженно отозвался Даниэль. – Крупички личности остаются, она в костях и остатках ткани, как след чего-то бывшего. Поэтому приготовься, некоторые из них будут болтать.

– Ясно. – Голос прозвенел на высокой частоте.

Они мертвы. Мертвы... Мертвые, но болтающие насильники и убийцы. Жест...

Нет, так не пойдет, надо отвлечься.

Даниэль наклонился к одной из могил, туман в его ладонях закружился, в этот раз приняв облик не маленького безобидного облачка, а целого мутного вихря, сначала заслонившего рыхлую землю, а потом без остатка увязшего в ее крупичках.

– Идем дальше. – Даниэль выпрямился, мазнул по мне взглядом, и я вновь заметила искры гнева. Они забрали мое дыхание, и, словно отражение некроманта, я тоже начала злиться. Сжав зубы, я, как могла спокойно, уточнила:

– Здесь безопасно разговаривать? Нас никто не подслушает?

– Нет. Кладбище – моя территория. Я почувствую нежданных гостей, – не отрываясь от поиска нужного захоронения, ответил Даниэль.

Замечательно.

– Тогда я спрошу вновь: почему ты злишься на меня? – На мгновение голова опустела, но я живо собралась и с жаром продолжила: – Я не хочу всю ночь об этом думать, а я буду. Мне казалось, мы стали ближе. Что вдруг изменилось?

Может быть, я идиотка, раз выясняю отношения в неподходящий момент, но когда момент вообще будет подходящим? Времени всегда не хватает, и если это действительно меня тревожит, то лучше не откладывать на потом.

Даниэль молча закончил с очередной могилой и развернулся, желваки на его лице едва заметно двигались и не давали сохранить иллюзию полного хладнокровия.

Мертвяк тонул в наступившей тьме.

– Эм-ма. – Лефевр долго тянул согласную букву. Он словно пел мое имя, и оттого хотелось, чтобы некромант повторял его вновь и вновь, как заезженная пластинка. – Знак о предназначении беспокоит вновь? Из-за меня?

Вопрос ударил резко, сметая флер мечтательности, на мгновение поселившийся в моей голове. Видимо, я не смогла до конца скрыть дискомфорт, приносимый ожогом.

– Откуда ты... – и замолчала. Я попалась. Даниэль проверял меня, он не знал наверняка. – Нет, в этот раз не из-за тебя. Почти.

Челюсть Лефевра напряглась, на скулах вновь заходили желваки. Лицо некроманта стало рельефным, будто нарисованное прямыми хлесткими линиями карандаша на бумаге. Он сглотнул, и кадык на его шее дернулся.

Взбешен. И это впервые.

– Когда ты собиралась сказать, что ты иномирянка? – На секунду прикрыв глаза и не скрывая раздражения, спросил Даниэль.

– Не знаю, – отводя взгляд, откликнулась я. – Когда ты понял?

Ладони некроманта сжались в кулаки, в ночи я расслышала хруст костяшек.

– О чужой душе в теле предположения возникли практически сразу. Но понадобилось время, чтобы убедиться. – Гнев, прорывавшийся в его голосе, обескураживал. – Потом заметил другие странности и вчера догадался, в чем дело. Не просто заблудившаяся душа, а иномирянка с предназначением.

– Даниэль, я не могла рассказать. Сам знаешь... – Я не чувствовала вины. Я не была виновата. Но, несмотря ни на что, тоска навалилась на плечи, как тяжелое изодранное одеяло, что не согревало, а вызывало озноб от горькой реальности. – Только не после того «теплого» приема, что ты мне устроил.

– Я сожалею. Мои поступки меня не красят, – без тени веселья признал Лефевр. – Но проблема не в твоём молчании...

Он замолк внезапно, и в звенящей тишине ночь окрасилась тревожными нотками. Наши взгляды пересеклись.

– Какое у тебя предназначение?

Я громко сглотнула. Хватило мгновенья, чтобы принять решение рассказать правду.

– Я не уверена, но, возможно, знак имеет значение «правда». Горидас предполагает, что мне надо узнать причину смерти Конкордии. Но ему я полностью не доверяю, поэтому не уверена. – Обняв себя за плечи, я немного успокоилась.

– Можешь показать мне, – безэмоционально предложил Даниэль. – Я скажу точно.

– Я подумаю над этим, – откликнулась я, копируя его бесстрастные интонации.

От ног Даниэля во все стороны пополз туман. В темноте он показался бордовым, почти сливающимся с землей, лишь иногда мерцавшие в глубине искры выдавали настоящий оттенок – красный с алыми сполохами.

– Что ты делаешь?

– Мы не можем терять время. Я помню положение могил, – небрежно отозвался парень, но затем тяжело добавил: – Значит... Ты вернешься?

Удар под дых. Расплата за мою легкомысленность. Нельзя было начинать то, что изначально обречено на крах. Я не задумывалась об этом в кабинете магистра, слегка тревожилась во время поцелуев на вечеринке, но теперь правда душила меня. И Даниэля тоже...

Вздых. Почему так больно? Не конец света, но из всех напастей, приключившихся со мной в академии, сейчас, в эту самую секунду, мне невыносимее всего.

Где-то в лесу, захватившем половину кладбища, надрывно кричала птица, будто отсчитывая истекающее время.

– Да. Я вернусь, – подняв голову, ответила сухим, как шорох листьев, голосом. – Надеюсь, это возможно. Я потрачу все силы, чтобы выполнить то, чего от меня хотят ваши боги. Это обещание самой себе, обещание моим родителям. Они не заслужили этого горя. – Мое самообладание дало трещину. – Я не могу с ними так поступить, Даниэль. Там моя жизнь. Должно быть, они сходят с ума!

Мою тираду Даниэль встретил молча, но в этом молчании была мука. Ночные тени играли на лице некроманта, искажая его, а мое воображение домысливало, принимая все за ярость. Но горький смех рассеял недопонимание:

– Шутники. Похоже, они решили поскорее меня прикончить.

– Что? – растерянно спросила я, всхлипывая и утирая выступившие слезы. Даже не заметила, как заплакала. – Кто? О чем ты?

– Боги. Не бери в голову. – И, прежде чем я настояла на объяснении, Даниэль приблизился ко мне, двумя размашистыми шагами преодолев расстояние. – Я могу тебе помочь.

Упрямство. Настойчивость. Надежда. Если лицо Лефевра как чистый лист бумаги, то глаза – бушующее море, где голоса желаний и чувств смешивались воедино.

– Повторяешься. Ты уже говорил об этом. – Я покачала головой.

– Да. И ты отказалась. Что, конечно, похвально, но глупо, – жестко продолжил он. Красный туман растекался под его ногами, но не касался меня, обтекая, как нечто неприступное. – Не тешь свою гордость под личиной благородства.

– Это не гордость! – вспыхнула я.

Даниэль склонился невыносимо близко.

– Я успел изучить тебя, Эмма. Это она. – Его слова потонули в моих губах.

– Твое всезнание раздражает, Даниэль, – тревожно прошептала я.

– Но и привлекает. Не так ли? – не смутился некромант и, отстранившись, продолжил: – Я предлагаю маленькую сделку.

– Какую?

– Пока мы ищем правду и разбираемся со всей мерзостью, а накопилось ее немало, – мрачно заявил он, – я прошу, чтобы ежедневно, хотя бы несколько минут, ты думала о возможности остаться здесь, со мной.

– Зачем, Даниэль? Если предназначение исполнится, у меня не спросят, хочу ли я остаться.

– Некоторые из таких, как ты, не вернулись. Знак исчез, но они не покинули этот мир. Склоняюсь к тому, что согласие необходимо... Ты ведь молода? – Лефевр поднял одну бровь.

– Да, мне столько же, сколько и Конкордии. – Об одинаковых телах я упоминать не стала. Эта подробность ему ни к чему.

Тон некроманта и взгляд, растерявший свою нежность, помогли собраться и мне. Чувства уступили, позволяя благоразумию взять верх в незатихавшей битве.

– Забавно. В тело Райалин мог попасть кто угодно. Престарелый мужчина или женщина, парень, но это оказалась ты, – довольно цинично продолжил парень.

– Честно, не вижу ничего забавного. Что ты хотел этим сказать?

Даниэль вздохнул, слегка отклоняясь назад:

– Ты молода, а жизнь длинна и переменчива. Это этап взросления, Эмма. Постепенно родители отдаляются, и ты все меньше нуждаешься в них. Я не говорю о забвении, но со временем привязанность, что была в детстве, истончается, становится менее острой. В перспективе у тебя появятся муж и дети, и уже они станут центром твоего мира. Обычно бывает так.

– Ты забегаешь слишком далеко, Даниэль. – Последние фразы смутили меня, но некромант принял на себя роль бесстрастного судьи и не собирался от нее отступать.

– Я рисую перед тобой полную картину. Раскладываю по полочкам факты. Что, если у тебя появится опора в этом мире? Что-то, дающее уверенность? Родители всегда останутся в сердце, но ведь есть что-то иное.

– Ты меня еще сильнее запутал, некромант. Это звучит очень... очень... – я запнулась. На миг показалось, будто он делает мне предложение. Но это ведь бред.

– Я смогу забрать тебя у Райалинов. Это хлопотно, но не сложно. У Сарманеля просто не останется выхода.

Я стремительно приблизилась к Даниэлю и приложила ладонь к его лбу. Захотелось отхлестать мага по лицу, чтобы привести в чувство. Но взгляд некроманта оставался ясным как никогда.

– Верно ли я понимаю... – не отнимая ладони и нахмурившись, начала я.

– Если ты останешься, я предлагаю стать частью моей семьи. Мы просто будем вместе. По мне, статус – обычная формальность.

– Тебе не кажется, что это слишком? – изумленно спросила я. Но по одному взгляду некроманта становилось понятно: нет, он так не считает. А последовавшая откровенность окончательно выбила почву из-под ног.

– Слишком то, что ты мне нужна? Что я нуждаюсь в тебе больше, чем в ком-либо другом? Нет, ничуть. – Он перехватил мою ладонь, сжимая ее в своей и поднося к губам. Искры притяжения

заскользили по коже, тело настойчиво требовало большего, просило согласиться прямо сейчас, наплевать на всех и вся и утонуть в этих беспредельно темных, как сама ночь, глазах. – Я не заставляю и не принуждаю, просто предлагаю подумать. Решение за тобой.

Нет, мне нельзя. Это неправильно. Мир не вертится вокруг нас двоих.

– Замуж... Второй день – и замуж? Ты не думал о том, что потом пожалеешь? Чувствам свойственно меняться, особенно когда узнаешь человека чуточку лучше. – Я знала, как бывает, возможно, сейчас я даже люблю его, хотя сложно называть что-то, столь бурно возникшее за пару дней, любовью. То, что быстро возникает, не менее стремительно перегорает.

Только кому я вру? Пусть неопытная, пусть впервые в груди разгорелось пламя, но оно такое жаркое и необъятное, что кажется, потушить его может лишь смерть. Я не сгущала краски, а действительно верила в это.

Даниэль иронично усмехнулся, отпуская мою ладонь:

– Эмма, я не мальчик. Я столько раз сталкивался со смертью, что научился отличать мимолетные желания от того, что мне необходимо. Меня всегда озадачивала человеческая лень. Любя кого-то, мечтая о чем-то, они находят кучу отговорок, чтобы ничего не делать и жить сожалениями. Я не такой. Я знаю, чего хочу. Я хочу тебя.

Мое дыхание вернулось, а вот сердце нет. После столь откровенных слов оно по собственной воле осталось в плену.

Я со свистом втянула воздух сквозь зубы:

– Твоя прямолинейность обескураживает.

– Да? Мне это льстит.

– Ты когда-нибудь бываешь скромным? – спросила, утыкаясь лицом в плечо некроманта.

– Скромность? – насмешливо переспросил он. – Кажется, меня когда-то учили ей. Но урокам я не внял.

Я замолчала. Маленькое отступление позволило собраться с мыслями.

– Значит, несколько минут в день? – протянула я, отстранившись.

– Да. Не так уж много, верно?

– Это точно. – В горле пересохло, и я чувствовала себя так, будто меня несколько раз перекрутили в мясорубке и слепили вновь. – Тогда

вряд ли у меня остается...

Завершить фразу не успела – неожиданный свистящий гул и последовавший взрыв, словно где-то бомбанули фейерверком, встревожили, заставили крутить головой в поисках источника шума.

Вспышка – и тучи окрасились ярко-голубым. Всего мгновение – и небо вновь погасло.

– Что это?

– Игра началась. – Даниэль рванул в глубину кладбища.

Я кинулась за ним:

– Еще же рано!

– Ну, похоже, нам устроили сюрприз.

Некромант остановился у едва ли не единственной могилы с широким каменным надгробием. Прикрыл глаза. Воздух налился тяжестью и замерцал красными кристаллами, а потом земля под ногами пришла в движение...

Глава 8

Новые обстоятельства

До официального начала игры...

Клайм и Ридж шли молча. Некоторое время их сопровождали голоса студентов – тихие перешептывания, обрывавшиеся внезапно, как мелодия, поставленная на паузу. Участники расходились, таились и наконец исчезали из виду, пропадая в закутках улиц или в темнеющих проемах домов, чьи распахнутые двери приглашали всех и вся.

Первое, что требовалось, – забрать маски в одном из тайников, следующее – спрятать ключ. И касательно второго пункта у Клайма имелись сомнения. Когда Даниэль умалчивал о деталях, это могло означать лишь несколько вещей: он либо не доверяет, либо уверен, что подробности им не понравятся.

– Ключ найдут в ближайший же час. Зачем прятать? – спросил Клайм, когда впервые услышал план полностью.

– Не найдут. Я об этом побеспокоился.

– Не хочешь ли сообщить, как именно?

– Нет, – обрубил Даниэль, чем даже у спокойного мага энергии вызвал раздражение.

Теперь Клайм и Ридж были вынуждены перемещаться по меткам на карте, приводя в исполнение витиеватый замысел некроманта.

Ловелас опустился на колени у одной из клумб, где многолетние цветы росли вперемешку с рослыми сорняками, покрытыми колючками, цеплявшими всякий мусор: клочки бумаги, пух, обильно разносимый ветром от деревьев из ближайшего леса, чей-то легкий шарф, имевший некогда синий оттенок, а теперь обезображенный серыми разводами грязи.

– Уборщики из конторы Барклей недорабатывают, – проворчал Ридж, когда вместо свертка нащупал в кустах чей-то ботинок со следами зубов на коричневой коже.

– Напиши жалобу, – вставил Клайм, чувствуя пульсацию следящего артефакта. Парень сомневался, был ли это случайный прохожий, или за ними действительно следили, что не исключено, ведь они не таились, уходя с места сбора с одним из семи ключей.

– Обязательно. И не одну. Только сначала мне надо отыскать, где отмыть руки. Не знаю, смыл ли дождь слюни и была ли животина, погрызшая этот ботинок, больной, но я все равно брезгую. – Ловелас вытащил перевязанный шнурком сверток из кустов, но раскрывать его не стал. Зажав добычу под мышкой, распрямился.

Обменявшись взглядом с другом, Ридж сдержанно улыбнулся, отбивая ногой незатейливый ритм, будто вот-вот готов пуститься в пляс, а подувший ветер взметнул края его капюшона. Клайм с непроницаемым лицом нащупал в одном из многочисленных отделений кармана необходимый артефакт, выполненный на манер диска с верхней поворотной частью.

Фонарь над головами парней, что исправно светил каждую ночь на протяжении долгих шестнадцати лет, неожиданно замигал, издал тихий стрекот и погас, погрузив друзей в ночной сумрак. Словно получив сигнал, огни стали гаснуть один за другим, как перегоревшие лампочки неисправной новогодней гирлянды.

Когда через десять секунд улицу вновь залил рассеянный желтоватый свет, след магов воздуха и энергии уже простыл, лишь ботинок, выброшенный из кустов в центр выложенной камнями дороги, и кусок непромокаемой серой ткани, прилипший к сорнякам-колючкам, говорили о недавнем визите.

Ивонна расхаживала по комнате, сминая в ладони клочок бумаги. Девушка остановилась, разжала кулак, ее взгляд вновь пробежал по строчкам, вызвав новую гримасу злости на лице.

На полу валялся плащ, отброшенный к стене в порыве ярости. Черная маска, напоминавшая клюв гигантской птицы, валялась у ног притихшей Карлет, что сидела в кресле и с замиранием сердца следила за метаниями старшей сестры. Она знала, что если произнесет хоть слово, то обратит ее гнев на себя. Такое уже происходило, и не раз. Самый лучший кандидат для выпуска пара – тот, кто ничего не скажет в ответ, кроме сбивчивых оправданий и слов защиты, которые будут сметены новым приступом гнева.

Сбор у академии они уже пропустили, а если в течение часа не выйдут на улицу, то и Герадову ночь – тоже.

– Я столько сил на это потратила... Времени... – в который раз повторяла Ивонна, поджимая губы и плотно стискивая зубы. Черты девушки заострились так, что подобранная ею клювовидная маска, призванная закрывать лишь верхнюю часть лица – лоб, глаза и нос, – казалась донельзя подходящей, придававшей вид жнецов смерти из детских сказок, что в черных одеяниях путешествовали по миру в дни памяти – несколько дней в году, когда вспоминают умерших родственников и близких. – Я еще могла все исправить!

Топнув ногой, целительница остановилась. Ее взгляд замер на Карлет, и девушка попыталась взять себя в руки.

«Не проявляй слабости перед последователями, если хочешь, чтобы они продолжали идти за тобой», – сама себе напомнила Ивонна.

Когда Конкордия упала с башни, Ивонна ничего не испытала – ни радости, ни сочувствия, лишь легкую озабоченность. Ведь официально признали, что девушка спрыгнула сама, а ни для кого не оставались секретом отношения между сестрами. Только нападки давно потеряли былую остроту. Если первый месяц целительница, чувствуя конкуренцию, делала все, чтобы избавиться от соперницы, то потом расслабилась, решив, что своей цели достигла.

Происшествие быстро замяли, не позволили начать расследование. Райалины сделали все, чтобы избежать возможного скандала.

«Правда? Да кого она волнует. Даже если Конкон спрыгнула не сама...»

Но могла бы она подумать, что чудесное спасение и возвращение Конкордии в Холиральскую академию отбросит ее на много шагов назад? Нет, никогда! Пока в первый же день отношение некроманта к сестре не переменялось от полного игнорирования до показного внимания, основанного на неприкрытой неприязни. Которая недолго оставалась таковой.

– Что же случилось? Почему? Я не понимаю! – воскликнула Ивонна, вновь не сдержавшись.

Карлет вздрогнула. Ивонна громко выдохнула, прикладывая руки к вискам, успокаивая разгоряченную кровь и заставляя лицо, покрывшееся красными пятнами, вновь приобрести идеальный светло-фарфоровый оттенок. Неплотный туман молочного цвета окутал ладони девушки.

– Сегодня мы никуда не пойдём. Нам запретили, – наконец-то собравшись, объявила Ивонна и сквозь зубы добавила: – Глава рода считает, что раз кто-то из нас приблизился к некроманту, то мешать не стоит.

Карлет сморгнула. Девушка уже жалела, что когда-то приняла активное участие в травле. Откровенно говоря, Конкордия ее пугала. Пощечина положила начало страху, смелость, проявленная в стычке с Иридой, укрепила опасения, а предупреждающий взгляд, который Карлет временами ловила на себе, напоминал, что расплата близка.

– Разве нас не ждут? – прошептала девушка.

– Нет. Ириду я предупредила. Ее это не обрадовало, но ничего не подделаешь. – Ивонна остановилась у окна, задумчиво покусывая нижнюю губу. – Ты же учишься с Конкон? Какая она?

Вопрос сам по себе звучал странно, но за прошедшую неделю Ивонна сомневалась, что в действительности знает, что собой представляет Конкордия Райалин.

Взгляд Карлет заметался. Ивонна нахмурилась.

– Мне сложно сказать. На занятиях она только учится. Общаться ни с кем не пытается... – младшая сестра замолчала, кое-что вспомнив. – Хотя в последние дни она сблизилась с дочкой ректора.

– Той самой девкой, что исключили с магического отделения?

Карлет быстро кивнула.

– И что же их сблизило, интересно? – спросила Ивонна, скорее обращаясь к себе.

– Не знаю, – уронила Карлет. Девушка чувствовала невероятное облегчение оттого, что ее участие в игре отменилось.

Ивонна раздраженно отмахнулась, вновь меряя шагами комнату.

– Поразительный талант заводить знакомство с теми, к кому остальные даже приблизиться не могут, – задумчиво прошептала она. – Здесь явно что-то не так. Надо разобраться. Ненавижу чувствовать себя душой. Еще это пробуждение магии...

Целительница замолчала. Она не хотела выдавать все, о чем было написано в послании. Мать прямым текстом сообщала, что глава в восторге от успехов внучки и от появления нового природника в роду. Пара предложений, а смысла в них оказалось больше, чем в большинстве писем, где суть размазана на страницы текста, потому что... Сарманель Райалин *никогда и ни от кого не был в восторге*.

Три людских порока – Пьянь, Дурман и Лень – герои взрослых сказок с неизменно плохим концом. Если в покупке масок для себя и Загадки Даниэль предоставил магу воздуха свободу выбора, то для Риджа и Клайма имелись четкие указания.

Дурман – карлик с позеленевшей кожей, носом как покатая гора и волосами, зачесанными в форме сосульки на затылке, – достался Риджу. Клайм надел маску Лени – жирдяя с обвисшими щеками и непропорционально широким ртом от уха до уха, в иллюстрациях во весь рост он часто держал на ладони огромный поднос с едой, не всегда приятной на вид. Маска Пьяни же осталась ничьей. Некромант забрал ее, ни слова не сказав друзьям.

Троица персонажей оказалась неполной, но, шагая к следующему пункту назначения, ни Ридж, ни Клайм об этом не вспоминали – тяжело оставаться в тени, когда студенческий район, как никогда, кишит гуляющими студентами, поэтому времени на посторонние мысли не оставалось.

«Кто бы за нами ни следил прежде, он отстал», – удостоверился маг энергии, незаметно проверив артефакт.

В центре двора, в который забрались парни, находился разбитый фонтан, кусок отколотой чаши лежал неподалеку, у забора, прикрытый отрезком плотного брезента. Под тем же брезентом они и спрятали ключ.

«Не совсем надежное место, но...»

Маг энергии остановился, задумавшись и не спеша уходить.

– Подождем немного. Время еще есть, – прошептал Клайм.

Маска Дурмана, надетая на мага воздуха, склонилась набок, выразив недоумение:

– Чутье?

– Да. Живот крутит.

– Знаешь, я бы сказал, что тебе надо сделать, чтобы он успокоился. Но ты все равно не слушаешь... – с тихим весельем послышался искаженный магией шепот Риджа – грубый голос, срывающийся на хрип и кашель.

– Ты не шутил, когда мы избежали той засады в Нордовском переулке, – безмятежно возразил Клайм. Его голос сливался с негромким бульканьем, словно где-то трясли сосуд, наполненный водой.

Ридж хотел возразить, но маг энергии резко прижал палец к губам. Артефакт пульсировал, выдавая чье-то приближение. Оба, не сговариваясь, прижались к забору, слившись с тенью, падающей от него на землю.

Медленно потекли секунды – первая, вторая... Когда Ловелас сосчитал до десяти, он решил, что прошла целая вечность, и в этот момент благодаря своей магии различил шуршание – легкая поступь девушки. Парни так ходить не могут, если, конечно, они не слишком худощавы и не женственны. Ридж указал направление, а Клайм сдвинулся с места, готовясь к броску.

Маг воздуха кивнул, подав знак и едва не задев длинным носом Дурмана доски забора. Клайм остановился.

Легкий стук, забор качнулся, тонкие пальчики вцепились в верхний его край, а через мгновение фигура в плаще с шуршанием спрыгнула на землю.

Пусть Клайм и являлся магом энергии, но слабаком отнюдь не был, и Ридж в который раз в этом убедился. Из-за темноты движения смазались – вот парень прижимался к забору позади неизвестной, а спустя миг поменялся с ней местами.

Бедрами маг энергии прижал девушку к забору, одной ладонью накрыл глаза, а второй удерживал заведенные наверх руки. Обездвижив и лишив возможности видеть, Клайм не оставил ей и шанса прибегнуть к дару.

Шумное дыхание и непрекращающиеся попытки вырваться нарушили тишину ночи.

– И кто это у нас? – почти ласково проговорил Ловелас, заглядывая под капюшон.

– Нос свой убрал, Ридж!

Парень отпрянул, услышав тягучий голос, пусть и преображенный маской Пьяни, но от этого не менее узнаваемый.

Клайм шумно втянул носом воздух, пальцы сильнее вцепились в женские запястья. Все его поведение было крайне нетипично для скупого на чувства мага энергии.

– И что ты здесь делаешь... – хватка Клайма ослабла, еще мгновение, и он отстранился, тяжело закончив: – Дарла?

Девушка уверенно выпрямилась, скидывая капюшон и отодвигая маску Пьяни в сторону. В отличие от других двух персонажей третий грех изображался женщиной с сероватой натянуто-пергаментной кожей, короткой стрижкой с бритыми висками и двумя яркими пятнами – алые губы и золотистая радужка глаз.

– А какое тебе дело, Клайм? У меня договор с Даниэлем, не с тобой, – грубо откликнулась Дарла, качая головой в такт словам.

Ридж отвернулся и задумчиво почесал голову. Вмешиваться он не собирался, это был тот самый случай, когда третий лишний схлопочет словесную трепку.

– Я лишь спросил. Грубить не обязательно. – Маг энергии сложил руки на груди, к нему вернулась прежняя рассудительность.

– Тогда не будем задерживать ни вас, ни меня. – Дарла резко развернулась и направилась прямым ходом к брезенту.

– Разве тебе разрешено пользоваться даром? – сухо уточнил Клайм, не мешая девушке вытащить ключ.

Дарла тихо хмыкнула:

– Нет. Все еще запрещено. Но я и без него кое-что умею. – Дочка ректора откинула брезент и вскоре сжала в ладони одно из сокровищ этой ночи. Ее взгляд задержался на ключе, выдавая любопытство, но уже через секунду он исчез в складках ее плаща.

– Так, я чего-то не понимаю, – решительно встрял Ридж. – Мы должны были передать ключ тебе? С какой радости мы тащились на другой конец студенческого района?!

– Это вопрос не ко мне, – безразлично откликнулась девушка.

Маг воздуха издал страдальческий стон.

– Тише. Тебя могут услышать, – сделал замечание Клайм.

– Ну-ну. Когда ты прижимал меня к этому забору, твой голос звучал куда громче. Парни, вам надо поучиться самоконтролю, – настоятельно порекомендовала Дарла, оценивая рассматривая ограду. – Хотя чего это я, кое-кто с ним явно переборщил. Верно, Клайм?

– Хватит, – отчеканил маг энергии.

– Обидела? Я не хотела... – Дарла подпрыгнула, ухватившись за край забора, и, уже будучи наверху, добавила: – Ой, соврала. Именно

этого я и хотела. Пока, мальчики.

Дарла двигалась ловко, чувствовала каждую клеточку своего тела. Только, собираясь спуститься на землю, она не учла одного – сигнала к началу игры, озарившего небо светом и разорвавшего пространство рокочущим грохотом.

Парни слышали тихий вскрик и возню на другой стороне забора.

– Игра началась. Они подали сигнал раньше времени! – всполошился Ридж.

– Теперь мы запаздываем, – бросив последний взгляд на ограду, за которой скрылась девушка, Клайм развернулся в противоположную сторону. – Пошли. Надо спешить.

Глава 9

Нюансы

Они вылезали на фоне ночного неба – костлявые, с обрывками ткани. В отличие от хваленых фильмов про зомби эти существа с ног до головы окрасились в красный – туман некроманта будто создал их заново, восстановил некое подобие лица и прикрыл причинные места.

Лучше бы они оставались ничем...

Некромант постоянно оборачивался, напряженно вглядываясь в мое лицо, ища намеки на ужас и попытку сбежать. Я его не винила, у меня действительно была мысль о побеге, но недолго, примерно пару секунд, пока мысль о бесполезности этого действия не возоблудала над трусостью.

Мертвецы скрежетали челюстями, выбирались из-за деревьев и, как марионетки, выстраивались в ряд. Из глубины леса вылетел красный огонек, закружил над нашими головами и приземлился на плечо одному из трупов, оказавшись птицей размером с ворону.

– Хм, одного не хватает... – протянул Даниэль, хрустя суставами, как после долгой сидячей работы.

– Неужели? – По мне, семи штук оказалось более чем достаточно.

– Тебя испугали мертвецы?

Кто-то из названных издал невнятный стон протеста.

Боже, кажется, у меня дергается глаз.

– Почти нет, но они определенно заставляют меня нервничать.

Некромант усмехнулся, а ближайшие кусты закачались, будто в них копошился заяц. Только вылез к нам вовсе не заяц и даже не мышка... При жизни мертвец имел внушительный рост, который и сохранил после смерти. Он двигался почти естественно, не рывками, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Лицо трупа повернулось ко мне, а призрачные губы растянулись в довольную улыбку.

– Вот и он, – констатировал Лефевр и без того понятную истину.

– Сладкая... – протянул труп, протягивая ко мне ручищи. – Какая сладкая.

– Э-э-э, чего это он? – Мой голос сорвался, но не на писк, а на зычный мужской баритон. Я скинула рюкзак с плеч и панически

дергала завязки, чтобы скорее добраться до сковородки.

Брови некроманта сошлись, а конечности трупа опустились.

– Если память не изменяет, при жизни этот мужчина был насильником. Его относительно недавно похоронили, – со вздохом объявил он. – Тебе не понравится то, что я хочу сделать.

– Так не делай. – Я уже достала сковородку из рюкзака.

Даниэль покачал головой, его лицо превратилось в камень.

– Защищать, – прозвучал односложный приказ, будто обращались к собаке.

– Да ты, должно быть, издеваешься...

Скелет насильника, громыхнув костями, зашагал ко мне, оставляя притоптанные следы на траве. Носа достиг влажный земляной запах, смешанный с чем-то еще, я никак не могла понять, с чем именно, но все равно морщилась от отвращения, ведь этот запах определенно исходил от оживленца.

Под испытующим взглядом Даниэля мертвец остановился.

– Он сильнейший. Я тщательно выбираю, кого оживлять.

– Сладкая... Защищать сладкую... – еще явственнее звучал голос.

Меня передернуло.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. – Мы и так задержались, и мне не хотелось, чтобы опаздывали из-за меня.

– Знаю.

– Сладкая...

– Но если мертвец продолжит в том же духе, я познакомлю его с дном этой сковородки, – я взвесила утварь в ладони.

– Можно, если не сильно, – согласился некромант.

– Да? Ты меня обрадовал, Даниэль. Это замечательный манекен, чтобы отточить мои навыки. – Вообще, я храбрилась и бить скелет точно не собиралась. Пока не собиралась... Слова мертвеца напоминали слабый зуд: вроде особо не беспокоит, но позабыть о себе тоже не дает.

– Только без шума, Загадка. Когда покинем кладбище, надо будет действовать тихо, – предупредил Даниэль, разворачиваясь спиной.

Мой взгляд задержался на парне, очерчивая высокую фигуру с головы до пят. Уголки губ медленно опустились, следы наигранного веселья растворились в каплях вновь пошедшего дождя, прочерчивающего прохладные дорожки по моим щекам.

Красивый. Настолько, что подобен яркому свету, привлекающему глупого мотылька. Я и буду тем самым глупым мотыльком, если решу остаться.

Конечно, велик шанс, что мое тело в родном мире мертво... И тогда оно не сильно отличается от этих ходячих мертвецов, разве что плоть еще на месте. Да и все самое сокровенное прикрывает одежда, а не красный туман. Но тогда возникает вопрос: если перемещение в один конец, то откуда предназначение? Какой резон мне вообще его исполнять?

Эгоистично? Да. Но логично.

Мы покинули кладбище под ночные звуки усилившегося ветра – яростного, пронизывающего и ледяного, словно приносимого с самого Северного полюса. Я поежилась. Скелет за моей спиной клацнул зубами – звук до боли напоминал столкновение двух фарфоровых тарелок. Остальные оживленцы разбрелись, пусть двигались они неестественно, но определенно быстрее людей.

Даниэль склонился к траве, поникшей от влаги и чуть пожелтевшей – то ли от палящего солнца, правившего небосводом несколько дней назад, то ли от стремительно понижающейся температуры. Из рта вырвалось облачко.

«Скорее всего первое...» – решила я, вспомнив, как в прошлом году видела темную зелень под серебристым слоем внезапно выпавшего снега.

Когда Даниэль распрямился, помимо шеста в чехле он сжимал темный сверток размером чуть больше энциклопедии – тяжелый, толстый, примерно таким фолиантом я была подругу где-то в шестом или седьмом классе. Делала я это не со зла, несильно и даже скорее из благих побуждений, просто в то время она повадилась ругаться крепкими словечками, а я, как невинный цветочек одуванчик, занималась ее воспитанием. Теперь даже рассказывать об этом немного стыдно... Я ведь и без мозгов могла ее оставить.

Некромант шумно выдохнул. Встав на носочки, я заглянула ему через плечо.

– Что это? – Содержимое свертка удивило меня.

Даниэль повернул голову, а я едва не чмокнула его в щеку.

– Наши маски, – прошептал он, уголок его губ приподнялся. – Ридж постарался.

– Черт! Он что, сам дырки для глаз вырезал? – В выпуклом черном овале из твердого материала размером немного больше головы были проделаны две прорези для глаз.

Взяв одну из масок, я подняла ее в воздух, внимательно рассматривая работу Ловеласа.

– Да, ножом выскреб, – холодно подтвердил Лефевр.

– Ты видишь? Завязки приделал. – Я подергала за веревку и убедилась, что держится она крепко.

– Тебе нравится? – бесцветно спросил некромант, покачивая в ладони маску-самоделку.

– Не особо. Но мы должны оценить все его старания и фантазию, – простодушно откликнулась я, с сомнением посмотрев на черный полукруг.

Лицо Даниэля расслабилось, приобретя некую мягкость. На самом деле фантазией в этой самодеятельности даже не пахло. Но теперь Ловелас мой должник, я спасла его от мести.

Глава 10

Оплошность

– Кладбище и несколько корпусов академии исключаются, – сообщил некромант. Теперь я понимала, для чего он оживил птицу – чтобы узнавать информацию со стендов с картами, не приближаясь к ним.

За прошедший час мы никого не повстречали – оживленцы Даниэля, кроме шепчущего насильника, пусть и пропали из виду, но исправно справлялись с угрозами.

– Они сами сбегают, завидев скелет. Смерть пугает людей. Один ее вид вводит их в слепой ужас, – процедил Даниэль.

Временами глаза Лефевра окутывал красный туман, пробирающийся сквозь маску, и в эти моменты я прятала взгляд, но отчетливо понимала: он *смотрит*, видит мир чужими глазами.

– Но на них уже попытались напасть?

– Нет. Пока никто, – скупое бросил он. – Говорю же, они всех пугают. Очень.

Даниэль относился к чужому страху как к чему-то само собой разумеющемуся, как заядлый игрок принимает свою победу или спортсмен мирового уровня предсказуемо побеждает на соревновании в захолустном городишке.

Дальновидность Даниэля настораживала, но почему – я до конца не понимала и решила отложить размышления по этому поводу на более благоприятное время – безопасное, без погонь и постоянных оглядок.

Рукодельная маска Риджа сидела неплохо, не принося больших неудобств, но постоянно съезжала, и ее приходилось поправлять. Когда я подняла веревки и зацепила их за уши, словно заправила локоны волос, ситуация стала чуточку лучше. Но, судя по тому, как часто Даниэль терзал свою маску – резкими движениями, выдававшими раздражение, – нотаций Ловеласу не избежать.

Мы бесцельно передвигались с места на место, игра только началась, и пока хотя бы один ключ был в наших руках, она, по словам

Даниэля, не закончится. Так мы могли контролировать ситуацию, не дать победить никому другому.

Надеюсь, Клайм и Ридж справятся, сохранят наше преимущество и страховку, позволяющую вот так просто и не спеша шататься по улицам студенческого района.

Мы свернули за угол, оказавшись в переулке между домами. Скелет насильника неуклюже последовал за нами. Он продолжал постоянно звать меня, так что я уже возненавидела его потусторонний шепот. Мне казалось, будь он чуточку живее, то пускал бы слюни, как какое-нибудь животное. Очень гуманно позволять некромантам тревожить могилы преступников. Унижения после смерти, издевательство над их телами – это как раз то, что необходимо этим мерзавцам.

В тесном переулке окна домов выходили вплотную к низкому забору. Некромант перемахнул через ограду и уже на другой стороне, положив обе ладони на стекло, надавил – рама беззвучно отъехала, позволяя забраться внутрь.

– Сторожи, – коротко бросил некромант оживленцу, изгородь заканчивалась на уровне его плеч. – А ты давай ко мне.

– Даниэль, ты хотя бы тон голоса меняй, когда ко мне обращаешься, – проворчала я, неуклюже пытаюсь вскарабкаться наверх. Бедро жгло, еще и в руках чувствовалось какое-то напряжение, но скорее всего из-за адреналина. Сердце уже долгое время стучало как безумное, а ладони потели из-за постоянного ожидания засады.

– Если ты обращаешь внимание на такие мелочи... – насмешливо начал Даниэль.

– Это не мелочи, некромант, а обычное уважение. Кому понравится, что ты обращаешься к нему с тем же видом и тоном, каким отдаешь приказы трупу? – Маг смерти хотел помочь мне спуститься, но я не позволила, хоть и неуклюже, едва не порвав плащ о столб, сама спрыгнула на землю. Уже распрямившись в полный рост, серьезно добавила: – Никому.

– Наставления. Что же дальше? Проповеди будешь мне читать? – неодобрительно поинтересовался Даниэль, шире распахивая окно и забираясь внутрь.

– От проповедей я далека. – Вцепившись в протянутую ладонь и оттолкнувшись от земли, встала на подоконник, пригибая голову,

чтобы не удариться о верх оконного проема. – Но, Даниэль, если такой пустяк для тебя слишком, задумайся, перед тем как просить меня остаться: а уживемся ли мы?

Границы отношений обозначаются сразу – или так, или никак. Неуважения к себе я не потерплю.

Вопрос остался без ответа, и воцарилась гнетущая тишина. Я спрыгнула на пол и сняла маску.

Некромант остался на месте. Сложно было сказать, разозлили его мои слова или обидели. Может, ему вообще плевать... Маска скрывала лицо Даниэля, заслоняла от меня его эмоции и чувства.

– Я в уборную. Хочу помыть руки после кладбища. – Я сделала лишь шаг, когда, вскинув шест, Лефевр перегородил мне путь.

Сердце подскочило, а я застыла в ожидании, умоляя и прося: «Сделай что-нибудь, скажи, пойдی навстречу. Не позволяй мне сомневаться в тебе».

– Будь осторожнее. Перед началом мы затворили дверь в этот дом, чтобы все думали, что он не участвует. Но кто-то мог свериться с картой и забраться внутрь, – сказал Даниэль, отводя шест в сторону.

Разочарование. Не это я ожидала услышать, не об этом просила, и уж точно я не должна была принимать слова Лефевра близко к сердцу. Но вопреки здравому смыслу они ранили меня – я желала как можно скорее остаться одной.

– Ясно. Позову, если на кого-то наткнуся, – процедила в ответ и, обогнув диван, стоящий в центре комнаты, вышла.

Скрывшись с глаз некроманта, остановилась. Из-за темноты я видела лишь очертания предметов, и то благодаря часам на стене, циферблат которых едва заметно мерцал.

Надо на время забыть о случившемся, иначе я еще больше накручу себя и расстроюсь.

Следуя собственному решению, пустилась на поиски уборной. Дом, в который мы забрались, обладал более скромной планировкой и обстановкой, чем мой, – узкие коридоры, скромная прихожая, плетеные коврики без ворса под ногами, никаких картин на стенах, хотя, по моему скромному мнению, это скорее плюс, чем минус, на потолке нет роскошных тяжелых люстр, лишь не приметные светильники из мутно-белого стекла со сверкающей – вероятнее всего, металлической – каемкой по краям.

За первой попавшейся дверью обнаружилась кладовая с полками во всю стену и всяким хламом – пыльной посудой, вещами, сложенными в стопки, и несколькими стульями. За второй находилась чья-то спальня, крохотная, с кроватью, аккуратно застеленной покрывалом с подвернутыми краями, и широким комодом. Третья попытка отыскать уборную оказалась победной.

– Вот это больше похоже на правду – на жизнь обычных людей, – прошептала я, найдя удивительное сходство уборной с обычным квартирным санузлом.

Комнатка в доме Клайма напоминала уборную дорогого ресторана, в зеркале которого считает нужным сфотографироваться каждая посетительница.

Потом заполняют свои страницы в социальных сетях туалетными фоточками...

Единственным отступлением от привычного был цветочный горшок, поставленный в углу, с почти зачахшим растением – видимо, из-за отсутствия солнечного света.

Помыв руки, я не могла оторвать взгляд от цветка – еще живого, но на грани, буквально несколько дней, и из земли будет торчать сухая ветка, которую без сожаления выдернут из горшка и выкинут.

Мы с Даниэлем не торопились, если, конечно, территорию дома не решат исключить из игры.

Я присела на корточки с видом ботаника, заполучившего редкое растение для изучения. Без посторонней мысли протянула руку и коснулась засохшего и шершавого, как наждачная бумага, листочка.

– Черт! – выругалась, когда часть листка отломилась, оставшись в моей ладони. Наваждение это или помутнение рассудка, но я была уверена, что причинила растению боль. – Извини. Я не хотела. Пожалуйста, прости...

От руки отделился клочок тумана, мерцавшего искрами – зеленый свет озарил мое озадаченное лицо, – и прильнул к растению, заботливо укутал, как мать родное дитя, и возродил...

Цветок вытянулся, распустил новые листья, что нежно коснулись моей щеки, и я почувствовала благодарность, тепло, безумную радость, взорвавшуюся, как взрывчатка в тесном пространстве – звучно, броско, разрушительно.

Растение перестало расти. Туман исчез. Я сглотнула, чувствуя сухость в горле. До меня медленно, но верно доходила вся глупость и опасность поступка, который я только что совершила. Пусть это вышло случайно, но последствий никто не отменял.

– Я попала...

Вскочив на ноги, схватилась за голову.

Это же надо было так вляпаться! Если кто-то узнает... Если на нас решат напасть всерьез... Подождите-ка...

Я остановилась. Посмотрела на цветок. Опустила руки и прислушалась к тишине.

А если никто не узнает? Я ведь не напала на участника игры, это всего лишь безобидная магия в уборной. В уборной без окон... Хм, может, и выйдет.

Поправив белую повязку на плече и одарив подозрительным взглядом пышущее здоровьем растение, словно его уже давно подкармливали удобрениями, я вышла в коридор.

Надеюсь, хозяева дома не заметят изменений, а то не буду же я гробить цветок, только приведя его в порядок, лишь бы избавиться от доказательств. Жалко.

Пару раз завернув не туда, я все же попала в знакомый коридор, ведущий в комнату с окном, через которое мы с Даниэлем пробрались внутрь.

Остановилась, решая: рассказывать ли некроманту о том, что натворила? Может, лучше промолчать? Если сама забуду об этом, то и другие не узнают.

Внезапно я расслышала приглушенный грохот. Растеряв все мысли, рванула вперед и ворвалась в комнату, застав неприглядную картину – Даниэля, сидящего на диване, будто он расслабленно упал на него, решив глянуть телевизор, и девушку, склонившуюся над ним. Всего пара сантиметров разделяла их лица.

Чтобы кто-то застал некроманта врасплох? Почти невозможно. Только если он сам этого не позволил...

– Что здесь происходит? – нахмурившись, решительно поинтересовалась я.

Девушка вскинула голову, распрямилась, стягивая капюшон.

Я неловко переступила с ноги на ногу, даже в темноте отмечая поразительное сходство – те же черные волосы, очерченные скулы, но

больше всего меня удивили глаза, тот же разрез и взгляд, будто их просто перенесли на другое лицо.

Подумала невесть что... Еще и повела себя, будто застала благоверного за изменой. Стыдоба.

– Райалин, – бесцветно констатировала она и беззвучно зашагала ко мне. Полы ее плаща едва достигали бедер, обнажая стройные ноги.

– Тильда, – недовольно позвал Даниэль, выпрямляясь и замирая в полуобороте к нам. – Не надо.

– Что? Я всего лишь хочу познакомиться, – холодно бросила девушка, останавливаясь прямо напротив меня, вплотную, лицом к лицу. Судя по тому, какую картину я застала минуту назад, нарушать личное пространство других людей – ее любимое занятие.

Когда кто-либо становится к тебе настолько близко, что стоит лишь качнуться навстречу и ваши носы соприкоснутся – это дезориентирует, заставляет нервничать. Каждый вдох и выдох, как драгоценности – редкие, маленькие, почти тайные. Ощущение неловкости нарастает стократ, если некто не сводит с тебя взгляда, будто пялясь в никуда, но ты-то знаешь, что тебя изучают. В подобные моменты легко поверить, что глаза – зеркало души, хотя при надобности они выдадут с потрохами даже мысли и чувства, главное, уметь их прочесть.

Игра в игре, опущу голову, отойду и тогда сорвусь...

Вдох, более откровенный, чем раньше, забрал часть дыхания некромантки. В этот момент я поняла – черта пройдена, я совладала с собой.

– Пожалуйста, отойдите, – невозмутимо попросила, не переставая медленно шевелить пальцами рук, вытянутых вдоль туловища, – безобидный и пока единственный способ хоть как-то сбросить напряжение. – Мне некомфортно.

Тильда сощурилась, улыбнулась, но когда она заговорила, я почувствовала себя уткой на вертеле, которую вот-вот зажарят на открытом огне.

– Ваш род самый отвратный из всех. Грызетесь между собой, не зная пощады, и совесть вам чужда... – она резко замолчала, прищурилась и отступила, – но что-то в тебе есть.

Сестра Даниэля протянула руку, а я не сразу поняла, что от меня хочет эта странная девица.

– Я – Тильда, – твердо сказала она, насмешливо добавив: – Сестра этого...

– Я догадалась, – перебила ее и вцепилась в ладонь девушки – прохладную, с сухой шероховатой кожей на пальцах.

– Какая умница, – умилилась некромантка.

В ее взгляде было что-то необычное, заставляющее сомневаться, будто положила голову в пасть льва и только потом догадалась о грозящей опасности.

Я с недоумением нахмурилась. Тильда крепче вцепилась в мою ладонь.

Пальцы заledenели, и вверх по руке пополз магический туман, не такой насыщенно-красный, как у Даниэля, но облако двигалось столь быстро, что через мгновение поглотило мою руку целиком.

В первую мою попытку вырвать руку Тильда не шелохнулась, во вторую – сделала шаг навстречу и недовольно поджала губы. Туман подобрался к горлу и охлаждал его, словно сотней мелких щупалец изучал каждый сантиметр моей кожи.

– Я же сказал – не надо. – Некромант возник рядом, как призрак из воздуха. Магия некромантки замерла, трепеща, словно колебалась – двигаться дальше или отступить, но потом с неохотой поползла назад.

Туман всосался в тело Тильды, и девушка побледнела, словно намазала на лицо не один слой светлой пудры, закашлялась и, уперев ладони в колени, склонилась.

– Мерзавец, ты ведь знаешь, как плохо мне теперь? – беззлобно прошептала сестра Даниэля.

– Извини, – сухо проговорил он, протягивая ей руку. Та подняла голову, мельком взглянув на предлагаемую помощь, потом опустила, но через секунду крепко, по-мужски, вцепилась в ладонь брата. – Я ведь говорил: не надо.

От кожи некромантки вновь отделилось красное облачко и ушло к Даниэлю, выбрав новое пристанище. К лицу Тильды стремительно возвращался здоровый цвет, и дыхание становилось ровнее.

Тильда сморщилась:

– Но кто знал, что ты серьезен?

– Я всегда серьезен, – откликнулся некромант, а я мысленно с ним согласилась.

Я отошла в сторону – что бы ни происходило секунду назад, оно закончилось. Было неприятно, но я оставалась на удивление спокойной, ничего, кроме холода, магия некромантов не принесла.

Если бы выхода не оставалось, я бы дала отпор. Хотя каким именно образом, представление имела весьма смутное, но магический дар интуитивен и отзовется, если к нему обратиться. Правда, как мне сказали, моя магия еще слаба...

– С ней ведь правда что-то не так! – неожиданно прямо заявила Тильда, оборачиваясь ко мне. Она попыталась избавиться от хватки Даниэля, но не смогла и с удивлением посмотрела на брата.

– Больше никаких попыток прощупать, дорогая. В следующий раз не помогу.

Тильда несколько долгих секунд смотрела на некроманта, а после, сдавшись, кивнула.

Должно быть, она зла...

Чувствовалось, что отношения между братом и сестрой теплые, но своеобразные – без пустых обид, порою грубые, но равноправные.

Я стояла и молчала, вмешиваться в беседу двух некромантов не хотелось – все равно что обратить на себя внимание ядовитых пауков. Только с одним я уже успела подружиться, а вот второй внушал серьезные опасения.

Тильда с нескрываемым раздражением одернула плащ. Некромант вопросительно взглянул на меня, сложив ладони на груди. Я медленно кивнула, говоря, что все в порядке.

– Познакомь ее с Дзафи. Я ненавижу эту старуху, впрочем, она недолюбливает меня сильнее, но это не помешало ей поделиться переживаниями, – с отстраненным видом, снимая перчатки с отрезанными наполовину пальцами, сказала Тильда.

– Она надзиратель, а не воспитатель. Но она все чаще об этом забывает, – бесстрастно проговорил Даниэль.

Надзиратель? Кто-то присматривает за некромантом?

Тильда посерьезнела и, бросив свое занятие – девушка корябала что-то на клочке бумаги, – стремительно подошла к брату и ударила в плечо.

– Не будь жестоким. Эта женщина провела с тобой времени больше, чем мать родная. Не мне судить, но, кажется, и любит тебя Дзафи гораздо больше, чем *она*.

– Ты об этом пришла поговорить? – резко оборвал ее Даниэль.

Тильда рассерженно поджала губы, но совсем скоро расслабилась, усмехнувшись.

– Нет. – Покопавшись в складках плаща, девушка выудила сверкающую металлическую пластину. – У меня работа.

Некромантка неожиданно двинулась ко мне, а артефакт в ее ладони сверкнул зеленым. Даниэль отвернулся, подбирая с дивана свою маску и шест.

А я надеялась, что никто не узнает...

– Нарушение договора. Применение магии во время игры. – Тильда убрала артефакт в карман плаща.

– Это вышло случайно. Я же ни на кого не напала! Да я и не в состоянии на кого-то напасть. – Было жутко досадно, что из-за сущей ерунды я лишилась преимущества.

– Что ты сделала? – бесстрастно поинтересовался Даниэль.

– Пожалела сухой цветок в горшке, а он взял да и вырос. Я ведь не умею контролировать дар, он у меня всего как сутки появился, – расстроенно рассказала ему.

– У тебя могущественный дар. – Некромант подошел ближе, медленно взяв меня за руку.

– Почему ты так думаешь?

Маг смерти закрыл глаза, будто прислушиваясь к чему-то.

Такой умиротворенный, спокойный, отстраненный от всего мира... Хотя секунду назад Лефевр явно разозлился, поэтому и отвернулся. Эмоции не слабость, пока о них не узнали твои враги.

– Чувствую. Природный дар – полная противоположность некромантии. Трудно отыскать две силы, настолько похожие и отличные друг от друга.

– А как же целители?

– Целители? Да, их магия тоже отлична, но не настолько. Они не создают, не оживляют, а работают с тем, что имеется. Природники же дарят жизнь, из маленького семени могут взрастить дерево.

Сверкнула вспышка. Я инстинктивно обернулась, увидев, как сестра Даниэля закрывает крышку миниатюрного санкровена на своей руке.

– Наверное, помешала. Ну, ничего не поделаешь, работа не ждет, – с крайне серьезным видом заявила она, ее взгляд то и дело

останавливался на наших с Лефевром соединенных руках.

– Доложила? – холодно спросил некромант.

– Да, – таким же ледяным тоном ответила Тильда.

– Кому? – встряла я.

– Ректору, – ответила магиня смерти и с официальным видом продолжила: – Конкордия Райалин, ваш случай находится на рассмотрении. Совсем скоро примут решение, приравнять вас к участникам с магического отделения или нет.

Кабинет главы академии напоминал учебную аудиторию, говорят, что до назначения его на эту должность здесь в самом деле проводили занятия. Теперь в центре комнаты лежал красный, выглядевший, несмотря на десятилетнюю службу, всегда новым ковер. В углу стояла деревянная кукла размером с человека, на теле которой то и дело попадались круглые металлические вкрапления. Там, где раньше находилось окно, ныне красовалась кирпичная кладка, из которой торчали крюки, служащие креплениями для нескольких мечей с изящными рукоятками, кинжалов и топоров – и каждое оружие побывало в битве.

Чуть меньше полувека между территориальными королевствами царил мир, но еще в пору своей юности ректор застал жестокую войну между Морладом и Даргнешем на севере. Там он получил награды, положение и говорящее прозвище – Кровавая Река.

В кабинет вошла секретарь госпожи Фаден.

– Нам сообщили о нарушении.

– Неси, – велел ректор, стоя с загадочным видом у плана академии, выдавленного на пластине магического металла размером с обеденный стол. По поверхности перемещались огоньки – красные, серебристые, коричневые, желто-оранжевые, зеленые, голубые, серые, ярко-белые. А наряду с разноцветными сполохами тут и там закручивались почти бесцветные крохотные водовороты.

Лиззи вложила бумагу с выжженным посланием в ладонь главы академии. Кожу его рук избороздили морщины, выдавая истинный возраст, из-за воротника мантии выглядывал ожог, выглядящий словно последствие тяжелой болезни, губу рассекал едва заметный

застарелый шрам, но бывшие раны не уродовали его, а скорее придавали шарм и пробуждали интерес окружающих.

Почему он не обратился к целителям? Зачем оставил следы на своем теле?

Мало кому приходило в голову, что для Кровавой Реки шрамы – все равно что награды и дань памяти тем, кто смог их оставить. Время ушло, он уже стар, остались лишь крупиты бывшего могущества, а памятные отметки на его теле позволяют хоть на мгновение вернуться в прошлое.

– Сделайте объявление на стендах, – приказал ректор, возвращая послание. – Правила есть правила, кто мы, чтобы их нарушать? И еще одно... Отмените запрет на использование силы моей дочери. Два месяца для мага весьма долгий срок.

– Слушаюсь, – пробормотала Лиззи, смотря на мужчину снизу вверх. Она всегда ощущала себя неуютно в кабинете главы. – Ах да, один из ключей потерял хозяина. Его держатель оказался за пределами игры.

– Да, я видел. – Ректор вновь неотрывно следил за перемещениями участников. – Пусть кто-нибудь из судей спрячет его на территории игры. После того, как ключ обозначится на карте, он быстро обретет нового хозяина. Что-то еще?

– Нет.

– Тогда уходите, – бесцеремонно проговорил глава академии.

Лиззи резко кивнула, напоследок бросив взгляд на артефакт с передвигающимися огоньками, и выскользнула в приемную.

«Жутковатый тип, – подумала секретарша, поведя плечами. – И почему Тильда восхищается им?»

Передав приказ главы, девушка вернулась за свой стол, чтобы дальше отслеживать магическое волнение на вверенном ей участке.

Глава 11

Западня

Облака разошлись, и луна сверкнула серебром, покрывшим землю, а потом исчезла, оставив мутное, расползающееся по небу светлое пятно. Пара часов прошла с начала игры. Несколько раз Клайм и Ридж встречали связанных и лежащих на земле участников, но проходили мимо как ни в чем не бывало.

– Мы могли бы не разделяться, – заметил Ридж.

– Да. Но эффект неожиданности был бы не на нашей стороне. – Клайм выглянул из-за угла, убеждаясь, что поблизости никого нет.

– Какая разница, мы все равно рискуем. Ты ведь видел объявление? Если Райалин приравняли к магам, значит, она использовала силу. Только для чего? – пробормотал Ридж, щурясь в темноте, к сожалению, дар воздуха не позволял слушать везде и всюду. Парень обращал свою силу то на запад, то на восток, а после на север и юг. Внимание мага перескакивало, как лягушка, – по кругу, быстро и стремительно. Он вынужден был всегда оставаться настороже, и от этого голова его шла кругом.

– Ничего серьезного, ты сам видел, что написал Даниэль.

– Да, видел. Но после этой выходки с Дарлой... – Маг воздуха выразительно взглянул на друга.

Клайм оставался спокойным.

– В этом есть смысл. Едва ли кто знает территорию академии лучше, чем она. Конечно, не считая ректора.

– Да. Но магия... Куда без нее? – задумчиво протянул Ридж.

– Ее проблемы.

– Полегче.

– Она могла избежать запрета, – буркнул Клайм, разглядывая фонтан и группку людей дальше по улице.

– Их слишком много. Это одиночки? – прошептал маг воздуха, насторожившись.

– Скорее всего. И что-то здесь не так.

Ридж прислушался и мотнул головой, показывая иной путь. Пока ни с кем из участников им лучше не сталкиваться, слишком

рискованно. Пусть маг энергии и был увешан артефактами, с прямой атакой справиться ему будет тяжело.

Ловелас забрался на забор, сощурился, оценивая расстояние от себя до крыши. Затем поднялся в полный рост, сохраняя равновесие, и прыгнул, ухватившись за край крыши. Клайм наблюдал за действиями друга молча, с затаенным скептицизмом.

– Ты чего медлишь? – возмутился Ридж, распластавшись на крыше.

– Да так, наблюдаю.

Дома на этой улочке жались друг к другу, словно желали обняться, а заборы казались лишь никому не нужной декорацией.

Сдвинув одну из покосившихся деревяшек, Клайм пролез через щель и, сделав несколько шагов вдоль фасада здания, поднял с земли лестницу, уже довольно старую, но крепкую.

– Зачем напрягаться, когда можно сделать проще? – отстраненно сообщил Клайм другу, оказавшись рядом.

– Откуда ты знал, что там лестница?

– Запомнил. Я как-то здесь бывал.

На краткий миг Ридж всем сердцем возжелал его придушить. Но не сегодня, да и вообще никогда. Если желания кого-то прикончить и посещали Ловеласа, то вскоре стремительно таяли, такова уж его натура, он не умел долго сердиться.

Перебравшись с первой крыши на вторую, а затем на третью, маг воздуха понял, что все куда серьезнее, чем они рассчитывали. Ветер донес до него шаги и тихие взволнованные голоса, переговаривающиеся между собой срывающимся шепотом. Их с Клаймом окружали.

Они вляпались. Не впервые в жизни и не крупно, но проигрыш и западня – удовольствие не из приятных...

Ползком парни перебрались на другую сторону покатой крыши, но внезапно что-то упало рядом, заскакав, как резиновый мячик.

Ридж попытался смахнуть бомбочку вниз, на землю, но не успел, еще раз подпрыгнув, она взорвалась, издав свистящий «пши-и-ик».

– Не дыши, – успел предупредить Клайм, закрывая лицо воротом плаща. И в следующее мгновение все заволгло густым непроглядным дымом, горьким на вкус и беспощадно щипавшим глаза.

– Они там! На крыше! Скорее!

Ловелас задержал дыхание, но глаза не закрыл. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы смахнуть отраву, отправить ее вниз к преследователям, но долго она там не задержалась, кто-то из воздушников рассеял дым.

Глаза Риджа покраснели и слезились.

«Их много. Очень... Похоже, на нас открыта охота». – Сосредоточившись, маг воздуха попробовал сосчитать противников, но бросил пустую попытку, сбившись на десяти.

– Мы вас ждем! Спускайтесь! – глумливо раздалось снизу. И будто по сигналу, медленно огибая дом, перед Риджем и Клаймом выросло пламя. Огненная темница – работа нескольких магов.

Пламя побеждается водой, воздух лишь подкармливает непокорную стихию. Невыгодный расклад, при котором им не сбежать, – так думали все, и трусливые охотники, и жертвы, не собирающиеся сдаваться.

Ридж сжал кулаки, воздух уплотнился, превратившись в длинную ветряную плетъ, извивавшуюся как змея – опасно, жадно, собиравшуюся жалить каждого без жалости и сомнений. Клайм шарил по карманам, доставая и активируя все артефакты, что могли бы им пригодиться.

Улюлюканье. Смех. Угрозы.

Повисла тишина, сменившаяся неожиданным криком, который вскоре сорвался на визг. Огненная стена рассеклась гигантским разрушительным водным потоком, обрушившимся с небес на землю.

Великолепно. Восхитительно. Могущественно.

– Мальчики, помощь не нужна?

– Куда мы? – поинтересовалась я.

После встречи с сестрой некроманта прошло чуть больше часа. Мы с Даниэлем покинули штаб-квартиру – так я окрестила дом, внутри которого нам довелось прятаться. Насиженное местечко пришлось оставить, потому что оно выбыло из игры.

– Никуда. Гуляем и выжидаем.

– Значит, разговоры приветствуются?

– Да. Если негромко.

Несмотря на свой вопрос, продолжить разговор я не попыталась, перехотела.

Красная птица то и дело возвращалась и вновь улетаала. Мертвец же вспомнил новое слово: «Девка» – и попеременно комбинировал его со старым, но на это я уже не обращала внимания.

– Моя сестра не собиралась делать ничего плохого, – неожиданно заговорил Даниэль, в который раз поправляя маску на лице.

– А что она собиралась сделать? Вид у нее был весьма враждебный.

Я была уверена, что после моих слов Даниэль под маской улыбнулся – сдержанно, но коварно, словно насмехаясь надо мной, будто я маленький ребенок с круглой цветастой погремушкой в руке.

– Проверяла. Искала особенности, – сказал некромант.

– И защищала родного брата? – предположила я и добавила: – Со стороны могло показаться, что я прицепилась к тебе и не собираюсь отпускать.

– Я похож на того, к кому можно прицепиться? – возразил Даниэль, и наши взгляды встретились.

– Нет, совсем не похож, – пробормотала я, отворачиваясь.

На самом деле таких, как ты, я не встречала... Битое стекло вперемешку со сладкой ватой. Первое – горькое прошлое и сила мертвых, второе – заботливый, высоконравственный парень, скрывающийся под мишурой мрачности, предусмотрительности и жестокости к врагам.

Понемногу я начинала уставать. Мне отчетливо казалось, что мы обошли всю территорию студенческого района и академии. Адреналин все еще играл в крови и гнал дальше, но вот ожог беспокоил все сильнее.

Перед игрой, сославшись на боль в животе, я заставила Дарину показать мне, где хранятся лекарства. Но там не нашлось ничего, что могло бы помочь, лишь бинт из плотной ткани, который теперь прилип к коже и при каждом шаге тревожил рану.

– Даниэль, у меня один вопрос. – Разговор отвлекал от боли.

– Какой же? – Лефевр двигался тихо, но необычно. Его тело то почти замирало, плавно перемещаясь, как улитка по поверхности зеленого листа, то, наоборот, набирало скорость, и движения рук и ног обретали непривычную резкость. Мне приходилось постоянно

подстраиваться, как и скелету насильника, отставшему от нас на пару метров.

— О магии. Я сразу уяснила ее ограниченность. Она не всесильна, да и опасна. Нет заклятий или других вещей, помогающих творить что угодно. Но твоя сила... Она сбивает меня с толку. — Загибая пальцы, я перечислила: — Ты оживляешь мертвых, иногда видишь души людей, возможно, способен проникнуть в голову, просто я до сих пор не понимаю, как ты вытащил меня из забвения в том зеленом коконе. Что-то еще? Ах да! Ты не дал мне умереть!

Я не раз думала об этом. И все чаще Даниэль представлялся мне чистером в компьютерной игре, что меняет систему в угоду себе.

Лефевр остановился, постучал пару раз шестом по мостовой, прищурившись, оглянулся и лишь потом ответил:

— Оно все связано. Помнишь, я предлагал тебе выбрать в случае победы уроки у ректора?

— Да.

— Чем глубже сила и ее понимание, тем большим ты можешь овладеть. — Глаза Лефевра заволкло туманом, но он продолжал говорить: — Объясню на понятных вещах... Например, яды. Мы изучаем их в академии, некоторые можем отличить друг от друга, но не умеем их создавать. Для создания нужна точность, огромные знания об ингредиентах и время. То, насколько глубоко ты познаешь науку, определяет твои умения.

— А как же талант? — осведомилась я.

— Талант — важен, ведь помогает быстро уяснять, что к чему. Но он не принесет никакой пользы ленивцу. Лень, жадность, зависть, похоть, пьянство... Слишком много пороков, призванных нас отвлечь. Люди, что без ума и внутреннего стержня, быстро в них тонут.

Внезапно Даниэль остановился, как тень или красный призрак. Туман разросся, захватывая глаза, губы, шею, полыхнул яркой вспышкой на груди, подобно падающей звезде, и утонул в ладонях.

— Мы не одни, — мрачно прошептал некромант.

— Хорошо. — Мои пальцы крепче сжали ручку сковородки, и шершавый металл впился в кожу.

Ощущения обострились, ободряя, как ударная доза кофеина или громоподобная музыка в наушниках, бьющая по перепонкам.

Чувственность, она есть во всем, что трогает душу. Вдохновение все равно что страсть – горячит, как солнце, опьяняет разум подобно наркотику. «Ты создашь, ты сотворишь», – уверяет оно. Третьим приходит удовольствие – нежное, буйное, расслабленное. Удовольствие от того, что ты делаешь, с кем сейчас и где. Я не могла создавать, но это пока. Моя сила – искорка, что еще не разрослась до пламени.

Но я готова пробовать и учиться. Готова взывать к дару раз за разом и бояться, что, когда придет время, я не смогу расстаться со своей магией.

Земля содрогнулась, над головой что-то пролетело, и в тени показались люди в черных плащах и цветастых масках. Перекошенные лица, безумные улыбки, морды зверей смешивались с прекрасными девами, детьми, сказочными существами, в глазах которых мигали яркие озорные огоньки.

Глубоко вздохнув, я поняла, что в этот раз все иначе... В этот раз я действительно готова сражаться.

Глава 12

Осознание своей силы

Родриг крепко сжимал в ладони шар, напоминающий яйцо, одну из половинок которого испещрили дырочки. Пусть парень являлся некромантом, но в схватке с Лефевром от его способностей толка не было, и, чтобы прорваться в защищаемую мертвяками область, понадобится разобраться хотя бы с одним скелетом.

Какой бы жестокой ни была игра, она остается фальшью и все ранения в ту же ночь исчезнут благодаря целителям. И в этом обмане кроется чужое преимущество – поднятые из могил не используют всю силу, им запрещено убивать. Но последователи Родрига с оживленцами не церемонились.

– Я знаю, где он, – прошептал Родриг, втягивая ноздрями воздух.

– Не подведи. Надеюсь, он и правда тебе по зубам, – откликнулась Ирида, вертя в руке кинжал с металлической рукоятью, обернутой тканью.

– Не попробуешь – не узнаешь. Но у меня припасен для него сюрприз. – Он многозначительно ухмыльнулся.

– Ты про тех парней, которых отправил обезоружить Лефевра? Что ты им пообещал?

Родриг равнодушно пожал плечами:

– Деньги, конечно, что еще может заинтересовать этот сброд. Среди них нет никого с высоким уровнем дара. – Нахмурившись, он резко спросил: – Зачем тебе кинжал? Судьям это может не понравиться.

Ирида хмыкнула, пряча лезвие в рукаве. В отличие от других участников маску она не носила, решив закрыть лицо платком, повязанным почти до самых глаз.

– Лезвие лишь для эстетического удовольствия и немного припугнуть. Я никого не собираюсь калечить, поэтому беспокоиться не о чем, – договорив, Ирида отступила в тень, а когда Родриг вновь посмотрел в ее сторону, уже исчезла.

«Любопытно, в чем истинная причина такой жажды мести? Что-то здесь нечисто... – Подумав об этом, Родриг усмехнулся. – Впрочем,

ничего личного».

Некромант надвинул маску и вышел из укрытия. Родриг не успел к Мертвяку, кладбище выкинули из игры первым. Все некроманты оказались в невыгодном положении, хотя, кроме него и Лефевра, на всю академию их оставалось всего трое – один с третьего курса и два с первого.

Если противник сильнее тебя, то хитрость – единственный путь к победе. К сожалению, Лефевра одной хитростью не возьмешь, и лишь прибегнув к безумству, можно чего-то добиться. Сделать так, как он не ожидает, так, как никому в голову не придет поступить. В этом кроется успех, но и возможная гибель...

В этом году Родриг жаждал победы. Последний курс, и все эти годы он всегда оставался позади. Неприятно и досадно. Неудачи породили злобу – не безрассудное желание мести, а отчаянное стремление оказаться на вершине пьедестала. И ради этого он готов был рискнуть, не только собой, но и другими.

Мертвецы сомкнули ряды, и, кажется, их стало на одного меньше, но я видела, как легким движением руки один из них снес трех участников. Ноги студентов оторвались от мостовой, и в следующее мгновение они уже валялись кто на спине, кто на боку. Скелет же отправился на поиски новых жертв, утратив интерес к старым. Потеря одного никак не сказалась на некроманте.

Так вот что имел в виду Даниэль, говоря о том, что тщательно выбирает, кого оживлять. Скелеты оказались противоестественно сильны.

Я замерла, засмотревшись на происходящее, ведь мертвецов поливали водой, жгли огнем, что облизывал языками пламени каждую мельчайшую косточку, сметали порывами ветра... Только все атаки приносили им гораздо меньше вреда и ран, чем любому живому человеку.

Жестокая бойня, все всерьез, но без смерти.

Судьи не вмешаются, пока кто-то действительно не пострадает. И, подозреваю, легкий порез или даже сломанная нога – не считаются. Меня ослепила суматоха и тот факт, что моя помощь никому не

требовалась. Даниэль прекрасно справлялся один, ловко не подпуская никого близко. Скелеты двигались быстро, расчищая путь и не давая магам колдовать. Я растерянно стояла, сжимая в руке кухонную утварь, и искренне хотела помочь, но пока не знала, каким образом это сделать, чтобы, наоборот, не помешать.

Неожиданно в памяти медленно, как подводная лодка на поверхность, всплыл наш разговор с Риджем перед игрой, когда мы шли к академии.

– Игра – испытание. Каким бы даром ты ни обладал, она всегда сможет преподнести сюрпризы. Поэтому лучше не отходи от Даниэля ни на шаг, – отвлекшись от вопросов о рюкзаке, с необычайной серьезностью заявил маг воздуха.

– Это вроде академия, а не военный полигон.

Ридж ухмыльнулся:

– Думаешь, почему Герадова ночь обговаривается в момент поступления? И даже внесена в договор? Ее считают частью учебного процесса, и что-то в этом есть. Ты можешь прочувствовать чужую силу, используешь весь свой ум, чтобы не пострадать, не говоря уже о победе. Деньги – поощрение, которое заставляет нас шевелиться, ну и перспектива увеличения магического потенциала привлекает немало народа.

Внезапно в голове возникла догадка, по сути пустяк, но меня удивляло, как я раньше не подумала об этом.

– Что, если победителю не нужны ни деньги, ни занятия с ректором? Что тогда? – Я бессовестно пользовалась разговорчивостью Риджа.

– Он выбрал деньги, если ты о Даниэле. Не знаю, куда он их дел. Может, положил в банк или рассеял по ветру? С него станется, – с невеселой улыбкой сказал маг воздуха, сунув ладони в карманы плаща.

– Почему никто не сказал? Я была уверена, что он выбрал занятия, – растерянно проговорила я.

– Не думай, что знаешь все на свете, Загадка. Откровенно говоря, мы мало знакомы. Ты не в курсе моего прошлого, а мне неизвестно твое. Полагаю, мы все друг для друга загадки, верно? – Он хитро усмехнулся, а его взгляд как бы намекал на мой рассказ про бабушку, когда я забылась и сболтнула лишнего. – Надо было лишь спросить,

скорее всего Даниэль бы рассказал. Но ты верила своим выводам, а он просто не стал разубеждать.

Действительно, я помню, как злилась на Лефевра и вовсе не спрашивала, каков был приз, что он получил год назад. В тот момент слова Ловеласа заставили меня задуматься.

– Он всегда очень собранный и задумчивый, кажется, будто ему все по плечу, – поделилась я.

– Может, так, а может, и нет. Я склонен считать, что Даниэль слишком мнителен. Для него лучший друг он сам, тот, кому он действительно доверяет.

– Тебе это неприятно? – проницательно спросила я.

– Не знаю. Когда-то было. Это его раны, и надо быть глупцом, чтобы считать, что они не оставят следа. – Ловелас на мгновение замолчал, меня же удивило его откровение. – Но доверие – это не такая уж великая вещь, если есть...

Речь Риджа оборвалась, когда он заметил, что мы не одни. Подслушивание или совпадение, но мы приближались к воротам академии. Беседа вынужденно завершилась, а я так и не узнала, о чем он хотел рассказать.

Перед глазами полыхнуло, вернув к реальности. Меня схватили за шиворот и резко отдернули назад. Скелет насильника погряз в облаке густого пепельного дыма на том месте, где еще мгновение назад находилась я.

– Ты почему спишь?! – Даниэль, стукнув кого-то шестом, вновь воззрился на меня – хмуро, недовольно, холодно. – Соberись. И не отставай от меня.

Еще мгновение, и в меня бы попали... Черт! Решимость и уверенность, возникшие столь внезапно, куда-то исчезли.

Я распрямилась, жутко недовольная собой.

– Этого больше не повторится, – пообещала некроманту.

– Следуй за мной. – Его ладонь соскользнула с моего плеча, оставив противное чувство разочарования.

Я заметила, что нападавших стало гораздо меньше. Несколько участников беспомощно валялись на земле, и еще парочка попыталась вновь напасть, но остальные отступили. Оживленцы некроманта расчистили путь, мы двинулись дальше – осторожно и торопливо.

Всюду была вода, темные лужи – словно неисчисляемое количество озер разлилось на улицах студенческого района. Центральная улица – единственное место, где спрятаться почти невозможно, много открытого пространства, запертые особняки, никогда не участвующие в игре из-за дорогого имущества, и именно в этом месте мы теперь находились.

– Они пробовали силы. Это лишь начало, – хмуро сказал Даниэль.

– Ясно, – тяжело откликнулась я.

Улица богачей встретила нас неожиданной пустотой, безмятежностью и стендом с мерцающей картой. Дома расступались, и каждое из строений стояло чуть глубже другого, даря место круглой площади с вырастающим в центре постаментом, уносящимся высоко в небо, и виднеющейся на вершине скульптурой. Фонари здесь не горели, что казалось странным, мы бы утонули в потемках, если бы не свечение, исходящее от стенда.

– Нас сгоняют в одно место? – прошептала я, видя, что огромная карта почти вся потемнела, оставив небольшое яркое пятно, подобное острову в океане.

– Возможно, – кивнул Даниэль, сдергивая и выкидывая черную маску, что съехала с лица на шею.

– Что же мы играем в догонялки? – неожиданно раздался негромкий голос.

Я напряглась, видя подступающие силуэты. Все, что происходило минуту назад, не имело значения – всего лишь пушечное мясо на растерзание. Напавшие недавно колдовали мало и слабо.

Лефевр жестоко ухмыльнулся.

– Догонялки? Едва ли, – сказал Даниэль, купающийся в собственной силе, как в омуте с водой, позволяя ей накрыть себя с головы до пят. Сгустки красного облака отделялись и улетали в неизвестном направлении, а оживленцы столпились поблизости, слегка дрожа телами. Вблизи стало заметно, что их все же немного потрепало. – Мне это больше напоминает прятки, Родриг. Как долго ты намерен прятаться от меня?

– Прятаться?.. Не мели ерунды. – Парень вышел из тени.

– Ты столько времени потратил на подготовку. Отыскал помощников, хотя договориться с кем-то о помощи во время игры

крайне сложно... – опершись на шест, насмешливо заговорил Лефевр. – Что ж, похвально.

– Ты все знаешь... – начал чернявый, заставив меня напрячься.

– Конечно. Такое количество людей просто не способно удержать секрет, ты должен был это понимать.

– Да, я это предвидел. – Родриг держал руки в карманах плаща, и меня это настораживало. Его уверенная поза, глаза, сверкавшие воодушевлением, – все кричало о том, что главный козырь еще не коснулся игрального стола. – У тебя туго с доверием, поэтому тех, кто на твоей стороне, этой ночью действительно мало. Но тебе не кажется, что в редких случаях количество перевешивает качество? На тебя ведь многие в обиде за прошлую игру, это даже не месть, всего лишь уплата долга.

– Сколько их? Пятнадцать – двадцать? Что ж, любопытно. – Даниэль сделал выразительную паузу, обводя присутствующих взглядом.

– Ты достаточно умен. Даже слишком. Но невозможно всегда выходить победителем, – проигнорировал вопросы Родриг. Он вытащил руку из кармана, и в его ладони блеснуло что-то металлическое.

Даниэль мрачно следил за противником, что ловкими движениями фокусника поигрывал неизвестным артефактом, подкидывая его в воздух.

– Ты ведь собрал все ключи? – невзначай поинтересовался Лефевр.

– Этого я тебе не скажу. – Одновременно со словами Родрига где-то вдалеке прокричала птица – громко, с хрипом.

Даниэль шагнул назад, поравнявшись со мной.

– Осторожнее, Загадка. Снова замечтаешься – накажу, – склонив голову, прошептал он.

Что? Я не ослышалась?

– Я не отстану. Беспокойся о своем обещании. Я ведь должна выйти невредимой, – заносчиво откликнулась я, ответ пришел сам собой.

Некромант ухмыльнулся. Крик птицы повторился и зазвучал вновь и вновь, сливаясь в причудливую мелодию опасности и угрозы.

Я подняла голову, замечая красные огни, словно светлячки, сбившиеся вместе, но чем ближе они становились, тем явственнее виднелись мощные крылья и, подобно стрелам устремленные вперед, клювы.

Мертвецы пришли в движение, и пособники чернявого оказались впереди, сжимая что-то в ладонях. Родриг шагнул назад, на его лице отразилась тень беспокойства вперемешку с изумлением. В следующую секунду артефакт, что он сжимал в ладони, взметнулся в ночь, полыхнув причудливым красным пламенем – сигналом к действию.

И они напали, опережая прилет ожившей птичьей армии. Мертвецы приняли удары на себя, пошатываясь и двигаясь гораздо медленнее, чем в недавней битве. Я позволила себе бросить взгляд на Лефевра, замечая несколько блестящих капелек пота, подобно утренней росе, выступивших на его лбу.

Для него это сложнее, чем он показывает. Гораздо сложнее...

Я поморщилась и тут же среагировала, отбивая сковородкой, на манер ракетки для пинг-понга, какой-то круглый предмет. Он отлетел в сторону, и спустя мгновение там громыхнуло, рассыпая ослепляющие оранжевые искры.

Ого...

Парочка человек, находившихся поблизости от отлетевшего снаряда, зашатались, вытягивая руки перед собой, будто в стремлении прощупать воздух, – их ослепило.

Птицы, будто туча комаров, спикировали вниз, разрывая плащи и клюя маски. Тильда наблюдала за происходящим со стороны, любуясь боем с крыши одного из домов. Девушка беспокоилась, хотя и понимала, что брат не стал бы рисковать попусту. Но количество мертвецов могло поразить любого. Пусть контроль некроманта немного рассеялся, мертвецы потеряли былую резвость, их валили с ног, а одного обвила, подобно змее, водная плеть, сдавливая, чтобы вскоре сломать кости, но Даниэль оставался сильнейшим студентом академии.

«Теперь понятно, как они расправились с первым оживленцем. Достаточно одного сильного мага, который по одному уничтожает скелеты, пока остальные отвлекают». – Тильда хмыкнула и недовольно поджала губы, заметив Родрига. Она прекрасно знала этого мальчишку, хотя он уже давно вырос.

– Хм. Давно такого не видел. Замечательно, – проговорил магистр Арнолид, преподававший свойства и особенности магических растений.

– Что же замечательного? Они играют грязно, – скривившись, отозвалась некромантка, несколько не удивившись внезапному появлению мужчины. Сейчас он выглядел не в пример лучше, чем во время преподавания в академии, иногда он настолько погружался в свою работу, что забывал об элементарной гигиене.

Магистр Арнолид пожал плечами:

– Знаешь, когда сталкиваешься с такой силой, любые уловки хороши. – Но, говоря о некроманте, он все же смотрел на Райалин, его очень интересовал ее новый дар.

Природников магистр любил. Их в королевстве рождалось мало, боги словно насмехались над всеми: на плодородных землях Морлада, где маги с даром к растениям сослужили бы пользу, они почти отсутствовали; Риттерин, с его крупными портовыми городами и развитым судоходством, испытывал нехватку воздушников; Даргнеш, с высокими горами и самыми глубокими шахтами по добыче магического металла, нуждался в магах земли.

– Возможно. Но это может обернуться катастрофой, – отозвалась Тильда.

Бойня разгоралась, сгусток пламени пролетел мимо Райалин, едва не задев ее плечо. Некромантка с неохотой признала, что с каждой минутой обуза брата держалась все увереннее – уже не сжималась, не вертела головой, как бестолковая рытвянка, что, выбираясь из норы, может подолгу трусливо вглядываться в даль, перед тем как полностью вылезти на поверхность. В ней чувствовалась то ли нарастающая смелость, то ли отчаянное желание хоть как-то помочь.

«Он один раз уже попал из-за нее на границу. Если это случится вновь...» – Тильда постаралась выкинуть тревожные мысли из головы. Девушка лишь единожды была в междумирье, и это едва не свело ее с ума.

– Кстати, о катастрофе. Ректор хочет, чтобы мы не вмешивались раньше времени. Лишь в самом крайнем случае, – сказал магистр Арнолид. – Целители наготове, потом всех подлечат.

Тильда покачала головой. Глава академии давно хотел сделать обучение студентов более рискованным и опасным, и после тревожных новостей с севера король наконец-то ему это позволил. Она сама передала письмо, из рук в руки – серый конверт, будто сделанный из пепла.

– А это не крайний случай? – поинтересовалась она, видя, как Родриг бросил что-то на землю, и оно покатилося, испуская густые струи дыма. – Что у вас там недавно произошло на праздновании? Подсыпали в дурманицы берхалею? Не удивлюсь, что это она и есть.

Магистр Арнолид прищурился, фигуры становились все более размытыми.

– Понаблюдаем, – подвел итог он. – Твой брат ведь контролирует себя? Вы, некроманты, чувствуете друг друга.

– Да, контролирует, – без промедления выдала Тильда, мысленно добавив: «Кажется...»

Несмотря на внешнее спокойствие, все внутри ее скрутилось в тугую узел. Если выбора не останется, ей придется вмешаться.

Ожившие скелеты и птицы кубарем падали на землю, становясь обычными костями и мертвой плотью – Даниэль больше ими не управлял. А девушку, что закрывала рот куском белой ткани, некогда бывшей повязкой на плече, схватили и поволокли прочь. Отчаянные попытки вырваться оказались бесполезны.

Маг энергии, помедлив, с нескрываемой осторожностью коснулся каменного забора. Он косился на стену ближайшего дома, ожидая, что нечто страшное выскочит из кирпичной кладки, попытавшись защитить тайник.

– Ты можешь быстрее? Знаешь, у нас нет целого дня в запасе, чтобы сидеть и молиться на этот столб! – недовольно проворчала Дарла.

– Ты могла бы не так явственно показывать свои чувства? – ровно проговорил парень, понимая, что магия некроманта не сработала.

Существо, замурованное в стену, должно было хотя бы показаться, чтобы опознать, кто забирает сверток – друг или враг.

– Какие чувства? – развернулась и уставилась на затылок блондина Дарла. Капельки воды, с которыми поигрывала девушка, безумно соскучившаяся по своей силе, рухнули наземь.

– Сильные. Судя по тому, как ты придираешься... Дарла, что же не дает тебе покоя? – Клайм, не оборачиваясь, вытащил камень из широкого квадратного столба. – Помолвка изначально была всего лишь фикцией...

– Замолчи. – Щеки Дарлы покраснели, ладони сжались в кулаки, она угрожающе шагнула к Клайму. В этот момент ей хотелось утопить парня в самом глубоком океане или заставить плыть по бурной реке, чтобы его голова то и дело стучалась о камни. Но еще водница поняла: «А это бревно ведь в чем-то право... Он выводит меня из себя одним видом, и, кроме происходившего несколько лет назад, других причин нет».

Ридж стоял неподалеку и готов уже был биться головой о стену. Парень словно стал лишним, и его откровенно задолбала их болтовня. От дела ни Клайм, ни дочь ректора не отвлекались, но, будто пушечными снарядами, обменивались едкими фразами: от водницы звучали длинные колкие вопросы и придирки, маг энергии обычно отвечал скупой, но емкой, парой слов заставляя девушку притихнуть на некоторое время.

– Молчу, – безмятежно отозвался Клайм, в руках он держал сверток, вытасченный из тайника. – Нам пора. Кажется, не мы одни попали в ловушку...

Дым. Я узнала его запах. Почти такой же, как ночь назад, но немного иной, с примесью гари. Несколько вдохов словно пригласили отраву в легкие, заставляя горло гореть горечью, а в голове словно разлилась сладкая патока, и все казалось легче, чем когда-либо.

Даниэль остался в облаке дыма. Все произошло так стремительно, что я невольно гадала: а понял ли он уже, что меня рядом нет?

Меня швырнули наземь – спина заныла, голова зазвенела, как сотни колоколов, а перед глазами мелькали целые созвездия с сотнями

мельчайших звездочек.

Красота, ничего прекраснее не видела... И, несмотря на боль и опасность, я улыбнулась.

– Ты чего скалишься? – раздался гневный голос, и чужая стопа с тяжелой подошвой опустилась на мою ладонь, припечатывая ее к камню. Ирида надавила, покрутив ногой сначала в одну сторону, потом в другую. Камень разорвал тонкую кожу на пальцах, и каменная поверхность обагрилась темными разводами крови.

Я вскрикнула.

– Ну-ну. Это только начало. – Ирида опустилась на корточки, с фальшивой заботой убирая прилипшие к моему лицу волосы. – Но если даже такой пустяк слишком... Мне тебя жаль.

Я дышала часто, жадно глотая холодный воздух. Из-за дурмана в голове даже острая боль притупилась, сливаясь со стуком сердца, ощущением ледяной воды подо мной, пульсацией ожога и напряжением в руках.

– Ты можешь уходить, – коротко бросила Ирида кому-то, не сводя с меня холодного взгляда.

– Нет, пока не отдашь указатель. Меня попросили проследить.

Ирида угрожающе распрямилась. А я узнала Рафала. И вновь подивилась небу над собой. Теперь это были не искры от удара головой, а самые настоящие звезды, облака расступились, обнажая островок ясных, обворожительно прекрасных огоньков из далеких вселенных.

Будто сами боги решили понаблюдать за происходящим...

– Откуда я могу знать, что Лефевр не прибежит спасти эту, – Ирида небрежно кивнула на меня, – после того, как я отдам тебе карту?

Рафал пыжился, преисполненный гордости:

– Об этом не беспокойся. Сейчас этот некромантишка даже о себе позаботиться не в состоянии.

Не в состоянии...

Я попробовала приподняться и поняла, что до сих пор сжимаю в другой ладони ручку сковородки. Каким образом я ее не потеряла, оставалось загадкой.

– Если ты мне врешь... – зашипела Ирида, повернувшись ко мне спиной.

Рафал занервничал:

– Да не вру я. Помнишь тот дым на вчерашней вечеринке? Так вот, у некроманта от этой травки голову сносит.

– Как сильно?

– Не знаю, – пожал плечами парень. – Родриг перемешал ее с другими травами, чтобы сделать чуть слабее. Но он сказал, что скорее всего даже этого хватит.

Пошатываясь, я поднималась на ноги, сладкая патока превращалась в лаву – горячую, жгучую. Я по-прежнему чувствовала себя всесильной, но теперь я, подобно наконечнику стрелы, знала свою цель и направление.

– Хватит для чего? – Ирида вытащила что-то из-под плаща и, крепко держа, зажала в кулаке. Ее рука застыла над раскрытой ладонью Рафала.

– Чтобы его не стало. Чтобы он навсегда покинул академию...

В воздухе раздался свист. Ирида отшатнулась, среагировав, а вот Рафал остался на месте. Ребро сковородки угодило ему чуть выше переносицы.

Утварь рухнула, с грохотом ударившись несколько раз о камни. Рафал отшатнулся, глаза парня скосились, а на лице наливалось красным продолговатое пятно. Секунда, и он сполз на землю, потеряв сознание.

Лицо Ириды исказила гримаса, а в ладони блеснул кинжал, которым она вмиг отрезала кусок зеленого щупальца, проросшего сквозь камни мостовой, уложенные даже между домами.

– Пропусти меня, – твердо прошептала я.

– Как же ты мне... – покачивая головой, начала Ирида. Ее взгляд похолодел, она не воспринимала меня всерьез.

– Пропусти!!! – Я не узнавала собственного крика. Внутри меня словно что-то сорвалось с цепи, готовое разорвать всех и вся без остатка.

По щекам хлестнул ледяной ветер. Ирида стояла в боевой стойке, вскинув руки. Новая атака оставила обжигающий порез на плече, но я не придавала этому значения. К воздушнице, возникшее ниоткуда, тянулось чудовище с острыми красно-черными щупальцами с зазубринами по краям. Оно было частью меня и частью некроманта – сотканное из нас обоих. Что бы ни произошло тогда во сне, оно

укрепило связь. Я чувствовала его. Моя душа болела так, как не тревожила ни одна из ран. Лефевру требовалась помощь, он срывался, терял себя.

Бедро пульсировало.

Если для того, чтобы спасти его, понадобится погубить эту девчонку, то пусть так и будет...

Я сделала шаг, щупальце угрожающе изогнулось, а Ирида, продолжавшая атаковать, не понимала, как близка опасность.

Внезапно я заметила стремительно приближающийся к воздушнице силуэт. Девушка не чувствовала красно-черное чудовище, но ощутила чужое приближение. Прежде чем она обернулась, ее висков коснулись мужские ладони, и тонкая струйка молочного тумана скользнула к голове.

Мгновение, и взгляд Ириды обратился в пустоту, порыв ветра утих, словно его и не было, а тело ее обмякло в руках незнакомца. На нем, как и на всех участниках Герадовой ночи, был надет плащ, а на лице – маска скалящегося животного с алыми зрачками и выступающими клыками.

Красно-черное щупальце замерло в нерешительности – нападать или пощадить?

– Иди. Беги, куда тебе надо! – Незнакомец посмотрел прямо на меня.

Один настороженный взгляд, и я рванула вперед, второго приглашения мне не требовалось. Щупальце отпрянуло, безвольно замерев, лишившись врага и цели существования.

– Только не рассказывай обо мне, – донеслось вслед.

Даниэль закрыл глаза, каким-то чудом еще не утратив способности мыслить. Он сидел на корточках, уперев одно колено в землю. Постоянные потоки дыма, проникающие в легкие, лишали сознания. Он попытался не дышать, но не смог. Попробовал убежать от ядовитых для него сгустков, но вскоре понял: еще шаг, и он просто упадет.

– Вот и конец, не так ли? Еще немного тьмы и бессознательной ярости, и твоя собственная сестра свернет тебе шею. – Родриг стоял

рядом, хотя желал поскорее убраться. Его лицо скрывала тканая маска, какие надевают при простуде, но эта защищала парня от дыма берхалеи. Хотя даже без нее Родриг не находился бы в таком плачевном состоянии, как Лефевр. – И напоследок. Ты мне нравился, твои способности достойны восхищения. Но твой дар смерти слишком возвысил тебя над остальными, Даниэль. Это неправильно. Даже твоей матери кажется это ужасным. Хотя поначалу она за тебя вступилась. Ничего личного, просто всю жизнь бороться и сталкиваться с таким, как ты, я не намерен. Лучше покончить с этим здесь и сейчас.

Даниэль молчал. Половина слов потонули в пространстве, так и не дойдя до его разума. Тени вырывались – лишившись своих жизней, они страстно желали забрать чужие. Те, кто не хотел умирать, те, кто заботился лишь о себе, учуяв слабость, выжидали, когда же последние остатки сознания рухнут, а железная воля даст трещину. Лишь образ золотой души – невинной, цельной, прекрасной, как лучик солнца, – поддерживал Лефевра и давал сил.

Родриг повернулся спиной, собираясь уйти. Вместе с ним место битвы покидали и остальные. Хизерд, огневик, который, как телохранитель, держался рядом с некромантом из своей команды, кинул последний взгляд на Даниэля – лицо обращено к земле, ладони будто желают просочиться сквозь грязные камни мостовой. Но, даже несмотря на очевидное поражение и беспомощность, в фигуре некроманта оставалось что-то гордое, самодостаточное, уверенное.

И Хизерда злило это.

«Если, чтобы окончательно сломить, тебя надо извлекать в грязи... то я это сделаю», – подумал он и замахнулся ногой. Почти пнул, но за мгновение до этого его конечность что-то схватило и сдвинуло чуть ниже колена.

Хруст.

Крик боли разорвал пространство.

Родриг замер. Его приспешники повернулись. Облако дыма из берхалеи всколыхнулось и разошлось, словно выплевывая из своей утробы тело человека. Хизерд приземлился на зад и упал, проскользив прямо к ногам лидера команды. Нога огневика торчала под неестественным углом, и, опомнившись, он вновь вскричал, безумно вытаращив глаза от боли.

Родриг, не обращая внимания на кричащего товарища, напряженно всматривался в темноту.

«Что за ересь? Даниэль пришел в себя?! Это невозможно!»

Глава 13

Победители

Я заскочила в густое облако дыма, безумно злясь на все случившееся. Меня достала ночь, что никак не хотела заканчиваться, бессмысленный риск, которому я подверглась из-за некроманта, люди, пытавшиеся насолить мне по идиотским причинам. В какой-то момент подготовка к Герадовой ночи меня увлекла, но теперь можно с уверенностью заявить: я переболела, она действительно меня достала!

Силуэт около Даниэля я заметила сразу и прибавила шагу. Но когда поняла, что именно парень собрался сделать, меня просто переклинило. Из земли стремительно вырос новый стебель – с коричневой корой, покрывавшейся сотнями трещин при каждом движении растения. Он в мгновение ока сломал парню ногу, а потом отбросил прочь, как мусор. Полный боли крик мага принес удовлетворение.

Давайте только суньтесь... Я поступлю так с каждым.

Стебель отрастал, утолщался, становясь похожим на высокое изгибающееся дерево.

Засмотревшись на творение своей магии, я не сразу вспомнила про Даниэля. Он пошатывался, ему едва хватало сил устоять и не рухнуть на землю. От увиденного сдавило сердце.

Надо вытащить его отсюда, пока враги не напали, отнести на чистый воздух.

Я подошла, посмотрела на свое растение. До сих пор я не задумывалась, сколько вреда могу нанести противнику в бою. Теперь стало боязно.

А если стебель сдавит тело Даниэля сильнее, чем надо? Хотя какая разница? Останься он здесь, и нас ждет нечто худшее, чем переломы.

– Я буду осторожна, – сказала некроманту, коснувшись его волос.

Я собиралась отойти, чтобы стебель ненароком не захватил нас обоих, но внезапно Лефевр открыл демонские глаза – они сверкали красным. Сделала шаг назад, стебель метнулся вперед, реагируя на мой испуг, но не успел. Даниэль дернул меня за руку, так, что хрустнул

плечевой сустав, и я просто рухнула в его объятия, ударившись коленями о мостовую.

Попыталась вырваться, но хватка становилась крепче, стало трудно дышать.

— Задушишь. Отпусти, я должна вытащить нас отсюда! — попыталась докричаться до разума некроманта, но ответом было молчание да красные глаза, а вскоре я поняла — со мной что-то происходит.

Силы исчезали, я не могла сопротивляться, стебель обмяк, тяжело рухнув наземь, тело словно затекало. Руки и ноги наливались свинцом, настолько тяжелым, что даже пошевелить пальцем казалось для меня непосильной задачей.

Но по мере того, как я становилась безвольной куклой, Лефевр приходил в себя — дыхание выравнилось, мышцы под плащом забугрились, он явно намеревался подняться.

Он выпил из меня все силы... Этот мерзавец сделал меня похожей на растение!

Конечно, с одной стороны, я безумно радовалась, что некромант пришел в себя, но становиться амебой не входило ни в какой из моих планов.

Даниэль подхватил меня и поднялся на ноги уже вместе со мной. Даже после дождя и нескольких часов игры его плащ остался чистым, тогда как мой весь оказался покрытым грязью.

— Извини, — услышала ласковый шепот. Мои глаза оставались открыты, но двигать головой, как и всем телом, я тоже не могла, поэтому видела лишь руку некроманта и проступающие очертания улицы в начинавшем рассеиваться дыме. — Я обо...

Договорить некромант не смог, его речь просто оборвалась. Я насторожилась и поняла, что не слышу вообще ничего! Ни дуновения ветра, ни разговоров людей неподалеку, что в последний момент решили вступить в бой, ни шелеста крыльев вновь оживленных птиц. Исчезло все! Не было даже привычного звона в ушах, возникающего, когда неожиданно становится тихо.

Словно кино с выключенным звуком... Артефакт Клайма, его активировали!

Даниэль передал Загадку магу энергии, чтобы освободить руки и вступить в бой. Когда же все завершилось и звуки вернулись, некромант неспешно подошел к Родригу, который лежал на земле с застывшей на лице гримасой злости.

– Ты даже собой рискнул, но все равно не вышло. Какая досада.

Маг смерти схватил парня за грудки и оторвал от земли, притягивая к себе:

– Пора разобраться.

– Что ты хочешь сделать? – Родриг почти не боялся. Он впервые видел Лефевра таким – лицо будто накрыла тень, черты его заострились, в зрачках проскальзывали красные искры.

– Пока ничего. – Лефевр подтянул парня еще ближе и прошептал так тихо, что никто, кроме них двоих, не смог бы расслышать его слова: – Клянусь самой смертью, тремя богами и орденом некромантов, если ты еще раз встанешь у меня на пути или попытаешься навредить кому-то из моего окружения – я тебя убью. Ты заснешь и не проснешься. Никто даже не поймет, что ты умер не сам. Надеюсь, ты дорожишь своей жизнью.

Даниэль ощупал тело Родрига и, отыскав связку ключей под плащом, опустил парня на землю, небрежно похлопав того по щеке.

– Ты монстр, – произнес Родриг, его лицо, бледное как мел, выделялось на темной мостовой.

Лефевр обернулся.

– Возможно. Но не я сделал себя таким, – улыбнулся он и ушел, больше не останавливаясь.

– Вот ключи. – Лефевр на ходу перекинул связку магу воздуха и молча, но бережно забрал Эмму, вновь прижав к себе.

– Сколько она еще будет без сознания? – с заметным беспокойством спросила Дарла.

– Кто сказал, что она без сознания? Она слышит и будет видеть, если открыть ей веки. У нее магическое истощение, – ответил за некроманта Клайм, посмотрев на водницу.

У каждой магии свои особенности, и если некроманты при истощении проваливаются в междумирье, то природники утрачивают способность двигаться и засыпать.

– Закончите игру без нас, – сказал Даниэль, и никто ему не возразил.

На ближайшем стенде уже мигал огонек Ириды, она находилась неподалеку. Осталось узнать лишь местонахождение ларца, и Герадова ночь завершится.

За территорией игры находилось куча народу, все, кто выбыл, теперь с интересом ожидали завершения. Но они отошли в сторону, открывая некроманту путь.

Неподалеку, прямо на улице, организаторы игры развернули шатер, в котором лечили пострадавших. Стоило к нему приблизиться, как к некроманту подскочил кто-то из целителей, предлагая помощь.

Скользнув взглядом по зеленой тунике, расшитой серебряной нитью, некромант отказался. Одевание выдавало принадлежность к роду Райалин. Игнорируя возмущения мага, Даниэль остановился, пристально осматривая целителей.

– Что там произошло?! – зашипела Тильда, резко оттесняя целителя, который все еще пытался воззвать к благоразумию мага смерти, требуя, чтобы ему дали заняться лечением госпожи Райалин.

– Не сейчас.

– Ах, не сейчас?! Да я едва не поседела, пока ты там дымком берхалеи баловался!

– Тильда, – некромант твердо посмотрел на сестру, – давай потом. Мне нужна твоя помощь.

– В чем? – Девушка вмиг собралась.

– Необходим целитель. Кто-нибудь из наших, кто не станет задавать вопросы, – прошептал некромант.

Тильда тяжело взглянула на тело природницы в его руках.

– Хорошо. Идем. – Махнув рукой, она повела брата в самый дальний угол шатра.

Повсюду стояли кушетки, с тканого потолка свешивались магические светильники, тонкие, но непрозрачные шторы закрывали некоторые кровати.

Тильда подошла к одной из штор и позвала:

– Госпожа Ларда, нужна ваша помощь.

Вскоре из-за занавески высунулось лицо женщины на вид лет сорока, с раскосыми темными глазами и в белом колпаке, прикрывавшем волосы.

– Я занята, – заявила она, лишь взглянув на прибывших.

– Это важно, – настаивала Тильда.

– Я знаю, что важно, а что нет. Здесь море целителей! У нее всего-то несколько ушибов и порезов в совокупности с магическим истощением, – резким тоном проговорила женщина, отодвинув штору. – А у этого парня кость раздроблена и копчик сломан. Он хромой останется, если за его лечение кто-то криворукий возьмется.

Огневик, лежавший на кушетке, склонил голову, и его глаза расширились от ужаса, когда он узнал некроманта.

Впрочем, Тильда, наблюдавшая за боем со стороны, тоже узнала парнишку из команды Родрига, который, как снаряд, вылетел из облака берхалеи.

– Мойра ею займется. – Целительница попыталась вновь задержать штору.

– Нет. Подождите. – Сощурившись, Тильда схватилась за край занавески, не думая отпустить. – У вас передо мной долг. Я хочу его вернуть. Поэтому сейчас вы поручаете заняться этим мальчишкой кому-нибудь другому и без лишних вопросов лечите вот эту девушку.

Целительница поджала губы и обреченно выдохнула.

– Мойра! Мойра! Да где она запропастилась? – раздраженно воскликнула женщина.

Вскоре прибежала девушка примерно одного возраста с сестрой некроманта – ближе к тридцати годам. Госпожа Ларда давала наставления, а та кивала, внимательно слушая.

Огневик было возмутился, но быстро замолчал под угрожающими взглядами Лефевров.

– Вызвали меня из-за такой ерунды, – ворчала целительница, склонившись над телом Эммы.

Большинство порезов и ушибов пропадали за считанные секунды – раны затягивались, выравнивался тон кожи, налившиеся синевой синяки исчезали. Лишь с разодранной на пальцах кожей целительница провозилась чуть дольше.

Даниэль, сложив руки на груди, внимательно следил за действиями госпожи Ларды. Его сестра задумчиво смотрела то на некроманта, то на Райалин.

«Он почти сорвался, я это чувствовала... Но теперь Даниэль на ногах, а эта девчонка с истощением. Не понимаю...»

– Ему надо выйти, – нахмурившись, проговорила женщина. Молочная дымка целительского тумана застыла у ноги Райалин. – Я чувствую у нее сильный ожог на ноге. Видимо, она его перебинтовала, но без мази, и ткань прилипла. Надо убрать все лишнее, промыть, и только потом я смогу исцелить его.

– Я сам обработаю ожог и наложу повязку. Вы сможете дать мне все необходимое? – Даниэль придвинулся ближе, запоминая, где именно остановились ладони женщины.

– Что? – Целительница вскипела. – Может быть, ты сам бы и с ушибами ее разобрался? Зачем я понадобилась? Могли бы сами все сделать...

Некромант молча обменялся с сестрой взглядами, и Тильда вздохнула:

– У нас уговор, Ларда. Объясни, что как делается, и дай ему все необходимое.

Громко сопя, целительница ушла в поисках необходимых лекарств.

– Спасибо, – сказал Даниэль.

– Пожалуйста. – Тильда кивнула и подошла к лежащей на кушетке Райалин. – Ларда лучший целитель, которого я знаю. И умеет держать язык за зубами. Не знаю, что у вас происходит, но будьте осторожнее. Я не хочу тебя хоронить.

Тильда тревожно замолчала, а Даниэль вдруг захотел обнять сестру, но не успел.

– Вот этим намочишь повязку, подождешь немного и аккуратно снимешь ее, – заскочив за штору, с ходу заговорила целительница. – Промоешь чистой водой и аккуратно наложишь тонкий слой вот этой мази и лишь потом сделаешь повязку. Только не перевязывай туго.

Она закинула несколько склянок и бинт в тканый мешочек и вручила его Даниэлю.

– Если обработаешь плохо, ожог воспалится и загноится. Не халтурь.

– Не беспокойтесь, – сухо отозвался Лефевр.

– Ну-ну, – скептически протянула целительница. – Тильда, если у меня будут проблемы из-за вас...

– Я с ними разберусь, – пообещала некромантка.

– Ладно. Я пошла. – Госпожа Ларда вновь скрылась за занавеской.

Даниэль приблизился к кушетке и вновь взял Эмму на руки, развернулся и ногой отодвинул край шторы.

– У меня еще есть дела, но я могу обработать ее ожог, – предложила Тильда, идя следом.

– Я сам, занимайся своей работой.

– Тогда попроси Дэафи...

Бровь некроманта насмешливо приподнялась.

– Я не оставлю Райалин с этой женщиной. У нее слишком кровожадные намерения по отношению к Загадке, – безапелляционно отверг предложение некромант, ловко маневрируя между кушетками и снующими туда-сюда людьми.

– Поговори с ней, объясни.

Даниэль остановился, когда они покинули шатер.

– Тильда, спасибо за помощь, но теперь я разберусь сам.

На мгновение повисла тишина, а после некромантка сдалась:

– Ладно. Как хочешь.

Внезапно гроыхнуло, и небо окрасилось разноцветными огнями. Красные, желтые, фиолетовые сполохи отразились на крышах домов – победитель определен, Герадова ночь подошла к концу.

Даниэль на мгновение засмотрелся на огни, но вскоре нахмурился и отвернулся. Некромант ощущал вину и злость на самого себя.

«Самоуверенный болван. Расслабился, стал мягче и позволил обдурить себя. Но в итоге тебя самого пришлось спасать... – Даниэль чуть крепче прижал к себе природницу, будто боясь, что она исчезнет. – Теперь настало время разобраться с ее проблемами – семейкой Райалин и с теми, из-за кого настоящая Конкордия упала с башни...»

Тильда хмуро смотрела брату в спину. Девушка не ожидала, что эта ночь обернется для нее сущим кошмаром. Давно она так не переживала.

«Стоп. Куда он идет? Особняк ведь в другой стороне, – удивилась Тильда и, вспомнив высказывание брата о Дэафи, не поверила своей догадке: – Неужели к Райалин?»

Глава 14

Откровение

У большинства особняков на Центральной улице входные двери открывались прикосновением руки владельца к металлической ручке. Запирающий артефакт позволял отказаться от ключей, но все же его изготовление оставалось дорогостоящим, поэтому внутри домов комнаты запирались на обычные замки.

Когда Даниэль отправился к дому Эммы, им двигала лишь одна мысль – в привычном месте ей будет спокойнее. Особенно если вспомнить резкие высказывания девушки по поводу встречи с некромантом на его территории. Конечно, с тех пор многое случилось и отношения изменились... Но Лефевр чувствовал вину, крайне несвойственное ему чувство, а еще злость Эммы. За каких-то пару дней он научился прекрасно ее понимать и готов был поспорить на все музыкальные пластинки из своей коллекции, что к гневу девушки примешалась досада.

Загадка могла драться, показать себя перед остальными студентами академии, а он за несколько секунд выпил ее магию, отдав свою беспомощность и забрав силу.

Даниэль совершил это бессознательно, ухватившись за золотой свет, который стал реальным, будто вырвавшись из его воспоминаний.

– Что бы я сейчас ни сказал, это меня не оправдывает. Но когда очнешься, можешь хорошенько меня побить, – в никуда проговорил некромант, подходя к дому Эммы.

«Идиот», – сварливо подумала природница. За прошедший час она успела испытать всю гамму чувств – радость, гнев, страх, что ее секрет раскроют, раздражение на свою беспомощность и невероятное облегчение, когда целительнице не разрешили излечить ожог. Ей приходилось вариться в котле собственных эмоций, успокаивать себя и заставлять думать о чем-то постороннем. Но теперь с каждой секундой Эмму все больше беспокоил один щекотливый вопрос: Даниэль в самом деле вздумал сам обработать ее ожог?

– В последнюю пару дней – определенно, – ответил некромант, словно прочитав ее мысли. – Хотя, очевидно, у меня тяжелый

характер.

«Я бы сказала, у тебя дерьмовый характер, но это только пока ты не узнаешь человека получше».

Даниэль поднялся по ступенькам и, взяв ладонь Эммы, прижал ее к железной ручке, накрыв своей, – раздался щелчок замка, и входная дверь отворилась. В прихожей загорелся яркий свет.

Лефевра ничуть не смущало, что он в чужом доме. Советник главы рода уехал днем – об этом невзначай сообщил ему Ридж, – а Горидас Ритерд единственный, кто мог бы создать проблемы.

Затворив дверь, некромант направился к лестнице – все хозяйские спальни по обыкновению находились на втором этаже.

«Мы в моем доме? – услышав знакомый скрип половиц и едва уловимый запах выпечки с ванилью, догадалась Эмма. Дарина готовила очень много и часто, поэтому знакомый сладкий аромат, казалось, вьелся в стены. – Черт! Она же...»

– Госпожа... – Служанка сощурилась от света в прихожей.

«...осталась на ночь из-за игры».

Некромант остановился. Девушка в простеньком платье в ужасе уставилась на него. Лефевр мысленно хмыкнул, представив, что увидела служанка: одетый во все черное маг смерти в мокром плаще и с прилипшими ко лбу волосами, собравшимися в мелкие сосульки, и госпожа в испачканной и местами порванной одежде. Как раз в этот момент рука Эммы свесилась, являя перепачканную кровью ладонь.

– Она в порядке. Покажи ее спальню, – бесцеремонно проговорил Даниэль, с малознакомыми людьми у него напрочь пропадали манеры.

Служанка не двинулась с места.

«Вот точно идиот... Ты испугал ее!»

Бровь некроманта вопросительно изогнулась.

– Д-да-а-а. Извините, – дрожащим голосом пролепетала Дарина и взбежала вверх по лестнице, показывая путь.

Пока они поднимались, девушка то и дело опасливо оглядывалась, чем действовала Лефевру на нервы.

– У Конкордии магическое истощение. Кровь на руках принадлежит ей самой, она поранила ладонь. Целитель уже излечил все раны и ушибы, – сообщил он и услышал облегченный вздох.

Даниэля мало интересовал сам дом, он не осматривался, потому что еще в первый свой визит сделал вывод: особняк построен теми же

людьми, что и большинство зданий на Центральной улице. Похожая планировка и отделка, зачастую не имевшая ничего примечательного.

– Мы пришли. Но госпожа всегда запирает свою спальню на ключ, – не поднимая головы, сказала девушка.

– Запасного ключа нет?

– Нет, – девушка мотнула головой.

– Она либо взяла его с собой, либо спрятала, – озвучил свои предположения некромант, осматривая дверь, стены и окно в конце коридора.

Взгляд Даниэля вернулся ко входу в спальню.

– А она точно заперта? – протянул он, увидев едва заметную щель между дверью и косяком.

«Нет. Я боялась потерять ключ. А прятать его смысла не видела. Если мою спальню захотят осмотреть, то обычный замок не остановит». – Эмме начинал нравиться этот односторонний диалог. Приятно хоть на короткое время знать чуть больше некроманта, а то обычно это от нее скрывали правду. Но веселье омрачали мысли о Дарле. По всему выходило, что она знакома с троицей давно. От этой мысли Эмме становилось неприятно.

Некромант надавил на дверь коленом, и та с неохотой открылась, на пол упал свернутый клочок бумажки.

Даниэль усмехнулся, посмотрев на листок.

«Испортил замысел. Я хотела узнать, проникал ли кто ко мне в комнату. Зря только тратила время, чтобы отмерить расстояние и хорошенько запомнить, куда поместила листок».

– Принеси ножницы, – коротко бросил Лефевр, мельком взглянув на служанку.

«Для чего тебе ножницы?»

– Минутку, – помедлив, сдавленно откликнулась девушка и, бросив последний опасливый взгляд на тело госпожи, засемила по коридору.

Некромант вздохнул, вошел в комнату и направился к широкой кровати. Положив природницу на постель, вернулся, чтобы закрыть за собой дверь.

– Я рассчитывал застать дом пустым, – разминая руки, проговорил Даниэль, его взгляд скользил по однотонным стенам, непримечательной мебели и остановился на столе, заваленном

книгами и блокнотами. Парочка фолиантов лежала стопкой на краю, а их страницы пошли волнами. Неподалеку стоял пустой кувшин для воды.

В дверь постучали.

– Вот, как вы просили. – Вернувшаяся служанка протянула сверкавшие новенькие ножницы.

– Спасибо. Можешь идти.

– Вы остаетесь?

– Да. – Даниэль холодно взглянул на девушку и внезапно спросил: – Как тебя зовут?

– Дарина, – пробормотала служанка.

В абсолютной тишине некромант прошелся по комнате, положил ножницы на постель рядом с мешочком от целительницы и лишь потом заговорил:

– Так вот, Дарина. Я не причиню Конкордии вреда. Наоборот, собираюсь помочь. У нее первое магическое истощение, а на фоне не вошедшего в силу дара будет лучше, если я за ней пригляжу. Если же у тебя остались какие-то опасения, сообщи об этом Райалинам. Уверен, ты держишь связь с кем-нибудь из них, – твердо сказал Даниэль. – Если вопросов нет, прошу покинуть комнату.

«Иногда ты удивительно красноречив, – прокомментировала про себя Эмма. – Но вот касательно Дарины... Я, конечно, ей не доверяю, но она неплохая, и мой двойник ей доверяла, раз просила помощи. Даже если она может связаться с моими родственничками, то вряд ли доносит на меня».

Тем временем служанка вышла. Некромант пугал ее, и поначалу девушке показалось, что он просто выставит ее за дверь спальни, не дав никаких объяснений. Дарина беспокоилась не только за госпожу, но и за себя, случись что, Райалины сделают ее жизнь невыносимой.

Лефевр взял тканый мешочек, разложил на кровати его содержимое и склонился над природницей, расстегивая ее плащ.

– Эмма, эта комната не для тебя, – сказал он и подошел к столу, чтобы взять стул. – Моя понравится тебе гораздо больше.

Даниэль поставил стул рядом с постелью и сел. Лицо приобрело серьезность, он вздохнул, сцепив руки в замок.

– Не могу сказать, сколько ты пробудешь в этом состоянии. Может, несколько часов, а возможно, и дольше... Когда магические

силы чуть восстановятся, скорее всего ты сразу уснешь, так и не открыв глаз. – Даниэль смотрел на Эмму, ее грудная клетка едва поднималась, дыхание было тихим. Взгляд парня задержался на измазанной в крови ладони, и на лице заходили желваки, а в глазах заплескались едва заметные красные искорки. – Поэтому мы не можем ждать, пока ты проснешься и сама займешься своей ногой. Это придется сделать мне. Хм... Почему возник ожог? Ты хотела скрыть знак и сожгла себе кожу? Хотя нет, ты не так глупа, чтобы додуматься до подобного...

«Думай, гадай... А когда я очнусь, то спрошу: что, черт возьми, между нами творится?! Почему, когда ты мне снишься, я просыпаюсь с горящим пятном на бедре, а когда пытаюсь помочь, то лежу пластом?»

Эмма вновь разозлилась, но внезапно возникший внутренний голос притупил гнев: «Когда он тебя спас под той башней, то пережил нечто куда более ужасное, чем то, через что ты сейчас проходишь».

– Я буду говорить, чтобы тебя отвлечь. – Даниэль взял в руки ножницы. – Знак находится довольно высоко, обычно я с подобными вещами не заморачиваюсь, но тебе не понравится, если я начну тебя раздевать. По крайней мере, сейчас. Поэтому я просто разрежу штанину.

Некромант поднялся со стула и приступил к делу. Эмма слышала его дыхание и испытала облегчение после объяснений Даниэля. Будь она без сознания, все было бы куда проще. Все же девушка не раз бывала на пляже, а современные купальники отнюдь не отличаются целомудренностью. Но находиться в сознании, когда тебя раздевают, не видеть, но чувствовать каждое прикосновение без возможности пошевелиться – подобно извращенной пытке.

– Здесь так тихо, что я слышу, как быстро стучит твое сердце, – прошептал Даниэль, улыбнувшись. Он разрезал штанину почти до самого пояса и, добравшись до перевязки, остановился. – Я все равно должен был увидеть знак. Но я только сейчас подумал... Советник предположил значение знака. Он его видел?

«Только на моем рисунке. Но неужели ты ревнуешь?»

Некромант потянулся за баночкой, где плескалась прозрачная, совсем как вода, жидкость. Как и предсказывала целительница, бинт прилип к ожогу.

Каждое мимолетное прикосновение некроманта к коже отвлекало Эмму от ноющей боли в ноге.

Трепет и жар, сливаясь, действовали как успокоительное. Эмма попыталась сосредоточиться на этих ощущениях, чтобы было не так больно, когда некромант начнет убирать бинт.

– Надеюсь, что нет. Он не должен меня волновать, но в последние несколько дней любое упоминание о советнике почему-то злит меня. Я раньше с этим не сталкивался, но, думаю, это и есть ревность. – Некромант откупорил бутылек и аккуратно стал смачивать перевязку.

Атмосфера в спальне приобрела личные нотки, будто прямо сейчас стирались последние границы и выстраивалось незыблемое доверие. Но доверие и взаимопонимание не одно и то же. Горячие споры, несерьезные обиды и привыкание друг к другу – все это еще ожидало их впереди.

– У тебя прекрасные ноги, – сказал некромант. – Я много раз видел Конкордию, но никогда не обращал на нее внимания. Помнишь, как мы встретились в коридоре, когда я разговаривал с Ивонной? Меня забавляли преследования Райалинов, и я позволил этой целительнице приблизиться к себе. Ничего серьезного, пара встреч, несколько совместных обедов в академии... Но в тот день я искал тебя, увидел в окно, как ты дала пощечину одной из сестер. Если раньше я колебался, то в тот момент подумал: одно из двух, либо я схожу с ума, либо это правда другой человек. Тогда я лишь задавался вопросами: из-за кого я рискнул? почему иная душа притянулась к этому телу? И, как я уже говорил, эта неразбериха меня безумно злила.

На мгновение Даниэль замолчал, словно исчерпав запас слов. Он сидел на краю стула, ноги упирались в деревянный борт кровати, прикрытый покрывалом, руки вновь сплелись в замок в ожидании, когда же подействует лекарство и можно будет снять повязку. Но смотрел некромант лишь на лицо Эммы, он впервые разглядывал ее столь долго и пристально.

«Продолжай...»

– Я искал тебя, а наткнулся на Ивонну. Хотя, думаю, она меня караулила, – неспешно заговорил Даниэль, вновь беря ножницы. – Когда появилась ты, я напрочь забыл о целительнице. Никаких теплых чувств я не испытывал, даже наоборот, но думать мог лишь о тебе, и это факт. Потом, когда ты убегала, я впервые засмотрелся на твои ноги.

Они очень сексуальны... – Лефевр сделал тревожную паузу. – Приготовься, сейчас я буду снимать повязку.

Некромант перерезал бинт.

На внешней стороне бедра сквозь белую ткань проступали желтоватые пятна, ставшие менее яркими после смачивания.

Даниэль аккуратно подцепил край перевязки и потянул вверх. Ткань отходила с неохотой, норовя забрать с собой кусочки кожи.

– Ты терпела боль всю игру? Или дольше?

Даниэль подул на ожог и за пару секунд полностью убрал бинт. Сквозь волдыри проступали темно-зеленые линии знака. Парень отклонился, разглядывая рисунок.

Лицо Лефевра ничего не выражало. Он молча поднялся и отрезал кусок бинта из припасов целительницы, затем взял пустой кувшин со стола и скрылся в ванной.

Вскоре Эмма услышала шум воды.

«Что он понял? Если снова начнет умалчивать...» – Мысли девушки прервались, когда в спальне вновь раздались шаги. Некромант двигался тихо, неспешно, чуть шаркая.

Место ожога оказалось почти чистым, покрытым мелкими волдырями, некоторые из которых лопнули. Целитель бы справился с подобной раной в считанные секунды, но знак нельзя было никому показывать. Попаданцы довольно редко появлялись в мире Лефевра, а об иномирцах в чужих телах некромант вообще никогда не слышал.

– Советник был прав. Это означает правду. – Даниэль аккуратно прошелся мокрой тканью по краю ожога. – Только это знак Джалы, богини судьбы, покровительницы тех, кто идет на риск, чтобы изменить предначертанное. Ее знак можно расценивать совершенно по-разному: узнать правду о том падении или познать себя... Хм, раньше мне все это казалось выдумками.

Некромант вновь откупорил первое лекарство и полил его на рану. У ноги природницы лежала салфетка, взятая со стула и впитывавшая в себя излишки жидкости. Даниэль нахмурился, взяв в руки лечебную мазь.

Как только его пальцы коснулись ожога, боль притупилась и стала затихать. Эмма лишь теперь поняла, насколько привыкла чувствовать жар, будто желающий прожечь бедро насквозь.

Даниэль, завершив обработку раны, коснулся ноги девушки, приподнимая и сгибая в колене. Оставалось лишь наложить новую повязку. Его губы сжались в тонкую линию, брови сошлись на переносице, пока пальцы невесомо скользили, перекладывая бинт из одной ладони в другую.

Вскоре с перевязкой было покончено. Приподняв природницу с постели, Даниэль вытащил из-под нее покрывало вместе с испачканным плащом, скинув их на пол.

– Спасибо, – прошептал некромант, наклоняясь и целуя девушку в висок.

«За что?»

Но Лефевр, больше ничего не сказав, вновь сел на стул. Мысли ураганом кружили в его голове, складываясь в нечеткую картину. В полной тишине прошел час, безумно долгий для Эммы и мимолетный для некроманта.

Природница громко вздохнула, привлекая внимание Даниэля.

«Уже уснула? Сила восполнилась быстрее, чем я ожидал...»

Прояснившееся небо сверкало голубизной. Лужи подсохли, но на улице все еще оставалось гораздо прохладнее, чем пару дней назад. Несколько раз на пути некроманта попадались люди в рабочей униформе, приводившие в порядок студенческий район. Они латали покореженные ограды, укладывали мостовую там, где в твердом покрытии появились дыры, убирали мелкий мусор.

Даниэль проспал едва ли пару часов и чувствовал накопившуюся усталость. Его не покидало ощущение, что времени, отпущенного Эмме, осталось не так много. Совсем скоро все должно решиться, боги не любят неопределенности и пренебрежения – магический знак на ноге девушки служил тому доказательством.

«Хотя, возможно, я просто стал слишком мнителен...»

– Ты опоздал, – констатировала сестра, стоило Даниэлю переступить порог дома.

Тильда была одета в королевскую форму мага – черный пиджак, расшитый золотыми нитями, с сияющей нашивкой на груди, свидетельствующей о принадлежности к некромантам, и узкие брюки.

В руке она держала кейс, защищенный артефактами, на котором также присутствовал символ дара смерти – перекрещенные линии, под которыми висел красного цвета полумесяц.

– Задержался, – бесстрастно поправил Даниэль, снимая плащ и разминая шею.

– Партландер через час. Переоденься, а то выглядишь неважно, и выходи.

– Хорошо, – сказал Даниэль, но, вновь поглядев на кейс, добавил: – У тебя будут какие-то дела?

– Да, задание. Заскочим на обратном пути.

Помедлив, Лефевр кивнул.

В кейсах, как у сестры, маги смерти носили кости – скелет человека или животного. Но на подобные вещи требовалось разрешение ордена некромантов. Кладбища находились не везде, да и поднимать умерших мирных жителей запрещалось – надругательство над телом все-таки. Вот некромантам и приходилось носить материал с собой.

Переодевшись и отправив послание через санкровен, Даниэль вышел из дома и сел в уже подъехавший партландер.

Я много раз приходила в себя и вновь засыпала, словно меня мучила лихорадка, лишившая сил.

В одно из пробуждений меня накрыла жажда. Еще никогда в жизни я столь сильно не нуждалась в воде, будто была способна задохнуться без нее, как от нехватки воздуха.

Некромант возник внезапно, подсовывая стакан. Вдоволь напившись, я что-то сказала ему, кажется нагрубив, и вновь заснула. Теперь же, оставшись в спальне одна и найдя в себе силы сесть на кровати и свесить ноги, никак не могла вспомнить, что же я ему сказала.

За окном поднималось неяркое солнце.

Прошли сутки, не меньше, ведь я видела закат в одно из своих пробуждений.

Слабость отступала, но руки и ноги подчинялись с неохотой. Каждое движение давалось тяжело, словно поднятие гири.

Будто ноги мне вовсе не принадлежат...

Я разозлилась на себя, осознав глупость собственных мыслей.

Похоже, я забылась, это тело ведь и правда не мое! Впору уже писать сценарий про двойников для сериала, опыт у меня имеется. Когда вернусь в свой мир, этим и займусь.

Я посмотрела на дверь ванной и, помедлив несколько секунд, собираясь с силами, поднялась.

Как же хорошо, что перед игрой я толком не пила, иначе раздевание перед некромантом стало бы меньшим из зол.

Вскоре, оглядев свой помятый облик в зеркале над раковиной, я даже решилась помыться. Вернувшись в спальню, подошла к столу, достала ключ, спрятанный под блокнотами в одном из ящичков, и заметила записку.

Смени повязку. Используй мазь из мешочка. Даниэль.

Мазь и остатки бинта лежали рядом с посланием.

Я с поразительной ясностью помнила все, что слышала до того, как уснула, и наставления целительницы сразу же всплыли в памяти.

Надо же, а ведь почти не болит...

Глава 15

Родители

Темные стволы деревьев искривлялись, как погнутые металлические прутья. Зелень между серыми с черными вкраплениями могильными камнями имела насыщенный темный оттенок – не выжженный солнечными лучами цвет.

Тропинки кладбища по краям покрывал мох. Старые, с пожирающими ограды пятнами ржавчины, и недавние, с отполированными плитами, захоронения гармонично соседствовали между собой. В этом месте словно встречались старая и новая эпохи, учтиво пожимая друг другу руки, они замирали где-то посередине, выражая самобытность этого места.

Еще возле ворот некромант заметил чужой партландер со сверкающими на солнце металлическими боками. Кто угодно мог прибыть на нем, чтобы почтить своих умерших родственников, но Даниэля накрыла мрачная уверенность в личности прибывшего.

Тильда не расставалась со своим кейсом даже на кладбище. Вышагивая среди могил, впереди некроманта, она нерешительно остановилась, качнувшись из стороны в сторону, как маятник, – двустворчатые двери в склеп отца были приоткрыты.

Даниэль обошел сестру, склонив голову и рассматривая тропу под ногами. Тильда слишком за него беспокоилась, до сих пор помня того мальчишку на грани безумства, которого увидела однажды. Но сестра осталась, несмотря ни на что, а в глазах собственной матери ребенок увидел неконтролируемый ужас и страх, будто перед чудовищем, – это едва не подкосило его окончательно.

Дверь заскрипела, низко, как перетянутая струна канадила. Женская фигура вздрогнула, а опавшие листья, залетевшие сквозь решетчатое окно без стекол, всколыхнулись.

Она не обернулась, оставшись стоять лицом к надгробной плите. Даниэль невозмутимо подошел и встал рядом, держа в руке два молочно-серых, как утренний туман, цветка.

«Прошло два года, как мы виделись в последний раз... И впервые за столько лет я не чувствую гнева при встрече».

Тильда вошла, замерев рядом с братом.

«Придя на могилу, мы сохраняем гробовое молчание... – с усмешкой подумал Даниэль. – Он бы точно этому не обрадовался».

В склепе витал запах сырости и перегноя. На каменной плите уже лежал букет, прикрывавший собою дату смерти, но обрамлявший цветочными лепестками, как венком, имя – Натан Вайтенд.

Даниэль сглотнул. Видения, такие противоречивые и иссушающие, вспыхнули перед глазами: отец, живой, с глубоким понимающим взглядом, и мертвый – на полу с перерезанным горлом. Воспоминания, как запущенная болезнь, вырывались на поверхность. Раньше он тонул в них – несмотря на все прилагаемые усилия и желание жить, они все равно утягивали его на самое дно.

«Но, кажется, я наконец-то научился плавать...» – осознал некромант, когда понял, что дыхание осталось ровным и его не трясет, кидая в холодный и липкий пот.

Парень выдохнул, испытав ни с чем не сравнимое облегчение.

– С возрастом ты стал на него похож. – Негромкий надтреснутый голос расколол уединение Даниэля.

Тильда успела беззвучно уйти, и он позволил застать себя врасплох, оставшись наедине с женщиной, приходившейся ему матерью.

– Раньше не был? – Внутреннее волнение не помешало его голосу звучать совершенно спокойно.

«Она постарела».

Но Мадлен Лефевр все равно сохраняла благородный вид: все еще черные, с редкими посеребренными прядями волосы были заплетены в косу, закрепленную на затылке серебряной заколкой, мелкие морщины собрались у выразительных глаз, поджатые пухлые губы выдавали ее волнение.

Казалось, вопрос Даниэля застал ее врасплох. Она так и не смогла на него ответить.

– Печально, – прокомментировал некромант, положив цветы на холодный камень могилы.

– Как твой дар? – неожиданно спросила его мать.

– Терпимо, – бросил Даниэль.

«Еще неделю назад было почти невыносимо».

Мадлен долго смотрела на него, будто ожидая, что он пойдет навстречу и продолжит разговор. Тревожное молчание и настороженность во взгляде, какая-то часть этой женщины до сих пор боялась его или ненавидела, а другая сожалела...

– Если на этом все, я пойду. – Поправив ворот пиджака, Даниэль развернулся, собираясь уйти.

– Мне жаль, – догнал его голос матери.

Даниэль остановился, сосредоточившись на полоске света, падающей в склеп из приоткрытых дверей. Словно в насмешку снаружи раздалось пение птиц.

– Знаю. И тебе предстоит жить с этим всю жизнь, – сказал Даниэль и, направляясь к дверям, пожелал: – Удачи.

Некромант, как тень, вышел из склепа. Мрачный взгляд выдавал паршивое настроение. Пусть в этот год он справился чуточку лучше, но веселья ему это не прибавило.

«Хочу скорее вернуться».

В его сознании вспыхнули новые образы, но в этот раз не тяжелые воспоминания, а нечто иное.

Если бы Эмма знала, какие грязные мысли порой посещают его голову, должно быть, бежала бы без оглядки. Скользящие поцелуи по бархатной коже, ее легкая улыбка, мгновенно растаявшая от непреднамеренного сладостного стога. Беззастенчивый взгляд, жадно изучающий каждый сантиметр тела, что принято скрывать под слоями одежды.

Когда она пришла к Даниэлю во сне, ему необходимо было прогнать ее, но, поддавшись влечению, он выбрал самый возжеланный для себя способ – воплотить в жизнь малую долю всего, что желал сотворить с этой девушкой.

– Ты слишком жесток с ней, – сказала сестра, дожидавшаяся его у высоких ворот кладбища.

Он сморгнул, будто очнувшись ото сна и вспомнив о матери.

– Жесток? Не думаю, что в этой ситуации будет верным быть мягче. Когда я нуждался в ней, она не могла на меня смотреть, – тихо проговорил он.

Тильда тяжело вздохнула.

– Я не могу это простить. Память останется, – сказал Лефевр, осознав, что сестра оказалась меж двух огней.

– Понимаю, сама такая же. Но она твоя мать...

Ладони некроманта сжались в кулаки, раздался тихий хруст костяшек.

– Именно потому, что она моя мать, ее отношение непростительно, – отстраненно проговорил парень, открывая дверцу партландера.

Весь день я приходила в себя, ведь уже завтра должны были начаться занятия в академии. Об этом сообщили Дарине, когда она вместо меня ходила в академию, чтобы забрать мою новую форму благородного черного цвета, доказывающую принадлежность к магическому отделению, и обновленное расписание.

Наша команда победила, но радости я не чувствовала, лишь облегчение из-за временной передышки. Нам давалось время до конца недели, чтобы окончательно определиться с призом.

Что выберут остальные? Ридж точно захочет деньги... Скорее всего я буду с ним солидарна.

Несмотря на совет некроманта, я не видела особой пользы в занятиях у ректора.

Перспектива того, что моя магия достигнет новых высот спустя время, ничуть не воодушевляла. На данный момент денежный приз казался куда более полезной наградой.

Ближе к вечеру мигнул санкровен, что заставило меня всполошиться. Долго не гадая о личности отправителя, я открыла крышечку и проявила послание на бумаге.

Скоро глава рода пожелает встретиться с тобой. Будь осторожнее.

Некоторое время я бездумно смотрела на надпись, прежде чем понять, какие чувства она во мне вызывает.

Это плохо... Какой бы смелой я ни была, мне отчаянно хотелось, чтобы это «скоро» не наступило. Так как расстались мы с Горидасом не очень хорошо, к его предупреждению я отнеслась настороженно, отправив краткий ответ:

Поняла. Спасибо.

Уже воспользовавшись артефактом, я задумчиво откинулась на стул, развалившись за письменным столом.

Будет ли правильным вот так закончить? Может, спросить, как у Горидаса дела? Хотя спросишь, а потом вновь придется расставлять точки над *i*. Нет, лучше оставить все как есть.

Улыбнувшись, вспомнила события после игры.

Пусть последующие сутки стали кошмаром, но вот сам процесс перевязки мне понравился. Хотя после всех переживаний во время игры... Ладно, пора забыть об этом, главное, что Герадова ночь завершилась благополучно.

Впервые за прошедшие дни я ночевала одна в этом огромном доме. Последние двое суток Дарина оставалась в особняке, и лишь сегодня она смогла вернуться домой.

Я забралась в кровать, натянув одеяло почти до самого подбородка и поджав к груди колени. Пол в спальне холодный, а я пренебрегла тапочками, поэтому ступни замерзли, как кусочки льда.

Из-за света фонаря на улице по стенам ползли тени.

Хм, а мне совершенно не страшно оставаться одной, особенно после пробуждения магии... Хотя я никогда этого не боялась, даже в первые дни после поступления в университет, когда переехала на съемную квартиру.

Вытянув ладошку из-под одеяла, я улыбнулась, увидев туманное облачко, наполненное зелеными искорками.

Легко... В этот раз очень легко...

Меня накрыли легкая эйфория, радость и восторг, словно прямо сейчас я стремительно неслась вниз по снежной горке.

Боже, а ведь мне правда нравится чувствовать магию, в своем мире я могла о ней лишь мечтать. Посмотрела бы я на лица всех этих экстрасенсов, если бы они увидели настоящую силу.

Далекий скрип половицы заставил сердце подпрыгнуть, а взгляд устремиться на дверь в спальню. Ключ торчал из замочной скважины, но я прекрасно помнила, что сегодня не запиралась.

«Ту-дум, ту-дум», – стучало сердце, отдаваясь в висках.

За мгновение до того, как дверь открыли, я закрыла глаза, притворившись спящей. Дыхание все равно оставалось слишком

быстрым для спящего, но я не могла ничего с собой поделаться. Оставалось лишь полностью обратиться в слух.

– Тебе надо поставить возле кровати цветочный горшок, – посоветовал знакомый голос.

Я стремительно села на кровати, увидев, как некромант проворачивает ключ.

– Ты хоть представляешь, как я испугалась? У меня уже вся жизнь перед глазами пронеслась, – накинулась я на Даниэля. – И как ты вообще проник в дом?

– Прямо-таки вся? – насмешливо поинтересовался некромант, снимая пиджак и оставаясь в рубашке. – У Клайма отыскался артефакт-взломщик, магический замок на двери этого дома порядком устарел.

– Что ты делаешь? – невесело поинтересовалась у некроманта, когда он в рубашке и брюках лег на другую половину кровати, закрыв глаза.

Хорошо, что сегодня я надела длинную ночнушку.

– Я устал, хочу выспаться, – хрипло прошептал он.

– А не лучше выспаться у себя дома? – настороженно заметила я.

– Нет, там я не отдохну, – туманно изрек Лефевр, вытягивая руку и одним рывком опуская меня на кровать и загребая в объятия. Мое лицо оказалось возле его шеи, я громко сглотнула, чувствуя тепло его тела.

Горячий, словно раскаленная печка. Но как же приятно...

– Ладно, только сегодня. У Конкордии же не будет проблем? – помедлив, отстраненно поинтересовалась я.

– Только польза, – раздалось сверху.

Тишина. Мне становилось жарко. Я закопошилась, стремясь принять удобную позу, и напряглась, когда кое-что пошло не так.

– Даниэль?

– М-м-м?

– Руки с моей попы убрал. Иначе в гостевую спальню пойдешь, – твердым голосом пригрозила я.

– Я возьму тебя с собой, – все так же шепотом пообещал маг смерти, но ладонь все же убрал.

Мне стало тревожно:

– Что-то случилось? Ты какой-то другой.

Даниэль разомкнул объятия и, перевернувшись на спину, посмотрел в потолок.

– Сегодня годовщина смерти отца. Мы с сестрой ездили на могилу.

В горле пересохло. Я знала его историю и знала, что за ней крылось. Но одно дело – быть в курсе, а другое – в полной мере понимать и осознавать. И прямо сейчас я не могла вообразить, каково ему, потому не нашла слов утешения.

Но ведь Даниэль ненавидит жалость к себе...

– Ты винишь себя? – тихо спросила я.

– Нет. Я это пережил. Отпустил. Нет смысла цепляться за прошлое, когда перед тобой открыто будущее.

– Ты, оказывается, оптимист, Даниэль. Кто бы мог подумать?

– Будто ты не такая. Люди цепляются за жизнь из-за трусости или от любви к ней.

На несколько секунд я замолчала, не найдя что ответить. Но, несмотря на его слова, я все равно понимала: Лефевра что-то тревожит.

– Ты сказал, что отпустил, но почему тогда сам не свой?

Даниэль вновь перевернулся, горячее дыхание защекотало мое лицо.

– Потому что я не хочу вновь отпускать, – изрек он и вновь закрыл глаза, избегая дальнейших вопросов. – Все, давай спать. Сегодня я буду образцом целомудрия. – Рука Лефевра вновь заняла место на моей талии.

– Что это значит? А потом? – Слова некроманта насторожили и взбудоражили одновременно.

– Начну приставать.

Я поняла, что мое дыхание стало громче, а щеки запылали.

– Что? Ты специально смущаешь меня? – дрогнувшим голосом спросила у мага смерти. Подобные слова наедине, в абсолютно пустом доме, кому угодно вскружат голову.

– Нет. Ну не думала же ты, что я вечно буду пайнкой? – На лице Даниэля расцвела коварная улыбка.

Глава 16

Тренировки

Утром я проснулась одна, некромант успел уйти до прихода служанки. Пусть Даниэль и говорил, что собирался выспаться, но он едва ли не всю ночь смотрел в потолок, сплетя пальцы в замок.

Это выглядело необычно и завораживающе, но я засыпала прежде, чем некромант замечал мой взгляд, и так повторялось несколько раз.

Моя новая группа в академии состояла из трех человек – двух девушек, включая меня, и парня, – и занимались мы вместе с целителями. Магическое крыло ничем не отличалось от того, где обычно занимались студенты гуманитарного направления.

– Говорят, ты была сильно ранена?

Услышав голос, я оторвалась от блокнота и увидела перед собою студентку. Она стояла по другую сторону стола, пристально глядя на меня и поставив ногу на ступеньку выше, на возвышение, где находились все парты. Юбка чуть задралась, грозя подняться выше.

«Почему я вообще должна тебе отвечать?»

Возвращение в академию было относительно тихим, даже неприметным. Меня больше никто не пытался задирать, наоборот – избегали.

– И кто об этом говорит? – отстраненно поинтересовалась я, вновь заинтересовавшись содержимым блокнота. Я представляла себя Шерлоком из недавней экранизации ВВС, который мне безумно нравился, особенно способность главного героя раздражать окружающих его людей.

– Те, кто видел вас после Герадовой ночи, – ответила девушка твердо, и не думая отступать.

Голос ее разнесся по аудитории. Слишком тихой для перерыва.

«Уши греют», – мысленно хмыкнула я.

– Ну, раз народ так говорит... Должно быть, это правда, – откликнулась, досадуя, что уже десятый раз читаю одно предложение и никак не могу понять его смысл. Из-за перевода на магическое

отделение надо мной вновь нависла угроза отчисления. – Но я бы не стала верить слухам. Обычно это искаженная версия истины.

– И к чему это? Ты можешь ответить прямо? – сердито спросила девушка.

Я вздохнула и вновь посмотрела на нее. Ее наглый взгляд воззвал к темной сущности, до недавнего времени спавшей внутри меня, но теперь открывшей глаза лениво и с неохотой, а в самой глубине ее зрачков зажглись гневные огоньки.

– С какой радости мне вообще отвечать? Может быть, мы подружки? Я забыла? Похоже, что нет. Так зачем мне разъяснять что-то тому, кто не удосужился даже поздороваться и назвать свое имя? – Вытянув ногу под столом, я пинком спихнула ее ступню с возвышения. Девушка покачнулась, едва не упав. – Уходи. Отвлекаешь.

Студентка несколько секунд смотрела на меня, громко дыша и колеблясь: вступать в перепалку или нет. Должно быть, она не ожидала столь жесткого ответа.

– Мм, извини, я не думала, что тебя это обидит.

Она направилась к своему столу, постоянно оглядываясь с недоверчивым видом.

Я же вновь погрузилась в чтение конспектов, но осадок остался, кровь бурлила, не давая сосредоточиться, а в аудитории повисла неловкая атмосфера, угнетающая кого угодно, но не меня. Когда я уверена в своей правоте, меня сложно сбить с толку. Холиральская академия изначально показала, что добрая часть студентов понимает лишь язык силы и тирании. Как бы печально это ни было...

Когда наступило время обеда, я отправилась в столовую и, не обнаружив знакомых лиц, заметила почти пустой стол с двумя парнями за ним. Первый – пухленький и розовощекий, как младенец, а второй, наоборот, худой, с угловатым лицом.

– Привет. Здесь свободно? – указала на ближайший к себе стул.

Худощавый студент сморгнул, будто ослышался, но вскоре кивнул, отведя взгляд.

– Спасибо.

Пока я ела суп из зеленой травы с мелкими кусочками мяса, плавающими в бульоне, как мальки на мелководье, а потом лакомилась сладкой выпечкой, запивая ее обильно кисловатым чаем, заваренным с цветочными лепестками – я всегда любила хорошо поесть, и от этого

нередко зависело мое настроение, – пухляш то и дело бросал на меня мимолетные взгляды.

Около парня стояло множество тарелок: стейк с соусом, тот же суп, что и у меня, несколько видов булочек и ломти хлеба на отдельной тарелке. А у его художавого друга... Моя бровь изогнулась дугой. Мало того что у него оказалось несколько опустевших посуды, так еще и примерно аналогичный набор блюд, что и у соседа.

Наши с пухляшом взгляды встретились, и меня внезапно озарило:

– Это ведь ты помог мне с госпожой Фаден! – Это был едва ли не первый добрый жест в мою сторону. Тогда я даже не подозревала, как нелегко будет.

Я воодушевилась.

– Немного. – Его щеки порозовели еще сильнее, и парень смущенно вжал голову в плечи.

Поразительно невинный экземпляр для этого логова шакалов.

подавшись вперед, я накрыла своей ладонью руку парня и со всей искренностью сказала:

– Спасибо.

Какой пустяк, всего лишь спас меня от факела на голове заместительницы. Уже зная, как устроен этот мир, я понимала, что, в случае чего, лечение не заняло бы много времени. Но ведь главное – поступок и желание помочь. Я всегда считала, что именно незначительные мелочи характеризуют нас как людей. Маленькая ложь с легкостью уступит место гнусному вранью, а злословие о ком-то и тебя не обойдет стороной.

Эти принципы не однозначны, всегда есть исключения, но если правильно оценивать ситуацию, можно избежать много дрянных эксцессов и предательств.

Студент покраснел. Я опомнилась, коря себя за распускание рук.

Две ладони с гулким хлопком приземлились на стол по бокам от меня, словно возникшая ниоткуда клетка. По телу волной разлилось напряжение.

– Ты могла дожидаться меня, – опустив подбородок на мою голову, сказал некромант.

Неловко. И слишком близко. У девушки за соседним столом вывалился кусок хлеба из открывшегося рта. Сжатая в кулак ладонь студента выползла из-под моей руки.

Я сморщилась, закрыв на мгновение глаза:

– А ты бы мог просто меня позвать...

– Чем я сейчас, по-твоему, занимаюсь? – прошептал Даниэль. – Идем. Ридж жаждет с кем-нибудь поболтать, а в нашей компании, кроме тебя, подходящего человека нет.

– Извините, что потревожила, – обратилась я к сидящим парням и поднялась.

Но стоило отойти от столика, недовольно прошипела:

– Зачем ты это сделал?

– Потом. Здесь слишком много зрителей.

Стоило провести ладонью по запотевшему зеркалу, как вниз, словно корабли, рассекающие водную гладь, сорвались скопившиеся капельки воды. Щеки, лоб, нос и даже подбородок покраснелись после ванны, но лицо выглядело свежим, как яблочко, с упругой кожей, без намека на прыщики или шрамики, свидетельствующие об их былом существовании.

У Конкордии осталась косметика, но я никогда ею не пользовалась – избегала смотреть на свое лицо в отражении. Конечно, когда я умывалась по утрам или перед сном, нет-нет да смотрела, убеждаясь в чистоте, но вот так долго, пристально, будто выискивая секретный ключ к проблеме, разглядывала впервые.

Оно мое? Окончательно? Хотела бы я вернуться в родной мир и убедиться в своей смерти, чтобы прекратить сомнения, без конца терзающие меня. Но почему-то крепчала отчаянная вера, что мне есть куда возвращаться.

Ладони закололо. У пальцев мелькнули зеленые искры. Я схватила халат, сдернув его с вешалки, и, надев, туго завязала пояс на талии. Искры исчезли, и я выглянула в спальню, заметив знакомый силуэт. На полу под ногами некроманта лежал иссохший стебель, вырванный из цветочного горшка.

– Ты лишаешь меня личного пространства. – Я подошла к растению, подняла и воткнула его в землю. Немного магии, использование которой будто опьяняло, и вскоре стебелек налился зеленью и вытянулся, а выросшие заново корни, как тонкие ниточки, ушли в землю.

– Я составляю тебе компанию, – усмехнулся Даниэль.

– Компанию? – с издевкой переспросила я. – Вот как это теперь называется...

Лефевр оставался неподвижен, как стражник, но коварен, как вор. Хватало одного взгляда на его лицо – замершие в полуулыбке губы и хитрый прищур глаз, – чтобы осознать, что лучше держать ухо востро.

Хотя я ему доверяла... Даже представить не могла, что настолько привяжусь к постороннему человеку за какую-то пару недель.

Должно быть, в этом и есть план Даниэля – заставить привыкнуть и привязать меня к себе?

Я уже заметила тягу некроманта к манипулированию людьми, но относилась к этой черте довольно спокойно, задумываясь над каждым его словом. Иначе в этом мире нельзя.

Открыв дверцы шкафа, я изучала его содержимое и почувствовала спиной, когда Лефевр сдвинулся с места.

– Выбери удобные вещи.

– Зачем?

– Мы идем во двор. Тренироваться, – сообщил Даниэль, встав рядом и с видом покупателя разглядывая мой гардероб.

– Ты ведь некромант, чему ты сможешь меня научить?

– Я все-таки маг. Общие принципы одни, а в нюансах ты сама со временем разберешься. – Он вытянул руку и нашел свернутые в углу шкафа вещи Конкордии, в которых она посещала Холирал. Когда дом опустел, избавившись от лишних жильцов, я вытащила их из подушки и просто закинула в шкаф. – Seriously?

– Ага. Сама удивилась. Разверни, там сзади ткань просвечивает.

Даниэль нахмурился, его лицо приобрело опасное выражение.

– Ладно. Разберемся, – сказал он, вновь закидывая платье в гардероб.

– Подожди-ка. Ты ведь что-то знаешь? – спросила я, уперев руки в бока.

Если Лефевр не в курсе чего-либо, он расспрашивает и делает выводы. А непристойно откровенное платье определенно вызывает вопросы.

– Я многое знаю. Тебе надо лишь спросить.

– Ты раздражаешь.

– И только?

– Иногда мне хочется тебя побить.

– И почему ты не делаешь этого?

– Потому что именно этого ты и добиваешься. Это принцип такой, разозлить, а потом соблазнить. Но не думай, что все так просто. Я не поддамся, особенно в спальне с широкой кроватью.

Пусть Лефевр необычный, в нем с удивительной гармоничностью смешиваются жестокость, практичность, грубость вместе с заботой, незаурядным умом и преданностью близким людям, но он остается парнем, а даже самые скромные из них в своих мыслях отнюдь не невинны.

– Эмма... Моя Эмма. – Подняв руку, он необычайно нежно коснулся большим пальцем моей щеки, провел вниз к подбородку. Я не отстранилась, было в его движениях нечто завораживающее, заставляющее сердце трепетать. – Bravo. Один – ноль.

– С каких пор мы соревнуемся?

– С недавних. – Даниэль опустил руку. – Помнишь случай, когда Ирида порвала тебе сумку?

– Не совсем она порвала. Хотя не суть, – отмахнулась я, выжидательно посмотрев на некроманта.

– Тогда я забрал не только листок из твоего блокнота... – Даниэль усмехнулся, заметив выражение досады на моем лице. – Но и заметил кое-что необычное.

– Ключ и скрытник, – перебила его. – Я должна была догадаться!

– Ну, ты была слишком зла. – Чуть подумав, он добавил: – На меня.

– Мне всегда есть за что на тебя злиться.

«Но твои плюсы перекрывают минусы», – отстраненно подумала я.

Некромант улыбнулся, его рука перехватила мою, когда я потянулась, чтобы вытащить из гардероба приглянувшуюся одежду.

Сердце подскочило к горлу. Он мастерски лишал меня самообладания, заставляя вести себя как сопливая девчонка, коей по сути я и являлась, хотя всегда считала себя более разумной, чем мои сверстницы.

– Да. И твое терпение делает тебе честь, – медленно протянул Даниэль, целуя внутреннюю сторону моего запястья.

Сглотнув, я пораженно уставилась на некроманта. Его жест походил на молчаливое признание в любви, говорящий: «Да, ты

имеешь надо мной власть».

– Оно небесконечно, – смущенно пробурчала я, вырвав ладонь и отвернувшись к шкафу.

Соберись, тряпка! Еще немного, и расплылась бы лужицей на полу.

– Так что там насчет скрытника и ключа? – с напускным спокойствием поинтересовалась я, вытаскивая подходящий для тренировки наряд.

Когда обернулась, на лице Даниэля вновь красовалась усмешка, едва не переходившая в коварную ухмылку. Дыхание сбилось, но я поджала губы, прикрыв растерянность недовольством.

– Ключ. Мы знаем, от какой он двери.

– Мы?!

– Пришлось прибегнуть к помощи Риджа. Его хорошо знают в тех кругах. Да и когда дело не касается угроз, плохой из меня переговорщик, – признался некромант.

Я отстраненно кивнула, задумавшись.

– Они ведь не знают? – Беспокойство отразилось на моем лице. – О моем *происхождении*.

– Нет, – успокоил меня некромант, но, сделав пару шагов по комнате, добавил: – Но предполагаю, что догадываются. В самом начале нашего знакомства я высказывал сомнения на твой счет.

– Ну еще бы, – фыркнула я. – Удивительно, что ты с ними открыто это не обсудил.

– Ты снова злишься, – сказал некромант, подкравшись со спины и притянув к себе за талию.

– Нет. – Его руки на мгновение усилили хватку, и я сдалась: – Немного.

– Не беспокойся на их счет. Я им доверяю, а это дорогого стоит.

– Доверяешь? Порой мне так не кажется. – Я выпуталась из захвата, повернувшись к некроманту лицом.

Даниэль хмурился.

– Доверяю, – все же бросил он. – Но привычку полагаться лишь на себя не вытравишь. Иногда можно навредить неосознанно, своей глупостью.

– Все совершают ошибки, Даниэль. Думаю, если ты откроешься им чуть больше, тебя ждет приятное открытие.

«Ведь меня ты приятно удивил и до сих пор поражаешь».

Но некромант имел свои соображения на этот счет и делиться ими не собирался.

– Тот ключ от номера в баре-гостинице смешанной направленности.

Даниэль придирчиво осмотрел свой пиджак и смахнул невидимые пылинки. Некромант не был зациклен на одежде и в основном носил однотипные вещи, но неизменно элегантные – ботинки или сапоги из мягкой кожи, брюки, пиджак, рубашка – это был тот самый случай, когда покрой и качество ткани служили лучшим украшением.

– Что это значит?

Я остановилась у дверей в ванную, где собиралась переодеться.

– В Холирале есть квартал красных фонарей с борделями на любой вкус и кошелек, который незаметно переходит в район с вполне приличными гостиницами, ресторанами и отелями. Так вот, заведения смешанной направленности – это зона посередине. В них не работают ночные девицы, но их посетители приходят с определенными целями – отыскать партнера или партнершу по вкусу и развлечься.

– Ключ от одного из номеров? – мрачно спросила я, складывая руки на груди.

Даниэль кивнул:

– Сдан на долгий срок в единоличное пользование.

– Кому?

– А вот этого мы не знаем. Они тщательно скрывают информацию о своих клиентах, в этом и есть фишка подобных заведений.

Я сглотнула, пальцы напряглись, впиваясь в плечи, и, если бы не рукава халата из толстой махровой ткани, наверняка оставили бы царапины на коже.

Даниэль уже говорил, что его совсем не волнует происходившее с этим телом до моего появления, но я относилась к этому иначе... Несмотря на то что совсем недавно принимала ванну, я захотела вновь залезть в горячую воду и отскоблить каждый сантиметр кожи.

– Нам надо туда сходить и осмотреть номер, – твердо заявила я, решив, что планирование дальнейших действий лучший способ отвлечься.

– Сходим. Обязательно. Но не сейчас, – спокойно сказал Лефевр, напомнив умиротворенного монаха.

– Почему?

– Я не думаю, что мы обнаружим там что-то полезное, – задумчиво протянул он. – Слишком очевидно. А судя по тому, что с тобой до сих пор никто не попробовал наладить контакт, мы столкнулись с кем-то крайне осторожным.

– Вдруг ты не прав? Ты ведь ошибся на игре...

Даниэль скривился:

– Я расслабился и не учел новые обстоятельства.

– Какие?

– Берхалею. Ту траву с вечеринки. – Некромант сел на край кровати лицом ко мне.

Я задумалась, барабанила пальцами по сгибу локтя.

– Родрига ведь наказали за те беспорядки? – Я вспомнила, что пережила той ночью.

О последних воспоминаниях с Земли я некроманту не рассказывала, но, кажется, он что-то подозревал, ведь неспроста мою душу занесло в это тело.

– Нет. Не за что.

– Как это?! – возмутилась я, не в силах устоять на месте.

– Не он закинул берхалею в дурманицы. Родриг все время оставался на виду, и ректор уже допросил его на этот счет. Но гордость не помешала ему воспользоваться чужой идеей. На той вечеринке, как и в ночь игры, мне стало плохо, но кроме Риджа с Клаймом этого никто не видел, а почувствовать могли лишь некроманты.

– Вот оно что...

– Именно поэтому вместо усердных поисков, о которых, без сомнения, узнает вся академия, мы подождем, – вкрадчиво сказал Даниэль, вновь поднимаясь на ноги.

– Кажется, в прошлый раз ты предлагал нечто похожее... – вспомнила его план на Герадову ночь.

– Отчасти.

– И в чем отличие? – с опаской поинтересовалась я, почувствовав подвох.

– В открытости, непристойности, страсти... – прошептал некромант мне в губы.

Наши отношения металась между двумя сторонами одной монеты – спорами, флиртом, азартом и прямоотой, почти болезненной

привязанностью, граничившей с безудержным желанием обладать друг другом.

Я шлепнула по ладони Даниэля, потянувшейся к поясу халата. Некромант спешил, склонял отношения в интимное русло, откровенно говоря, меня это не пугало, но я твердо понимала – еще рано.

– Что ты хотел сказать?

Лефевр вздохнул, признавая поражение, и, положив руки мне на плечи, неожиданно нежно и ласково коснулся губами моего лба. Одежда, висевшая на моем плече, плавно съехала, рухнув на пол, когда я, поддавшись порыву, обняла некроманта и уткнулась носом в ямочку у его ключиц.

Я к этому никогда не привыкну...

Опьяненный разум замедлил время. Прежде чем Даниэль заговорил вновь, прошло не менее нескольких минут.

– Падение Конкордии с башни, без сомнений, связано с борьбой внутри рода Райалин. – Теперь его голос звучал без нот коварства и иронии. Откровенность прошлой ночи вернулась. – Поэтому если Сарманелю нужна моя помощь, то мы покажем всем, что у тебя почти получилось. Настолько, чтобы ни у кого не осталось сомнений. И тогда тварь, что мы ищем, сама вылезет на поверхность.

– Так вот ради чего было сегодняшнее представление в столовой? – тихо спросила я. Некромант не казался мне наивным юнцом, ревнующим ко всем подряд, именно поэтому с самого начала я догадывалась, что в его действиях имелся потайной смысл.

– Верно.

– Только не усердствуй, некромант, – отстранившись, сказала я. – А то знаю я тебя.

Лефевр усмехнулся:

– Ну, это как пойдет.

В ответ на наглый взгляд я укоризненно покачала головой:

– Бесстыдник.

– Лишь с тобой, Загадка. Лишь с тобой... – протянул он.

Я закатила глаза:

– Кажется, мы собрались на тренировку?

– Да. Поэтому жду тебя на улице, – кивнул Даниэль и, наклонившись, поднял рухнувшие на пол вещи. Передав их мне,

добавил: – Слышал, что во время Герадовой ночи ты создала растение, очень похожее на мой перем...

Да, было дело... Я вопросительно посмотрела на некроманта.

– Попробуешь создать вновь. Твои стебли, конечно, хороши... – Он выразительно взглянул на цветочный горшок, теперь стоявший около входа. Когда Лефевр проник в спальню, растение напало на него, за что и поплатилось. – Но порой одна ядовитая царапина может решить исход боя. Мне важно, чтобы ты сумела защитить себя.

– А как же ты? – ради интереса спросила я, хотя и была с ним солидарна. Даниэль не всемогущ, а мне глупо останавливаться на достигнутом.

– А я буду стараться быть рядом. К сожалению, как показывает жизнь, это возможно не всегда.

Глава 17

Обещание

Когда я выходила из аудитории, то сразу заметила Риджа – парень привлекал внимание, особенно женское. Воздушник стоял у окна, облокотившись на каменный подоконник и обмахиваясь маленькой стопкой листов голубого оттенка.

Я оглянулась в поиске Даниэля и Клайма – обычно они, словно в детсаду, ходили по академии вместе и разлучались крайне редко.

– Зага... – Ловелас закашлялся, будто подавившись словом. – Конкордия! – Маг воздуха поднял руку, словно у меня оставался шанс его не заметить.

Отделившись от общей группы и стараясь не замечать любопытных взглядов, я подошла к Риджу. Когда парень улыбался, то напоминал солнечного бога, беззаботного, бесстрашного, относящегося к жизни как к очередной шутке, но я общалась с ним не первый день и прекрасно знала, что это завеса, предназначенная не столько для обмана окружающих, сколько для его собственного заблуждения.

– Привет. – Повторив позу Риджа, я встала напротив него. Камень подоконника холодил локоть. – Что-то важное?

– А то! Само по себе мое появление – важное событие.

Я улыбнулась, прокручивая на пальце санкровен:

– От скромности не умрешь.

– Да. Излишняя застенчивость мешает раскрыться всем способностям, коих у меня хоть отбавляй. – Парень выпятил грудь вперед.

– Ага. Знакома я с одной из твоих способностей. Какой мудростью о женщинах поделишься на этот раз?

– Не знаю насчет мудрости... – задумчиво протянул он, – но ты бы поговорила с Дарлой. Вы же вроде сошлись характерами, а этой девушке точно не хватает чьей-то дружбы.

Я нахмурилась. Ловелас был прав, но, до конца не разобравшись в своих чувствах, я избегала встречи. Хотя с моей стороны поступать подобным образом нечестно. Продолжая как ни в чем не бывало

встречаться с некромантом, даже не задавая вопросов, я словно скинула всю вину на Дарлу, хотя едва ли идея сблизиться со мной принадлежала ей.

– Что это? – кивнула я на листы в его руке, переводя тему разговора.

– Заявление победителей. Его надо заполнить. – Ридж вытащил один из листков и протянул мне.

Я молча приняла его и скользнула взглядом по строчкам. Текст содержал несколько общих пунктов, выдержек из официальных правил Герадовой ночи. В общем-то ничего интересного, я успела испытать все на собственной шкуре. В самом конце начиналась часть, касающаяся выбора приза, и уже здесь требовалось дважды вписать свое имя и поставить галочку в одном из двух пунктов. Выбираешь деньги – и в Морладском королевском банке открывают вклад на твоё имя с одним миллионом даргов – четвертью от денежного приза. Если же выбираешь таинственные занятия с ректором, обязуешься задержаться в академии на неделю после завершения учебного года.

– Получается, уроки главы академии будут проходить не вместе с обычными занятиями? – Я подняла удивленный взгляд на парня.

– Нет. Там что-то особенное. Обычно люди просто пропадают на неделю, а потом возвращаются как ни в чем не бывало и молчат. Кровавая Река умеет убеждать и заставлять хранить все в тайне.

– Кровавая Река? – приподняла бровь.

– Это его прозвище, оставшееся еще с войны. Он положил много народу, – поведал Ридж с серьезным выражением лица и с недовольством покосился на студентов, столпившихся у закрытых дверей аудитории.

– Ничего себе прозвище...

– Точно. Война была давно, а он до сих пор внушает страх, – со знанием дела сказал воздушник.

Мы замолчали. Ридж терпеливо ждал, пока я заполню бланк. Прислонив листок к окну, я вписала свое имя, и моя рука нерешительно замерла.

– А что ты выбрал? Деньги или занятия? – повернулась к Риджу.

– Конечно, деньги, я не отличаюсь терпением. Ждать конца года, что-то изучать, а потом еще ждать пару лет в надежде, что это принесет пользу... Да и финансовое положение не помешает

поправить. – Его взгляд вновь наполнился глубиной, словно разверзлась морская пучина, но в следующую секунду маг вновь лучезарно улыбался.

Может, эта метаморфоза кого-то и облапошила бы, но только не меня:

– Ты ведь помнишь свое обещание? Если мы победим... И мы победили. Пора возвращать долги.

Ловелас мне нравился – без преувеличения и каких-то подтекстов. С этим парнем было приятно общаться, и я чувствовала ответную симпатию. В конце концов, не всегда все сводится к романтике, чем взрослее становишься, тем отчетливее это понимаешь.

– А ты за словом в карман не лезешь. Думал, не вспомнишь...

– Не ври, – с полуулыбкой проговорила я. – Ты ведь ждал, пока я спрошу. Точно ждал. Теперь я в этом убедилась.

Ридж удивленно уставился на меня:

– Заразилась проницательностью от Даниэля?

– Нет. И это к лучшему. Его проницательность граничит с манией.

– И тебя это не отталкивает? – спросил воздушник.

Я задумалась. Снова получилось, что наш разговор свелся к некроманту.

– Скорее нет, чем да. Он умеет слушать, хотя не всегда прислушивается. Но чем бы он ни пугал окружающих, Лефевр куда добрее, чем хочет казаться. Ну и кто сказал, что добро не должно давать сдачи? Так считают лишь те, кто боится борьбы. – Меня вновь занесло не в ту степь, и это отпечаток моей нынешней жизни. Опыт, который я приобрела за пару недель, что-то изменил во мне, сломал и перестроил, воздвигнув заново крепость внутри, с моими стремлениями и окрепшей волей. Я стала чаще задумываться о сущности людей, их поступках и о том, что действительно для меня важно. – Но что насчет обещания? Или боишься, что подслушают?

Ридж бросил мимолетный взгляд на студентов и самодовольно улыбнулся.

– Я маг воздуха, – наклонившись, тихо проговорил он. – А это значит, что родственную магию я почувствую.

– Тогда что тебя гложет? Для чего деньги мальчику из богатой семьи?

Ридж захохотал:

– Меня довольно давно никто не называл мальчиком.

– Ну да. Потому что, судя по замечаниям Лефевра, в основном ты проводишь время с девушками так, как маленькие мальчики еще не умеют. Ну или не интересуются.

Маг воздуха сощурился:

– Он преувеличивает. И я уже давно не посещал увеселительные заведения. Мне наскучило.

– Рада за тебя. И давай все же не увиливай.

Почему-то для меня казалось важным услышать его историю, может, поняв его мотивы, я сама смогу принять решение?

Но меня определенно напрягали люди в коридоре, которых интересовала наша парочка. Нет, никто не смотрел прямо на нас, и даже с первого взгляда казалось, что мы их вовсе не волновали, но либо у меня разыгралась паранойя, либо обостренная интуиция реагировала на общую атмосферу.

– Похоже, ты больше нуждаешься в моем ответе, чем я в исповеди?

– Не знаю. Но я хочу услышать, – твердо сказала я. – У нас осталось не так много времени до начала занятия.

Ридж задержал свой взгляд на мне и посмотрел в сторону, произнеся:

– Я хочу стать зодчим. Обучиться на него в профильной академии Риттерина. Это кажется бредом, но когда я смотрю на замки, особняки, дома, внутри меня загорается огонь. Я будто вижу их в разрезе – фундамент, стены, пол, лестницы, крыша. Воплощать идеи в жизнь, создавать нечто уникальное, а не копать на месторождении в этой дьявольской дыре и искать, кому бы подороже продать очередную партию магического металла. – Последние слова он будто выплюнул, сморщившись от отвращения, но в глазах горело то самое пламя, о котором он говорил, так присущее людям с целью и горячим сердцем.

Мы с ним похожи... По воле судьбы или издевательствам богов, я училась на архитектора.

Хотя нет, характер и воля становятся ярче, непоколебимее в столкновениях с преградами, чувствовалось, что воздушник в отличие от меня был пленен своей мечтой.

Я поступила учиться на архитектора, потому что родители ими были. Все просто. Никаких ухищрений или долговременных планов...

– Твой род против? – тихо спросила я. На меня нахлынула грусть.

– Еще как. Они считают работу зодчего позорной. Я должен окончить Холиральскую академию и отправиться на обучение к отцу, иначе меня лишат поддержки семьи. – Ридж горько усмехнулся. – Должно быть, звучит банально и глупо.

– Скорее невероятно, – улыбнулась я, положив ладонь на его плечо. – Всю жизнь, зная планы семьи, ты не боялся искать свой собственный путь.

– Боги! Загадка, ты выдаешь себя, даже когда пытаешься утешить меня. – Парень резко отвернулся лицом к окну, моя рука соскользнула вниз, а его взгляд устремился в никуда. Едва слышно он добавил: – Ты определенно не от мира сего.

Шок и изумление. Меня будто пронзила молния, яркая, расколовшая меня на две половины: первую – понимающую и беспечную и вторую – желающую отвесить этому остолопу люлей.

Я подавила желание оглянуться, чтобы убедиться, что нас не подслушивают.

Воздушник оставался неподвижен, я сделала шаг и обняла его, сцепив ладони на его плечах. Парень вздрогнул, напрягся, словно взведенная пружина, и с тихим вздохом расслабился.

– Если стать зодчим – это то, чего ты действительно хочешь, то просто иди к своей цели. Но не смей слишком много болтать обо мне в этом месте. – Объятья стали крепче, будь у меня достаточно сил, я бы похрустела его косточками, чтобы донести всю серьезность своих слов. – Я научилась одному: любая защита может дать трещину. И твоя магия не исключение.

Помедлив, он кивнул:

– Извини, сглупил. Ты права. Кто бы мог подумать, что ты так скоро начнешь сыпать нравоучениями? У тебя определенно талант.

Я отстранилась. Ридж и правда выглядел виноватым и пристыженным, как домашний пес, разгромивший к приходу хозяев всю квартиру. Мне стало спокойнее, хотя то, что все больше людей догадывается о моем происхождении, – определенно повод для волнения.

Главное, чтобы моя тайна не покинула узкий круг людей, которым я доверяю...

– Талант? Если бы, – хмыкнула я. – И боюсь, если продолжу в том же духе, то совсем скоро превращусь в ворчливую бабулю.

– Если это случится, ты будешь самой привлекательной бабулей, которую я видел. – Воздушник заразительно улыбнулся.

Я лишь рассмеялась, чувствуя, как становится легко на сердце. Будто мир раскрасили яркими акриловыми красками, что не растворятся от воды и навсегда останутся чистыми и яркими.

– А теперь заполни до конца заявление. Хотя их сдавать лишь завтра. Если не уверена, можешь подумать. – Ридж подал мне откатившуюся на край подоконника ручку.

– Нет-нет. Я знаю, что выбрать.

Без сомнений я черкнула по нужному пункту и, повторно вписав свое имя внизу бланка, передала его воздушнику.

Глава 18

Ее история

Дарла отчетливо помнила момент, когда впервые увидела академию. Замок с башнями, как копья с поблекшими, прошедшими не одну войну наконечниками, фасад с множеством двустворчатых окон, стены из камня неоднородного цвета, что пожелтел и потрескался от времени.

В тот далекий момент она полюбила, прикипела всей душой к Холиральской академии. И впервые за несколько недель улыбалась. Кто бы мог подумать, что очарование слетит, как потрескавшаяся штукатурка, стоит окунуться в реальный мир, где положение и власть решают все.

Ей было девять, когда она потеряла родителей. Она помнила скрип палубы, запах соли, свежести и йода, переругивания матросов, но абсолютно не помнила, куда они плыли. А может, и вовсе не интересовалась у родителей. Внимание Дарлы занимали бесконечная водная гладь и волны, разбивающиеся о борта корабля, будто приветствуя путешественников и желая им удачной дороги. Так она думала в тот момент. Теперь ей казалось, они их предупреждали, просили развернуть судно, бесконечно кликали беду, как чайки у берегов.

Но в то время каждый день был по-своему прекрасен. Открывая глаза, Дарла, позабыв обо всем, бежала на палубу, гадая, какого цвета море будет сегодня? В солнечные дни оно наливалось синим, и казалось, что небо над головой – всего лишь его блеклое отражение, а в пасмурные – серело, приобретая грязно-зеленый оттенок, как выносимые на берег волнами водоросли.

Последние дни путешествия запомнились девушке особенно четко, а то, что было прежде, будто стерлось за ненадобностью.

Магов на корабле не имелось – воздушники и водники для большинства плаваний являлись непозволительной роскошью. В основном их нанимали крупные компании для перевозки дорогостоящих грузов.

После трагедии Дарла много думала о родителях и задавала себе один и тот же вопрос: как бы сложилась их судьба, если бы ее сила пробудилась раньше? Она бы точно их спасла, смогла бы уберечь корабль и всех, кто плыл на нем...

Однажды ночью, когда их путешествие приближалось к концу, тучи сгустились, и вскоре волны поднимались так высоко, что захлестывали палубу корабля, а матросы привязывали себя канатами к мачте.

Дарла помнила, как расстроилась накануне вечером, когда отец передал слова капитана о скором прибытии. По словам бывшего морского солдата, им оставалось плыть не дольше суток.

В тот вечер она не разговаривала с родителями. Ей не хотелось сходить с этого корабля, пусть и надоели однообразные обеды из солонины, сухарей и сухих кислых ягод. Их Дарла терпеть не могла и выкидывала за борт, пока матушка не поймала с полочным и не заставила проглатывать красные горошины при ней.

Как до смешного быстро может измениться жизнь. Сейчас она бы ела те ягоды вместо завтрака, обеда и ужина, если бы это вернуло родителей.

Последний вечер... Последний ужин... Последняя обίδα перед столкновением со смертью. Одна ночь забрала у Дарлы все. Как мелочная торговка, судьба обобрала ее до нитки, едва позволив выбраться самой.

Непогода превратилась в шторм, яростный ветер хлестал по парусам, стоило выйти на палубу, и промокнешь до нитки. Отец ушел помогать матросам, Дарла кинулась за ним, но какой-то мужчина случайно сбил ее с ног, и она рухнула на пол, ударившись головой. Дверь на палубу, возле которой она лежала, болталась на петлях, то и дело ударяясь о косяк. Оглушающие хлопки вскоре стали напоминать клцанье зубов, или это ее сознание помутилось, а тело затвердело от холода из-за морской воды, плескавшейся повсюду. Прошло несколько минут, прежде чем мама отыскала свою девочку и, всхлипнув и крепко обняв, увлекла вглубь корабля.

– Все хорошо, Да-а-арла. – Мама всегда словно пропевала ее имя, но в этот раз из-за волнения голос женщины подрагивал, как расстроенный инструмент, звучал неправильно. – Все скоро закончится, малышка. Не плачь.

Но Дарла не плакала. Совсем. Она ощущала леденящий ужас, настолько пронзительный и вызывающий оцепенение, что даже не могла плакать. Кажется, она уже тогда понимала, что ожидало их впереди.

Возгласы с палубы перемешивались с грохотом разбушевавшегося моря. Все внутри каюты тряслось, ходило ходуном, переворачивалось, а когда судно в очередной раз накренилось на бок, к ним ворвался отец. Его лицо побледнело от холода, волосы облепили голову, а с одежды лило ручьем.

Отец что-то крикнул, мама испуганно закивала, сжав ладонь дочери в одной руке и холщовый мешочек с деньгами на первое время – в другой. Вот они находились в каюте, потом их объял полумрак корабля, и через мгновение вся их семья бежала по палубе к шлюпкам.

Соленые брызги хлестали по щекам, подгоняемые ураганным ветром. Гроза неистовствовала. Росчерк молнии осветил фигуры и лица, и это была единственная вещь, за которую Дарла благодарила непогоду. Она позволила девочке проститься, увидеть родителей в последний раз, а потом обрушившаяся ниоткуда волна смыла их в гудящее море.

Вода встретила девочку холодной мощью чего-то древнего. Она была уверена, что утонет, удары волн настойчиво вышибали остатки воздуха из ее легких. Рука мамы больше не сжимала ее ладонь, Дарла осталась одна, в море, которое должно было поглотить ее точно так же, как те ягоды, что она кидала с палубы.

Должно было...

Дарла плохо помнила те минуты, растянувшиеся в часы, но в какой-то миг вода стала теплой и податливой, выпихнула ее на поверхность, мерно покачивая на волнах, и понесла к суше, откуда-то твердо зная, где ее искать.

Девочку качало на волнах, словно тонкую тростинку. Те часы, что она провела в воде, навсегда оставили след в ее душе. Вскоре силы начали иссякать, и воднице захотелось прекратить эту борьбу. Дарла замерзала, и причиной тому было совсем не море. Уже значительно позже, вспоминая свое плавание, она догадалась – наступило магическое истощение.

И водница бы сдалась, позволила воде забрать свою усталость и горе... Ведь если задуматься, что может маленькая девочка

противопоставить огромному морю? Она всего лишь одна из путешественников, людей, чьи корабли терпели кораблекрушения, одна из многих... Но Дарла не остановилась. И причиной тому была не безрассудная смелость, упорство и желание бороться до конца, а безграничный страх. Девушка не заблуждалась на этот счет, она отчетливо помнила, как сама мысль о том, что ей будет больно и как легкие начнут разрываться от нехватки воздуха, нагоняла на нее животный ужас, заставляя исчерпывать до дна крупницы сил.

Вскоре она перестала всматриваться в даль в надежде увидеть полоску суши. Девочка лежала на спине, экономя силы, на грани сна и яви. И не поверила в свершившееся чудо, когда ее тело прибило к берегу, а прибрежные камни расцарапали локти.

«Последний сон... Да, это так. Я не могла спастись», – думала она, содрогаясь от холода. Взошедшее над горизонтом солнце совсем не грело.

Свернувшись клубком на берегу, позволив волнам лизать обнаженные ступни и не в силах отползти чуть дальше, она потеряла сознание. Но даже в бреду море не отпускало ее, холод был всюду, он стал ее частью, изощренным способом доказывая, что Дарла не умерла.

Девочку нашли рыбаки – так ей сказали. То время окрасилось неопределенностью и молчанием. Она несколько месяцев жила в маленьком поселке на берегу моря, в семье, где и без нее было двое детей. Несмотря на это, поначалу те люди отнеслись к ней с пониманием.

Но мало кто способен выдержать чужого ребенка, рыдающего ночами и угрюмого, неразговорчивого при свете дня. Понемногу терпение людей таяло, и Дарла стала уходить на весь день к морю, чтобы не мозолить глаза. Ей было некуда пойти, она не знала здешних мест и не имела денег.

Дарла сидела на камнях, иногда собирала ракушки и вскоре обнаружила, что вода слушается ее и расступается перед ногами, так что можно зайти глубоко в море, оставшись при этом сухой. Она тренировалась каждый день, открывая новые возможности, пока один из рыбаков не увидел ее. Весть об одаренной облетела поселок в мгновение ока, и вскоре Дарлу – отличающуюся, непонятную и потому опасную – выставили из дома.

Нашедшие ее люди отправили посыльного в ближайший город с письмом, а девочку переселили на окраину в пустую и разваливающуюся хижину.

Отчуждение длилось неделю. Дарла и раньше чувствовала одиночество, но не думала, что может быть еще хуже. Хотя никто больше не требовал от нее улыбок или послушания, теперь она была предоставлена самой себе.

Прибывшие незнакомцы в одинаковой серой форме отвезли ее в город – суетливый, живой и опасный. Он понравился ей куда больше захудалого поселка, состоявшего из пары улиц. Скорее всего она так и осталась бы в одном из сиротских домов, выросла бы в окружении таких же беспризорников, как и она, но и в этот раз водный дар выручил девочку.

На третий день в приюте девочку навестил Амос Ротанг, нынешний глава Холиральской академии, по прозвищу Кровавая Река. Он спросил ее имя, попросил рассказать историю кораблекрушения, но Дарла молчала, исподлобья глядя на незнакомца. Тогда он попросил показать ее дар, и в этот раз она согласилась, с легкостью повторив все то, что делал мужчина, поигрывая водой из кувшина. Напоследок ректор смерил девочку тяжелым, пронзительным взглядом и ушел.

Минул день, он вернулся вновь, но, покидая приют на этот раз, забрал водницу с собой...

Глава 19

Наказание

Половина обеденного перерыва ушла на поиски, а если быть точнее, на пробежку между корпусами академии. Я решила отыскать Дарлу и заткнуть дыру недомолвок и сомнений. Чем дольше тяну, тем хуже. Первым делом проверила столовую, но девушки там не оказалось, и я направилась к аудитории, где у нее должно было пройти следующее занятие.

Прошрое расписание отпечаталось в памяти плохо и урывками, но, к счастью, я не успела выбросить лист с записями.

Я волновалась... Но с чего это? Скорее всего просто не знала, что от нее ожидать. Может, Дарла вовсе не нуждается в этом разговоре?

Отыскав взглядом нужную дверь и выдохнув, я потянула ее на себя.

Вот она.

Кроме парочки заскучавших студентов и дочери ректора, больше в аудитории никого не было. Бывшие одногруппники повели себя предсказуемо – сделали вид, что меня не заметили, – все, включая Дарлу. Но, как я вскоре поняла, подруга не притворялась.

Что это с ней?

Дарла сидела с отсутствующим видом, вперив остекленевший взгляд в стену. Длинные черные волосы почти не скрывали лица, контрастируя с ее бледной кожей, что тоже отличалось от привычного образа. Обе руки лежали на столе, одна – ладонью на блокноте, а другая – сжатая в кулак.

Будто призрака увидела...

Я подошла почти вплотную, прежде чем она меня заметила. Бывшие одногруппники посматривали настороженно, я и раньше была для них чужой, но теперь, по моим внутренним ощущениям, превратилась в представлении студентов в нечто иное, то, чего стоит опасаться, – магичку, у которой за спиной маячит некромант. Как бы это ни било по самооценке, но моя личность не отпугивает людей и вполнину так же хорошо, как упоминание мага смерти.

Но если кто-то решит навести обо мне справки, то его ждет впечатляющий перечень... Гонимая всеми, та, что позволяла собою пренебрегать, совершила попытку самоубийства, чудесно спаслась и превратилась из серой мышки в свою противоположность. Чем не сюжет для фильма?

Хотя мою любовь огрызаться со всеми вряд ли можно посчитать проявлением ума... Хорошо, что это время прошло. Но вернись я назад во времени, то вряд ли поступила бы иначе.

– Привет, – тихо поздоровалась я – неуверенно и неловко, плохо понимая, как себя вести.

Дарла до сих пор выглядела потерянно, почти испуганно.

– Что с тобой? – спросила я, так и не дождавшись ответа.

Дарла резко поднялась со стула и скинула в сумку все, что было на столе.

– Плохие воспоминания, – бросила она и вышла из-за стола. – Идем.

Она пулей выскочила из аудитории, а я едва не бегом за ней. Определенно не такой встречи я ожидала. Хорошо, что мы можем поговорить там, где никто не станет греть уши.

– Спасибо, что пришла, Конкордия... – заговорила я от лица Дарлы, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Когда я сама произносила это имя, оно звучало еще ужаснее. – Хотя... Наверное, мне все равно! Мне плевать! Я никогда и не хотела быть твоей подругой, – заговорила я, когда мы вышли на улицу. – Все это изначально план Даниэля!

Промозглая погода заставляла дрожать, и я жалела, что не надела кофту перед выходом, оставив ее лежать в рюкзаке.

– Это не так! – Дарла развернулась, когда мы скрылись в кустах в десятке метров от дорожки.

– А как? Расскажи мне. Прямо сейчас ты демонстрируешь именно это. – Лишь теперь я поняла, что совсем не злюсь, но требую откровенности.

Листья зашелестели, поднялся ветер, а мы с Дарлой едва не стучали зубами от холода, но возвращаться в замок не собирались.

– К чему это все?! – воскликнула она. Ее лицо стало еще бледнее.

– Не знаю. Ридж сказал, что тебе нужна подруга... – Я опустила взгляд. – Может, мы уже не в том возрасте, чтобы прямо говорить о

дружбе. Но выбора-то нет. Хотя какие могут быть правила или условности?! Теперь я точно знаю, если отступлю сейчас, то потом буду жалеть...

Дарла тяжело вздохнула. Ее нижняя губа дрожала, а взгляд был полон сомнений и тревог. В этот момент она меньше всего напоминала ту дерзкую и наглую девицу, которая подошла ко мне однажды.

– Я тебя обманывала.

– Недоговаривала, – поправила я.

Я тоже недоговариваю, вру и скрываю истину. Лгунья в чужом теле, пусть этот путь выбирался не мною, но суть не меняется. А если вспоминать наше знакомство Дарлой... Я ведь смирилась с недомолвками, знала, что мне не сообщают всей правды.

– И тебя это совсем не злит? Не обижает? – Самообладание возвращалось к ней.

– Немного. Но если я буду злиться на тебя, то должна и на некроманта, и еще Клайма, Риджа... Тогда я ни к чему не приду! – Я поджала губы. – Это не потому, что мне нужна чужая поддержка, нет. Просто я понимаю, что была для вас никем. Очередной студенткой из Холиральской академии. Но теперь это не так, мне хочется в это верить... И если подобная ложь случится вновь, то я сильно обижусь. Очень сильно...

Повисла краткая пауза.

– Значит, мир? – неуверенно спросила Дарла.

– Да. Но я желаю услышать твою версию происходящего, – ответила я, теперь понимая, почему не спрашивала об этом у Даниэля. Мне было важно услышать объяснения Дарлы.

Я привязалась к девушке и хотела получить подтверждение того, что это взаимно.

Но было что-то еще, что-то, выбившее дочку ректора из колеи. – Ее щеки покраснели, как после мороза, не той прохлады, что царила сегодня, а настоящего холода со снегом и метелью, в глазах затаилась грусть.

– Идем, – бросила я, теперь настала моя очередь вести за собой.

– Ты собралась прогулять? – с сомнением протянула Дарла, когда я повела ее в сторону ворот.

– Да. – Я решительно кивнула.

– Не лучший поступок в твоем положении.

– Если я пропущу музыкальное искусство, это благотворно скажется на моем моральном состоянии. Не думала, что на магическом отделении тоже есть столь бесполезное занятие.

Дарла ехидно улыбнулась:

– Час талантов.

– Талантов? – Мой голос не скрывал скептицизма. – Я слышала, как ты играешь. Если у тебя и есть талант, то к пыткам.

– Ты себя слышала?

– Мне простительно.

– Ты становишься невыносимой.

– А ты была такой с самого начала, – парировала я, закончив обмен любезностями.

Дарла улыбалась, и я тоже... Словно душа обретала крылья. Каждая минута, каждый час и день со мной что-то происходило. Изменения не поддавались контролю, как бурная река, они несли меня с собой, захватывая крупницы земли и углубляя русло моей жизни в этом мире.

Дом встретил затаенной тишиной. Я еще никогда так рано не возвращалась из академии. За всю жизнь я прогуливала учебу от силы пару раз, но сегодня особый случай.

– Проходи. Там гостиная, – махнула рукой, показывая направление.

– Хороший домик.

– Чистый, – лишь из природной вредности добавила я, вспомнив один-единственный раз, когда была в гостях у Дарлы.

Она с недовольством посмотрела на меня:

– Я ценю уединение.

И будто услышав ее, в прихожую вошла Дарина в зеленом длинном платье до щиколоток и сером фартуке с оборками.

Дарла усмехнулась, выразительно посмотрев на меня, как бы говоря: «А у меня-то нет прислуги. Я все делаю сама».

– Вы сегодня рано, госпожа.

– Так получилось, – замялась я, теребя лямку рюкзака и гадая, не аукнется ли мне прогул.

– Подать чаю?

– Нет, не надо.

На днях я случайно отыскала запасы вина. Бокальчик не повредит, развяжет язык, но на трезвость ума не повлияет.

Я относилась к алкоголю неодобрительно, но интуиция подсказывала, что сегодня он будет кстати. Задумчивый взгляд остановился на Дарине.

Уединение...

– Сегодня ты можешь уйти пораньше. Я справлюсь сама.

Служанка замешкалась, на ее лице отразилось легкое удивление.

Надо будет проверить гостиную, вдруг подслушивающие артефакты завалялись.

Свою комнату я проверяла регулярно, заглядывая во все углы и прощупывая недоступные взгляду закутки.

– Хорошо. Спасибо, госпожа. – При чужих Дарина всегда вела себя официально.

Ночь исполняет желания или становится кошмаром, ее способность делать это наяву и во сне несравнима со спокойным дневным светом, что убивает таинственность на корню.

И сегодня некроманту выпала доля стать чужой жуткой реальностью. Жестокость, что от него требовалась, не была спонтанной, на нее напросились – настойчиво, нагло и глупо.

– Ты ведь все поняла? – тихо и угрожающе сказал он.

Девушка, лежавшая на земле, панически закивала. Даниэль не тронул ее и пальцем, но ногти Ириды обломались, став грязными, как у бродяжки. На земле зияли борозды и ошметки травы. Глаза опухли от слез, губы, искушенные до крови, выглядели как никогда неприглядно.

Лефевр сидел на поваленном дереве, вытянув одну ногу вперед, а вторую согнув. Он творил возмездие, а выглядел как демон за обеденным столом – расслабленно, непринужденно и будто наслаждаясь происходящим. Клайм невозмутимо стоял рядом, молча наблюдая, как Даниэль преподает очередной урок.

Ридж отошел еще до свершения правосудия. Всплеснув руками, он заявил:

– Она все-таки девушка. Не могу на это смотреть.

– Так уйди, – сказал Клайм, маг энергии был куда более спокоен в подобных ситуациях. Парень понимал – иначе нельзя, а раз нельзя, то к чему беспокойства?

Именно за эту беспристрастность, исключительную логику и сдержанность Дарла испытывала к Клайму неприязнь. Когда водницу удочерили, это вызвало пересуды, обсуждения, но ректор это предвидел, и не успевшая разгореться искра была потушена новым пламенем – помолвкой между ней и ребенком из уважаемого древнего рода. Отец мага энергии имел достаточно теплые отношения с Кровавой Рекой, поэтому союз был заключен в рекордные сроки.

Клайм отнесся к нему равнодушно, фиктивная помолвка не мешала ему, даже встречи по расписанию были очередной формальностью, чтобы не вызывать новых вопросов. Но водница оказалась полной его противоположностью – грубая, вспыльчивая и необычайно одаренная. Понемногу он начал ею восхищаться.

Восьми лет регулярных встреч оказалось достаточно, чтобы пересечь черту. Перед одной из встреч маг энергии мастерил артефакт, на который потребовалось гораздо больше магии, чем парень предполагал. Наступило истощение, оно накатывало волнами, лишая привычной рассудительности, делая его безбашенным, безрассудным, почти сумасшедшим весельчаком, которым он никогда не являлся. В ту ночь они с Дарлой натворили много дел, вели себя как типичные наследники богатых семей, а завершили список грязных поступков общей постелью.

После той ночи благодаря стараниям Клайма помолвку расторгли. Водница приняла эту новость бурно, едва не утопив парня в собственной ванне. Хотя это он намеренно и расчетливо вывел ее из себя парочкой хладнокровных сухих фраз. Действиями мага энергии всегда руководила логика, но с того самого вечера что-то пошло не так. Даже сейчас он сомневался и неосознанно копался в своих чувствах, совсем не тревожась о девушке, рыдающей перед ним и Даниэлем на земле.

Некромант поднялся с поваленного дерева. Угрозы и бесчинства карались на территории Холиральской академии, но, надо признать, ректор следил за студентами сквозь пальцы и огласке предавались лишь самые очевидные случаи. Стоило лишь уйти за пределы студенческого района, и правила не действовали.

– Тогда покончим с этим. – Голос Даниэля лишился привычной текучести, став похожим на скрежет клинков.

Вновь взметнувшийся красный туман заставил девушку дрожать и ползать по земле.

– По... пожалуйста... Не надо больше... – Ирида вновь плакала.

«Я всего лишь показываю им то, с чем мне приходится сталкиваться долгими ночами... Но каждый раз любой из них ползает на коленях, умоляя прекратить».

Поморщившись, некромант хладнокровно достал из рукава тонкое лезвие.

«Ее это тоже испугает... Я чудовище... Хотел показать Эмме, что происходит со мной, когда сплю, а теперь боюсь, как мальчишка. Страшусь, что она будет смотреть на меня так же, как все они...»

Присев на корточки, Даниэль перехватил ладонь воздушницы, та брыкалась, редела, пыталась отползти, видимо, подумав, что он решил ее прирезать.

«Я ведь не мясник. Всего лишь возвращаю долг». – Лезвие зловеще сверкнуло в свете луны, а на внешней стороне ладони Ириды появилась кровавая полоса.

Девушка взвизгнула. Некромант поднялся.

– Тебе повезло, что ты сделала лишь это. Ладонь Райалин была в крови, теперь и твоя тоже. – Он отвернулся и бросил через плечо: – На этом все.

Пройдет не один час, пока она придет в себя и доберется домой, но оно того стоило. Жестокость, которой Даниэль пытался избежать, действовала лучше любого лекарства, отучала от глупости, вкладывала толику ума в головы врагов. Но пусть это всегда действовало безотказно, Лефевр прибегал к ней в последнюю очередь. Сначала предупреждение – железное правило, которое всегда защищало его от спонтанных действий, но нередко приносило проблемы из-за чужих поступков, которые можно было пресечь на корню.

В полном молчании Клайм с Даниэлем ушли, выбравшись из леса на поле, по одну сторону которого сияли огни Холирала, а по другую – студенческого района и замка академии.

– Ридж, – позвал Даниэль.

– Он мог уже вернуться, – предположил Клайм.

– Ага. И бросить вас. А вдруг понадобится моя помощь? – Держа руки в карманах, воздушник прогулочным шагом вышел из тени деревьев. – Не выношу женские рыдания. Они теперь мне сниться будут.

Ридж показательно прочистил ухо.

– Если верить Ириде, то Ивонна не скидывала ее с башни. Тогда кто? – задумчиво протянул Клайм, поправляя очки.

Воздушник досадливо поморщился:

– Возможно, кто-то из окружения того немага, что посылал записки Загадке. Я видел его лицо на той вечеринке, он определенно что-то знал. Жалко, что этот ублюдок слинял из академии. Ему точно кто-то посоветовал это сделать, сам бы не додумался. – Ридж застыл, поймав удивленный взгляд некроманта. – Что?

– Я поражен. – Даниэль снисходительно улыбнулся. – Ты в точности озвучил мои мысли. Обычно твоя проницательность... – Некромант замолчал.

Ридж насупился:

– Договаривай.

– Обычно она не выходит за узкие рамки очевидности.

– Спасибо. Твоя тактичность погребена вместе со всеми скелетами, которые ты когда-то поднимал.

Даниэль усмехнулся.

– Я больше чем наполовину уверен, что знаю имя той твари, что отправила Райалин в полет, – неожиданно проявил откровенность некромант, смотря вдаль.

Клайм и Ридж удивленно на него посмотрели. Первый – нахмурившись, а второй – выпучив глаза и хватая ртом воздух в поиске подходящих слов.

– Тогда чем мы здесь занимаемся?! – свистящим шепотом спросил воздушник, призвав мощный порыв ветра, ведь не стоило забывать про осторожность. – Почему не покончим со всем?

– Потому что нужна полная уверенность. И... Пока рано. Еще слишком рано. – Даниэль тяжело посмотрел на Риджа. – Не проболтайся, друг. Это важно.

Воздушник ошарашенно кивнул. Маг смерти крайне редко делился секретами, предпочитая единолично владеть ими, словно ключами от чужих сердец. Когда наступало время, он пускал их в ход,

но чаще информация оставалась во тьме. Воздушник нередко поражался тому, как сочеталось в Лефевре нетерпение к самим людям и стальная выдержка в хранении их тайн.

– Ты расскажешь об этом Загадке?

– Пока нет, – процедил Даниэль, склонив голову. – Надеюсь, и ты не вмешаешься.

– Она тебе доверяет. Не лучшая идея скрывать от нее такое. – Ридж чувствовал себя неуютно. Фактически некромант сделал его соучастником.

– Я знаю и понимаю, но иначе не могу... – В голосе Даниэля промелькнуло нечто ранее неведомое – он дрогнул, выдавая слабость с нотками затаенного страха.

Ридж сглотнул, опустив голову. Он должен был сказать что-то ободряющее или фразу невпопад, чтобы рассмешить и разрядить атмосферу своей безмозглостью, но не смог.

«Что же творится между ними?» – мельтешил вопрос в голове воздушника. В последнее время он стал куда наблюдательнее и кое-что заметил. Даниэль и Загадка сблизились, он видел изменения – незаметные, тихие, трепетные, они, подобно снежному кому, неминуемо оставляли после себя глубокий след. Но если Лефевр отличался откровенностью и уверенностью, то во взгляде девушки иногда прослеживались осторожность и грусть, и если маг смерти имел неосторожность посмотреть на природницу в этот момент, то его глаза становились отражением ее.

– В роду Райалин грядет буря. – На лице некроманта мелькнула знакомая холодная усмешка – он что-то задумал.

Маг смерти неспешно зашагал по полю в сторону студенческого района.

– Ты что-то сделал? – поинтересовался Клайм, идя следом.

– Не совсем я. Тильда. Оказывается, в стане врагов у нас есть союзник...

Спустя час троица остановилась у дома Райалин. Даниэль и маг энергии – по делу, а Ридж за компанию. Отчасти это была авантюра, свойственная молодым парням, ведь чтобы усовершенствовать запирающий артефакт на входной двери и установить новый, лучше выбрать светлое время суток, а не полночь.

Клайм положил на крыльцо чемоданчик с инструментами. Пока друг копался в нем, Даниэль открыл входную дверь артефактом самого энерговика и, перешагнув через его чемодан, вошел в дом.

Блондин поднял голову и недовольно посмотрел на некроманта.

– Экономлю время, – пояснил Даниэль.

– Верни артефакт, – потребовал парень.

– Нет, – непреклонно заявил некромант.

Мгновение лицо Клайма ничего не выражало, и он со свойственным ему спокойствием сказал:

– Ладно. Все равно он станет бесполезен, когда я закончу с этим замком.

– Это вообще нормально, что мы вламываемся в дом Загадки ночью, пока она спит? – вмешался Ридж, он чувствовал себя самым нормальным среди их троицы.

Даниэль скрылся в глубине дома.

– Меня попросили – я делаю, – чопорно отрезал блондин.

– Зануда.

Клайм обернулся на друга. Обычно маг энергии пропускал подобные замечания мимо ушей, но в последнее время они звучали в его адрес слишком часто.

«Признайся, слова Дарлы тебя задели. Признайся хоть самому себе, ты по ней соскучился...» – прошептал его внутренний голос, который он тут же заставил замолчать.

– Ее нет, – прозвучал голос Даниэля. На лице некроманта пролегла тень.

– Как это нет?! – спросил Ридж, но Лефевр уже исчез в одном из коридоров, осматривая дом. Воздушник рванул за ним, Клайм покачал головой, продолжив возиться с замком.

По чистой случайности первая комната, куда отправился некромант, оказалась гостиной, что тут же дала подсказки – один из диванов стоял криво, сдвинутый ближе к стене, на столике обнаружилась опрокинутая бутылка с остатками напитка и содраным ярлыком, а рядом два бокала.

Даниэль подошел и поднял бутылку за горлышко двумя пальцами. Поднеся ее ближе, принюхался, а спустя секунду безразлично поморщился.

– Утреннее вино, – сказал Даниэль.

В мире некроманта по своим свойствам разделялось два вида вин – из немагических плодов и магических. Последние делились на утренние и вечерние, по времени суток, когда их принято пить. В правильные часы они почти не пьянили и помогали пищеварению, а вот в противоположные градус резко повышался. Так, например, днем можно было выпить почти всю бутылку и не опьянеть, а ночью достаточно бокала, чтобы потерять себя.

– Похоже, я знаю, с кем она пила... – В комнату вошел Клайм, принесший с собой женскую сумку. – С Дарлой, здесь нашивка на внутренней стороне.

– Ясно. И куда же отправились эти двое? – Голос некроманта звучал спокойнее – в каком бы состоянии ни находилась водница, она умела за себя постоять.

Проблеск мягкого рассеянного света осветил гостиную – на санкровен Даниэля пришло послание.

Глава 20

Холирал

Несколько часов назад...

– Я не хотела так поступать. – В бокале Дарлы плескалась рубинового цвета жидкость. – Хотя кому я вру?! Мне представился шанс вернуться на магическое отделение – я им воспользовалась! Но даже в этом не преуспела!

Девушка отклонилась на спинку дивана, посмотрев в сторону.

– Странная картина. Сними ее, – скривившись, посоветовала она.

– Пусть висит, – отмахнулась я, уже перестав замечать сие произведение искусства. – Значит, ты маг?

Мой бокал опустел уже наполовину, но пила я медленно и осторожно, прислушиваясь к себе. Мне нельзя было напиваться.

– Да. Я маг. Такой же, как ты и еще добрая половина студентов, – процедила она. – Меня перевели на гуманитарное и запретили использовать силу. Впрочем, я сама виновата.

– Неужели напала на кого-то? – с усмешкой поинтересовалась я.

– Все так очевидно? – Дарла устало взглянула на меня.

– Ты вспыльчивая. Думаю, кто бы они ни были, они сами виноваты.

Девушка усмехнулась, довольная моим ответом. Мы чокнулись и отпили вина.

– Даниэль сказал так же. Перед тем как упрекнуть в отсутствии ума. «Все можно было сделать хитрее» – вот что он сказал.

– Я никогда не замечала вас двоих в академии, – задумчиво заметила я. Именно по этой причине мне и в голову не приходило, что моя новая знакомая могла быть засланным казачком.

Каждым своим действием некромант бросал мне вызов, и я все четче осознавала, что не хочу быть зависимой от него.

«Я помогу решить все твои проблемы» – так Даниэль сказал мне однажды, заранее предугадав мое отношение к своему предложению. Со временем ничего не изменилось, я до сих пор против, пусть это глупо, но со своими проблемами или хотя бы их частью мне хотелось

разобраться самой. Только все чаще кажется, что сделать мне этого не дадут...

Именно поэтому я выбрала деньги.

Я приняла взвешенное, отнюдь не спонтанное, решение. Во-первых, пусть этот мир магический, но большие деньги ценятся в нем едва ли не выше силы.

Словно две стороны одной монеты – моя родная реальность и эта. Прискорбно... Но все же люди везде остаются людьми.

Во-вторых, я не умела совладать со своей нынешней силой, которой, по словам самого Даниэля, была одарена с лихвой. Куда мне думать о возможном увеличении потенциала, когда через год или два меня может уже не быть здесь? Да я ведь не знаю, что со мной завтра случится!

В-третьих, откажись я от денег, то останусь полностью зависима от рода Райалин, они и так мною вертят как хотят. Конечно, некромант предложит помощь, но и его поддержки деньгами я бы хотела избежать. И так бросаюсь в омут с головой, хоть какие-то пути отступления я должна себе оставить.

Наконец последнее, если выигрыш мне не пригодится, я всегда могу отдать лишний миллион даргов Риджу. Воздушнику понадобятся дополнительные средства.

– Потому что мы не общаемся в академии, – вкрадчиво проговорила Дарла, поставив пустой бокал на стол.

– Почему? – Подняв бутылку, я налила ей вновь. Вино, словно обычный сок, пилось легко и необычно, не чувствовалось привычной горечи, свойственной алкоголю.

Дарла поджала губы.

– Из-за Клайма, – с неохотой призналась она. – Мы не договаривались, просто так вышло.

– Не понимаю... А он при чем? – Я удивилась, хотя это оказалось лишь началом.

За окном медленно темнело, дочка ректора становилась разговорчивее, и с каждым ее словом, словно брошенной петардой, мне становилось все сложнее осознавать новую информацию.

Дарла не родная дочь, а приемная, ее родители погибли в кораблекрушении, и с Клаймом они были помолвлены, но помолвку отменили чуть менее двух лет назад.

Ничего не упустила? Кажется, нет. Вот только у водницы заплетался язык, несильно, но это заставило меня насторожиться, и я принялась к содержимому своего бокала.

Острый аромат спиртного ударил в нос. Напиток вонял, совсем как водка. Я ее никогда не пробовала, но вот запах знала.

– «Я думаю, мы оба понимаем, что в нашем возрасте эти отношения ни к чему не приведут. Мы молоды, и будет ошибкой связывать нас друг с другом» – вот что приблизительно он мне сказал. Думаю, всегда буду дословно помнить эту фразу. Хотя его интонация...

– Кого? – К своему стыду, я прослушала, занятая загадкой вина.

– Клайма! – Дарла попыталась выпить из своего бокала, но я не дала, закрыв его ладонью.

– С вином какие-то проблемы. Может, оно... забродило?

– Забродило? – Дарла, раскрасневшаяся и успевшая немного опьянеть, со скепсисом уставилась на меня расфокусированным взглядом и то и дело проводила пальцами по волосам, убирая их назад, чего никогда не делала в трезвом состоянии.

Вино неспешно вылетело из сосуда, повиснув над столом, дочка ректора взяла бутылку и у самого горлышка небрежно сорвала ярлычок.

– Это утреннее вино, – прищурившись, проговорила она.

– Утреннее? Как это? – Напиток, до этого паривший, словно лишенный гравитации, устремился к столу.

Я зажмурилась и отшатнулась.

– Ха, поверила? Даже если я допью все вино, оно не заставит меня потерять концентрацию. – Я открыла глаза – Дарла довольно ухмылялась. – Это уже инстинктивное. Знаешь, самым сложным был запрет на магию. Приходилось следить за собой, чтобы случайно не воспользоваться силой.

– Смешно, – укоризненно покачала я головой.

– А то, – весело откликнулась Дарла, ее настроение неуклонно росло. – Вообще ты права, лучше его не пить. Утреннее вино не пьют ночью. Оно на магических ягодах, и поэтому после захода солнца изменило свойства.

Жидкость вновь вернулась в бутылку.

– Надо его убрать, – сказала я, протянув руку. Но то ли я промазала, то ли Дарла качнулась, и вместо того чтобы убрать вино,

мы разлили его на ковер. Напиток медленно выбегал из опрокинутой бутылки.

Хихикая, я потерла лоб и улеглась на диване.

– Похоже, мы напились, – констатировала, вглядываясь в раскачивающийся потолок.

– Тебе не мешало расслабиться.

– Как и тебе. – Я склонила голову в сторону Дарлы.

– Угу. Только я уже трезвею.

– Так быстро? – удивилась я, хотя и сама не чувствовала себя сильно опьяневшей.

– Мы не успели выпить его после захода. Вот тогда точно бы легко не отделались.

Я кивнула, погрузившись в свои мысли.

Надо же, я общалась и с тем и с другим, но как же могла не замечать? Даже на той вечеринке не могу вспомнить ничего странного между Клаймом и Дарлой. Наверное, потому, что тогда меня вывел из себя тот парень и...

– Ох, черт!!! – забыв обо всем, ругнулась я, вскакивая с дивана и хватаясь за голову. – Как я могла не вспомнить об этом?! Почему не подумала? Это же так просто!

Я сделала несколько шагов, не в силах устоять на месте, но споткнулась о ножку стола и вновь рухнула на край дивана – надрывно скрипнув, мебель сдвинулась ближе к стене.

Ответ лежал на поверхности, а я просто забыла. Моя голова забита совсем не тем, чем надо!

«Если отыщешь правду, возможно, исполнишь предназначение. А хочешь ли ты исполнять волю богов? Готова ли принять окончательное решение?» – мой внутренний голос отличался пронизательностью.

Я распрямилась и сложила ладони в замок. Почти успокоилась, но все равно корила себя за забывчивость и легкомысленность.

– Ты ведешь себя безумно. Что случилось? – не мигая, уставилась на меня водница.

– Как его... Рафал. Он писал мне записки, когда я только вернулась с потерей памяти. Те записки... Они выглядели так, будто он что-то знает. Ты даже не представляешь, какой я сейчас душой себя ощущаю, – тяжело выдохнула. – Забыть о таком! У меня точно мозги высохли от учебы и некроманта.

– Ты куда?

– Не знаю, но мне надо срочно его отыскать. – Я поднялась и снова качнулась, комната закачалась.

– Он уехал, – сухо проговорила Дарла. – Поздно ты спохватилась. Рафал Зинерски не ходит на занятия с самой Герадовой ночи.

– Что? – Я посмотрела на девушку, не сразу осознав смысл ее слов.

– Нет его. Поэтому забудь, – спокойно проговорила она. – Есть другие идеи? Может, ты еще о чем-то забыла?

– Больше я ни о чем не забыла, – немного раздраженно сказала я. – Но еще есть ключ.

– От номера в отеле? Он у тебя? – оживилась Дарла.

– Да. А ты откуда знаешь? – нахмурилась я.

Водница усмехнулась, водя кончиком пальца по краю бокала. Иногда стекло пело – высоко, звонко, и тогда выражение лица девушки будто становилось мягче.

– Ридж сообщил.

– И почему этот болтун мне ничего не рассказал?

– Думаю, он соблюдает нейтралитет, – предположила Дарла. – Вообще я до сих пор не рассказала. Иногда мой приемный отец дает мне задания. Это его способ воспитания. Иначе он не может.

– Почему вы не ладите? Он ведь спас тебя.

– Да? – Она приподняла бровь. – Вот как это называется... Я вижу это иначе. У него нет детей, и он выбрал меня своей наследницей только из-за сильного дара. Ты даже не представляешь, сколько часов своей жизни я потратила на тренировки и учебу. И в академию поступила лишь потому, что надо. До сих пор не уверена, что меня научат здесь чему-то полезному.

– Мы не выбираем свою судьбу. Ты получила дом, а он дочь, – задумчиво протянула я. Вряд ли бы жизнь Дарлы сложилась лучше, если бы девушка осталась одна.

Кажется, я стала циничнее или просто реальнее смотрю на жизнь.

– Давай пока забудем об этом. Насчет моего задания – чтобы вернуться на магическое отделение, мне необходимо разобраться с тобой.

Я удивленно приподняла брови:

– Со мной?

– Ну, я тоже ищу истинные причины твоего падения. Отец не любит, когда вмешиваются в его дела и давят на него, а Райалины вмешались, не дав провести нормальное расследование. – На краткий миг она замолчала, я чувствовала ее колебания. – Именно поэтому я наблюдала за тобой и пошла к Даниэлю за информацией. Тогда мы и заключили сделку: я присматриваю за тобой, а он делится сведениями.

– Понятно. Сговорились, – выдохнула я, не став больше ни о чем спрашивать. Я была абсолютно уверена, что некромант не стал бы рассказывать о моем происхождении.

Я должна злиться... Да хоть на кого-то!

Но действия и некроманта, и водницы вовсе не вызывали ярости, будто мое сердце оледенело, прекратив реагировать на подобные мелочи.

Сговорились? И ладно. На их месте я скорее всего поступила бы аналогично.

– Насчет ключа... – заговорила Дарла, прекратив гипнотизировать пол. Я подняла на нее взгляд. – Мы можем сходить проверить номер.

– Ты знаешь название того заведения?

– Да-а-а, – заговорщицки протянула Дарла. Взгляд девушки приобрел ясность, казалось, она уже полностью протрезвела.

– И это не опасно? – Идея прогуляться в Холирал меня соблазняла, а вот искать приключения на свою пятую точку – совсем нет.

– Дорогая, до поступления в академию я несколько лет прожила в Холирале. Я знаю этот город так же хорошо, как академический район. Да, ночью он опасен, если забрести не туда, но мы будем осторожны.

Я колебалась. Осмотреть номер казалось важным, пусть некромант уверял в обратном, но вдруг этот поход внесет хоть толику ясности в мои поиски?

– И последнее, чтобы не сомневалась, – Дарла будто прочла мои мысли, – если у Даниэля есть на тебя свои планы или он чего-то хочет, то ты и сама не заметишь, как станешь плясать под его дудку.

Может, да, а может, и нет. И мое согласие на эту авантюру не будет зависеть от того, что скажет или подумает некромант, или от моих чувств и мыслей о его намерениях. Я просто желала это сделать,

хотела увидеть Холирал, понять, как выглядит жизнь за пределами клетки под названием академия.

Я ценила свою самостоятельность необычайно высоко.

– Мы идем.

– Да! – Дарла подскочила с дивана, ее глаза горели азартом. Она жаждала приключений, а я, похоже, была готова их ей дать.

– Только никаких открытых платьев, – предупредила я.

– Закрытое сверху, да. Но ножки придется оголить. Иначе нас не пропустят.

– Ножки? Если чуть выше колена, то я согласна.

– Ханжа!

– Возможно. Но дело не в этом, – парировала я.

Огоньки вывесок и рекламных флажков; мерцающие флуоресцентным зеленым витрины; крики зазывал, торговцев, передвигающихся вдоль улиц с маленькими прилавками; люди, поющие на разный манер, не всегда красиво, но неизменно громко, жизнерадостно, словно настал лучший день в их жизни. Меня поражали хаос и стремление совместить несовместимое – по одному тротуару вышагивала почтенная пара, одетая в стиле пятидесятых, а по другую сторону, прямо под неестественно ярким светом фонаря, стояли фривольно одетые дамы, улыбающиеся прохожим. Впрочем, щербатая улыбка одной из них лишь отпугивала.

– Шлюхи, – шепнула Дарла, как будто я и без нее не догадалась.

– Это не те ночные девы, к которым ходит Ридж? – любопытствовала я.

Дарла прыснула.

– Нет, и не смотри на них, а то прицепятся. Они не любят внимания. – Дарла задумчиво дернула свою кудряшку. Они потратили кучу времени, чтобы придать себе хоть немного праздничный вид. – Ночные девы – элита. А это так, безвыходное положение. Хотя даже будь я парнем, если бы даже мне приплатили, все равно бы отказалась.

Ночь наполнилась сказкой, пусть тревожной, беспокойной, но яркой, как последние мгновения жизни.

Я облокотилась о витрину какого-то ресторана, почувствовав неожиданный приступ тошноты. Стекло пульсировало от играющей

внутри музыки, беззвучно дрожало, словно стремясь передать невольному слушателю сдерживаемую им мелодию.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Дарла, сведя брови к переносице.

– Не знаю. Кажется, вино дает о себе знать, – скривившись, сказала я.

– Эй! – Из заведения выскочил какой-то разъяренный мужик в аскетичном костюме серо-белой гаммы. Завивающиеся усы и черные бусинки глаз придавали ему важности. Тыча в меня пальцем, он резко проговорил: – Отведи свою подругу подальше. Если ее вырвет, не уйдете, пока не приберете за собой.

– Не вырвет ее! Успокойся! – обернувшись к нему, рыкнула Дарла.

– Все равно убирайтесь. Это приличное место!

– Мы тоже приличные девушки! – Она разозлилась. – Продолжишь орать, заглянем в твой ресторанчик!

Заявление девушки вызвало у служащего приступ презрительного смеха.

– Денег-то хватит? – зло спросил он.

Если несколько секунд назад я бы еще поспорила с угрозой водницы, то перебранка заставила забыть о тошноте, оставив лишь легкое недомогание.

– Из-за чего ругань? – Дорогая дверь, увитая металлическими цветами, открылась, явив особу в приталенном черном платье. Из-за глаз, густо покрашенных темно-синими тенями, я не сразу ее узнала.

Служащий подобрался. Дарла поморщилась, уставившись в тротуар, и лишь тогда у меня закрались смутные подозрения, а спустя мгновение я заметила сходство.

Тильда...

Сестра Даниэля бросила на меня острый взгляд, будто протыкая насквозь невидимым копьём, и не менее строго посмотрела на мужчину, который растерял всю агрессивность.

– Извините, госпожа Лефевр. Маленькое недоразумение. Я уже все уладил. Вы можете вернуться к вашему столику, – залебезил служащий.

Я подобралась, пытаюсь скинуть остатки дурноты. Лицо Тильды оставалось непроницаемым, на нас с Дарлой она больше не смотрела.

Мужчина поспешил открыть перед ней дверь, что не мешало ему грозно поглядывать на нас из-за спины некромантки.

– Вы ведь знаете, что у меня есть брат? – прежде чем переступить порог, холодно спросила Тильда у служащего ресторана.

Судя по выражению лица, мужчина не знал, но это не помешало ему заверить девушку в обратном.

– Хорошо. Надеюсь, вы с ним не встретитесь, – загадочно изрекла Тильда и исчезла внутри ресторана, оставив работника заведения в недоумении.

– Вы с ней знакомы? – А мужчина оказался не так глуп, судя по сомнению на его лице, он что-то заподозрил.

Дарла издевательски ухмыльнулась.

– Нет. И мы уходим, – ответила я, опередив подругу. Обвив локоть водницы, я настойчиво повела ее подальше от заведения, где проводила время сестра некроманта.

– Скорее всего наш поход не останется в тайне, – кинув на меня испытующий взгляд, сказала дочь ректора.

– И?

– Не беспокоись?

Показалось, что меня проверяют.

– Дарла... – протянула я, пытаюсь дышать глубоко, захватывая в легкие как можно больше воздуха. – Если бы я боялась, что Даниэль об этом узнает, мы бы никуда не пошли. И откровенно говоря, вообще не вижу в наших действиях чего-то запретного. Мы гуляем, просто гуляем...

Я сглотнула, борясь с новым приступом тошноты, не таким острым, как предыдущий.

– Тебе лучше? – сочувственно спросила подруга, и я вымученно кивнула, надеясь, что недомогание вскоре отступит. Мимо нас пробежали мальчишки, прижимая к груди цветные листовки, и одну сунули Дарле.

Водница мельком взглянула на объявление и, поджав губы, передала его мне.

«ГОЛУБАЯ КРОВЬ»

Голубая свежая молодая кровь!

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ – КЛУБ ЗНАКОМСТВ!!!

К НАМ ПРИДИ – СВОЮ КРАСАВИЦУ НАЙДИ.
ДЛЯ ВСЕХ ДАМ ВУАЛЬ НА ВЫБОР
И ФИРМЕННЫЙ НАПИТОК В ПОДАРОК!!!

Живая музыка, летающие ферстлы
и викторина «Вопрос! Ответ! Наказание!»

– Только не говори... – начала я.

– Скажу. Это то самое место, – перебила водница.

– Клуб знакомств? А мы знали, какую ночь выбрать, – ухмыльнулась я, теряясь в догадках, что же мы найдем в номере наверху.

– Это мое везение дало о себе знать.

– Да ладно, мы просто осмотрим номер. – Мой голос звучал беззаботно, мне надоело беспокоиться о том, что, возможно, никогда и не случится.

– Конкордия, ты даже не представляешь, как навязчивы управляющие подобных заведений. – Имя двойника неприятно резануло слух.

– Не знаю. Но зато я видела, как ты отбрила того мужика у ресторана. Клянусь, если бы не появление Тильды, вскоре ты бы заставила его перед нами извиниться.

– Очень может быть.

Дарла выглядела довольной.

Партландер забрал нас из дома Райалин, и поэтому мы высадились в благопристойном районе Холирала, чтобы не спровоцировать слухов. По заверениям дочки ректора, до заведения «Голубая кровь» оставалось несколько минут пути.

Фасад заведения показался внезапно, мы просто завернули за угол, и я едва не ослепла. У входа летали цветные облака насекомых; как рыбы в океане, они парили стаями – красные, зеленые и желтые.

– Что это? – пораженно прошептала я.

– Ферстлы.

В этот миг высокий худощавый зазывала «Голубой крови» скачущей походкой направился к нам, а рой ферстлов рванул за ним, выстраиваясь позади, словно крылья.

Две недели – столько мне понадобилось, чтобы оказаться в Холирале. Почти полмесяца, и я наконец-то коснулась тайны

Конкордии. Самоубийство или нет? Теперь меня одолевали сомнения, но вместе с тем я еще никогда не надеялась и не желала узнать правду так безудержно...

Глава 21

Отвергнутая и возмездие

Все изменилось.

Мое сердце трепетало, выбивая хаотичную дробь, словно какой-то волшебный механизм, заведенный специальным ключиком.

Стук-стук.

Глубокий вдох и выдох.

Бордовый цвет обоев напоминал кровь, засохшую на стене, как на асфальте после чьей-то жестокой драки. Чашевидная люстра покачивалась, мерно скрипя, ведя отсчет вслед за моим сердцем.

Скрип-скрип.

Раз, два, три...

Прежде чем поднять взгляд и увидеть собственное отражение, я сосредоточилась на ладонях, сжатых в кулаки. Я будто собиралась на битву, которая, по всей видимости, завершит войну.

В мрачном в своей красоте доме некроманта словно жили призраки, но и без них под крышей этого здания собралось слишком много народа. Дэафи, как тень, притаилась позади некроманта, ее бездушный и острый как бритва взгляд скользил от некроманта ко мне, моему отражению и обратно. Даниэль глубоко дышал, его зрачки расширились, явив миру искорки дара смерти. Иногда парень прикрывал глаза, будто слушая не ведомую никому мелодию. Тильда щелкала пальцами, расхаживая у стены, этот простой жест задавал темп ее мыслям. Даже невозмутимый Клайм лишился своего спокойствия, взлохмаченные блондинистые волосы торчали во все стороны. Он облокотился о шкаф, шаря в карманах и вываливая на одну из полок груды мелких артефактов. Дарла недовольно косилась на мага энергии – он один производил шума за семерых. Ридж не переставая моргал, будто пытаясь развеять иллюзию – пара пощечин вполне могли привести его суматошные мысли в порядок.

Я разжала ладонь и без смущения положила ее на свое бедро, где был начертан знак. И ничего не ощутила. Раньше оно зудело или пекло рядом с некромантом.

– Меня одного это шокирует? – спросил Ридж пересохшим голосом.

– Не тычь в нее пальцем, Ридж. – Я сама удивилась тому, как грубо звучал мой голос, между пальцами засветились зеленые искорки, и пусть большая часть силы вновь ушла некроманту, на этот раз я отнюдь не чувствовала себя ослабевшей.

– По крайней мере, теперь мы знаем, что делать с Ивонной, – неожиданно высказалась Дарла. – Она не сможет никому ничего доказать.

– Вы слишком самонадеянны, – буркнула Тильда.

– Я бы сказал, мы полны веры, – проговорил Даниэль, прямо взглянув на сестру.

Дарла фыркнула. Я громко сглотнула, еще не зная, чем обернутся перемены.

Я смотрела на девушку перед собой, а невысказанные слова обжигали горло. Какое бы удивление ни испытывали некромант, его сестра, старая женщина, больше походившая на скелет, обтянутый сухой пергаментной кожей, что на мгновение я решила, будто она одно из творений Лефевра, крепко ругнувшаяся Дарла, истерично рассмеявшийся Ридж или молчаливый Клайм, до сих пор шаривший в карманах в поисках неведомо чего, то чувство нереальности происходящего, что ощущала я, было не сравнимо ни с какими их мыслями.

Ночь в Холирале стала сокрушительным провалом. Тогда я уже не опасалась разоблачения, но оно произошло. Отчаяние провело черту, которую я перешагнула.

– Моя мама... Она все так же готовит блинчики по выходным? – Горло свербело, будто я подхватила ангину.

– Да, когда не занята работой. – В моих или, скорее, в глазах Конкордии вспыхнул огонек тепла.

– И они у нее все так же пригорают?

– Ага. Я уже привыкла просыпаться от запаха гари, – подтвердила девушка.

Я горько улыбнулась, гадая, каково им. Кажется, за два прошедших месяца родители сроднились с моей заменой. Время в родном мире шло в несколько раз быстрее. Обидно. Во мне будто проснулся эгоистичный ревнивый ребенок.

Мой двойник сложила ладони лодочкой, пряча неуверенность за этой позой. Рукава черно-белого кардигана были закатаны по локоть, на пальцах блестели мои серебряные кольца: одно тонкое на безымянном, а другое – на указательном – широкое, с россыпью мелких камешков. Мои волосы отросли почти до лопаток, и теперь мне предстояло обрезать свои, чтобы наше сходство стало абсолютным.

Какая малая цена... Цена тому, чтобы положить конец прошлому и дать начало будущему.

Глава 22

Раскрытие тайны

Внешний лоск и вульгарность, присущие персоналу и посетителям, меркли перед сумраком лестницы, обшарпанными стенами и скрипящими половицами.

Подхватив подолы платьев, мы поднимались на второй этаж. Всученная зазывалой вуаль щекотала нос, и я от души надеялась, что она чистая. Мы с Дарлой избавились от плащей, оставив их на хранение у паренька, исполнявшего роль гардеробщика. В вязкой тишине, нарушаемой гулом голосов, когда кто-то открывал дверь, отделявшую банкетный зал от гостиничной части, я отчетливо слышала свое дыхание. Оно казалось частым и прерывистым.

Волнение вкупе с духотой и приторным ароматом потрепанных искусственных цветов, намотанных на лестничные перила, вызывали у меня дурное предчувствие.

– Они настоящие... – неожиданно осознала я, ощутив проблеск жизни в одном из бутонов.

– Кто? – Нос Дарлы покраснелся. С того момента, как мы вошли в «Голубую кровь», она не переставая чихала.

– Цветы. – Я вытянула руку, и темно-пурпурные лепестки налились цветом.

– Да. Их обрабатывают в специальном растворе. А теперь идем, – поторопила она меня.

Я кивнула и продолжила подъем. Я не могла оживить каждое умирающее растение в этом городе и мире.

– Мне показалось, или тот зазывала странно на нас посмотрел? – вспомнила я взгляд мужчины, когда мы заговорили о номере в отеле.

Его взгляд изменился, он даже не стал приглашать нас в клуб знакомств.

– Ну... Их учат не задавать вопросов, – заметила водница и беззаботно добавила: – Наверное, он подумал, что мы вместе.

– Вместе? – вкрадчиво переспросила я, запнувшись о протертый ковер на втором этаже.

– Ага. Как парень с девушкой.

Дарла откровенно издевалась. Девушку совсем не смущало подобное заблуждение.

Я приблизила свое лицо к ее, невесомо коснувшись щекой, и жарко прошептала в самое ухо:

– А что, если нам...

Зрачки Дарлы расширились, она инстинктивно отшатнулась и едва не кувыркнулась вниз по лестнице.

– Ха, ну и шуточки у тебя! – Она вцепилась в мою протянутую ладонь, и лишь это уберегло ее от падения.

– Ты говорила с таким спокойствием, что я решила, будто ты не против, – лукаво проговорила я.

Мы двинулись по коридору.

– Да конечно. – Дарла тихо хохотнула. – Это будет апогеем ваших отношений с некромантом. А на кладбище академии появится новая могила.

– Не бойся, любимая, я не дам тебя в обиду, – тихо пропела я. Услышь кто наш разговор, точно бы повертел пальцем у виска. Но оно, может, и к лучшему.

Холодная ладонь Дарлы вцепилась в мой локоть. Я обернулась – сведенные к переносице брови, напряженное лицо. Лишь проследив за взглядом девушки, я тоже ощутила, как мое собственное тело деревенеет.

Зеленый туман затрещал искорками, окутывая ладони, плечи и шею. Я была слишком взбудоражена, чтобы держать свой дар в узде.

Дверь одного из номеров оказалась приоткрыта, яркий свет полосой рассекал ковер пополам. У дверного косяка, на табличке в форме сердца, значилась цифра одиннадцать, совпадая с номером ключа в моей руке.

Я сглотнула.

Просто войти? Может, запереть номер? Даниэль говорил, что комната сдана на долгий срок... Скорее всего там владелец другого ключа.

Оглянувшись на Дарлу, я кивнула в сторону двери и сдвинулась с места. Кто бы там ни был, нас двое, и мы вполне можем постоять за себя.

Я много раз представляла этот момент. Точнее, встречу с кем-то, кто причастен к падению Конкордии. Перед сном, когда засыпала, днем в замке, переходя из одной аудитории в другую, и в момент тренировки с Даниэлем, когда луна сияла так ярко, что привычный зеленый цвет стеблей наливался голубизной. Но когда я отворила дверь и мы с Дарлой заглянули внутрь, ответ оказался слишком очевидным. Очевидным настолько, что я ощутила привкус разочарования, будто сложная задачка оказалась примером по математике для начальных классов.

– Неожиданная встреча...

Посреди перевернутой вверх дном комнаты стояла Ивонна. Прекрасная, как кукла, рядом с ней любой мог почувствовать себя ущербным.

– Очень неожиданная, – вторила я, оглядывая номер, но сестра Конкордии находилась здесь одна.

– Зато такая долгожданная, – загадочно проговорила Ивонна.

– Откуда у тебя ключ?

– Нашла.

– Где?

– Там, где его уже нет, – нахально заявила она, с показной безразличностью скользя взглядом по светло-сиреневым стенам. Из-за тумбочки, прислоненной к стене, выглядывали темные потеки. Скорее всего сначала что-то разлили, а уже потом прикрыли мебелью.

– Не подходи к ней близко, – сказала Дарла, вытянув передо мной руку.

Из-за нахлынувшего раздражения я почти забыла о том, на что способна сестра двойника, если подпустить ее к себе.

Остановить сердце, забрать дыхание или навсегда лишиться зрения – Ивонне это под силу. Я знала. Я испытала. Но не зря говорят, воспоминания притупляются, теряя остроту и яркость, словно кошмар после пробуждения.

Хотя смотря какой кошмар...

Перед глазами вспыхнула картина, Даниэль на кровати, его искаженное то ли болью, то ли мукой лицо и ладони, мнущие простыню так сильно, будто вот-вот разорвут.

Я у него так и не спросила... А он так и не рассказал.

Почему? Не доверяет? Опасается предательства? Или есть то, о чем я не знаю?

Готова поспорить на крупную сумму даргов, что в доме Конкордии, рядом со мной, он так и не уснул.

Я за него боялась, как будто за себя. Нет! Да меня даже своя судьба волновала гораздо меньше, чем его. Это неправильно, самопожертвование почти никогда не приводит к чему-то хорошему. Стоит лишь вспомнить итог Герадовой ночи, – Даниэль не хотел, но все равно лишил меня сил.

– Почему ты сказала, что встреча долгожданная? – осторожно спросила я, косясь на единственную дверь внутри номера.

Это может быть ловушкой...

– Нам есть что обсудить, только и всего. – Ивонна распахнула тревожащую меня дверь, за ней оказалась ванная комната с просто неприлично огромной для такой обшарпанной комнатухи ванной. – Здесь никого нет. Я одна.

– И. Что. Ты. Хотела. Обсудить. Наедине? – Каждое слово будто весило тонну.

Ивонна улыбнулась. Девушке не требовалась помада, ее губы и без того могли порадовать взгляд своим естественным насыщенным оттенком розового.

Нежные, как лепестки того цветка, что я оживила на лестнице. Черт, Эмма! Ты слишком долго пялишься на ее губы. Это ненормально!

– Ты помнишь о третьей сестре? Тебе должны были рассказывать, что в академии учится еще одна... – Придирчиво оглядев постель, Ивонна аккуратно присела на край матраса. – Неужели нет? Как грустно.

– Мне говорили, что нас трое, – резко перебила я, и в самом деле вспомнив, что Горидас об этом как-то упоминал.

Но это было так давно, будто в прошлой жизни. На второй или третий день моей учебы в академии? Теперь даже вспомнить не могу.

– А говорила, что больше ничего не забыла, – укоризненно прошептала Дарла, с ленивым видом державшаяся позади, позволяя мне вести диалог.

– Я правда не забыла. Думала, в Холиральской академии каждый знает мою семейку, – недовольно отозвалась я.

Кажется, я вновь упустила важную деталь, только раньше не было никаких намеков или предпосылок, чтобы искать третью.

– И что ты хочешь этим сказать, Ивонна? – Дышалось тяжело, ладони горели, меня злила одна только мысль, что эта девица с такой легкостью травила моего двойника и издевалась, а потом и со мной попыталась провернуть то же самое.

Я представила, как моя рука впивается в ее горло, а стебли обвивают руки и ноги, лишая способности колдовать. Какое сладкое желание, такое кровожадное, но не жестокое. Мне лишь хотелось, чтобы целительница почувствовала себя на моем месте, когда угрожала мне в моем доме, лишив способности дышать.

Ивонна подобралась. Улыбка сменилась оценивающим выражением лица.

– Она не конкурировала за некроманта, и я думала: почему? – Даже голос этой твари казался приятнее, чем у других.

– И почему же?

– Потому что грязную работу выполняла ты, дурочка. – Она сочувствующе улыбнулась.

Фальшь. Она не знает сострадания.

Я шумно втянула воздух:

– Как я могла выполнять за кого-то грязную работу? Расскажи.

– Я не хочу. И не буду. Моя жалкая младшая сестренка. – Ивонна поднялась.

Прикрыв глаза, я перевела дух. Гнев нарастал, а самообладание таяло, как маленький кусочек льда, брошенный в теплую газировку.

– Тогда почему ты хотела встречи? Почему даешь эти подсказки?

– Ох, я хотела посмотреть на твое лицо.

– Что? – сквозь зубы прошипела я.

– Твое лицо, мерзавка. Пусть победа почти в твоих руках, но у меня есть чем утешиться, – многозначительно сказала она.

– Победа... – Я хмыкнула, вызвав полный недоумения взгляд. – Ты хотя бы раз задумывалась, сколько боли мне причинила? Жалела хоть раз? Пусть я не помню, но унижения всегда останутся унижениями.

Моральное уничтожение... Я была полна веры, но теперь сомневалась. Вдруг Конкордия спрыгнула сама? Всего лишь предположение, но такое реальное.

– Нет, – бесстрастно, холодно, на миг приподняв брови, ответила Ивонна. – И я бы сделала это снова... Снова и снова...

От ее слов мне словно выносило мозг, разрушая преграды. В какой-то миг я стала чувствовать окружающий мир так остро, в мельчайших деталях – каждый цветок, деревце, зеленый кустик, домашние растения в горшках или семена глубоко в земле, погребенные под слоем брусчатки или фундаментом здания, – я ощущала их все, словно саму себя. Они откликались, тянулись ко мне, подчиняясь всепоглощающему гневу.

Ивонна оскалилась, будто усмехаясь собственным мыслям.

– Не надо. – Дарла предостерегающе схватила меня за запястье. – Не надо, слышишь?!

Целительница приблизилась – я позволила ей сделать это.

– Я жалею лишь об одном, – доверительно прошептала она. – Что собственноручно не скинула тебя с той башни.

Я задохнулась, будто лишилась себя и взорвалась искрящим туманом, заполнившим комнату. Окно разлетелось вдребезги, впуская зеленый отросток с сотней мелких шипов на поверхности.

Ивонна отшатнулась.

Мои творения предугадывали желания.

Секунда, миг...

– Я знаю, кто ты! Эмма!

Отросток замер. Меня парализовало. Звук моего имени из уст этой твари возымел какой-то магический эффект. Я замерла, шокированная. Зато Ивонна Райалин торжествовала!

– Да, так и знала! – Она выпрямилась с видом победительницы. – Если я пострадаю, об этом узнают все!

– О чем? – Я собралась, попытавшись исправить свою ошибку.

Но это уже невозможно. Я облажалась.

Стебель вновь двинулся в сторону целительницы. В этот миг я боялась саму себя и последствий, страшилась посмотреть на притихшую водницу, но отчаянно желала стереть победный оскал с лица Ивонны.

– Миссис Ладин мне рассказала. Бедной женщине даже невдомек, что ты говорила правду, когда очнулась. Ты ведь не Конкордия! Ты просто не можешь ею быть! – В ее голосе взвилась паника, а лицо

исказила боль. Стебель с садистской медлительностью обвивал ее лодыжку, раздирая кожу колючками.

Лишь в этот раз... ради себя... ради Конкордии.

Справедливая ярость и жажда возмездия ослепляли.

– Хватит, – ледяной голос рассек пространство, рука некроманта накрыла мои глаза, лишая обзора. Но эта мелочь оказалась против меня бессильна, на помощь пришел дар, он позволял мне видеть.

Ивонна судорожно всхлипнула – отросток полз выше по ее ноге.

– Не надо, успокойся, все должно произойти не так. – И вновь настойчивый холодный голос, мое запястье сдавили – осторожно и больно одновременно.

– Как? Как, Даниэль?! Ты уже помешал мне однажды, не мешай теперь!

Спину опалил жар. Его тепло – горячее, безрассудное, безумное. Ладони исчезли с моего лица, коснувшись живота. Ураган эмоций, бурная река и горький запах шоколада.

Ивонна сидела на полу, схватившись за ногу, превратившуюся в кровавое месиво до самого колена.

– Тогда чего ты хочешь, Загадка? – тихо и мягко заговорил Даниэль, напоминая змея-искусителя в Божьем саду. – Хочешь причинить вред, поранить? Может быть, убить?

Нет, не хотела. Пыл оставлял меня, уступая дрожи. Мои оголенные плечи сотрясались.

– Если это действительно то, чего ты желаешь... – взгляд Ивонны наполнился ужасом, а Даниэль, на мгновение умолкнув, продолжил: – то я помогу. Сделаю это гораздо быстрее тебя. Но потом на меня наденут сковывающие артефакты и запрут. Скорее всего навсегда. Хотя думаю, меня убьют, у меня уже есть грехи.

Хриплый проникновенный голос вопросительно замолк.

Отросток ослабил хватку и безвольно поник. Соскользнув с ноги девушки, он рухнул на пол и медленно потянулся обратно к окну.

– Исцеляйся, – холодно бросил некромант. Но подсказки не требовалось, руки Ивонны уже наполнились молочным туманом. Бледное лицо девушки явственнее всего говорило о ее состоянии – болезненном, испуганном и злом одновременно.

Что же я натворила? Что чуть не сделала?

Я позволила гневу захватить себя, а новой силе опьянить. Власть лишила рассудка, и я впервые за всю короткую жизнь столкнулась с ней лицом к лицу.

Возможно, я ничем не лучше остальных, тех, кто привык запугивать слабых и быть жестоким во всем...

Неожиданная догадка вызвала отвращение к себе.

Я скинула руки Даниэля, каким-то чудом проскочила к выходу, едва не сшибла Риджа, тихо беседовавшего с кем-то из работников «Голубой крови», бегом спустилась на первый этаж и замерла, держась за ручку двери, ведущей в банкетный зал.

Куда я бегу? Все, что произошло наверху, – всего лишь ошибка. Как же мне хочется убедить себя в этом...

Я открыла дверь и окунулась в яркий свет, словно в воду, глубоко вдохнула и села за ближайший пустой столик, боясь снова наделать глупостей.

Мне необходимо подумать.

– Что закажете? – Ко мне подскочил официант.

Сощурившись и далеко не сразу поняв, что от меня хотят, я все же сбивчиво проговорила, вспомнив листовку:

– Напиток... фирменный.

– Все?

– Да. – Я кивнула, и официант быстро ушел.

В зале находилась сцена, где выстроилась вереница людей, видимо, участвующих в той странной викторине, о которой я тоже узнала из рекламы. Скользя взглядом по своему столу и полупустому стакану, я догадалась, что заняла чужое место.

Надо найти другой столик... Но других нет, все заняты.

Да к черту! Посижу, пока свободно.

Я закрыла ладонями пылающее лицо, руки показались невероятно холодными.

Дышать. Только дышать.

– Вам помочь?

Я подняла голову, с недоумением посмотрев на мужчину в черной тонкой маске.

Точно, посетители «Голубой крови» скрывают свое лицо!

– Нет, спасибо.

– Одна «Голубая кровь» для дамы. – Передо мной на стол опустился высокий бокал с синей жидкостью, которая становилась немного светлее у кромки.

Так вот откуда название...

– Вы как неожиданный, но прекрасный подарок.

Мужчина грузно опустился на стул напротив, оправил бархатный камзол, натянувшийся на пузе, и пригладил сальные волосы. Судя по брошке с огромным камнем на груди, он был явно из зажиточного слоя. Голос незнакомца показался грубым, и я мысленно дала ему лет тридцать с хвостиком.

– Почему?

Надо уходить. Мне становилось не по себе.

– Это мой столик, а вы неожиданно подсели. Сколько мужчин может похвастаться этим?

Ох, вот что он подумал...

Неизвестный взял свой стакан и с легким причмокиванием отпил. Маска закрывала лишь половину лица, оставляя открытым двойной подбородок.

– Произошла ошибка, думаю, мне лучше уйти...

– Что вы, останьтесь. Давайте хотя бы поговорим.

– Мм, не думаю, что это хорошая идея. – Мне совсем не хотелось ему грубить.

– Идиотская идея. – Стул отодвинули, и Даниэль присел за стол, сцепив руки в замок перед собой.

Повеяло холодом. Незнакомец засуетился.

– Кто вы? – спросил мужчина.

– Ее жених, – бросил некромант, его колено коснулось моего под столом.

Ее жених... Даже звучит невозможно и волнующе. Если бы я обладала даром огненной стихии, то давно спалила бы к чертям это заведение. А если бы не сделала этого в том номере наверху, то точно подожгла бы этот стол.

– Оу, сочувствую. – Голос толстяка лишился мягкости.

Я нахмурилась. К чему он это сказал?

Некромант сощурился, выдав мрачную полуулыбку. Я знала это выражение лица – что-то грядет.

– Как давно умерла ваша жена? – твердым как камень и пробирающим, как траурный марш, голосом спросил маг смерти.

– Что? Она вовсе не умерла.

– Да? – Наигранное удивление. – Как странно. Но раз вы здесь, для вас она умерла. Разве не так?

– Чего ты мелешь, пацан? – Мужчина оскалился.

По сплетенным пальцам Даниэля прошли красные сполохи. Толстяк это заметил, но, стоит отдать должное, на попятную не пошел, хотя и нападать больше не стал.

– Думаю о том, как омерзительно вашей жене лежать с вами в одной постели, не говоря уже о другом. – Ни капли эмоций, лишь трезвая прямота.

Толстяк – обвиняемый, некромант – прокурор. Это сравнение против воли вспыхнуло в голове. Если бы Лефевр и в самом деле был прокурором, то самым сексуальным в мире. И вовсе не благодаря своему телу, а заразной мрачной харизме, уверенности и силе воли.

Незнакомец поднялся со стаканом в руке и ретировался, бросив напоследок:

– Вы еще молоды, позже поймете.

Некромант усмехнулся, а я мгновенно вернулась в свой кошмар под названием «Что я натворила».

Теперь Ивонна знает... Если ее словам поверят, меня станут проверять, и я вовсе не уверена, что справлюсь с этим.

Еще и Дарла все слышала. Водница поймет, я в этом уверена, но жаль, что она узнала об этом при таких обстоятельствах. Главное, чтобы отцу не рассказала...

– Рано или поздно ты все равно бы сорвалась, не переживай об этом, – сказал некромант, расцепив ладони и развернувшись ко мне вполоборота.

– Я собиралась ее покалечить, Даниэль. И сделала бы это, если бы не ты, понимаешь? – Мне казалось, он не осознавал очевидной истины – я опасна.

– Эмма. – Некромант склонился и, смотря прямо, не мигая, произнес: – Ты сидишь рядом с убийцей. Ты спишь рядом с убийцей, ешь за одним столом и целуешь убийцу. Не все ли равно? Это всего лишь пара царапин, от которых эта девица уже избавилась.

Дрожь в руках утихала, словно устыдившись, ведь по сравнению с событиями в жизни Лефевра мои испытания были как летняя гроза – громкими, ослепительными, но мимолетными.

– А если я сделаю это снова?

– Ты слишком поздно познала дар, поэтому он взял верх. Но чем больше будешь учиться контролю, тем легче он будет тебе даваться.

– Учиться, учиться... контроль...

Я сложила руки на столе и опустила на них голову, повернув лицо к некроманту.

– Так будет всегда, Даниэль? – Из моего голоса исчезли нотки паники. Осталось стойкое усталое спокойствие, которое не тревожили ни веселая музыка, ни топот ног, ни гул голосов.

Вопреки любым законам физики в моем разуме воцарилась тишина.

– Это вес силы.

– Чем больше сила, тем больше ответственность? – тихо рассмеялась, вспомнив коронную фразу дяди Бена из фильма «Человек-паук».

Даниэль вопросительно поднял бровь. Сколько эмоций он мог передавать таким незначительным движением: иронию, вопрос, угрозу.

Я не могла оторвать от него взгляд.

Эмма, ты попала на крючок, ему осталось лишь вытащить тебя из моря, как золотую рыбку. Но только о том, что рыбы погибают на поверхности, думать совсем не хотелось...

– Я немного схожу с ума, не обращай внимания.

На самом деле я отчаянно желала говорить о чем угодно, только не о серьезных вещах. Подняла взгляд, опустила в стол и вздрогнула, когда ладонь некроманта коснулась моей шеи.

– Где остальные? – ляпнула я.

– Наверху. Скоро спустятся. – Даниэль усмехнулся.

– А Ивонна?

– Скорее всего ушла.

– Она... она все знает. Я выдала себя. – Мой голос скрипел, как несмазанные дверные петли.

– Доказательства, Эмма, всему нужны доказательства. А их у нее не будет.

– Какой уверенный. Как и всегда.

Все настолько просто, а кажется, будто тяжелее не бывает.

– Мне иначе нельзя.

– Почему?

– Как ты почувствуешь себя, если я проявлю слабость? – На лице некроманта вновь появилась обманчивая полуулыбка.

Я выпрямилась.

– Ты не понимаешь, Даниэль.

– Чего?

– Если подпускаешь кого-то достаточно близко, то готовься обнажить свои чувства. Их больше не утаить. – На языке вертелся вопрос, который я давно хотела задать, но не решалась, а теперь ляпнула, не задумавшись: – Сколько у тебя было девушек?

Некромант сощурился, а у меня пересохло в горле, но, кроме фирменного напитка, на столике ничего не было.

– Неожиданно, – иронично сказал Даниэль.

– Много?

– Я не могу сосчитать.

– Что?! – взвилась я.

– У тебя щеки пылают.

– Здесь жарко.

– Нет, ты ревнуешь. – Нотки удовлетворения звучали в голосе некроманта.

Я выдохнула. За время нашего знакомства я уяснила одно неизменное правило: хочешь обыграть Даниэля – меняй правила. Сноси их к чертям, взрывай гранатой и принимай новые.

В голове хаотично крутились мысли, и, еще не придумав ничего толкового, я уже поднялась из-за стола. Лефевр с интересом следил за моими движениями, и когда губы парня сжались в тонкую линию, а взгляд уперся в вырез платья, я даже мысленно поблагодарила Дарлу за настойчивость.

– Если бы я ревновала, Даниэль, – прошептала, обняв его со спины и наслаждаясь прикосновениями гораздо больше, чем желала показать, – то давно бы зажала тебя в каком-нибудь темном углу и убедилась, что, кроме меня, ты ни о ком не можешь думать.

– Мы бы поменялись местами.

– Скорее всего. Но прежде я бы убедилась в своей правоте.

- Какая большая жертва ради маленькой победы.
- Это не жертва. – Слова неслись вперед, опережая мысли.
- Что же тогда? – хрипло спросил некромант.
- Желание. – Я изумленно замолчала. Слишком смелое и безумное заявление для меня.

Глава 23

Признания

Напряжение, прокатившееся по груди Даниэля, я явственно прочувствовала ладонями. Попробовала отстраниться, но руку захватили в плен.

– Двое.

– Что?

– У меня была близость с двумя девушками. Первая – служанка, дочка управляющей в нашем особняке в столице. Но я случайно уснул, и от увиденного она заикалась несколько недель. Вторая – некромантка, здесь, в академии. Два года без обязательства.

– Целых два года? А потом?

– Она окончила академию.

– Значит старшекурсница?

– Ну, мне было из чего выбирать. – Очередная полуулыбка.

– Было из чего выбирать... – передразнила я, выпутывая свою ладонь из его захвата и садясь напротив. – Почему у меня не было выбора?

Маленькая капризная девочка во мне говорила: «Как делаешь ты, так сделаю и я». Глупо, бессмысленно и нелепо.

– Он был. И ты его сделала.

Протянув руку, я коснулась стола. Провела пальцами по рисунку дерева в надежде услышать живой отклик, но ощутила только гладкость и холод лака.

– Ты говорил всерьез, предлагая разобраться с Ивонной? – Я словно на миг окаменела в ожидании ответа.

– Что, если да? – поинтересовался он.

С секунду я изучала его взгляд, прокручивала в голове интонацию, с которой был задан ответный вопрос, и наконец облегченно вздохнула:

– Нет, быть того не может. Это на тебя не похоже. Скорее ты бы утащил меня оттуда за шкуру.

Некромант едва качнул головой, подтверждая мою догадку.

– Ты бы напала на меня? Отхлестала теми отроостками? – К его голосу вернулась насмешка.

– Если я и отхлестаю тебя, то точно не своими растениями, Даниэль, – с угрозой прошептала я, резко затихнув и мгновенно поняв всю двусмысленность сказанного. Оставалось надеяться, что в мире некроманта о подобном не слышали.

Я устала на мага смерти, пытаюсь прочесть, какие мысли бродят в его голове. Но ничего не вышло, он снова будто превратился в холодный камень.

Похоже, мне повезло, я единственный свидетель своего позора.

– Но если потребуется, я это сделаю, – слишком безразлично сказал Даниэль, побарабанив пальцами по столу.

– Убьешь?

Лефевр не имел привычки разбрасываться пустыми обещаниями. Мы оба осознавали, в каком опасном положении оказались. Разборки с Райалинами могли повлечь за собою жертвы.

– Да.

– Но зачем? Жизнь ведь не игрушки. – В моем голосе звучала боль.

– Я знаю.

– И ты все равно не собираешься отступить?

Слишком сосредоточившись на себе, я не уследила за изменениями в некроманте.

– Отступить? Эмма, прекрати. Больше всего меня тревожит твое отчаянное стремление вернуться домой. Когда ты даже не знаешь наверняка, вернешься или умрешь... – Его ладонь коснулась моего колена, сжала и тут же погладила. – Это безрассудно и жестоко по отношению ко мне и к тебе. Но я молча наблюдаю и даже слушаю, гадая, когда ты перестанешь метаться и определишься.

Даниэль смотрел на меня, а я впитывала его взгляд, как губка каких-то дьявольски огромных размеров. Потому что вскоре я начала понимать и осознавать.

– Ты сам говорил, если знак есть, то и шанс остается.

– Да. Но лишь шанс. Меня не устраивает такой расклад, а тебя? – спросил он с тихим рычанием, подавшись вперед.

Я не смутилась, словно ожидала этого срыва.

– Нет. Не устраивает. – Мне казалось, невозможно пустить свою жизнь под откос из-за чувств, но именно это я и собиралась сделать. – Кажется... Я люблю тебя, Даниэль Лефевр.

Я осторожно прикоснулась к щеке некроманта, пальцами скользнула сверху вниз, желая большего, но из-за неподходящей обстановки довольствуясь малым. Я не нуждалась в ответном признании, ведь получила его давным-давно, действия некроманта говорили сами за себя.

Но Лефевр застыл, вообще никак не отреагировав, и я забеспокоилась.

Даниэль опустил лицо, спрятав его в ладонях. Покачал головой и что-то прошептал, но голос растворился в гвалте людских разговоров и музыки.

Дверь в банкетный зал хлопнула.

– Чем занимаетесь? – Всезнающий Ридж выбрал худший момент для появления. За ним медленно двигались Дарла с Клаймом, демонстративно отводя друг от друга взгляд.

Я подобралась, косясь на все еще закрывающего лицо некроманта. На его спине бугрились красные сполохи, выдавая беспокойство.

– Просто сидели.

– Ага, – скептически протянул воздушник и придирчиво осмотрел столик, рассчитанный на четверых. Глаза Риджа хитро блеснули, и я без слов поняла его: нас пятеро, а значит, кому-то придется садиться на колени к другому.

Богатое воображение сразу подсунило образ воздушника с Клаймом на коленях. Можно было бы попросить еще один стул, но выскочивший из гостиничной части заведения вслед за друзьями мужчина выглядел крайне недовольным, когда заметил меня.

– Нам надо уходить? – догадалась я.

– Да. И желательно побыстрее, – жизнерадостно отозвался Ридж. – Я их уболтал, ну и приплатил за молчание, но лучше нам глаза не мозолить.

Дарла фыркнула.

– Приглашаю всех ко мне, – проговорил некромант, резко вставая. То ли вина освещения, то ли мои усталые глаза уже видели мир иначе, но кожа на лице Даниэля показалась чуть розовее, чем обычно.

– К тебе? – склонив голову, переспросил Клайм.

– Да, нам многое надо обсудить. Скорее всего после сегодняшнего приключения у вас появились вопросы, – деловито и холодно сказал некромант.

– Еще какие! – подхватил Ридж, а Дарла не мигая смотрела на меня, будто видела впервые. В миг, когда я почувствовала себя не в своей тарелке, водница усмехнулась, будто только что услышала неплохую шутку.

Вытащив из кармана банкноту, длинную, вполтину больше тех денег, которыми я пользовалась в своем мире, некромант положил ее на стол у бокала с фирменным напитком.

– Он был в подарок, – пояснила я.

Некромант вновь соизволил обратить на меня внимание. Его взгляд плавно перетек с лица на плечи, коснулся неглубокого выреза платья, полностью скрывающего грудь, но обнажающего ключицы, и чуть дольше задержался на высоком вырезе юбки.

– Компенсация за занятый столик. – На его лице заиграли желваки. – Идемте.

Лефевр сжал мою ладонь и потянул за собой.

– Ты какой-то напряженный, – заметила я.

Даниэль тихо и натянуто рассмеялся.

За столиками ворковали парочки разного возраста и статуса, кто-то не переходил за границы приличия, болтал и пил, а кого-то один из работников «Голубой крови» настойчиво просил либо прекратить, либо удалиться в номера наверху, и, конечно, за комнату надо было прилично заплатить. Но одна компания казалась мне донельзя странной – лишь женщины, что пили как мужчины и громко спорили, мешая остальным. Но никто не делал им замечаний.

– Скорее раздраженный и злой. Ненавижу подобные гадючники и то, как они смотрят на тебя и на всех нас.

– Даниэль, пускай смотрят, какая разница?

– Не знаю. Просто бесит, – сказал он, немного удивив – обычно у некроманта на все имелись причины.

Выдернув плащ из рук гардеробщика, Даниэль накинул его мне на плечи. Забота на глазах других немного смущала, я успела привыкнуть, что наши близкие отношения мы не выставляем напоказ даже среди друзей. Хотя скорее всего это лишь вопрос времени.

Плащ Дарлы взял маг энергии и подал девушке. Водница забрала его с бесстрастным выражением лица.

Вызывать партландер не пришлось – несколько пустых стояло неподалеку. Обычно в каждом доме или заведении имелся простенький артефакт, при нажатии он отправлял сигнал в главную компанию Холирала по перемещениям, и в самые короткие сроки по нужному адресу прибывал партландер. Пока Дарла не нашла такой артефакт у меня в прихожей, я и не догадывалась о его существовании.

Я оглянулась в последний раз, запоминая улицу – огни, людей, флажки, растянутые от дома к дому, летающую стаю ферстлов, вывески, представления, разыгрываемые работниками заведений в стремлении привлечь клиентов. Отвернувшись, я погрузилась в сумрачный свет партландера и устроилась на свободном сиденье рядом с Дарлой.

Диванчики с той и другой стороны были глубокими, но вмещали лишь по два человека. Кому-то предстояло сидеть, как килька в банке, вплотную друг к дружке.

Та же проблема, что и в «Голубой крови» со стульями... Похоже, этот мир не рассчитан на большие компании.

– Кто хочет ко мне на ручки? – с энтузиазмом спросил Ридж, усевшийся напротив.

Даниэль разговаривал с водителем партландера снаружи, Клайм находился напротив воздушника, лицом к лицу с Дарлой.

– Согласилась бы, но у меня есть вариант получше, – проговорила я, поднимаясь и собираясь вылезти из партландера. Идея казалась хорошей, пока я не столкнулась с вопросительным взглядом некроманта.

– Заходи, я после тебя, – пробурчала, ничего не объясняя.

– Там мало места? Мы можем найти партландер побольше, – бесстрастно предложил он.

Почему же ты не сделал этого с самого начала?

– Ничего. Залезай, говорю. – Моя грубость вызвала лишь очередную усмешку.

Я залезла в партландер вслед за Даниэлем, дверь за спиной закрылась.

Нет, наверное, я передумала... И места оказалось гораздо больше, чем предполагала, все же мы с Дарлой худенькие. Я бы поместилась

между некромантом и водницей, пусть и без лишнего комфорта.

Ридж тихо засмеялся в руку. Я опасно сощурилась, а партландер дернулся, разбив вдребезги мои намерения.

Я бы устояла на ногах и не упала, но мне помог Даниэль, дернув на себя.

– Так намного удобнее, – прошелестел он.

– Наверное, да, – признала я, пытаюсь заглушить смущение, рвущееся наружу. Я оказалась на сиденье между ног некроманта, а его подбородок лег на мое плечо.

Партландер плавно, с тихим жужжанием, двинулся по улице.

– Как вы узнали, что мы в Холирале? Тильда рассказала? – разрушила тишину Дарла.

– А кто еще, – усмехнулся Ридж. – Но сначала мы вломились в дом Загадки, и он оказался пустым.

– Seriously? – с легким неудовольствием переспросила я, воздушник мог и шутить.

– Меняли запирающий артефакт на двери, – отстраненно сказал Клайм.

– Разве мы пришли не вовремя? – раздалось позади.

Я сидела на самом краю диванчика, чтобы хоть немного придать приличия нашей позе, но колени некроманта все равно касались моих бедер.

– Вовремя. Но во сколько вы заявили в мой дом?

– Наверное... в полночь? – прикинул Ридж.

– В академическом районе даже у стен есть уши. Скоро пойдут слухи. – Дарла лениво отдернула шторку, закрывающую окошко, и выглянула наружу.

Она права, но именно этого мы и добивались – чтобы о нас с некромантом говорили. Только теперь я сомневалась, а действительно ли это необходимо?

– После этой встречи с Ивонной...

– Тихо, – перебил меня Даниэль, – до дома осталось не так далеко.

– Хорошо, – согласилась я.

Открыла рот, собираясь продолжить, и тут же закрыла – Лефевр укусил меня за ухо. Легко, едва ощутимо, словно целовал, и мое тело мгновенно отреагировало мурашками, переросшими в тихую дрожь и волнами отдававшимися в мозгу, сначала лишив шанса ясно мыслить,

а потом забравшись в самое сердце, растягивая секунды на долгие минуты.

Наглый некромантишка! Ну не при других же!

В следующее мгновение я что есть силы вдавила локоть в ногу Даниэля. Подняла руку, чтобы еще ударить, да побольнее, но только зашипела от боли – локоть словно встретился с камнем, когда Даниэль напряг мышцы.

Даниэль рассмеялся. Я недовольно поджала губы, борясь с улыбкой, но долго не продержалась.

– Вы как дети, – без зла высказалась Дарла и задернула штору. – Риджу не по себе.

– Мне тоже, – отозвался Клайм, приподняв ладонь. Несмотря на свое заявление, блондин выглядел, как всегда, невозмутимо.

– Мне нормально. Я даже рад. – Ридж неуверенно почесывал голову.

Все замолчали. Только воздушник с некромантом обменялись долгими взглядами.

Мне хотелось спросить, почему он рад, но я не стала, примерно догадываясь, что могу услышать. Некромант менялся, не кардинально, но становился более нормальным, по крайней мере с друзьями. Пусть до сих пор порой хотелось наступить ему на ногу за неуместную иронию и даже издевки, но так бесившие раньше нотки вечного раздражения исчезли.

Когда партландер остановился, я первая выскочила наружу и замерла, разглядывая дом.

Я уже видела его.

Древний особняк, не заброшенный, но если представить здание, в котором живут призраки, он бы точно подошел под описание – мрачный, выкрашенный темной краской, с маленькими окнами, поблескивавшими в свете полумесяца, и высоченным забором с вереницей копий поверху, длиною в полстрелы.

– Твоя сестра не будет против? – осведомилась я.

Насколько я не желала идти внутрь, настолько и хотела это сделать. Осторожность и любопытство нередко идут бок о бок, как давние соперники. Только в этот раз настороженность необоснованна и вызвана волнением.

Ну и дом действительно мрачный, хоть и завораживающий. Если внутри сохранились старинные отделка и планировка, то попрошу провести экскурсию.

– Нет. И она еще не вернулась. – Некромант вложил ладонь в углубление в камне, мигнуло красным, и калитка с тихим скрипом отворилась.

– Зато есть Дзафи, – прошептала Дарла.

– Дзафи? Кто это?

– О, сейчас познакомишься. Ее трудно не заметить. – Водница выглядела хитро.

– Может, она спит?

– Это вряд ли.

– Почему?

– Не знаю. Но по-моему, эта женщина вообще никогда не спит.

– Ты ведь издеваешься?

– Вовсе нет, – сказав это, Дарла исчезла в проходе.

Ридж поравнялся со мной, заняв место девушки.

– Много я тебе неприятностей доставила? – спросила, когда мы оба оказались по ту сторону забора перед самым домом.

Вся лужайка, если можно было это место так назвать, оказалась усеяна маленькими каменными табличками с разными надписями. Прочитав парочку – «Беницар», «Вилка», – я окончательно запуталась.

– Ерунда. Договариваться с людьми едва ли не лучший мой навык.

– И ты тратишь его на них, – с улыбкой кивнула я на некроманта и мага энергии.

– Да. Но они этого совсем не ценят, – согласился воздушник.

– Что это за таблички? – Поднявшись на крыльцо, я насчитала десять квадратных плит.

– Могилы питомцев, – сказал Даниэль. – Все, кто когда-то жил в этом доме. Похоронены рядом, чтобы защищать его и после смерти.

Я иначе посмотрела на землю у дома – растерянно, не зная, как реагировать. С одной стороны, это казалось жестоким, а с другой – они ведь давно мертвы. Все мы когда-нибудь под землей окажемся.

Не лужайка, а кладбище...

Холл встретил пустыми стенами, выкрашенными в темно-серый, почти черный цвет, на полу лежал коротковорсный ковер грязно-синего оттенка. Невеселые тона помещения компенсировались крайне

ярким освещением — магические шары в металлических узорчатых подставках, торчащих из стен, являлись главным украшением комнаты и показателем достатка.

Это его дом... Даже стыдно вспоминать квартирку, которую я сняла, поступив в университет. Будь я меркантильной, то, наверное, даже порадовалась, но мне всегда хотелось добиться всего самостоятельно. Привлекательна не победа, а сам путь.

Мои мысли прервались, когда из глубин дома беззвучно выплыла престарелая женщина. В ясном свете магических ламп я видела каждую морщинку на ее пергаментном лице. Затуманенный взор обрел ясность, когда коснулся меня.

Вы когда-нибудь строили карточный домик? Я увлекалась одно время, зимними днями, когда в школе отменяли занятия из-за мороза. У меня имелись две колоды обычных карт для игры в дурака. Сначала я выстраивала их в два уровня, потом в три и потихоньку дошла до пяти, но вот на шестом никак не получалось достроить конструкцию до конца — каждый раз она рушилась примерно на середине. Ставя последнюю карту, я будто заранее знала, что домик вот-вот рассыплется, и тогда желудок скручивало в тугий узел, а челюсть напрягалась так, что начинала ныть. Когда эта женщина в доме некроманта посмотрела на меня, то я ощутила все симптомы падения карточного домика — усиленные, будто мои внутренности перекручивают на электрической мясорубке или взбивают миксером.

— Клайм, Ридж, Дарла, идите на нулевой этаж. Мы подойдем чуть позже, — холодно сказал Даниэль.

Я всегда довольно чутко улавливала неприязнь в мою сторону, но от этой женщины исходила вовсе не она, а что-то гораздо большее, физически ощутимое, будто меня вновь собираются сбить машиной.

Это Дзафи? Та самая, о которой говорила водница? Ее взгляд даже более кровожаден, чем у некроманта в первые дни нашего знакомства.

Друзья без лишних вопросов скрылись за дверью в конце коридора, двигаясь шустро, будто убегали. Должно быть, не у меня одной кровь в жилах стыла от вида этой женщины.

Даниэль молчал, ведя себя как ни в чем не бывало и неспешно разуваясь. Он не пытался объяснить или как-то разрядить обстановку, отчего я нервничала и злилась.

Сила жизни внутри меня пробуждалась, будто на подарочной коробке развязывали ленточку и рвали обертку в радостном предвкушении сюрприза. Вообще я наконец-то отыскивала объяснение тем ощущениям, которые возникали, стоило прибегнуть к дару. Будучи детьми, мы живем в радужном мыльном пузыре, считая себя самыми талантливыми и неповторимыми, но когда взрослеем, пузырь лопается, и наше былое восприятие тает как снег по весне. Магический дар воскрешает эти мысли и усиливает. Поэтому я сознательно едва не покалечила Ивонну, поверив в собственную непогрешимость и власть, желая наказать ее за все издевательства над двойником.

Светло-изумрудное облако вытянулось, вздыбилось, извиваясь волной, и щелкнуло кончиком по носу Даниэля. Но неожиданно вытянутый сгусток потерял часть, мгновенно впитавшись в кожу некроманта, как в Герадову ночь.

Я нахмурилась, притягивая туман к себе. Даниэль вздохнул, будто получил глоток свежей воды.

– Вот об этом я вам и говорил, – прохрипел некромант, устремив свой взор на Дзафи.

– Это помогает? – Женщина шевелила губами, но ее голос словно ей не принадлежал – глухой, бесцветный, будто запрограммированный на одну и ту же тональность.

– Да. Впервые за столько лет я нашел лекарство.

По Дзафи невозможно было понять, обрадовало ее заявление некроманта или ей абсолютно безразлично. Как восковая фигура в музее, казалось, подойди, пожми ей руку, и она все равно не сдвинется с места.

Будто расслышав мои мысли, Дзафи качнулась, делая шаг навстречу, и вновь обратила свой сверлящий взгляд на меня. Я почувствовала себя обнаженной, будто нет ни платья, ни плаща.

– Вашу ладонь, – бесцеремонно потребовала женщина, и я поняла, откуда взялась изящная привычка некроманта бесить остальных лишь парочкой слов.

Моя рука поднялась, замерла, и я едва не исполнила приказ Дзафи, лишь в последний момент справившись с наваждением. Схватив запястье свободной ладонью, прижала обе руки к груди.

– Нет. – Мой голос звучал на удивление четко и звонко, как одиночный удар колокола.

За спиной Дэафи читалась история тяжелого пути богатого жизненного опыта, что не пощадили ни ее внешнего вида, ни характера.

«Таким не отказывают, Эмма... Но ты осмелилась и теперь иди до конца», – насмешливо прошептал внутренний голос.

– Даниэль, я терпелива и не задаю всех вопросов, которые стоит задать. Но если сейчас я не услышу объяснений, то уйду и больше шагу не сделаю в этот дом, – напряженно проговорила я. Мои нервы, как перетянутые струны, мелко тряслись, грозя лопнуть.

Я уже не пыталась истолковать взгляд Дэафи, увиденного ранее оказалось достаточно.

– Не сердись, – приблизившись, сказал некромант. – Лишь ты способна заставить себя уважать, и я даю тебе эту возможность.

Не понимаю...

По руке мага смерти пробежало облако красного тумана, пожирая ее от ладони до плеча, и тут же бесследно исчезло, оставив мне подсказку – напоминание о встрече с сестрой некроманта.

Даниэль позволял мне самой постоять за себя, обозначить границы дозволенного, доказать, что я не позволю вытирать о себя ноги. Так произошло с Тильдой, когда он до поры до времени оставался в стороне, происходило и теперь...

Земля в этом мире точно не по той оси вертится, что за извращенная манера знакомства? Ну хоть так, не вечно же мне шарахаться от его близких.

Неожиданно некромант представил меня, назвав настоящее имя. Каждый раз, когда кто-то новый называл меня не Конкордией, я словно ходила по краю небоскреба – впереди прекрасный вид, а под ногами пропасть.

– Ты вернула долг, – неожиданно холодно сказала Дэафи. – Не влезь в новый.

Женщина резко развернулась, собираясь уйти.

– А если случится наоборот? – интуитивно спросила я, хотя слова этой дамы породили лишь новые вопросы. – Что, если вы останетесь у меня в долгу?

Дэафи замерла, ее прямая, как доска, спина дрогнула.

– Тогда я смогу уйти. – Ответ прокатился эхом, отскакивая от стен холла.

Женщина скрылась. Я посмотрела на Даниэля, замечая, что он вновь крайне задумчив.

– О каком долге она говорила, некромант? – спросила, косо глянув на Лефевра.

– О том, как я помог тебе под башней. А расплатилась ты, когда спасла меня в Герадову ночь, – протянул он и подошел к стене, прислонившись к ней спиной и сложив руки на груди.

– Значит, долг... Все, что происходит между нами, – это обмен долгами? – спросила, насмешливо подняв бровь.

– По мнению Дзафи – да.

– А по твоему скромному суждению? – Я придвинулась ближе, становясь вплотную, наши колени соприкоснулись. Из-за разницы в росте пришлось поднять голову.

Губы некроманта изогнулись в снисходительной полуулыбке:

– Загадка, нас ждут. И если ты продолжишь меня провоцировать, они нас не дождутся.

Мы находились так близко, что я видела, как стремительно бьется пульс на его шее. Поразительный контраст – холодный снаружи и такой жгучий внутри.

– Тогда поговорим о лекарстве... – произнесла, переводя дух. – Значит, я лекарство?

– Еще какое. Сладкое зелье, – подтвердил Даниэль.

– Я и горькой могу быть, – предупредила его и продолжила рассуждать вслух: – Ты оставил меня без силы на игре и теперь легко полакомился моим даром... Это ведь был не сон, да?

– Когда?

– Когда ты меня облапал, Даниэль!

Он с наигранным недоумением поднял брови, а я опасно сощурилась, не собираясь отступать.

– Ожог, который ты лечил, Даниэль, появился после совместного сна. Боль была дичайшая, я целый час поливала ногу холодной водой. Думала, заболею, – постепенно затихая, сказала я и с ироничной улыбкой добавила: – Ты гадал, откуда он у меня? Даже на миг подумал, что я сама себя обожгла, но в твоей голове и мысли не возникло, что ты всему виной!

Некромант расплел руки и отлип от стены, напоминая грозную тучу. На миг его фигура и лицо превратились в произведение искусства – статую, недавно высеченную из камня.

– Поэтому я и прогнал тебя, Эмма, – сказал он, наступая. – Я не вижу душу каждого человека, но ты выходила из тела, и мало того – сейчас занимаешь чужое.

– Объясни подробнее, – попросила я.

– Ничто не проходит бесследно. Необходимо какое-то время, чтобы осесть полностью. Это как новый дом, в котором надо обустроиться, Загадка. – Мы окончательно поменялись местами, я встала спиной к стене, некромант навис надо мной, его ладонь упиралась в стену у моей головы. – Но когда ты его покидаешь, то находишься в опасности, особенно рядом со мной.

– Почему именно с тобой, Даниэль? Что происходит? Я хочу понять. – Когда я призналась некроманту, то избавилась от всего, что удерживало меня на расстоянии, теперь я действительно желала узнать. – Я ведь не слепая. Красные тени в твоём сне и мука на лице, а потом эта беспомощность на игре. Почему ты называешь меня лекарством? От чего? От твоей силы?

– Это сложно. – Некромант прикрыл глаза.

– Сложно рассказать?

– Нет. Объяснить. – Он повел головой, обезоруживающе касаясь моей щеки своею, и склонился к самому уху, так что я больше не видела его лица. – Мало вернуться из междумирья, сложнее всего не оставить там часть себя. И я с этим не справился, Эмма. Выбрался, но весь израненный, наполненный чужими эмоциями – яростью, ненавистью ко всем живым.

– Прошло больше десяти лет...

– Да. Но мне до сих пор снятся кошмары, пытки, жуткие сцены из чужих жизней, убийства, предательства и бесконечные потоки душ. Родриг прав, мой дар слишком велик для одного человека, его невозможно выдержать.

– Я не могу судить, – мои руки скользнули на спину некроманта, обнимая, – но с каких пор ты слушаешь того кретина? Даже правым признаешь. Если ты называешь меня своим лекарством, то он по определению ошибается. Выдержать возможно, иначе никак!

Хотела поддержать Даниэля, а скатилась до попыток успокоить себя.

Пора брать себя в руки...

– Он некромант. А я еще не утратил способности признавать чужую правоту. – Его руки безвольно повисли вдоль туловища. – Как ты там говорила? Готовься обнажить чувства? Что ж, победа за тобой. Я смертельно устал за эти годы, Эмма. И, просыпаясь ночами, уже сомневался, а хочу ли я продолжать борьбу? Ради кого? Ради матери, которая предала? Ради людей, что жаждут поставить на колени? Ради сестры и друзей, которые никогда не смогут понять, через что я вынужден проходить каждую ночь? Так или иначе, я всегда вел эту войну в одиночку...

Я испытывала горечь и благодарность. Некромант выстоял, не потерял себя, хоть сам и считал иначе. Жизненные испытания воспитывают нас, делают тем, кем мы являемся. Но некоторые настолько жестоки, что способны сломать и изувечить.

– Теперь я хотя бы полностью понимаю твое отношение ко мне в первые дни. Тебя даже за сдержанность можно похвалить, – позволила себе неуместную улыбку. – Даниэль, но зачем надо было меня спасать? Ты ведь знал, чем это обернется?

– Знал, – помедлив, прошептал он. – Но иногда я безумен.

– Неправда. Такого рационального человека я еще не встречала.

– Будь я рационален, то ничего бы тебе не рассказывал. – От его шепота меня пробирали мурашки.

Интимно. Двое как одно.

Возможно, нам было предначертано встретиться, хоть это и звучит наивно. Нельзя жить вполсилы – не до конца любить, потакать слабостям и ничего не желать, – это неминуемо приводит к серости и безволию.

– Неправда. Я знаю, о чем ты думаешь, Даниэль. – Мои ладони медленно скользили по его спине, поглаживая.

– И о чем? – Некромант оживал.

– Во-первых, ты укореняешь мое желание остаться. Во-вторых, ты понимаешь, что когда-то рассказать придется, поэтому во избежание ссор ты говоришь сейчас. Разве это не рациональность? Если нет, тогда я вообще ничего не смыслю, – развела ладонями за его спиной.

Я была уверена, Даниэль вновь усмехнулся иронично и коварно или улыбнулся улыбкой вора, укравшего мое сердце. Хотя если говорить о некроманте, то больше верится, что он просто подобрал отмычку.

– Мне больше ничего не остается... – протянула я, вытягивая свой дар на поверхность – не весь, лишь малый кусочек.

Даниэль вздрогнул, его дыхание участилось. Я отстранилась, заметив вспыхнувшую жадность в глазах некроманта – реакция путника в пустыне, увидевшего оазис.

– Нет, не надо. – Он качнул головой, усилием воли отводя взгляд.

– Надо. Жизнь и смерть... – Я намеренно послала изумрудный туман к Лефевру. – Если второго слишком много, то я способна это исправить.

Магический свет задрожал, и комната словно покрылась рябью, похожей на круги на воде. Воздух застрекотал от напряжения, когда красная сила поглотила светло-зеленую, и против всяких законов логики новое облако всего на мгновение заиграло золотыми искрами, а потом исчезло, разделившись на двоих.

Глава 24

Вот это поворот!

Мы представляли собой странное зрелище – пятеро студентов академии, не спавших в разгар ночи не из-за праздной вечеринки или обычной прихоти. Для бодрствования у нас имелась вполне серьезная причина, переросшая в бурное обсуждение и планирование.

– Может, ты все же покажешь нам знак? – настойчиво попросил Ридж, его взгляд светился от любопытства.

– Нет, – обрубил я, заинтересовавшись проигрывателем. Половина одной из полок с книгами выделялась под прямоугольные металлические пластинки с наклеенными по краям этикетками.

Дарла развалилась на диване воздушника, отобрав у того большую часть места и фривольно положив ступни ему на колени. Забавно было наблюдать, как скромность то исчезает, то появляется в самые неожиданные моменты.

Клайм сидел на стуле у стола, к нам лицом. Его брови почти превратились в галочку от напряженных дум.

– Если ты очутилась здесь в чужом теле, то как покинула свое?

Я растерялась, никто до мага энергии не спрашивал об этом.

– Меня сбила машина, – проговорила, отложив пластинку. – Это транспорт. Он похож на ваш партландер.

– Почему он не остановился?

– Не успел, я внезапно выскочила на дорогу. – Думать об аварии не хотелось, слишком неприятно. Хотя боли я не помнила, но сам случай вызывал во мне лишь тоску.

– И зачем ты выскочила на дорогу, замечталась? – склонив голову, спросила Дарла.

Некромант не вмешивался, но с интересом слушал, сидя на стуле с мягкой спинкой.

– Ты серьезно считаешь, что я отвечу? – Мне не понравилась насмешливая интонация. – Мы вроде о моей возможной смерти разговариваем.

– Но ты жива, – парировала она, – и могу заверить, меня это несказанно радует, подруга.

– По тебе не скажешь.

– Я не умею нормально радоваться.

– Ну да, это я помню. Умение благодарить тоже где-то затерялось, – откликнулась, вспомнив случай с булочками.

Извиваясь всем телом на диване, Дарла перевернулась со спины на живот. Неуклюже приподнявшись, она пыталась поправить платье, приковав к себе взгляд Клайма. Маг энергии смотрел на ее манипуляции так внимательно и алчно, будто водница – артефакт, замысловатый и неизвестный, требующий, чтобы его немедленно разобрали и раскрыли все тайны.

Я сморгнула, думая, что мне почудилось. Но нет, не показалось, и это так не вязалось с обликом блондина.

Если вспомнить их совместное прошлое, то понятно: между этими двумя еще не все кончено. Конец приходит с безразличием, а до него Клайму и Дарле как пешком вокруг света – долго, утомительно и забываемо.

– Так почему тебя сбили? – ни о чем не подозревая, допытывалась водница.

Я поджала губы, мысленно готовясь к всеобщей реакции.

– В моей академии учился парень... – сказала, пытаюсь изъясняться понятным им языком.

– Красавчик? Такой же, как я? – Пусть Ридж и шутил, но его взгляд оставался серьезным.

Некромант закатил глаза и откинул голову на спинку стула.

– Кажется, над ним издевались, – отмахнувшись, продолжила я. – Не так, как у вас принято, но тоже ничего приятного. Только все это казалось шалостью, поэтому никто не вмешивался.

– Дай угадаю... – Голос некроманта звенел.

– Нет, можно мне? – Рука Дарлы взметнулась вверх, но продержалась недолго, опустившись.

Даниэль подобрался, тяжело стуча пальцами по подлокотнику. Я оставалась поразительно спокойной, зная, что ярость некроманта вскоре перегорит, как лопнувшая лампочка.

– Тот малец попал в неприятности, а сердобольная Эмма бросилась помогать и пострадала?

Мне не пришлось отвечать, все и так поняли, что некромант попал в точку.

Клайм опустил взгляд. Ридж хмыкнул. Водница хохотнула. Эта компания стирала напрочь заблуждение о понимании и доброте.

Это стая волков с зубами, как у саблезубых тигров, и волею судьбы я стала их частью. Сомнительное достижение, но мне нравилось это гораздо больше, чем я желала показывать.

– Что плохого в спасении человека? – спросила, взяв одну из музыкальных пластинок и направившись к магическому артефакту с вереницей торчащих трубок.

– Дело не в спасении, а в риске, – строго проговорил некромант.

– Если ты мертва там, то тебе невероятно повезло занять это тело, – высказался Клайм, коснувшись оправы очков.

– Повезло как оживленцу. – Дарла усмехнулась собственной шутке. – Столь проблемную личность для возрождения еще поискать надо.

– Кстати да, почему именно это тело? – Вслед за блондином все пристально посмотрели на меня.

– Совпадение? Она умирала, я умирала... – пробормотала, вставляя пластинку в углубления артефакта. Пользовалась им впервые, но я ведь из технического мира, а эта штука сильно напоминала старинный граммофон, скрещенный с какой-нибудь игровой приставкой девяностых.

Приглашенный щелчок, и по корпусу проигрывателя прокатилось тусклое мерцание, подобно сиянию недавно выпавшего снега в лунную ночь.

Держа руки на расстоянии, я отошла, с напряжением ожидая, когда он заработает и случится ли это вообще.

– Что-то еще? – настойчиво поинтересовался некромант, и в ту же секунду из артефакта полилась музыка – тревожная, нарастающая, на манер песни Fleurie «Soldier», которая незадолго до исчезновения заняла почетное место в моем плей-листе.

Потрясающе...

Я желала танцевать, хоть никогда этим не увлекалась, но позволила себе лишь медленное ритмичное покачивание головой в такт мелодии.

Моя рука с неохотой потянулась к шестеренке, убавляя громкость.

– Ну, порой я думаю, это все потому, что я спасла того парня. Конечно, самонадеянно, но ваши боги увидели это и подумали: может,

эта девушка еще кого-нибудь спасет? – Развернувшись, я уставилась на некроманта, знак на бедре отозвался легким жжением.

Даниэль не изменился в лице, но неожиданно отстраненно кивнул, будто соглашаясь, остальные отнеслись к заявлению неоднозначно. Ридж, как и я, наблюдал за реакцией Лефевра, Дарла просто уткнулась носом в диван, бурча что-то невнятное, а блондин сложил ладони лодочкой у губ, смотря то перед собой, то вниз, на водницу.

– И последнее... – невзначай продолжила я. В отместку за недавние подтрунивания приберегла самое важное напоследок. – Мы двойники и выглядим абсолютно одинаково.

– Что?! – Дарла вздрогнула, подняв голову, растрепанные волосы упали на глаза, закрывая обзор.

– Как близнецы? – ошарашенно спросил Ридж, обводя ладонью лицо.

Я кивнула.

– Занимательная деталь, – выдал Даниэль. – Горидас в курсе?

– Да. Именно он помог мне в самом начале, объяснил, расставил все по своим местам.

– А тебя не заинтересовало, почему он с такой легкостью встал на твою сторону и предал хозяев? – Даниэль обвел взглядом присутствующих.

– Он не предал, просто умолчал.

– Это предательство, – сказала Дарла со знающим видом.

На самом деле я мало размышляла о советнике главы рода, ведь не могла ничего изменить. Когда я проснулась в доме Конкордии, мне оставалось лишь довериться первому, кто протянул руку помощи.

– И к чему ты ведешь, Даниэль? – Некромант ведь не зря вспомнил Горидаса.

– Надеюсь, все понимают, что ни одна живая душа не должна узнать, о чем мы здесь разговариваем. – Маг смерти обвел испытующим взглядом всех присутствующих.

– Об этом мог бы не упоминать. – Дарла скривилась, принимая сидячее положение.

– У тебя есть личный интерес, – заметил Даниэль, воздушник вопросительно уставился на некроманта.

– Да. Но я буду нема как рыба, пока все не закончится, – с оскорбленным видом ответила девушка и, посмотрев на меня, твердо заявила: – А тайну Эммы унесу с собой в могилу. Кому, как не мне, знать, каково это – остаться совершенно одной, без родителей и...

Но водница не договорила, резко замолчав. Она хмурилась, словно ругая себя за то, что сболтнула лишнего. Молча подойдя и кивнув, чтобы Дарла подвинулась, я села рядом на диван. Поступок, ясно говорящий – не переживай, я верю тебе.

– Продолжай, – попросила Даниэля.

– Я и сам долго не мог отыскать ответа, постоянно строил догадки. – Признание некроманта вызвало легкое удивление у всех, кроме меня. – Но разгадка проста. Он уже предал главу рода Райалин или собирался это сделать

– Но при чем здесь она? – поинтересовался Ридж, показав на меня. – В такой ситуации выслужиться – хороший способ отвлечь внимание.

– Нет. – Даниэль резко качнул головой. – В нашем случае Эмма – новость, что наделает слишком много шума. Сложно предугадать последствия.

Несмотря на важность беседы, я уже несколько раз ловила себя на мысли, что хочу дотронуться до волос Лефевра, провести пальцами, взъерошить, придать некроманту хулиганский вид. Хотя внешний лоск не вытравишь испорченной прической.

– Тогда в чем его предательство? Что он сделал? – Мой голос прозвучал сухо.

– Дело в том, что он собирается сделать, – поправил Даниэль.

– И что же?

Некромант задумчиво склонил голову.

– В какой-то степени помочь нам. Большого рассказать не могу, слишком многое поставлено на карту, и этим занимаюсь не я, а Тильда.

– Тильда? – напряглась я, по спине пробежал холодок. – Твоя сестра? Она знает обо мне?

Новость о том, что Горидас нам не враг, успокоила. Но то, что он собирался сделать в гостиную, всерьез? Или то намерение поцеловать лишь насмешка?

– Нет.

– Ну и хорошо, – кивнула Дарла, я была с ней солидарна.

Я задумалась, постукивая ступней по полу в такт тихо игравшей музыке. Сестра некроманта – королевский служащий, и скорее всего ее дела напрямую связаны с короной.

Если, конечно, я правильно понимаю уклад власти.

Еще оставался шанс, что девушка защищает брата, но верилось мне в это с трудом из-за стремления Даниэля собственноручно разбираться со своими проблемами.

– Если Горидад попадется, чем ему это грозит? – Музыка внезапно затихла, и тишина сделалась оглушающей.

– А ты как думаешь? – Тон Даниэля явно говорил, что ответ очевиден.

Не в том я положении, чтобы переживать еще и за советника... Я прикрыла глаза, прогоняя тревожные мысли и пытаюсь мыслить беспристрастно и расчетливо.

В итоге существуют три основных проблемы. Первая из них – Ивонна, ее непредвиденное появление добавило головной боли. Вторая – извечная загадка смерти Конкордии. Хотя теперь, когда Клайм знает о моей тайне, я могу показать ему скрытнич и приблизиться к разгадке. Но самая глобальная задача – разобраться с Райалинами. Это неизбежно, если я собираюсь остаться.

– Даниэль... – Мой голос разрушил тишину.

Некромант взглянул на меня, выражая готовность слушать.

– Ты на мне жениться обещал. Я согласна. Когда свадьба?

Даниэль улыбнулся – по-мальчишески светло, с толикой растерянности, которая передалась мне, заставив вновь осознать произнесенные слова. Не как что-то вынужденное, а внезапно желанное. Лефевр склонил голову, потирая переносицу, – мрачный облик некроманта трещал по швам, рассыпаясь на глазах.

Мне казалось, после нашего разговора в холле уже ничто не могло вывести меня из равновесия, но это снова случилось.

– Без громкого торжества? – Некромант будто сумел взять себя в руки, но его взгляд – искрящийся, поглощающий – говорил об обратном.

– Да, – откликнулась я, надеясь не растерять всю свою решимость.

Перед свадьбой надо обязательно ознакомиться с законами королевства о браке, а то вдруг я себя добровольно в рабство отдаю...

Другая, более приземленная часть меня в панике кричала и махала руками, будто перед приближающимся цунами.

– В конце следующей недели, – вкрадчиво ответил некромант. Коварство вкупе с хитростью. Мне почудился звук сработавшей мышеловки.

Кажется, меня действительно вот-вот поглотит штормовая волна...

– Договорились. – Несмотря на спокойствие, звучавшее в голосе, я едва сдерживала ускорившееся дыхание, словно окунулась в прорубь и теперь мне не хватало воздуха.

– Не понимаю... Кто-нибудь, ударьте меня, – первым очнулся Ридж и тут же сдавленно ойкнул, когда Дарла не глядя врезала ему кулаком по ноге, промазав совсем чуть-чуть и попав в другое место.

– Это что за договоренность? – ошарашенно прошептала водница. – Вы нормальные? Клайм! – Дарла резко оглянулась на мага энергии, наплевав на все недомолвки. – Прояви все прелести своего занудства и образумь эту парочку!

– Зачем? – спросил блондин.

– Эмме надо с нынешними проблемами разобраться, а не создавать новые! – нахмурившись, неистовствовала девушка.

– Она их и решает. Верно, дорогая? – насмешливо поинтересовался у меня Даниэль.

– Ага. И тебе заодно помогаю, – отозвалась я. С каждой секундой в предстоящий союз верилось все труднее – обстановка, нынешнее поведение некроманта и остальных превращали возможный брак в фарс.

На что я рассчитывала, заявляя об этом здесь? На фейерверк с красными искрами и хлопки в ладоши?

«Ты его проверяла», – подсказал внутренний голос, и отчасти он был прав. Парень передо мной как клинок из закаленной стали, сочетающий в себе все свойства этого опасного оружия – твердость, благородство и безудержность.

Но зачем мне проверять? Неужели все еще сомневаюсь?

Некромант наблюдал за мной и, перехватив мой взгляд, поднялся, направившись к шкафу с книгами. Остановившись у полки с пластинками, он изящными движениями пальцев начал их перебирать – неспешно, как хозяин коллекции.

Даже не знала, что Даниэль увлекается музыкой. Хотя мы вообще не в курсе подобных мелочей. Чем он занимается в свободное время? Любит ли сладости? Если да, то с какой начинкой? Я, например, не люблю фруктовую, предпочитая шоколад и сливки.

Некромант – книга, я ознакомилась с ее содержанием, а прочитать еще не успела. Но мы погрузились в безумство, иначе эти чувства не назовешь, и теперь вместе сходим с ума.

– Теперь он тебя не отпустит, – сказала Дарла, завершив перебранку с магом энергии.

Я оглянулась на девушку и будто впервые увидела ее, с тревогой в глазах и невольной улыбкой на устах. Сотканная из противоречий, она еще не приняла решения – радоваться или вновь отговаривать.

– Почему ты не спрашиваешь, отпущу ли я его? – спросила в ответ.

Водница растерялась.

– Может, потому, что он некромант, – сдавленно призналась Дарла.

– А я природница, и мы не уступаем друг другу. – В моих словах звучала сила, вопрос дочери ректора подарил мне эту уверенность. – Мы вместе, мы заодно, вот в чем вся разница. Если бы он меня подавлял, мы бы не сошлись.

– Но Даниэль может прибегнуть к этому в будущем.

– Нет.

– Откуда такая уверенность?! – спросила Дарла.

– Он слишком умен, а я не глупа, чтобы позволить.

В какой-то степени меня удивляла критичность водницы, ведь некромант, по сути, ее друг. Но как выяснилось, их отношения лишены теплоты, договоренность и взаимовыгодный союз – язык этой дружбы. Надеюсь, скоро все изменится.

– Что? – удивленно посмотрела на подошедшего некроманта. Прямо черный рыцарь смерти, но кто сказал, что смерть не может быть благородной?

– Как насчет танца? – Даниэль протянул руку, и в ту же секунду артефакт заиграл новую мелодию, абсолютно противоположную предыдущей, нежную, успокаивающую, как ласковые лучи солнца после летней грозы.

– Сейчас?! – прошипела я, оглянувшись на остальных.

Дарла выглядела оглушенной. Непроницаемый взор мага энергии был обращен на Лефевра. Но Ридж переплюнул всех – он широко улыбался, прикрываясь рукой, и подмигнул, когда поймал мой взгляд.

– Да. – Некромант склонил голову.

– Это глупо, – воспротивилась я. – Я отдавлю тебе ноги.

– Отдавливай. Я не обижусь.

Поступок Даниэля никак не вязался с его обликом. Слишком романтический и смущающий, он уничтожал фальшивый образ обычной сделки, обнажая истину.

Это действительно происходило, и самое смешное, я собственноручно положила этому начало.

– Да иди ты уже, – пробурчала Дарла, толкая меня в бок. – Пусть это хоть немного напоминает предложение руки и сердца.

– Ага. А то будто два торгаша на базаре встретились и обменялись товаром, – тихо проговорил Ридж.

– Торгаша? – Дарла повернулась к нему. – Очнись. Будь так, то этот рынок ожидал бы крах.

Продолжение разговора я уже не слушала, как только моя рука коснулась ладони некроманта, сознание словно отключилось от основного мира – остались лишь мы.

Это все напоминало дурное сновидение или последствие чьей-то злой шутки. Но нет, руки Лефевра обвили мою талию, мягко надавливая пальцами, будто желая прожечь ткань платья, а я с наслаждением вдохнула его аромат, почувствовав себя парфюмером, желающим разложить дорогой парфюм по нотам.

– Почему мы танцуем? – прошептала я, желая сохранить хоть остатки разума.

– Ты отобрала у меня все, Эмма. Первая поцеловала, первая призналась, сделала предложение...

Наверное, со стороны мы смотрелись смешно, обнявшись и топчась на одном месте, но разрази меня гром, если я не буду вспоминать этот момент с улыбкой на губах и мечтательной дымкой в глазах.

– Неправда. Поцелуй был обоюдным решением, и предложение ты первый сделал.

– Но кто же знал, что ты воспримешь его всерьез и согласишься? – насмешливо произнес некромант.

– Что? – Я наступила ему на ногу.

– Шучу, – сказал он без тени веселья.

– С каких пор ты научился шутить? Мне начинать беспокоиться? – пробурчала я, радуясь, что мы вернулись к привычной манере общения.

– Нет. Я просто безумно рад. – Ответ Даниэля украл мое дыхание, а сердце пропустило удар. – Не забывай, мы танцуем.

– Благодарю за напоминание, – сухим голосом отозвалась я.

Сердце некроманта билось быстро и громко, будто барабанная дробь. Облизав губы, я с удивлением обнаружила, что они все искусаны.

– Это действительно происходит...

– Да.

– Но проблемы не исчезли.

– И это верно, – спокойно подтвердил он.

– Неподходящий момент, чтобы спрашивать. Можно подумать, будто я пытаюсь угодить Райалинам... – Я замялась, очарование танца разлеталось вдребезги.

– Говори. Я слушаю. – Даниэль чуть крепче обнял меня.

– Что же все-таки хочет от тебя глава рода? Что такого ты узнал?

Я скосила взгляд, наблюдая за друзьями – теперь все трое сидели на диване. Ридж, перегнувшись через водницу, о чем-то беседовал с магом энергии. А в следующую секунду Дарла, поджав губы, движением руки заставила воздушника вернуться на место.

Некромант вздохнул:

– Ничего я не узнавал. Скорее он сам проболтался.

В душе я искренне жалела, что испортила такой романтический момент, но сделанного не воротишь. Положив голову на грудь Даниэля, я расслабилась, стараясь сохранить нотки нежности и тепла.

– Как?

– Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя после случая с отцом. – Голос Лефевра наполнился холодом, мы остановились. – Инцидент получил широкую огласку, и Сарманель узнал о моем даре.

– Он что-то попросил?

– Почти, – бросил Даниэль, чуть отстраняясь. Одна его ладонь осталась на моей талии, а другая переместилась на спину, скользя по линии позвоночника. – Некроманты способны влиять на мертвых, а

по-настоящему одаренные – и на души живых. Как думаешь, что интересует старика, нажившего богатство и не желающего умирать?

Я уставилась на некроманта, шокированная возникшей догадкой.

– Умничка, – мрачно похвалил он. – Сарманель никогда и не планировал передавать власть, разве что временно. Представь его реакцию, если бы он узнал о тебе.

– Душа в чужом теле...

– Да. Ты живой пример его стремлений. Поэтому пора с этим кончать.

Музыка стихла, и мы застыли на месте. Некромант коснулся моей щеки, и я едва подавила порыв прижаться к его ладони.

– И какой у тебя план? – собравшись с мыслями, спросила у некроманта.

– Мой план не умереть.

– Ох, какой замечательный план. Тебе надо руководить армиями.

– Из меня никудышный командующий, – покачал головой Даниэль.

– Почему? – улыбнулась я.

– Терпение. Оно быстро закончится, и я начну наказывать за малейший проступок.

– Ты не так жесток, как сам думаешь, Даниэль. – Я шагнула назад, а рука некроманта опустилась вниз.

В комнате царило нетерпение. Дарла наклонилась вперед, опершись локтями на колени и подперев голову ладонями. Ридж скусающе оглядывал помещение, хоть и бывал здесь не впервые. Маг энергии откинулся на спинку дивана, положив ногу на ногу.

– Или ты плохо меня знаешь...

– Не лучшие слова девушке, которая только что решила выйти за тебя замуж.

– Да. Но если бы я их не говорил, она бы не согласилась.

– Возможно, – сказала я, разворачиваясь к друзьям.

Поражало то, с какой быстротой я решила остаться с некромантом, но если задуматься, этому существовало логическое объяснение – вся моя жизнь напоминала беспрерывные скачки с места на место. Единственная постоянная – родители, и мысли о них не давали мне покоя, вызывая чувство вины.

Мы с Даниэлем вернулись, а магу энергии пришлось подняться, чтобы освободить мне место.

– Ридж, – позвала я, – ты еще не отдал заявление о выборе приза?

Воздушник самодовольно улыбнулся:

– Нет. Хочешь изменить решение?

– Не знаю. Наверное, – задумчиво отозвалась я. – Если честно, я хотела отдать деньги тебе, если они мне не понадобятся.

Дарла цокнула, закатывая глаза.

– Зачем? – растерянно и удивленно спросил Ридж.

– У тебя есть на что их потратить.

Даниэль сощурился, по его лицу прошла тень.

– Не раскидывайся возможностями, Эмма, – сказал некромант. – Занятия с ректором стоят куда больше твоей доли выигрыша.

– Он прав, – признал Ридж, хотя его лицо до сих пор выражало непривычную мне мягкость.

Дарла молчала, поджав губы, хотя должна была знать о таинственных уроках больше всех присутствующих.

– Я не в курсе, – произнесла водница, заметив мой взгляд. – Извини. Мой воспитатель желает, чтобы я наравне с остальными заслужила его бесценное внимание.

– Ладно. – Кровь шумела в ушах, а глаза слипались. Я желала забыться, оставив все проблемы на потом. – У меня еще есть время подумать?

– До утра, – откликнулся Ридж.

– А когда награждение?

– Через четыре дня, – ответил некромант.

– Почему так долго?

Даниэль мрачно улыбнулся.

– Все дело в подготовке. Думаешь, нам вручат призы и отправят по домам? – Бровь Лефевра насмешливо изогнулась. – Нет. Завершение будет даже помпезнее начала. Они рассылают приглашения.

– Кому?

– Родителям, – ответил некромант иронично-злым тоном.

Глава 25

Сарманель

Вычурная обстановка кабинета не имела ничего общего с другими помещениями особняка, расположенного во внутреннем кольце столицы королевства Морлад. Хотя посетители зачастую сравнивали кабинет с тронным залом – на полу раскинулся красный ковер, ведущий к монументальному столу, в центре которого восседал в кресле-троне Сарманель Райалин.

На стенах висели картины в золотых рамах, гобелен с картой королевства, где зеленым отмечались территории, принадлежащие его роду, а на потолке золоченая лепнина. За спиной главы у окна цвело самое настоящее дерево, раскинувшее приземистые ветви во всю ширину зала. Одно из тех деревьев, что произрастали в садах на юге, – оно, словно символ могущества Райалинов, напоминало о главном их богатстве – плодах сарадала.

– Мы назначаем цену, вы покупаете, – властно проговорил Сарманель, восседающий в кресле, своему гостю. – И ко всему прочему, мое время тоже стоит денег.

– Стоимость слишком возросла. Мы являемся вашими клиентами больше десяти лет и... – Мужчина замолк, когда глава рода поднял ладонь.

– И это ничего не меняет. Мы гарантируем качество, – проскрипел Сарманель и, опустив голову к бумагам, добавил: – Горидас, проводи господина Олара.

Мужчина выглядел жалко: хмурое лицо, негодующий взгляд, поджатые губы – коктейль из ярости и беспомощности. Обойдя стол главы, Горидас остановился рядом, с беспристрастным видом указывая рукой на высокие двустворчатые двери.

– Прошу, хотя бы одну партию по старой цене! – умоляюще воскликнул Олар.

Сарманель поднял голову, оскалился – он уже давно разучился улыбаться, губы растягивались в жалкое подобие доброжелательности, а взгляд оставался острым, пронизывающим и ядовитым, как у хищника, рассматривающего свою жертву.

– Нет! – прозвучал отказ, как удар грома. – Убери.

Горидас положил руку на спину господина Олара, мягко подталкивая того к выходу.

Когда приемная опустела, Сарманель вновь оторвался от бумаг и, вцепившись в железную трость, созданную мастером по магическому металлу, который сделал ее легкой и прочной, поднялся и похромал к дивану, стоящему в затененной нише.

– Больше не допускай, чтобы меня беспокоили по таким вопросам, – хрипло дыша, произнес глава.

– Да, господин. – В такие минуты лицо Горидаса всегда было непроницаемо. Чтобы добиться нынешнего положения, ему пришлось многому научиться.

Сарманель задумчиво пошевелил пальцами, обхватывая чуть сильнее рукоять трости, украшенную ограненным звездным камнем – мутным в дневных лучах, но сверкающим при луне своими собственными созвездиями, заключенными в его оболочке.

– Сколько ты служишь мне, Горидас?

– Не знаю, господин. Я не считаю.

– Меня прельщает твое благородство, мальчик, в отличие от остальных ты всегда знаешь верный ответ. – Сарманель не мигая смотрел на своего советника. – Пятнадцать лет – срок, заслуживающий награды.

Волосы главы давно поседели, щеки обвисли, лицо выражало вечное недовольство – не озлобленность, а ожидание неприятностей, будто каждый раз, поднимаясь с постели, старик предвкушал дурную весть.

Советник молча слушал.

– Раз ты сирота, может, мне дать тебе семью? – спросил глава, лукаво глядя на подчиненного. – Подкрепить чем-то серьезным твою верность. Что ты об этом думаешь, Горидас?

– К чему вы ведете, господин? – Самообладанию мужчины оставалось лишь позавидовать. Сцепив руки за спиной, он неподвижно стоял, как солдат, несущий службу.

Глава тихо засмеялся, издавая скрипящий, как старые матрасные пружины, звук.

– Зачастую женщины – расходный материал. Вот они есть, а вот их нет. Выдать замуж, продать, обменять, разницы нет, если

присутствует выгода. Что ты думаешь об этом, Горидас? – Старик всегда произносил имя советника четко и тяжело, будто раз за разом надавливал на один и тот же рычаг.

– Не могу с вами не согласиться, – сказал советник, добавив: – Но иногда одаренных лучше оставлять при себе, и я говорю не только о магической силе.

Взгляд Сарманеля стал цепким, сверлящим и оценивающим.

– Она тебя восхищает? Или, может, что-то произошло, пока ты жил в Холирале? – В голосе главы появились стальные нотки. – Меня поражает, как стремительно малышка из разменной монеты превратилась в козырь в рукаве, что даже мой верный слуга...

Сарманель неожиданно замолк, вновь преображаясь и приобретая прежний лукавый вид. Горидас смотрел в пол, не отвергая и не подтверждая слов господина.

– Так что тебя привлекает в ней? Мне любопытно. Говори, – властно потребовал глава.

Горидас поднял голову и, заглянув в серые бездушные глаза Сарманеля, сдержанно произнес:

– Стойкость. Меня удивляет ее стойкость.

– Хм, интересный ответ. Но я тебя понимаю, – оскалившись, сказал глава. – Молодость, как дорогое вино, необходимо испивать до дна.

За окном кабинета столица, погруженная в темноту позднего вечера, сверкала огнями. Хотя центральный район города отличался строгостью и показной аккуратностью: богатые особняки, ухоженные сады, широкие улицы, вывески редких заведений были неотличимы друг от друга, а освещение исключительно одного оттенка – светло-голубого, чуть менее яркого, чем цвет неба в безоблачный день.

Несмотря на годы, Сарманель занимался большинством дел рода самостоятельно, крепко держа власть в своих руках, кто-то бы даже сказал, что старик вцепился в нее мертвой хваткой, не желая уступать молодому поколению. Но так или иначе, возраст брал свое, и даже ежедневные приходы целителя с каждым месяцем помогали все меньше.

– Ты ведь знаешь, женщины Райалинов не выходят замуж без моего согласия. Собственность надо защищать, и я в свое время позаботился об этом, – тяжело заговорил глава. – Законы внутри

нашего рода делают нас кем-то большим, чем группкой людей, связанных одной фамилией и кровью.

– Это очень предусмотрительно с вашей стороны, – все так же сдержанно отозвался Горидас.

– Знаю. На мое удивление, Горидас, лишь твоя лесть не вызывает во мне раздражения, – посмотрев в окно, ответил старик. – Я очень близок к желаемому, но, перед тем как заплатить свою цену, хочу убедиться, что ничего не упускаю. Что ты думаешь об этом?

– Думаю, эта встреча внесет ясность. Если у вас есть сомнения, лучше их проверить. По моим личным наблюдениям, потеряв память, Конкордия стала смелее, возможно, давление семьи и обстоятельства смерти ее матери не давали раскрыться потенциалу, – чуть помедлив, изрек Горидас.

Сарманель Райалин медленно кивнул, думая о своем. Трость тяжело опускалась на красный ковер, издавая глухой стук.

– Подготовь все к поездке в Холирал. Мы примем приглашение.

– Какое именно, господин? – все так же безропотно осведомился советник.

– Оба, – проскрипел Сарманель. – И от некроманта, и от академии. Лучше встретиться с ним за пределами столицы.

– Хорошо, я вас понял. Разрешите идти?

– Иди, – позволил глава, небрежно махнув рукой, но неожиданно добавил: – И еще, насчет твоей награды... Если эта девочка в самом деле настолько полезна, как мне кажется, то я отыщу способ и ее оставить, и получить свое. Нашему роду не помешает свежая кровь. Взяв дочь Картуса в жены и приняв наше имя, ты получишь все, о чем можно желать.

Горидас сглотнул, всего на мгновение выказав потрясение, что не укрылось от довольно оскалившегося старика.

– Это неожиданно, господин.

– Знаю. Но за верную службу должна быть высокая награда, не так ли? – лукаво сказал Сарманель и, не дожидаясь ответа, поторопил: – Все, иди, занимайся своими делами.

Горидас кивнул и развернулся к дверям, а глава рода лишь с напряжением смотрел ему вслед.

Скрип половиц словно приветствовал гостью. Эмма чувствовала, как мягко пружинит дерево под ногами. За старым особняком следили, никаких признаков влажности или потрескавшейся штукатурки не было, даже угадывался запах свежести, будто неподалеку открыли окно, впустив ночной воздух.

Но глаза девушки слипались, не давая насладиться обстановкой, а взор некроманта, напротив, оставался ясным — недостаток сна давно слился с его привычным ритмом жизни.

— Здесь. — Даниэль остановился.

Дверь одной из спален открылась, и оба вошли внутрь. Помещение чем-то напоминало комнату на нулевом этаже, те же шкафы и магический проигрыватель, широкая кровать, ковер, несколько дверей, ведущих неизвестно куда, и распахнутое окно с подрагивающими от ночного ветра шторами.

— Как же я хочу спать. Мне бы целителя... — прошептала Эмма, закрыв глаза.

Цвет стен варьировался от темно-серых до почти белоснежных. Но если комната Конкордии выглядела безликой, то эта была вполне обжитой из-за мелких деталей, всплывавших тут и там, — картины с цветными кляксами, шторы древесного оттенка, полка над кроватью с коллекцией камней причудливых форм, над которой прямо на стене нарисована летящая черная птица, оставляющая за собой красный дымный след.

— Почему ты улыбаешься? — на ходу спросил Даниэль, не стесняясь расстегивая рубашку.

— Да так, вспомнила... Ты говорил, что мне понравится твоя спальня, и неожиданно оказался прав. — Взгляд природницы чуть дольше задержался на теле Лефевра. — Оденься, пожалуйста.

Из их совместного сна Эмма помнила лишь кровать, на которой лежал некромант, ведь все остальное предстало перед ней мутным и нереальным.

Даниэль открыл одну из дверей, что, как оказалось, вела в гардеробную.

— Я всего лишь снял рубашку, Эмма. — Он повернулся, являя себя во всей красе — тонкие ниточки мышц обозначали рельеф, и не было ни единого грамма жира.

– Как ты сохраняешь форму? Тренируешься? – заинтересованно спросила Эмма.

Некромант усмехнулся:

– Да, несколько раз в неделю. Обычно по ночам.

– Так и думала, что без тренировок не обошлось, – задумчиво кивнула девушка. – А Клайм с Риджем часто у тебя остаются?

– Частенько, – отозвался Даниэль уже из гардеробной – голос звучал приглушенно.

Чуть подумав, Эмма направилась к некроманту:

– А Дарла?

– Впервые. – Даниэль скинул рубашку на пол, а другую, что снял с вешалки, кинул Эмме.

– Что это? – спросила она, недоуменно подняв бровь.

Некромант не включал полное освещение – полумрак создавал интимность, а он желал сохранить эту атмосферу.

– Надень. Или будешь в платье спать?

– А ты как будешь? – Эмма словно окончательно пробудилась.

«Я люблю ее сильной и смелой, но вот такая, растерянная, она сводит меня с ума».

Некромант застыл на месте, на мгновение закрыв глаза.

– Что с тобой? – последовал новый вопрос.

– Почти ничего, – отозвался Лефевр. Он слишком много думал об этом, представлял ее в своей комнате, и это сыграло с ним плохую шутку. Теперь каждый взгляд сопровождался мыслями – жаркими, страстными, откровенными.

Эмма сжала рубашку, не думая о дорогой ткани, стиснутой в ее кулаке. Платье девушки в глазах Даниэля смотрелось несуразно, словно не по размеру, его фасон ей не подходил.

– И что тебе понравилось в моей комнате?

– Кровать. Ну, я ее помню.

– Как интересно, – усмехнулся некромант.

– Знаешь, я себя очень странно чувствую, – призналась Эмма, отводя взгляд и рассматривая одежду на вешалках. – Меня нервируют Ивонна и вручение, о котором ты рассказывал. Но больше всего меня колотит от своего согласия на свадьбу и пребывания сейчас в твоей спальне.

– Передумала? – спокойно спросил Лефевр.

– Вот именно – нет! Мне кажется это правильным, даже более того, я уверена, что это правильно. – Эмма провела рукой, касаясь ткани висящих рубашек, и замерла, схватив за рукав одну из них. – Но почему тогда я так переживаю?

– Может потому, что привычная жизнь остается позади? – предположил он. – Расскажи мне о ней.

– О моем мире?

– Да, – тихо подтвердил некромант.

Эмма посмотрела на него, раздумывая, с чего начать.

– У нас нет магии. Но все цивилизованно. Не в обиду, но лучше, чем у вас. Вы полагаетесь на свой дар и артефакты, мы зависим от ископаемых и техники. Я бывала в городах-миллионниках, видела здания выше ста этажей. Для вас наша наука может даже показаться магией. – Эмма не нахваливала, но проводила черту, четко выделяя ту разницу, которую видела между мирами.

– Миллионники... – сдержанно протянул Даниэль. – Как же вы поддерживаете порядок?

– Так же, как и везде: законы, люди на страже порядка, документы, ну и много других способов. Хотя до идеала далеко.

– И где же лучше? – неожиданно спросил Даниэль, подходя ближе. – Там или здесь?

Эмма задумалась. Она много раз задавалась этим вопросом, но четкого ответа не находила. На той стороне родители, учеба и все те электронные штуки, без которых не представляешь жизнь в современном обществе, на этой – некромант, магия и, кажется, друзья... Не те, что исчезают и растворяются с течением времени, а друзья с большой буквы. Хотя в этом она могла ошибаться.

– Не знаю. И думаю, не смогу ответить, пока с Райалинами все не закончится. Кстати, Ивонна ничего не сказала, когда уходила?

– Нет, – ответил Даниэль.

– Хорошо. – Взглянув на голый торс некроманта, Эмма добавила: – Ты, наверное, оставайся, а я пойду. В комнате переоденусь. А то, ты прав, спать в этом платье совсем неудобно, да и противно. То местечко в Холирале еще тот гадючник.

– Могу ли я посмотреть на знак? – неожиданно спросил маг смерти.

Эмма замерла, внимательнее рассматривая Лефевра.

– Да, – еле слышно ответила она, разомкнув губы.

Некромант коснулся ее щеки, нежно проводя рукой, и поцеловал в уголок губ, прежде чем опуститься на колени. Знак находился по другую сторону разреза платья, и юбку пришлось задрать почти до пояса.

Ткань нежно поползла вверх, скользя по коже. Эмма сглотнула.

– Я лишь посмотрю, – повторил Даниэль.

– Знаю. Но это... Короче, старайся меньше прикасаться, мне не больно...

– Но приятно? – В голосе некроманта слышалась заинтересованность.

Поджав губы, Эмма кивнула.

«Если Конкордия ходила в том откровенном платье, значит, ее кто-то видел... Значит, и Даниэль может посмотреть, в конце концов, это просто тело», – пронеслась успокаивающая мысль в голове девушки.

Некромант склонился перед Эммой, и до чего же странно было смотреть на него сверху вниз. Линия позвоночника приковала взгляд природницы, ей захотелось прикоснуться к нему.

– Я боялся, что из-за ожога увидел не все, линии были прерывистыми.

– Хм, понятно. – Секунды промедления, и Эмма, протянув руку, дотронулась до спины некроманта. Тот застыл. – Я просто хотела прикоснуться. Говорила же, тебе лучше одеться.

Ее слова прозвучали как оправдание. Платье отпустили, юбка скользнула вниз, вновь прикрывая ноги.

– А если я не хочу? – Некромант опасно распрямился, вновь оказываясь лицом к лицу.

Эмма сделала шаг назад.

– Я не старомодна, но хочу дождаться свадьбы. Тем более ждать ее всего ничего. – Эмме казалось, что, как только они вошли в комнату, в воздухе повис знак вопроса.

Некромант усмехнулся.

«Или я слишком много об этом думала...» – предположила Эмма.

Даниэль же был согласен ждать, даже считал это разумным. Правильные события оставляют прекрасные воспоминания, и он не хотел забивать голову природницы новыми беспокойствами, пока старые еще висели над ними, занимая все мысли.

– Нам пора спать. – Даниэль поцеловал девушку у ушка. – Сегодня ты обещала позаботиться обо мне.

– О твоём сне, – поправила его Эмма.

– Разницы нет. Это одно и то же, – сказал некромант, собираясь покинуть гардеробную.

– Даниэль?

Лефевр остановился.

– Платье туго сидит, поможешь? – Эмма поморщилась от осознания того, что противоречит самой себе. Но надевать наряд ей помогала водница, не беспокоить же её теперь из-за этого.

– Да. С удовольствием. – Улыбнувшись, Даниэль вновь приблизился.

– Я правда не могу его снять.

– Верю.

– И не смей вновь заявить, что у меня маленькая грудь, – пригрозила Эмма. Она почти не смущалась. Нижнее бельё в гардеробе двойника практически ничем не отличалось от её собственного, было даже удобнее – однотонное, выдержанное и без кружев.

– Как я могу. – С губ некроманта не сходила улыбка. Порой Эмма не могла поверить своим глазам, видя перед собой совершенно другого человека – не мрачного и отталкивающего, а обаятельного, не опасного некроманта, а обычного парня.

– Можешь.

– И я соврал. Для меня она идеальна, – сказал некромант и, потянув платье выше, накрыл лицо Эммы тканью злополучного платья.

Глава 26

Академия

– Ридж, радость моя, можешь передать мне хлеб? – улыбаясь, попросила я.

– Конечно, невестушка, – охотно отвечал парень.

Дарла удивленно наблюдала за нами, некромант просто молчал. Я шла в академию с мрачным предвкушением – Ивонна, бездействовавшая в течение выходных, могла что-то предпринять в замке. Хотя некромант говорил просто быть осторожнее и следить за вещами, особенно записями, ведь рано или поздно целительница могла догадаться и сравнить почерки, чтобы отыскать весомые доказательства. Из-за этого я пыталась копировать стиль написания моего двойника, но выходило из рук вон плохо, оставалось надеяться, что, в случае чего, расхождения вновь спишут на потерянную память.

Но вместо нападок целительницы в академии нас поджидал другой сюрприз – дурацкие сплетни. Замок все равно что улей, наполненный пчелами, только собирали они не нектар, а слухи.

Сколько стараний было приложено, чтобы в академии судачили о нас с некромантом, и нам удалось, только не совсем так, как планировалось, и с новым действующим лицом – Риджем. Может, виною всему наша беседа в перерыве между занятиями, когда я заполняла бланк о выборе приза, или кто-то, увидев наши теплые отношения и не поняв сути, сочинил лживую сказочку. Но итог таков – я вертихвостка, а парни жертвы.

Конечно, разумнее проигнорировать общее мнение, чем мы теперь и занимались, и даже подшучивали над этим. Но разгоревшаяся, словно пожар, сплетня вызвала бурную реакцию с женской стороны – отыскалось немало девушек, желающих утешить и спасти бедных некроманта и воздушника. Хотя, как бы ни болезненно было в этом признаваться, даже Ридж заметил, что Лефевр пользовался большим спросом.

– Спасибо, дорогой. Что бы я без тебя делала, – на автомате поблагодарила я Риджа, принимая хлеб.

– Надо с этим кончать. – Некромант сжимал в руке кружку с травяным чаем.

– Да ладно. Никто в здравом уме в это не поверит, – беззаботно отозвалась я.

– Если вы не прекратите эти нежности, то даже здравомыслящие поверят, – заметила Дарла.

– Нежности? – Я оглянулась на Риджа. – Да это скорее издевательство над всеми и самой собой. Скоро кровь из ушей польется от приторных словечек.

– Тогда зачем продолжать? – скептически отозвалась водница.

– Потому что это весело, – ответил Ридж, и мы переглянулись.

– Ага, – с легкой улыбкой подтвердила я.

Несмотря на излишнюю болтливость воздушника, мы с ним находились на одной волне – шутили и дурачились.

Я соскучилась по расслабленной жизни, когда не надо вечно оглядываться и переживать. Разговоры с Риджем создавали иллюзию этой беззаботности, хотя я отлично понимала, что на самом деле все куда сложнее и надо быть настороже.

– Ладно, я пойду. – Некромант поднялся.

– Ты ведь еще не доел. – Я инстинктивно схватила его за руку.

– Ничего. Мне надо успеть в библиотеку, вернуть книгу, – с каменным лицом отозвался он. – Увидимся после пятого занятия. Надо пойти к магистру по ядам, мы так и не дали ответа о совместной годовой работе.

– Точно, я и забыла. – Вообще-то срок истек на прошлой неделе, но наверняка некрмант не спешил мне напоминать, чтобы не получить отказа.

– Заканчивайте с вашими играми, – туманно изрек Клайм, показывая ложкой на нас с воздушником, и, переводя ее на отдаляющуюся спину некрманта, добавил: – Ему это не по душе.

– Даниэлю? – скептически переспросил Ридж. – Сомневаюсь. Он бы сразу сказал.

– Скорее всего он сам этого еще не понял, – пожав плечами, отозвался Клайм.

Они с Дарлой сидели на одной стороне, и это казалось чем-то новеньким. Обычно эти двое, как хищные животные, не приближались

друг к другу ближе чем на метр, пытаюсь избежать неминуемой схватки.

Задумавшись над словами мага энергии, я тоже поднялась. Следующее занятие проходило в другом корпусе, и мне надо было спешить. Лавируя между столиками, я чувствовала чужие взгляды, но игнорировала их, пока не заметила Оберона.

Имя брата Конкордии прочно засело у меня в голове, и теперь, вновь смотря на него вживую, я видела неуловимое сходство с человеком в маске, помогшим мне в Герадову ночь.

Скорее всего это интуиция, ведь видимые доказательства отсутствовали – лицо было спрятано, а фигура прикрыта широким плащом.

Мне надо услышать его голос...

Бум – один из стульев грохнулся на пол. Задумавшись, я споткнулась и едва не упала на стол.

Вот неуклюжая...

Дарла хихикнула, даже через весь обеденный зал я узнала ее голос. Подняв и поставив стул на место, я не оглядываясь покинула столовую.

Оберон – целитель, как и тот участник в маске. Если задуматься, парень находится в самой гуще событий – друг Рафала, знаком с Иридой, и самое главное, он Райалин. Но что-то не сходится... Зачем ему помогать мне на игре? И что там с еще одной сестрой? Я ее даже в глаза не видела.

Я сжимала ладони в кулаки и вновь расслабляла – это помогало думать, как и ходьба.

Ивонна могла соврать. Почему бы и нет? Но если девушка солгала, то откуда у нее ключ от номера? Или он с самого начала находился у нее?

Боже, у меня сейчас голова лопнет!

Остановившись у выхода из главного замка, я перевела дух.

– Ты в порядке? – Чья-то рука легла на мое плечо – тяжелая, широкая. Я вздрогнула, испугавшись, магия вновь вышла из-под контроля.

– В порядке. Руку убери, – с угрозой произнесла я.

Оберон послушался, подняв ее высоко вверх. Целитель выглядел напряженным, даже нервным.

– Ты шел за мной от самой столовой?

– Нет. Не за тобой. Вообще-то у меня тоже занятия в одном из корпусов. – Оберон поджал губы и, обходя меня, добавил: – Ладно, еще увидимся.

Всего на секунду я заметила на его лице разочарование. Хотя мне могло показаться.

– Подожди. – Твердым шагом я кинулась за братом Конкордии и, нагнав, решительно спросила: – Ты ведь не просто так заговорил со мной, верно? Почему сейчас?

Надеюсь, это не из-за Ивонны. Девушка и рта не должна была раскрыть без доказательств, а единственная вещь, которая полностью меня скомпрометирует, – знак предназначения. Но целительница не могла о нем знать.

– Ты ничего не помнишь? – с подозрением спросил он.

– Нет.

– Значит, так лучше для тебя.

– Чего? – Я разозлилась, почувствовав в себе непомерное желание припереть этого парня к стенке. Но благоразумно не сделала этого, помня запрет на причинение вреда магией не в рамках занятий.

Оберон попятился.

– Пока! И удачи... – Он вновь собирался уйти, а я не могла позволить ему этого сделать, так ничего и не узнав.

– Это ты столкнул меня с башни? – Собственный вопрос на мгновение оглушил меня, словно где-то разорвался снаряд, погубив все живое.

Оберон пораженно застыл, я видела, как его зрачки расшились то ли из страха быть разоблаченным, то ли из-за других неведомых мне обстоятельств.

– Это ты столкнул меня с башни? – настойчиво повторила я.

Парень опустил голову, трава у наших ног выросла, распушилась. Мы стояли на островке зелени.

– Нет, – стальным тоном ответил Оберон, и, когда он вновь посмотрел на меня, я увидела гримасу разочарования, злости и боли. – Я бы никогда так с тобой не поступил.

Целитель стремительно направился прочь, едва не переходя на бег, а я позволила ему это сделать. Что-то в его голосе ошарашило меня, смутило, и даже показалось, будто мое обвинение его оскорбило.

Черт, что сейчас произошло?

Теперь я окончательно запуталась.

Я еще несколько минут стояла огорошенная, смотря вслед Оберону. Я вспоминала голос парня, его рост. Все больше доказательств говорило в пользу того, что именно он скрывался за маской. И его просьба никому не рассказывать тоже убедительно вписывалась в мои догадки, ведь он играл за противоположную команду, которая чуть нас не прикончила.

Студентов, покидающих главное здание, становилось все больше, и, влившись в общий поток, я поторопилась к нужному мне корпусу.

Оставшиеся занятия пролетели стремительно, будто переняв темп тихих выходных – сонной субботы и учебного воскресенья. Отчисление все еще грозило мне, открыто об этом не говорили, но я понимала, что, если завалю проверочные, никто церемониться со мной не станет.

Беседа с Обероном долгое время не выходила у меня из головы. Мысли мельтешили, словно стайка рыбок. Я рассматривала все варианты и не давала себе остановиться на каком-то одном.

Виновен или нет? Неясно. Но я должна быть готова ко всему.

Уже подходя к аудитории по ядам, я вновь ощутила заметное оживление. Оно с раннего утра преследовало некроманта по пятам.

Я остановилась, нехорошим взором обводя собравшихся у соседней аудитории, студенты разделились, та половина, что находилась ближе к некроманту, состояла преимущественно из девушек, и лишь в отдалении виднелись представители сильного пола.

Даже обидно как-то... Не за себя, а за девушек и их гордость.

Даниэль, склонив голову, держал в руке книгу – адское сочетание, сразу добавляющее несколько очков к привлекательности парня в моих глазах. Хотя, откровенно говоря, студенты часто носили с собой книги, да и не только они. В отсутствие гаджетов время в этом мире убивали по старинке – читая или болтая.

Но в образе некроманта было еще одно изменение, непривычное, но пустяковое – форменный пиджак академии сменился тонким черным свитером с высоким воротом. И он ему шел.

– Магистра еще нет? – Я скорее констатировала факт, чем спрашивала, так как дверь в аудиторию оставалась закрытой.

– Нет, – негромко отозвался Даниэль, не отрываясь от чтения.

Чувствовалось напряжение. Встав рядом, я сосредоточилась на своих ладонях, стараясь не оглядываться по сторонам.

– Иногда я бываю глупой, – призналась, будто самой себе. – И тогда мне следует просто об этом сказать.

– И что ты сделаешь? – отозвался Даниэль, кажется, я двигалась в верном направлении.

– Если ты прав, то постараюсь так больше не делать. – Своевременно сказанные слова могут все исправить.

Некромант с тихим хлопком закрыл книгу и повернулся лицом ко мне, опираясь плечом о стену. Он долго и внимательно смотрел на меня, а в его глазах плескались звезды. Целая вселенная, отгородившая меня от всего мира.

– А если оба не правы?

– Тогда мы не будем об этом разговаривать и каждый самостоятельно обдумает, в чем он ошибся, – помедлив, ответила я.

– Какая умница, – насмешливо покачал головой Даниэль.

– Ну еще бы... – протянула я. – Но вот с твоими поклонницами тоже надо что-то сделать.

– Например?

– Хм, а если так? – Я подалась вперед, трепетно касаясь своими губами его и отстраняясь. – Теперь ник...

Меня всегда смущали чужие поцелуи на публике. Будто не существует уединенных мест! Подобные проявления нежности я неоднократно встречала на автобусных остановках, на скамейках в парке или у подъезда своего дома и всегда старательно отводила взгляд, ну а теперь сама вызывала чувство неловкости у остальных.

Мы поцеловались вновь, а вокруг расплескались зеленые искры – я совсем не сдерживала магию. Отпустив мои запястья, рука некроманта легла на затылок, а я вцепилась в его плечи – сильно, причиняя боль, будто желая разорвать ткань чернильно-черного свитера.

От любви глупеешь – так говорят. Можно подумать, что это сладкий наркотик, который желают все, но достаивается не каждый. Вся загвоздка во взаимности и отсутствии эгоизма. Главное, соблюсти оба условия, без них эта привязанность не лучше болезни, что разрушает, разрывая человека на кусочки.

Стемнело. Луна налилась серебром, напоминая денежную монетку. Она алчно сверкала, желая объять все небо, заслонить собою мелкие проблески звезд, посмевающих вступить с ней в эту неравную битву.

Красиво...

Облачко пара вырвалось изо рта. Я сидела на ступеньках у входа, ведущего на задний двор. Каменные плиты, вросшие в землю, были выложены вдоль высокого в этой части сада забора. Они огибали центр, где среди пожелтевших от ночного холода цветов торчали толстые темно-зеленые стебли с измененными заострившимися концами. Это все, чего я смогла добиться за время тренировок с некромантом, мои растения лишь немного поменяли форму. Стоило Дарине уйти, как я сразу спустилась в сад вновь попытать удачу.

В академии мы изучали много теории, но к практике еще не переходили. Я же не хотела учить тонны информации, не зная даже элементарных вещей. Хотя в историях, что рассказывали преподаватели, имелась своя польза. Нас не учили взывать к магии, ведь все уже давно овладели этим, потому что обладали силою с детства, а подсказывали, как именно ее использовать, какую форму придать в борьбе с тем или иным противником. Не хватало просто родиться с могущественным даром, смекалка и изобретательность играли важную роль.

Магистр Рем, единственный из преподавателей природник, постоянно рассказывал нам о разных ситуациях. Некоторым он был свидетелем, о каких-то слышал от друзей, а третьи были вычитаны из учебников по истории. Чаще всего мужчина излагал начало истории и прерывал рассказ, когда у героя начинались проблемы, а потом спрашивал у нас, как бы поступили мы на его месте.

Я впитывала, как губка, рассказы про здешние места и особенности. Так я узнала про Тайный базар у Таргарских гор, что проходил каждый третий месяц в полнолуние. Рынок делился на две половины, на одну пускали всех желающих, а на вторую лишь тех, за кого поручились сами торговцы или давние покупатели. По заверениям магистра, на второй половине торговали крайне редкими и не всегда разрешенными вещами. Запомнился рассказ про королевство

Риттерин, в котором природники пусть и не были в дефиците, но тоже встречались нечасто. Жили они в основном на скалистых островах, где отыскиались запасы магического металла. Так как на скалах почти ничего само по себе не росло, они выращивали фрукты, овощи и траву для животных – отправлять туда корабли с провиантом оказалось гораздо накладнее, чем щедро оплачивать магам их работу.

– Впечатляет, – сказала Дарла, незаметно подкравшись. Она уже второй вечер приходила в дом Райалинов и оставалась допоздна.

– Не то, что надо, – ответила я, с досадой глянув на растения.

– Возможно. Но все равно впечатляет. С того момента, как пробудилась сила, прошло две недели, верно? – Водница прошла вперед, касаясь поверхности стеблей.

– Около того.

– Я тоже начинала с малого. Тебе уже говорили, что у тебя огромный потенциал?

– Да. Даниэль.

– А знаешь почему?

Я отрицательно мотнула головой, приготовившись слушать.

– Понимаешь, магия как бутон цветка. Ты видишь свернутые лепестки – нежные, прекрасные, но чтобы бутон расцвел, а не начал сохнуть, не распустившись, само растение надо поливать и ухаживать. Однако даже по бутону ты можешь догадаться, будет ли перед тобою пышная роза или милые, но почти неприметные по одиночке васильки. – Обычно Дарла не выражалась столь образно, чем немало меня удивила.

– Прекрасный пример.

– Ага. Представь, мне это Клайм сказал в одну из первых встреч, а я запомнила. Столько лет прошло... – В ее голосе прозвучала тоска, но Дарла быстро собралась и заговорила вновь: – Короче, даже без занятий у моего отца быть тебе могущественной природницей. А после них и предположить сложно...

– Знаешь, я даже не представляю, что потом буду делать с ней. Мне и нынешней силы за глаза, – призналась я.

– Дурочка, – с улыбкой обозвала меня водница, садясь рядом на крыльцо. – Рано или поздно захочешь. Все хотят.

Стебли в центре сада извивались, причудливо переплетались и уходили вверх, заставляя вспоминать сказку про бобовый стебель,

ведущий к землям великанов высоко в небе.

Мы сидели так несколько минут, размышляя каждая о своем. Было спокойно и тихо, будто весь мир остановился, а песок так и не достиг дна песочных часов, зависнув прямо в воздухе.

Но, сидя неподвижно, я начала мерзнуть, пальцы покраснели и не слушались – у меня всегда первыми от холода страдали руки.

– Знаешь, у меня сегодня состоялся очень странный разговор, – протянула я, растирая ладони.

– Это тот, когда Фаден вас с Даниэлем в коридоре застала? Говорят, у нее волосы вновь воспламенились, – хихикнула Дарла.

– Ага, воспламенились. Кричала на весь коридор. – Я сморщилась, вспомнив сей момент. – Но я не об этом... Знаешь, после встречи с Ивонной я подумала, что это Оберон мог скинуть меня с башни. Он был в одной команде с Рафалом, и это показалось логичным.

– Да, понимаю. Сама думала о том же, – согласилась Дарла, вытягивая ногу вперед. – И о чем говорили?

– Я спросила, он ли скинул меня с башни.

Водница посмотрела на меня как на умалишенную:

– Просто взяла и спросила?

– Да.

– И что же он ответил?

– Что никогда бы не поступил так со мной... – В собственном исполнении эти слова звучали нелепо. Но я помнила выражение лица целителя, и либо он говорил правду, либо может дать фору любому актеру Голливуда.

Дарла сложила ладони лодочкой и вздохнула.

– Это ничего не доказывает, – сказала она.

Послышался скрип двери, я обернулась.

– Он что-то еще говорил? – Фигура Даниэля была скрыта в тени.

– Нет, – едва глянув, откликнулась я.

С тех пор, как Клайм сменил замок, обилие гостей в доме Райалинов стало привычным делом – они заходили без спросу. Сначала меня это возмущало, но недовольство быстро сошло на нет, мне нравилось, что рядом со мной постоянно кто-то был.

Только как давно Даниэль нас слушал?

Хотя какая разница? Я и так планировала ему все рассказать. Сейчас каждая деталь очень важна.

Сделав несколько попыток вновь вырастить ядовитый красно-черный отросток и столкнувшись с новой неудачей, решила оставить это гиблое дело на потом. На сегодня уверенность в собственных силах оставила меня.

– Идемте чай попьем, – и решительно повернулась к дому.

Солнце сияло на небе яркой лампочкой, а воздух пах свежестью. Я зябко прятала руки в рукава полевого костюма, рядом в нетерпении переминались одноклассники, и ничто не предвещало беды.

– Это первое занятие по магическим схваткам, – заговорил магистр Рем, останавливаясь напротив. – Мы быстренько обсудим ваши недостатки и приступим.

Я шумно втянула воздух. Еще ничего не началось, а адреналин уже расплескался по венам. Как нам успел сказать магистр, занятия по магической борьбе откладывали почти на середину учебного года, давая первокурсникам возможность обосноваться и получить начальные теоретические знания.

– Вас всего трое... – тяжело проговорил магистр, обводя взглядом меня, Итана и Ному.

О своих одноклассниках я знала крайне мало, даже имена лишь недавно запомнила. У нас крайне редко проходили занятия в таком скромном составе, обычно мы учились вместе с целителями.

– Так как большинство первокурсников Герадову ночь пропускает, мы проводим в рамках учебы это маленькое соревнование. Вы получаете первый боевой опыт, и после этого мы вплотную приступаем к магическим тренировкам.

– Разве происходит не наоборот? – поинтересовалась я. – Обучение, а потом сражение?

– Переживаете, студентка Райалин?

– Мм, нет. Это лишь вопрос.

– Ладно. Это соревнование мотивирует учащихся лучше любых оценок и проверочных. Доказано, уже не раз проверяли. Пострадаете

сегодня – будете лучше учиться в будущем. Все понятно? – Магистр Рем уставился на меня.

Его командирский тон пробирал до мурашек.

– Да. – Я вытянулась по струнке, как солдат.

Все как всегда – академия стремится нас покалечить.

– Перейдем к вашим магическим навыкам. Ному, тебе лишь прятаться, дар слабенький, надо развивать. Ускорение цветения растений мало чем способно помочь.

Судя по разочарованному вздоху девушки, она ожидала услышать нечто подобное, но все же в глубине души надеялась на другой расклад.

– Итан, тебе лучше держаться вблизи деревьев, сможешь себя защитить и не стать легкой мишенью для остальных. И наконец, Конкордия... – Взгляд преподавателя вновь остановился на мне. – С контролем неважно, но радует боевая форма магии. Тебе нужна постоянная эмоциональная подзарядка, без нее вряд ли что-то выйдет.

И будто в подтверждение слов магистра зеленый туман всколыхнулся. Я глубоко вдохнула, усмиряя дар. Мне не хватало сосредоточенности. Любая намеренная магия нуждалась в реальном действии. Чтобы высвободить силу, нужно расслабиться, позволить ей течь, как бурной реке, а чтобы ее спрятать, я словно закрывала клетку, заковывала себя в кандалы, чувствуя кратковременное напряжение по всему телу.

Я кивнула. Магистр Рем был прав – что на игре, что в «Голубой крови» мощное колдовство далось мне под влиянием эмоций.

– А как будет проходить занятие? – спросил Итан, постоянно посматривающий в сторону лесной полосы.

– Вся территория, кроме главного замка и корпусов, в вашем распоряжении. Вы можете сдать сразу, но тогда получите неуд. Есть желающие? – Магистр обвел нас невинным взглядом. – Нет? Продолжим. Вам раздадут жетоны, ваша цель – собрать их как можно больше. Если ваш противник сдастся, то нападать нельзя. Нарушите это правило – последствия будут тяжелыми.

Сделав нам внушение, магистр посмотрел на поле, где уже столпились студенты.

– Так, идемте. Опаздываем. – Преподаватель, стремительно развернувшись, твердой походкой направился к собравшимся.

– А некроманты тоже участвуют? – догнав, спросила я мужчину.

Магистр Рем странно на меня посмотрел, но все же ответил:

– Нет. Их на подобные развлечения не приглашают, все же это не Герадова ночь. Темная магия может быть опасна для них самих. Магов энергии, кстати, тоже нет. По своей природе они не бойцы, а изобретатели.

Понятно... Радует, что хотя бы на занятиях магистры пекутся о нашей безопасности.

Я собиралась сделать все, что было в моих силах, поэтому почти не переживала.

Холиральская академия занимала обширные территории, но если фасад замка выглядел ухоженным и изысканным, то позади – открытое поле, заканчивающееся островком леса, который потихоньку отвоевывал все больше пространства.

На поле царил гул, студенты, перешептываясь, строили стратегические планы. Кто был поумнее, молчал, а кто нет, обсуждал их с товарищами.

– Сейчас вам раздадут по жетону. Каждый жетон – одно очко, кто соберет больше всех, тот и победил. Приз – освобождение от контрольной недели по профильному направлению. Все ясно? – вновь повторил правила незнакомый мне магистр.

– А как сдать? – спросили из толпы.

– Пэрриш, персонально для тебя никак! Прячься и бойся, если ни на что другое не способен, – грозно отчеканил магистр, сощурившись. – Для всех остальных достаточно сказать «я сдаюсь». После этого любая борьба между противниками запрещается, мы будем следить.

Я разглядывала первокурсников, пытаюсь хоть мало-мальски определить по-настоящему опасных, интуиция подсказывала – все завершится очень скоро. Иначе быть не может. Спрятаться негде, а нас около сотни. Скорее всего многие побегут к лесу, но и он не способен вместить всех. Пахло жареным.

– На все дается час, начало по сигналу. У вас будет пять минут, чтобы рассредоточиться, а потом делайте что душе угодно, но без риска для жизни.

Пока один магистр инструктировал, остальные раздавали жетоны своим группам, и неудивительно, что первым с этой задачей справился

магистр Рем.

Желтый жетон тяжело лег в ладонь. Рассмотрев его со всех сторон, я сунула кругляш в карман.

Главное, не покалечиться, завтра меня ожидает тяжелый день.

Подали сигнал к началу, и я бросилась к лесу, но резко остановилась, когда поняла, что к нему бежит большая часть первокурсников.

Надо искать другой путь.

Когда отведенные пять минут истекут, мы станем потешным зрелищем. Возле стен академии уже собрались старшекурсники, что-то бурно обсуждая, а магистры даже не думали их разгонять.

Недовольно скривившись, я решила двигаться в противоположную от леса сторону, пусть спрячется негде, зато со спины никто не нападет.

Магия клочками вырывалась на поверхность, реагируя на мое взбудораженное состояние, а позади, словно после шагов цветочной феи, распускались цветы.

Я напряглась, беря силу под контроль. И некоторые цветы замерли, так и не распустившись.

В самый ответственный момент идей, как выбраться из этой передраги, мне не приходило. Последние спокойные минуты истекали, а я застыла посреди поля, не зная, что предпринять.

Кто-то свистнул, я обернулась.

В нескольких десятках метров от меня стоял парень. Он сделал пасс и стремительно исчез под землей, раскроив ее, словно шов на одежде, и почти незаметно соединив вновь.

Перед тем как пропасть из виду, он выразительно посмотрел на меня, словно давая обещание: «Ты будешь первой».

На мгновение оцепенев, я довольно легко подавила первые приступы паники – сказывался опыт Герадовой ночи – и принялась за дело. Если мой противник спрятался под землей, то я поднимусь в воздух.

На улице выдалась на редкость приятная погода – безоблачная и теплая.

Даниэль стоял у подножия башни, наблюдая за разворачивающейся битвой. Холодное выражение лица и сжатые в тонкую линию губы выдавали его заинтересованность.

– Уходи, если нечего сказать, – грубоватым от долгого молчания голосом сказал некромант.

– Академия тебе не принадлежит, Даниэль. Я тоже захотела понаблюдать за успехами своей «сестренки».

Ивонна перестала таиться и подошла ближе, став рядом, но некромант даже не взглянул на нее.

По иронии судьбы они находились у подножия той самой башни, под которой Лефевр когда-то нашел природницу. Ничего не напоминало о случившемся. Три недели оказались достаточным сроком, чтобы все следы исчезли.

Далеко впереди, над полем, вырастал пьедестал, стебли переплелись между собой, образуя помост, и становились все выше, увеличивая расстояние до земли. На самой верхушке виднелась сжавшаяся фигурка. Вокруг живой конструкции появлялись растения поменьше – разные, от кустов до обычных цветов.

Ивонна наблюдала за этой картиной, и с каждой секундой лицо ее мрачнело, увиденное пришлось ей не по душе. Еще в «Голубой крови» целительница осознала, какой серьезный противник перед ней, и больше не собиралась лезть на рожон.

– Зачем ты так с Иридой? Мне пришлось лечить ее от кошмаров, – желая привлечь внимание, заговорила девушка.

– Я предупреждал, она не вняла. Вы обе суете свой нос туда, куда не стоит.

Некромант говорил негромко, спокойно, терпеливо, будто втолковывая ребенку очевидную истину. Но те, кто достаточно хорошо его знал, понимали, что эта миролюбивость могла исчезнуть за считанные секунды.

– Что, даже не спросишь, откуда я узнала про тот бордель? – поинтересовалась Ивонна спустя секунду.

– И откуда? – лениво осведомился Даниэль. Все его внимание было приковано к происходящему на поле. За прошедшие минуты от начала соревнования кусочек леса на территории академии уже успели проредить.

В самом отчаянном положении находились водники, в безоблачный день им приходилось извлекать воду из воздуха. Целители же, наоборот, легко выводили всех из игры, подходя достаточно близко и просто отключая противника. Эмма пока лишь отбивалась. Зеленый пьедестал то накренился, лишаясь опоры, то вновь восстанавливал равновесие благодаря новым стеблям, оплетающим его взамен поврежденных.

Ивонна рассерженно поджала губы. Ее уязвленное самолюбие требовало реванша, но девушка была неглупа и понимала, что их с некромантом история давно закончена. А возможно, и не начиналась вовсе.

– Даниэль, с тобой было так весело. Даже грустно видеть, во что ты превратился, – со вздохом поведала она.

– Ивонна, у нас с тобой слишком разные представления о веселье. – Мрачная полуулыбка появилась на его лице. – И твое счастье, что ты обладаешь целительским даром.

Девушка изменилась в лице, недоверчиво посмотрев на мага смерти:

– Неужели ты бы и со мной так поступил? Наслал мертвых?

За время их разговора некромант впервые взглянул на Ивонну.

– Конечно. Не заблуждайся, ты ничем не отличаешься, – жестко проговорил он. – Даже досадно, что вы, целители, способны настолько контролировать свое сознание и тело, что даже во сне до вас не добраться.

Даниэль отвернулся от девушки, словно позабыв, что не один.

Ноздри целительницы широко раздувались – ей не хватало воздуха.

– Я ее достану! Слышишь?! Как только все узнают, кто она, спокойной жизни вам не видать! За ней будут охотиться, и не только Райалины, а все! Даже ты не сможешь ее защитить, дорогой Даниэль, – прошипела она.

– Удачи. – Лицо некроманта окаменело. – Но запомни, у всего есть своя цена, и у угрозы тоже.

Ивонна шумно вздохнула, прожигая Лефевра взглядом, и скрылась в противоположной стороне от разгорающейся на поле бойни. Испытание первокурсников давно превратилось в свалку, а территорию академии позади замка будто перерыли гигантские кроты.

Идея проводить подобные занятия принадлежала ректору. Назначались они всегда спонтанно, так что никто и никогда из учащихся не знал ни даты, ни времени. Большинство первокурсников, пропустивших Герадову ночь, принудительно получали опыт сражений, а старшие курсы – развлечение.

Крепнувшее раздражение давало мне сил и мотивацию, о которой говорил магистр Рем. Несколько раз стихийник земли пытался скинуть меня вниз, вырывая стебли с корнем, но у него не хватало магии, чтобы проделать это сразу со всеми, и я успевала вырастить новые.

И наконец-то осознав, что перед ним не такая уж легкая мишень, он решил уйти, а я – напасть в ответ. Ведь жетоны не соберешь, лишь отбиваясь.

Только получив передышку и оглядев происходящее, я позабыла о своем недавнем противнике. То, что разворачивалось на поле, даже поединком не назовешь. Какое дело до этих треклятых жетонов, если перед тобой безумная потасовка, где уровень магии играет крайне малую роль, а решают все удача и умение оказаться в правильном месте.

Я наблюдала за тем, как воздушник отбирал жетон у мага воды, но через мгновение уже победитель валился на землю, пораженный целительской магией.

Что же происходит? Ужас и отвращение тягучей патокой разливались в груди. Я не понимала и не желала принимать. И даже спустя время мне сложно было понять, почему увиденное вызвало во мне такие противоречия.

Меня восхищала природа этого мира, но я не собиралась беспрекословно подчиняться людям, живущим в нем...

И неожиданно я вновь услышала зов – громкий, настойчивый и древний. Что-то подобное происходило со мной в номере «Голубой крови», когда каждое растение внимало мне, резонировало и отзывалось. Но в этот раз все было иначе, что-то скрытое глубоко под землей словно ожило, настойчиво прося о помощи и предлагая ответную услугу.

Стоит ли? Мною овладела нерешительность.

Но зов зазвучал настойчивее, вызывая внутри ощущение чего-то родственного.

Времени подумать и принять взвешенное решение не оставалось, моя зеленая башня дрогнула, стремительно накрываясь, и я полетела вниз.

Как в замедленной съемке, я наблюдала за собственным падением. Пальцы побелели от железной хватки, с которой я вцепилась в стебли, боясь свалиться раньше времени.

На меня напали... Но я, слишком занятая собственным спасением, даже не могла обернуться и посмотреть, кто именно это сделал и сколько их.

Меня тряхнуло, когда на расстоянии нескольких метров от поверхности новый отросток подхватил срубленные безжизненные стебли. Я как замороженная уставилась на землю под собой, пытаюсь разглядеть, что скрывается под ее толщей.

Режущий порыв ветра хлестнул по рукам, я больше не могла оставаться в этом подвешенном состоянии. Увидев двух воздушников, собравшихся вновь атаковать, я решила и, разжав руки, рухнула вниз, каким-то чудом приземлившись на ноги. От стоп по всему телу прокатилась тупая ноющая боль.

Не давая опомниться ни себе, ни противникам, я сделала то, о чем вскоре пожалела. Моя ладонь впечаталась в землю, оставляя глубокий след, а вокруг заплескался зеленый туман – яркий, насыщенный, густой. Мгновение, и он утоп под ногами, просачиваясь глубоко в недра земли, пока не нашел то, что искал.

Разверзлась тишина, гнетущая, полная ожидания.

Даже воздушники не спешили нападать, будто что-то почувствовав, а потом земля вздулась, пошла трещинами, словно обнажив свои вены, и затряслась.

Изнутри на поверхность рвалось что-то мощное и неудержимое.

На лицах студентов был ужас. Я поднялась, растерянно отступая и смотря на собственные ладони, будто они измазаны в крови.

Гул нарастал и наконец-то вырвался на поверхность, разбрасывая клочья земли. Тонкая прямая тростинка показалась из трещины и, со свистом рассекая воздух, устремилась к небесам, утолщаясь и покрываясь древесной корой. Уже через несколько секунд она была толще любого дерева в ближайшем лесу.

Студенты бросились врассыпную, перепрыгивая через вздыбленную землю и проваливаясь во внезапно появляющиеся трещины. Академию будто сотрясало мощное землетрясение, грозящее разрушить ее и вполне способное на это.

Потрясение, охватившее меня, смешалось с ужасом, я пыталась остановить невиданное растение, но все было тщетно, древесный ствол продолжал расти. И тогда я тоже побежала – дерево отвоевывало все больше места, обещая забрать с собой всех, кому не хватило благоразумия убежать.

Тень легла на один из крайних корпусов, становясь больше и накрывая поле целиком. Мои силы были на исходе. Я слишком много потратила на последнюю магию – не истощение, но состояние, очень близкое к нему. Когда пробуждается дар, то появляется связь между силой и телом, первое напрямую зависит от второго, как и наоборот.

– Вставай! – Я вцепилась в ладонь Итана, что, споткнувшись, упал и распластался на земле.

Держа его за руку, я изумленно уставилась на собственное творение. Росток превратился в гигантское дерево с необъятным стволом. Если даже десять человек возьмутся за руки и образуют круг, то вряд ли смогут обхватить его. Звуки происходившего бедствия звучали оглушающе.

Парень наконец поднялся на ноги, и мы рванули к стенам замка.

Дыхание окончательно сбилось. Воздух с хрипом вырывался из легких.

Словно почувствовав мое состояние, тень от кроны дерева остановилась, а земля успокоилась, будто насытившись общей паникой.

Оно перестало расти!

И я сокрушенно осела вниз, легла на спину. Глядя на пышную зелень, закрывавшую небо, словно дырявый зонтик, через который виднелись маленькие островки синевы, я надеялась, что никто не пострадал.

Губы ректора расплылись в улыбке, глаза алчно сверкали. Это был момент торжества. Он уже не думал, что доживет до этих дней.

Кровавая Река, несмотря на свою молодость, полную жестокости и убийств, относился к Холиральской академии с неожиданной теплотой и крайне ревностно пекся о ее благополучии, задумываясь о судьбе учебного заведения даже после своей смерти.

– Ректор, ректор! – Его секретарь, мужчина средних лет, ворвался в кабинет.

– Я все прекрасно вижу, – оборвал его Кровавая Река. – Убедитесь, что никто не пострадал, и проверьте стены замка и корпусов.

– А что делать с виновным? – Секретарь больше не паниковал.

– Наградить. Пусть объявят победителем.

– Но как же...

– В первый год своего назначения я сам закопал семя Могуч-Древня на территории академии. И ждал, когда появится природник, что услышит зов и сможет вдохнуть в него жизнь. – Ректор вновь взглянул на гиганта за окном и задумчиво проговорил: – Возможно, надо подумать над более ценной наградой... Вы еще здесь?

Секретарь расторопно выскочил за дверь.

Кровавой Реке не терпелось подойти ближе к великому дереву, но он выжидал.

«Еще успеется, – думал он. – Вот академия и приобрела своего защитника на долгие годы».

– Ты как? – склонился надо мной магистр Рем, загораживая яркую зелень.

– Жива, – прохрипела я.

– Ну хорошо, – похлопал он меня по плечу и распрямился.

– Магистр! Много пострадавших? – Я ухватила его за штанину.

– Все нормально, Райалин, не переживай. Сама поднимешься или целителя прислать?

– Поднимусь.

Кивнув, преподаватель ушел, оставив меня на земле.

Голова гудела, во рту ощущался привкус крови, а тело охватывал жар после недавней погони. Но я искренне радовалась, что вновь не схлопотала истощение. Случись это, и несколько драгоценных часов было бы потрачено на бесцельное лежание в постели.

Приподняв голову, я в который раз убедилась в поражающих воображение размерах дерева. Может, его срубить? Стоило об этом подумать, как чувство стыда поднялось из глубины души, разъедая, укоряя и наконец-то внушая, что я никогда на подобное не решусь.

Великий. Древний. Мудрый.

Гигант оказался чем-то сложно объяснимым, существом из другой вселенной, заключенным в древесную оболочку.

– Отдыхаешь? – Новая тень накрыла меня.

Откуда Даниэль взялся? Наблюдал? Так же, как остальные старшекурсники?

Вид некроманта словно сдвинул рычаг моего настроения в иную сторону.

– Любуюсь видом.

Веселье накатывало волнами, желание рассмеяться не отпускало.

«Это истерика», – пронеслась мысль на задворках сознания.

– Испугалась? – Некромант аккуратно убрал волосы, прилипшие к моему лицу.

– Еще как, – призналась я, и смеяться расхотелось. Наоборот, захотелось плакать, но позволить это я себе не могла. – Как я его вырастила? Сама? Кто-то пострадал? Сильно? А то магистр не говорит...

Вопросы сыпались градом, а я просто не могла смолчать, желая получить ответы сразу на все, но ведь так не бывает.

– Тшш. – Некромант прижал палец к губам, и я замолчала.

Даниэль поразительным образом умел меня успокаивать. Дарил уверенность и хладнокровие. Принц из сказки, правда, мрачноватой, такой, какими они были несколько веков назад, – с печальным, но поучительным концом.

– Помоги мне встать.

– Может, тебя понести? – предложил он.

– Нет. Ноги есть, сама дойду. – Может быть, ответ мой звучал грубо, но Лефевру он пришелся по душе. Протянув ладонь, парень выразительно посмотрел на меня.

Я вспомнила момент с его сестрой, когда Даниэль точно так же протягивал ей руку. Никакой атрофированной гиперопеки, ведь это жизнь, от всего не защитишь, если только не запереть в клетке и не кормить с ложечки.

До чего же он разумен...

– Спасибо, – сказала я, цепляясь за ладонь некроманта.

Рывок, земля и небо смешались, как мазки краски на холсте, и через мгновение я уже стояла на ногах. Оглядев поле, я с удивлением обнаружила, что все куда лучше, чем казалось поначалу. Да, поле словно перекопали, хоть картошку сажай, а листва гиганта накрывала тенью замок, но дальше не шла, позволяя приветственным лучам солнца ласкать передний двор – переплетения дорожек, фонтан, лавочки и хаотично растущие кустарники. Все больше студентов стекалось к стенам академии, и раненых на первый взгляд практически не было. Лишь несколько первокурсников стояло в сторонке, пока вокруг них кружил кто-то из целителей.

– Успокоилась?

– Ага, – машинально ответила я, вновь оглядываясь на гиганта. У основания дерева на поверхности торчали корни, уже успевшие обрасти темно-зеленым бархатистым мхом, и вообще все трещины в земле, словно затянувшиеся раны, покрылись свежим травяным пушком.

От дерева исходила странная пульсация – тихая, но отчетливая.

Однозначно не простое растение.

– Это Могуч-Древень. Я видел такой, но мертвый. Он рос на подступах к столице. – В голосе некроманта слышалось воодушевление.

Листва над головой затрепетала от внезапного порыва ветра. Шуршание зелени – словно шепот из других вселенных. В какой-то момент мне отчетливо показалось, что я смогу различить слова.

– И ты его пробудила... – продолжил некромант.

– Пробудила? – Я посмотрела с крайним сомнением на махину размером с десятиэтажку, если не выше. – Он спал?

– Это магическое дерево, оно само по себе не вырастает. Поэтому их так мало. – Даниэль взглянул на меня. – Ты должна его чувствовать.

Некромант знал, о чем говорил. Смотря на его восхищенное лицо, я подумала: что, если бы Лефевру достался какой-то другой дар? Как бы сложилась его судьба?

Но ответа не находилось, жизнь слишком непредсказуема. Какая разница, как бы было? Главное, как теперь...

– У него есть воля. И он... – Я нахмурилась, сила отзывалась тяжело. Чувствуя, как слабеют ноги, прекратила попытки прощупать зеленого гиганта.

Магией пользоваться нельзя. По крайней мере сегодня, иначе свалюсь.

– Идем, тебе надо отдохнуть. – Рука Даниэля мягко обвила мою – так естественно и непринужденно. В голове вновь зашумело, будто в метре от меня заиграли на ударных, а я перед этим провела бессонную ночь.

– Ты наблюдал за моим сражением? – морщась, спросила я.

– Конечно.

– И как?

– Перемудрила, Загадка, – прошептал он.

– Ну давай, поделись своей вселенской мудростью. – Я, как и любой человек, не любила чувствовать себя неправой.

– Нет. Сама подумай, – усмехнулся Даниэль, а я от досады стиснула его пальцы, но силы не хватило причинить ему хоть толику неудобств.

Мы дошли до замка, правда, я скорее ковыляла, пошатываясь. Студенты перешептывались, рассматривая Могуч-Древень. И я случайно подслушала чужой разговор.

– Это ректор вновь чудит? С него станется, – спросил парень с волосами пшеничного цвета, идеально прямыми, будто специально уложенными.

– Наверное. Магистры слишком спокойны. Как пришел секретарь главы, так стоят совещаются, – отвечал ему второй.

– Победителя выбирают?

– Идиот. Они жетоны даже не считали, как выберут-то?

– А-а-а, точно, – ничуть не обиделся его друг.

На этом моменте я слушать перестала, потеряв интерес. От боли мозг словно размягчился, ни капли не соображая. Даже после того дневного вина, распитого с Дарлой, мыслила я куда более здраво, чем теперь. Но спустя минуту сработало позднее зажигание, и меня наконец-то осенило: они не знают, что это я его вырастила!

Сама не замечая, я прожигала парней взглядом, и один из них это заметил, толкнул другого.

– Чего тебе? – ляпнул первый. Мы с некромантом стояли к ним боком, и поэтому наши переплетенные пальцы не были видны.

– Любуюсь, – откровенная грубость разозлила меня.

Парень опешил, но потребовалась всего секунда, чтобы его губы расплылись в довольной улыбке.

– Понравился?

– Ну как сказать... Скорее твои волосы – на вермишель похожи, – с задумчивым видом проговорила я.

Парень покраснел, а его друг засмеялся, ударив первого в плечо:

– Я же тебе говорил.

Вскоре приблизился один из магистров и, ничего не объясняя о дереве, объявил занятие оконченным и попросил разойтись. По толпе прокатилось роптание, но магистр отмахивался:

– Все потом, и без вас работы достаточно. Идите.

– Мне надо переодеться, – сказала я, повернувшись к некроманту. В одном из крайних корпусов имелась женская раздевалка и даже купальня, правда, одна на всех, но большая.

– Подожду тебя у входа, – спокойно согласился некромант и усмехнулся. – Тебе и помощь не требуется, сама справляешься, – намекал Даниэль на недавнюю перепалку.

– Да, не надо было мне так. Это все ты. Дурное влияние.

– Дурное?

– Еще какое. Заражаешь меня своей бесцеремонностью и язвительностью.

– Ну-ну. Колкий язычок.

Я готова была возмутиться, но меня окликнул магистр Рем:

– Райалин, можно вас на минуточку? Лефевр, можете тоже остаться, вы не из болтливых. – И он отвел нас в сторонку.

Заявление о своей неболтливости некромант пропустил мимо ушей. При посторонних Даниэль будто закрывался, пусть даже неосознанно, но излучая враждебность.

Я же готовилась к худшему. Наказание? Выговор? Вдруг меня решат отчислить?

– Понимаете, вы победили. Так распорядился ректор, – проговорил преподаватель, а я недоверчиво уставилась на него. – Но мы решили, что будет лучше избежать шумихи. Поэтому сообщая об

этом лично, и да, вы освобождены от контрольной недели по профильному предмету, поздравляю.

– Магистр, подождите. Что значит – я победила? – оглянувшись по сторонам, прошептала я.

– Райалин, я сам мало что понимаю. Но вы победили, порадитесь. Это ваша награда за Древень, – указал он на гиганта. – Они часть древней магии, стражи. В тревожные времена они проявляют себя.

Объяснение магистра было столь туманным, что и представление у меня сложилось точно такое же – неясное, маловразумительное. Но из-за преследующей меня слабости расспрашивать не стала.

Преподаватель удалился, а я, успокоившись внезапным осознанием, что совершила что-то хорошее, пусть и случайно, повела некроманта к учебному корпусу.

Даниэль остался перед входом в здание дожидаться меня, а я, едва не переходя на бег, зашла внутрь и поспешила к раздевалке.

Вскоре я ворвалась в помещение, где у одной стены находились шкафчики высотой от пола до потолка, а у другой – ширмы для переодеваний, за наличие которых я готова была пожать руку тому, кто решил их здесь установить. Пройдя в дальний угол комнаты, я неожиданно заметила неладное – дверца моего шкафчика была приоткрыта – буквально на пару миллиметров. Но и этого оказалось достаточно, чтобы понять, – ее взломали.

Осторожно, словно собиралась дотронуться до гремучей змеи, я подцепила дверцу и открыла ее, рассматривая содержимое шкафчика.

Рюкзак лежал на прежнем месте, на второй полке, вот только завязки, что скрепляли его горловину, были расслаблены, а я прекрасно помнила, как перед уходом затянула шнурки и даже бантик завязала.

Моя форма висела нетронутой на вешалке, мерно покачиваясь.

– Уже до вещей добралась... – прошептала я, заглядывая внутрь рюкзака, на дне которого одиноко лежали резинка для волос и расческа.

Заходящие в раздевалку студентки оглядывались в мою сторону, и я, поняв, что каждая секунда промедления лишала меня спокойной возможности переодеться, схватила чистые вещи и прошла за ширму. Еще в первый раз переодеться было страшно, ведь кто-то случайно

мог увидеть знак на моем бедре. Но меня выручила Дарла, что караулила снаружи, и именно ей я передала все свои блокноты с записями.

Предосторожность спасла меня в этот раз, но так не могло продолжаться вечно. Рано или поздно удача оставит меня, переметнувшись на сторону врага, она как солнце, что светит каждому вне зависимости от пола, положения и намерений.

Я вышла из-за ширмы, на ходу запихивая испачканные в земле вещи в рюкзак. Выскочив из раздевалки, едва ли не быстрее, чем прежде, поспешила к выходу. Но вскоре случайно обернулась, чтобы поправить надоедливую, постоянно съезжавшую лямку рюкзака, и заметила краем глаза мелькнувшую тень.

Нерешительно замерла, а потом вновь зашагала вперед, надеясь, что ничем себя не выдала.

Мне могло показаться.

Завернув за угол, я прошла дальше и, преодолев приличное расстояние, на цыпочках, затаив дыхание, вернулась. Самым сложным было проделать это бесшумно.

Если бы кто-то посмотрел со стороны, решил бы, что меня одолел маразм, никак иначе. И чувствовала я себя невероятно глупо, пока не расслышала тихую поступь. Прижавшись спиной к стене, я слышала, как бьется мое сердце – гулко, будто часы отбивают полночь. К магии после недавнего приключения прибегать было нельзя, оставалось надеяться лишь на свои силы.

Тихие тревожные секунды ожидания растягивались, как жвачка. Вытерев вспотевшие ладони о плотную ткань юбки, я приготовилась встретить своего преследователя со всеми почестями.

Я словно физически ощутила, что за углом кто-то стоит, точно так же прижавшись к стене. Нагнетаемый обстановкой страх достиг апогея, когда до моих ушей донесся шорох.

«Сейчас! Давай!» – призвал внутренний голос, а в сознании будто прозвенел веселый колокольчик.

Подавшись вперед, как туго натянутая пружина, я перемахнула на другую сторону и, выставив локоть, придавила преследователя к стене.

Жалкий всхлип.

– Карлет? – прошептала я, узнав девушку, свою сестру и бывшую одноклассницу.

Она попыталась вырваться, но я вцепилась свободной ладонью в ее плечо, сдавливая. Карлет не вырывалась по-настоящему, иначе удержать бы ее у меня не вышло.

– Почему ты следишь за мной? – Девушка сжалась, а я продолжила, тряхнув ее за плечо: – Ивонна приказала, да?!

Я ожидала нового сопротивления, попыток ударить, витиеватых ругательств и даже обвинений в том, что я фальшивка. Последнего боялась больше всего.

– Да, – сдавленно подтвердила Карлет, пряча глаза. Она не собиралась нападать или вообще что-то предпринимать. Одарив ее долгим испытующим взглядом, я ослабила хватку и отошла.

– Еще раз поймаю – тебе не поздоровится, – пригрозила я, хотя даже под жесткими пытками не смогла бы придумать, что бы такого сделать сестренке Конкордии. Бить же ее не будешь. – И передай Ивонне, чтобы перестала занимать ерундой. Противно. Если есть претензии, пусть подходит прямо ко мне, а не вынуждает тебя выполнять за нее грязную работу.

Новая встреча с врагом подпортила настроение. Будто обыска в моем рюкзаке было недостаточно... Это напрягало.

Я уже отошла, погрузившись в рой своих мыслей. Который день все мое внимание было обращено на решение проблемы с Ивонной. Интуиция твердила: завтра на вручении, на котором будут присутствовать представители рода, девушка что-то предпримет.

– Подожди! – раздался возглас.

Я уже успела позабыть, что была не одна. Как же легко запомнить о человеке, если занят собою.

– Помоги мне, – жалобно попросила Карлет, убедившись, что я слышу ее.

– Помочь? – вкрадчиво переспросила я с нескрываемым удивлением. – В чем?

Карлет сползла по стеночке, будто ноги ее уже не держали. Она выглядела такой слабой и потерянной, как брошенный черный котенок, что жалобно мяукал, идя следом.

Только я помнила, на что этот котенок способен...

– Я не хочу в этом участвовать. Хочу, чтобы все прекратилось. – Она запустила пальцы в волосы, обхватывая голову.

– Хочешь? Так прекрати. Перестань ей прислуживать. – Нахлынувшая жалость почти испарилась.

– Нельзя. Она меня накажет. Отомстит. – Голос Карлет срывался, намекая на приближающуюся истерику.

Дурной сон.

Мне захотелось убраться, не слышать больше причитаний.

«Не будь жестокой. Прояви терпение», – дала о себе знать хорошая часть меня, но я ее оттолкнула – резко и решительно, не давая посеять во мне сомнения.

– Рискни. Лучше один раз сразиться лицом к лицу, чем продолжать страдать.

Я дала совет, которому бы последовала сама. Лицом к лицу, никак иначе. Человек такое существо, что ко всему привыкает, поэтому нельзя терпеть – либо сломаешься, либо возненавидишь. И еще неясно, что хуже, – бесконтрольная ненависть тоже умеет толкать на аморальные поступки.

Карлет подняла голову – слез не было, но глаза влажно блеснули.

– Я не могу тебе помочь. У меня своих проблем достаточно. И не факт, что ты говоришь правду. – Я повернулась, собираясь уйти. Некромант, должно быть, меня заждался.

– Я сделаю все, что смогу! – Девушка пошла ва-банк. И в какой-то степени я ее понимала. Ивонна была известна своей склонностью к грязной игре, и принадлежала она к тому типу людей, что впиваются в тебя как пиявки и не отстают до самого конца, пока не выпьют все соки.

Смерив Карлет долгим тяжелым взглядом, я нехотя сказала:

– Я подумаю. Ничего не обещаю, – и, больше не оглядываясь, ушла.

Глава 27

Буря

Гнетущее чувство расцветало в груди, и я ему верила, оно словно говорило: «Вскоре что-то случится». Появление Могуч-Древня и встреча с Карлет будто запустили маховик событий. Не скрыться и не отступить, иначе верная гибель.

Перемешивая сахар в кружке, хотя уже года три не пила сладкий чай, я прислушивалась к себе, погрязая в событиях прошлого. Я хорошо запомнила случай, занозой застрявший в моей памяти. В пятом или шестом классе, когда я задержалась в одной из школ на целых полгода и даже застала летние каникулы, произошла трагедия – умерла одноклассница, то ли от удара током, то ли от сердечного приступа, когда смотрела телевизор. Ее смерть окутала тайна. Еще долго по школе гуляли разные версии ее гибели, и, так и не придя к единому мнению, школьники просто затихли. Но странно другое – я почувствовала ее смерть. В день трагедии я гостила у бабушки в деревне – большой, насчитывающей десятки улиц. Позади бабушкиного участка раскинулось поле с маленькой речушкой, уже к середине лета зарастающей тиной настолько, что не оставалось ни островка чистой водной глади. И в то утро, еще ничего не понимая, я проснулась со свинцовой тяжестью в груди. Ощущение было настолько реально и настойчиво, что не покидало ни на секунду. И в какой-то момент мною овладело твердое намерение рассказать обо всем бабушке.

«Промолчу – и доказательств не будет. Все останется лишь плодом моего воображения», – такая мысль преследовала меня.

Уже на улице, идя с бабушкой в ближайший магазинчик, построенный хозяевами на территории своего участка, я остановилась и убежденно заявила:

– Сегодня что-то произойдет. Я чувствую это.

Бабушка улыбнулась, не восприняв мои слова всерьез, а через два дня позвонила мама и рассказала о случившемся.

Вот и теперь предчувствие одолевало меня, обвивалось ядовитой змеей около сердца, заставляя нервничать. Даже когда Дзафи вплыла в

кухню, я лишь отстраненно подумала: «Куда подевался Даниэль?»

Дэафи напоминала саму смерть, дай ей балахон да зловеще поблескивающую косу, и образ стал бы полным.

Я повела плечами, отгоняя навязчивое видение.

Женщина достала из самого верхнего шкафчика темный пузырек и накапала из него мутно-зеленой жидкости в стакан с водой. Порой движения ее рук были резкими и быстрыми, но не неуклюжими, даже наоборот, казалось, что Дэафи никогда ничего не роняла.

– Выпейте. – Передо мной поставили тот самый стакан. Я вздрогнула, и без того тонкие губы Дэафи сжались то ли от недовольства, то ли по каким-то другим неведомым мне причинам. – Тяжело вырастить Могуч-Древень. Выпейте, поможет восстановить силы.

Она заботится обо мне?

После запоминающегося приветствия и рассказа о ее жуткой роли в жизни некроманта в это верилось с трудом.

Дэафи посмотрела сверху вниз, а я сжалась против воли. Какой-то первородный страх возникал каждый раз, когда я смотрела в ее жуткие затуманенные глаза.

– Даниэль нуждается в вашей помощи, – бесцветно произнесла она и холодно добавила: – Не обманите ожиданий.

Договорив, Дэафи сразу же покинула кухню.

Пару секунд я медленно переваривала сказанное. Страх, что вызывала эта женщина, создавал помехи, эхом отзывавшиеся в моей голове.

Так, понятно, где собака зарыта... Никакой речи о доброте душевной не идет, для Дэафи я лишь средство. Поднявшись, я взяла стакан, принялась и скривилась, когда в нос пахнуло гнилью.

Нет, спасибо.

И брезгливо вылила содержимое в раковину.

Сила сама восстановится, уже не впервой. Не приму никаких подачек, пока отношение ко мне самой не улучшится.

– Обиделась? – Сестра Даниэля стояла у стола и, похоже, все видела.

– Пахнет неприятно.

– Ну-ну, – протянула Тильда, присаживаясь на ближайший стул. – У меня с Дэафи тоже не заладилось. Таких черствых и жестоких

старух еще поискать надо!

Последнюю фразу девушка произнесла нарочито громко.

– А почему не заладилось? – в отличие от некромантки поинтересовалась я тихим голосом.

– Ты же в курсе ее задания? – расслабленно спросила девушка, крепче затягивая пояс домашнего халата.

Я кивнула, садясь напротив.

– Безусловно, она к Даниэлю привязалась, но ее ведь не за праздные заслуги выбрали на эту роль. Если что-то пойдет не так, она убьет его, можешь быть уверена, – откровенно заявила Тильда. Некромантка вела себя раскованно, да и выглядела молодо, но ее истинный возраст выдавали голос уверенной в себе женщины и очень серьезный и вдумчивый взгляд.

– А почему назначили именно ее? – спросила я, сжимая кружку с чаем в ладонях, словно баюкая.

Тильда прищурилась на меня, и я засомневалась, что получу ответ.

– Эта новость не для слабонервных, – сказала девушка, фирменная усмешка Лефевров отразилась на ее лице. – Дзафи служила палачом в тюрьме. Убивать – ее работа. Пусть я и маг смерти, но головой мне не понять, как можно посвятить свою жизнь казни людей.

Я опешила, округлив глаза.

По натуре я была человеком здравомыслящим и рассудительным, но все равно ощутила жгучую волну гнева. Угроза обретала глубину и форму, и я априори не могла испытывать симпатию к Дзафи. Она словно лезвие гильотины, нависшее над шеей некроманта.

– А часто у вас казнят?

– У вас? – Бровь Тильды изогнулась.

– Оговорилась. Так как часто? – сориентировалась я.

– Ну-у-у, не регулярно, но случается. Множественное убийство, покушение на жизнь членов королевской семьи, подрыв их власти... – задумчиво отвечала Тильда. – Вообще все, что может навредить правящей династии, строго карается.

– Неудивительно, – хмыкнула я.

– Нет, ты не понимаешь. – Взгляд Тильды потяжелел, спина напряженно выпрямилась. – Если монархия падет, всем станет худо. Боги разгневаются. Это не шутки, они существуют, и нынешний род

правителей ими благословлен. Все королевские отпрыски магией обделены, уже несколько сотен лет детей с даром среди них не рождалось, а сила тех, кто вступал с ними в союз, медленно чахла и угасала.

– Но почему? – Мой дар только пробудился, но я уже не представляла, каково жить без него.

– Я думаю, это плата за голоса богов. Они их слышат, довольно часто. Хотя многие в это не верят. Но я видела. – Уточнить, что именно она видела, сестра Даниэля не стала. У меня сложилось отчетливое ощущение, что Тильда и так рассказала намного больше, чем мне полагалось знать.

Девушка встала, довольно тепло попрощалась, будто давно смирившись с моим присутствием рядом с братом, и ушла.

Они их слышат...

Далеко не впервые при мне упоминали богов этого мира, но слова Тильды произвели неизгладимое впечатление. До сих пор, несмотря на знак предназначения, они оставались для меня чем-то призрачным и нереальным. Существовами, порожденными верой людей и их отчаянным желанием знать, что за ними приглядывает кто-то свыше.

Но сестра Даниэля не выглядела человеком, верящим в сказки, и ее убежденность в их существовании передалась мне.

Меня даже посетила шальная и безумная мысль попросить богов о помощи. Не о поддержке в борьбе с семейкой Райалин – несмотря на нависшую угрозу, я не считала это достойной причиной, чтобы отвлекать Великих от их дел. Меня интересовало то, что самой мне было не под силу, да пожалуй, и никому из людей, – увидеть родителей хотя бы на минутку.

Я до одержимости желала убедиться в том, что они в порядке. И понять, умерло ли мое тело или, может быть, лежит в коме.

Облачая желание в нужные слова, я задумчиво пожевала губу. Говорить надо вслух и не стесняясь, но шепотом, чтобы тот, кому просьба не была предназначена, случайно ее не расслышал. Я будто создала ритуал со своей очередностью и собиралась беспрекословно ему следовать.

– Извини, задержался, – вернулся некромант, но, заметив разочарование на моем лице, остановился. – Чему-то помешал?

Даниэль цепким взглядом оглядел кухню, будто в комнате затаился невидимка.

– Нет, – соврала я, восхитившись проницательностью некроманта.

– Уверена?

– Да, – ответила, не пряча взгляда.

И как потом жить с таким? Ничего не утаишь.

Я оберегала мага смерти, не желая делиться своими намерениями. Не хотела давать ему повода сомневаться в моем решении остаться, беспокоить зря.

– Вы знаете... – в кухню ворвался изумленный Ридж, – Дэафи со мной поздоровалась. Я, конечно, не суеверный, но мне не по себе.

– Она лишь сказала «добрый вечер», – сухо добавил Клайм, появившийся следом.

– Всего лишь сказала... – передразнил его воздушник. – За десять лет ты от нее много слов слышал?

Клайм промолчал, устало потирая переносицу. Он всегда так делал, когда проводил с Риджем слишком много времени. Вообще маг энергии являлся фигурой загадочной и непонятной. Его невозможно было прочитать. С посторонними и друзьями поведение парня практически не менялось, и в моей голове никак не складывался цельный образ.

Похоже, единственный человек, что по-настоящему знал мага энергии, – Дарла. Но и та изменила свое отношение – от жгучей неприязни до вида «ты для меня пустое место». Но оборона рухнула, когда прошлым вечером Клайм заявил, что ему требуется помощь водницы в создании одного затейливого артефакта, схему которого парень купил когда-то в Холирале. Если доверять описанию, магическая вещица временно превращала неодушевленные предметы в воду. Казалось, как это могло пригодиться? Но ответ вытекал из названия артефакта – «Взломщик запертых дверей». Наименование было лишено фантазии, да и звучало слишком узко, не передавая всего широкого спектра возможностей, но суть уловить позволяло. Временно превращенные в воду предметы сохраняли форму. Например, через измененный участок стены можно было пройти и, уже преодолев, вернуть ему прежний вид.

Правда, оставалось еще много неясностей в работе артефакта, но маг энергии собирался изучить их опытным путем.

Водница восприняла заявление Клайма отрицательно, но вынужденно согласилась, выдвинув условие: при работе над артефактом мы с некромантом и Ридж тоже обязаны присутствовать.

Мы решили встретиться в особняке некроманта. Клайм захватил необходимые инструменты, и, дождавшись водницу, мы спустились на нулевой этаж. В помещении появился еще один диван, стоящий впритык к старому. Даниэль позаботился, чтобы места хватало всем.

– Когда выходил из академии, видел ректора, – поделился воздушник. – Он щупал Древень. Ну как щупал, обходил его по кругу с вытянутой рукой.

– Зачем? – удивилась я.

– Кто знает? Удивлен приобретением? – пожав плечами, откликнулся Ридж.

– Нет, – бросила Дарла, хмуро взглянув на воздушника. – Забыл, о ком говоришь? Мой отец добыл семя во время войны и закопал его в первый год своего назначения. Кто угодно может быть удивлен, но не он.

– Вот как, ого, – протянул Ридж.

– И что, ни один природник до меня не смог пробудить Древень? – невзначай поинтересовалась я.

– Ну, видимо, нет, – бросила водница. – Гордишься?

– Немного, – призналась ей. – Как не гордиться тем, что я единственная за полвека, у кого получилось. Но боюсь, как бы мне это не аукнулось.

– Что сделало? – переспросила Дарла.

– Ну... Боком не вышло.

– А-а-а.

Мы расселись. Я с Даниэлем – на новом диване, Ридж – на своем, а стул некроманта перекочевал к столу мага энергии.

Заново изучив схему артефакта, Клайм принялся за работу. Впервые за время знакомства я увидела его магию. Она не обладала цветом и имела сходство с электроразрядами. Его руки, подобно катушке Тесла, испускали тонкие лучи серебряных нитей, издававших тихий стрекот. Но магия парня была абсолютно безвредна для человека и реагировала лишь на металл, предназначенный для артефактов.

Детали оказались мелкими, некоторые приходилось подцеплять пинцетом.

Водницу ожидали несколько часов монотонной работы. Если Клайм наполнял металл энергией за считанные секунды, то Дарле требовалось не менее десяти минут даже на крошечную деталь. Она окружала ее своей магией и просто ждала, пока, по словам парня, металл не запечатлит в себе свойства воды.

Некоторое время мы обсуждали грядущий день, а потом синхронно замолкли, слушая гипнотическое потрескивание магии Клайма. Из-за опустевшего резерва меня нещадно тянуло в сладкий сон, так что вскоре сопротивляться стало невозможно. И я сама не заметила, как уснула.

Время близилось к полуночи, а работы будто становилось все больше. Спина Дарлы затекла, отдавая тянущей болью, и, покончив с одной из треклятых деталей, девушка потянулась. Тихий хруст позвонков пронесся по комнате.

– Устала? – прервав работу и приглушив свет лампы, спросил Клайм. Его бледные изящные руки с длинными, как у музыканта, пальцами отчетливо виднелись на темной поверхности стола.

Дарла кинула на него тяжелый взгляд и кивнула.

– Тогда десять минут перерыв, – не обращая внимания на скованность девушки, проговорил блондин, снимая рабочие очки с особыми стеклами, и отклонился на спинку стула, вытягивая длинные ноги под столом.

Несколько минут прошло в абсолютной тишине, нарушаемой лишь размеренным дыханием спящих людей.

– Сколько они спят? Не меньше часа, верно? – заговорила Дарла, решив, что вечная вражда ни к чему не приведет и необходимо научиться общаться хотя бы на общие темы.

– Около того, – глянув на часы, согласился парень. – Но и их присутствие было не обязательно.

Дарла промолчала, имея на этот счет свою точку зрения. Какой-то частью души она боялась оставаться с магом энергии наедине.

– Расскажи мне о своем наказании, – неожиданно попросил Клайм.

– Зачем? Ты ведь и так все знаешь, – хмуро ответила она, смотря на лица спящих.

– Хочу услышать от тебя.

– С каких пор? Ты уже успел обвинить меня в несдержанности. Передумал? – Водница выразительно взглянула на парня, подняв бровь. Она не собиралась с ним откровенничать и уже пожалела, что первой нарушила тишину.

– Да, ты вспыльчива, – согласился Клайм, – но у меня есть дурная привычка судить по себе.

Дарла усмехнулась.

– Боже, Клайм, ты, наверное, всех вокруг себя считаешь необузданными дикарями? – склонилась водница, развеселившись. – Потому что если сравнивать с тобой, то да, мы такие.

– Нет, не считаю. – Лицо Клайма осталось прежним – одухотворенным, с толикой надменности и отрешенности.

– Ясно. – Водница отодвинулась, чувствуя нарастающее напряжение.

– Помнишь, когда-то ты мне уже помогала...

– Я не хочу об этом говорить, – резко прервала его девушка.

– Почему? – ровным голосом спросил он.

– Тебе необходимо объяснение?

– Все же я до сих пор тебе небезразличен, ведь так? Ты никогда не могла сдержаться. Помню, как в детстве бросалась на меня с кулаками, когда я отказывался идти в дикий сад. А ты так любила лазить по деревьям, что каждый раз...

– Замолчи!

Дарла посмотрела на мага энергии, а в ее глазах бушевало море – темное, почти черное, каким оно бывает в штормовую ночь. Гнев наполнял ее до краев, и она стремительно вскочила на ноги, до боли сжав кулаки.

Воздух будто искрил, переливался, мечась от Клайма к воднице. Безмолвие и сдержанность против вулкана чувств, который вот-вот начнет свое извержение.

Сложно сосчитать, сколько раз парень думал, что Дарле намного больше подошла бы огненная стихия. Девушка родилась с мощным даром, но воспитала в себе вспыльчивый характер.

Искра. Пламя. Взрыв.

Она воплощала в себе все это, безрассудно эмоциям брать верх. Словно водяная богиня, она была наглой, сильной, иногда высокомерной. И ее было слишком много... Настолько, что, перенасытившись, захлебнешься. Но ирония заключалась в том, что Клайма, наоборот, оказалось болезненно мало.

За прошедшие два года пустота внутри парня становилась все отчетливей, резонируя, эхом донося каждый возглас. Будто вечный сон наяву – без твердых желаний, намерений и стремлений.

Но такая жизнь губит, заставляет личность распадаться, пока не дойдет до точки невозврата.

Ридж громко всхрапнул, переворачиваясь со спины на бок. Некромант и Эмма мирно спали, тесно уютившись на одном диване, переплетя руки и ноги, будто сиамские близнецы.

Дарла громко выдохнула, чувствуя, как бурлит кровь в ее жилах. Она едва держала себя в руках. Еще немного, и девушка бы всех разбудила...

Клайм привстал, в его глазах ей чудилось что-то до боли знакомое, искры жизни, что плескались в нем в ту памятную ночь.

– Не смей, Клайм. Только не после всего... Никогда не смей! – свистящим шепотом пригрозила Дарла, едва не задыхаясь.

Наплевав на все, она метнулась к выходу. Ей срочно требовался свежий воздух, там, где она будет одна, где ночной ветер охладит ее разгоряченное лицо, и там, где не будет его.

Обида сжимала ее сердце, а воспоминания поражали своими красками. Путь наверх и длинный коридор мелькнули как в тумане, мир вновь обрел четкость, лишь когда Дарла открыла входную дверь.

Выскочив на улицу, она стремительно спустилась с крыльца. Мир купался в лунном серебре, а в воздухе царил аромат трав, несомый легким ветром откуда-то издалека.

Вслед за девушкой на крыльце появилась мужская фигура – четкая, уверенная, прямая. В этот раз действиями Клайма руководило не нахлынувшее истощение, и он был тверд в своих намерениях.

На лице Дарлы отразилось изумление вперемешку с растерянностью, будто произошло непостижимое. Но вскоре удивление сменилось новой волной гнева, а капельки воды собрались около ее тела. Они подрагивали, переливались и вскоре закружились, образуя сотни мелких водоворотов.

– Ты зачем за мной пошел, идиот? – прошипела водница.

Дарле казалось, что все очевидно. Он вновь разозлил ее своим безразличием и необдуманными словами. Несколько минут, может, полчаса, и она бы успокоилась, вернулась, и они с Клаймом продолжили бы работу над артефактом, но нет, его что-то дернуло увязаться следом.

– Нам надо поговорить, – негромко, но твердо прошелестел парень.

Дарла шумно втянула воздух. Он обидел ее, пренебрег и забыл, а теперь хотел поговорить. Казалось бы, прошло целых два года, пора отпустить. Но два года, пять или десять лет не имели значения. Девушка помнила и чувствовала все, будто это случилось вчера.

– О чем? – пересилив себя, спросила она.

Волосы Дарлы разметались и будто сияли в ночи. Тьма придавала ей очарование, кожа казалась бархатистой, а губы обещали сладость с горьким послевкусием. Водница всегда была в глазах Клайма именно такой, но он то ли не понимал, то ли отвергал. Проще было закрыться в своей раковине, погрузиться в тягучее болото разумности, где все подчиняется твоей воле, будто ты бог и господин.

Маг энергии приблизился.

И Дарла неожиданно ясно осознала, что они наедине. Нет неутомонного Риджа, постоянно оттягивающего внимание на себя. Нет Эммы, которая обычно смотрела на них своими серьезными серыми глазами, будто видя насквозь и говоря: «Вы ведете себя как дети малые». Или обманчиво равнодушного Даниэля, стоявшего у истока их истории и знавшего гораздо больше, чем могло показаться.

– Я виноват.

– Да неужели! Это все?

– Нет, – уверенно покачал головой маг энергии, избегая смотреть Дарле в глаза.

Еще никогда Клайм не чувствовал себя таким эгоистом. Ведь он не заслуживал нового шанса, не имел права претендовать на нее, и даже эта беседа в ночи, когда воплощаются в явь невысказанные мечты, была подобна преступлению.

Капельки воды набирали объем, а он словно этого не замечал.

Дарла не узнавала парня, почти мужчину, перед собой. Клайм возмужал, стал увереннее, и дурманивший аромат мяты снова туманил

ее сознание.

– Не подходи ко мне. Лучше скажи что собирался.

– И ты дашь мне договорить? – Голос Клайма убаюкивал мужской хрипотцой.

– Зависит от того, что ты скажешь, – призналась Дарла и для устрашения выставила ладони вперед, обещая напасть, если маг энергии приблизится еще хоть на шаг.

Обида на него была слишком жгучей, чтобы она смогла дать обещание.

Но Клайм с непоколебимым спокойствием посмотрел на ее ладони и поднял подборок. Их глаза встретились, и Дарла оцепенела. Решимость дала трещину. Хватило лишь одного колдовского взгляда, чтобы поколебать ее веру.

– Стой. – Голос водницы прозвучал на пару октав выше, но Клайм, не подчинившись, наступал, а в его глазах отражались россыпи звезд, мерцающих на небосводе. – Я нападу.

Капельки воды нерешительно собирались, подрагивая и то расплющиваясь в тонкий диск толщиной с лист бумаги, то округляясь, как спелая ягода.

«Еще немного, и я сделаю это», – подумала Дарла, убеждая саму себя.

Девушка могла уложить парня на лопатки, выставить щит, который Клайм не преодолел бы, или прибегнуть к кровавой магии ее отца, которой он обучал ее с тех пор, как водница стала его дочерью. Но она ничего этого не сделала, будто позабыв, как пользоваться своим даром, и дрожа как осенний лист на ветру – хрупкая, нерешительная, плененная.

Но она почти решилась, и водный поток зловеще завис над магом энергии.

Неожиданно ладони Клайма нежно коснулись ее ладоней, пальцы переплелись – тонкие, девичьи, и мужские, с шероховатой кожей. Дарла глубоко вдохнула, будто раньше вовсе не дышала, а вода обрушилась на их головы ледяным дождем.

– Я эгоист, – прошептал маг энергии, склонив голову и коснувшись ее лба своим. По лицам обоих скатывались одинокие капельки воды, будто заблудившись, они задержались на их коже. – Дарла, мне так жаль. Так ничего и не поняв, я просто оттолкнул тебя.

– Значит, ты жалеешь? – Девушка будто окаменела, что-то глубоко внутри ее переменялось.

– Я посчитал, что мы слишком молоды. И события той ночи казались ошибкой. Слишком рано и неправильно.

– Неправильно? – обманчиво спокойно переспросила Дарла. – Думаешь, я переспала с тобой из-за того, что была пьяна? Нет, Клайм. Я видела, что нравилась тебе, и испытывала ответные чувства!

– Знаю, – прошептал он, крепче сжимая ее пальцы.

– Ох, теперь ты знаешь... Ты хотя бы понимаешь, как тяжело мне было? – Слезы покатались по ее щекам. – Я считала тебя своей семьей. Ты заменил мне ее. Не отец, что лишь муштровал меня вечными тренировками, а ты! Мы дружили с самого детства, больше семи лет. Я думала, что значу для тебя так же много, как и ты для меня. Но ты, не колеблясь, разорвал все связи и ушел.

– И что бы мы с этим делали, Дарла? В то время я не был готов, это бы ни к чему не привело. – Клайм не оправдывался, он просто помнил свои мысли, то сожаление, что охватило его два года назад.

– Но готов сейчас? – с горечью спросила водница, не в силах избавиться от рук парня, она отвернула лицо. – Нет, так не пойдет. Один раз ты растоптал меня, второй раз не выйдет.

Губы девушки сжались в тонкую линию.

– Дарла-а-а, ты ведь понимаешь меня как никто другой. Почему же так злишься? Я маг энергии, мы же не просто так сходим с ума при истощении, все остальное время сила вынуждает нас быть собранными, терпеливыми, следовать логике. Мы дружили, только приглядывались друг к другу, и тот переход в отношениях был слишком стремительным. Я ведь не такой быстрый, как ты, мне всегда требовалось время, много времени. А ты была не согласна ждать... – Клайм бессильно опустил голову на ее плечо.

Дарла оцепенела, ярость угасала, как погасшая звезда на небосводе. Она никогда за эти годы не думала о случившемся в подобном ключе.

– Но та жестокая ложь, разве она была оправданна? И все это время... – Девушка покачала головой, сердце ее сжималось, а каждый вдох давался с трудом. – Нет, я не могу этого простить.

– Ярость и ненависть – твой щит. А мой – здравомыслие, которое ты расколола пополам. И я не жду ответа, он сейчас неуместен. Просто

хотел, чтобы ты знала.

– Знала что? – как замороженная переспросила Дарла.

Клайм чуть отстранился. Расплел их пальцы и, коснувшись щеки девушки, нежно надавил, поворачивая ее лицо к себе.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, Дарла – без прежней пылающей ненависти, маг энергии – жадно изучая ее лицо.

Хватило бы мгновения для правильных слов. Ничтожного отрезка времени...

Но яркая вспышка озарила ночь подобно солнцу. Свет шел отовсюду, словно растворяя реальность, проходя даже через твердые предметы. Клайм с Дарлой пропали в нем, растерялись, а свет померк почти так же внезапно, как возник, утонув в окнах особняка. Не оставалось никаких сомнений – он шел изнутри.

– Что это было? – прошептала Дарла, посмотрев на мага энергии широко раскрытыми глазами.

Позабыв о недавнем трепете и тоске в сердце, она побежала к крыльцу, стремительно взлетела по ступенькам, а Клайм бежал следом, едва не обгоняя и готовясь к непредвиденному.

Глава 28

Сновидения

Раскатистый, всепоглощающий звук разносится в моей голове, напоминая удар колокола, и снившийся мне до этого сон, подробности которого стремительно позабылись, сменяется новым.

Дневные лучи солнца скользят по каменным стенам, прорезают полутьму и словно пополам разделяют человека передо мной. Оберон, щуря правый глаз, шевелит губами, но слов мне не разобрать. Вокруг него адским зельем кипит недовольство, изливается наружу, подступая к моим ногам. У самой лестницы я замечаю еще одного человека – невысокую девушку в обуви на плоской подошве и униформе магического отделения. Опустив голову, она молчит.

– ...Должны что-то придумать... внизу... тебе ли не знать, – доносятся обрывочные фразы целителя, они будто пробиваются ко мне сквозь толщу облаков – плотных, грозовых. И только теперь я замечаю, что привычные краски реальности отсутствуют, – они осветленные, будто какой-то художник не пожалел белил, когда сотворял этот мир.

Я поворачиваюсь – нерешительно и уныло, чувствуя чье-то ощущение бесполезности. Оберон подходит ближе, берет меня за руку и что-то доверительно говорит, но до моего слуха вновь доносятся лишь обрывки фраз:

– ...Немного... мы справимся...

А я хочу выдернуть свою ладонь и уйти, но понимаю, что не могу. И ничего не сумею сделать, даже если сильно захочу, даже если пожелаю всем сердцем... Этот мир глух, его нет. Это чужое воспоминание.

И стоило мне понять, как цвета, пытавшиеся меня обмануть, исчезли, уступив место пеплу. Тени превратились во тьму, а там, где раньше падало подобие света, – в плотную серость.

Мне чудовищно сложно отделять себя от двойника, наши личности и чувства будто слились.

Оберон отстраняется, а я пытаюсь что-то ему доказать, делая шаг навстречу, и замираю... Леденею. Меня бросает в невыносимый жар, и наконец-то становится просто тепло. Я уже не на верхушке башни.

Лицо обдувает морской бриз, волны льнут к берегу, догоняя друг друга. На душе спокойно, тихо, мирно, будто никаких напастей и забот нет. Все прекрасно, и мир чудесен.

– Готова ли оставить все, что знала, дитя? – тихо шепчет океан, темнея и все ближе подступая ко мне.

– Да, – без колебаний отвечает Конкордия, а я мысленно утверждаю обратное и понимаю, что наконец-то ощущаю лишь себя.

– Уверена? Обратного пути нет...

Ответа девушки я уже не слышу, меня словно выбрасывает из ее фантазий вновь в серую реальность той башни. Оберон стоит у самой лестницы, рядом с той девушкой, а я неожиданно поворачиваюсь лицом к широкому низкому окну. Без страха. Без сожалений. Без каких-либо еще человеческих чувств. Конкордии словно больше нет, душа ушла, оставив тело. И оно без промедления взбирается на карниз. Позади вдруг слышится какой-то шум, но он обрывается столь же внезапно.

«Так надо...» – вновь ласково шепчет океан, и меня словно выдерживает наружу, я преодолеваю башню, взлетая к облакам, и вижу, как тело Конкордии выпадает из окна, несясь к земле.

Звук второго удара колокола пронизывает меня, погружает во тьму – краткую и мимолетную, что сменяется видом помещения на нулевом этаже. Но я вновь, как дух или, может быть, как неприкаянный призрак, наблюдаю за всем сверху.

Сонная тишина. Пространство пронизывает магия, она всюду – искристая у опустевшего стола, за которым работали Клайм с Дарлой, и тягучая, цветная, почти суматошная – над Риджем, Даниэлем и мной.

И меня вновь охватывает изумление. Я смотрю на себя со стороны, вижу, как мои руки обнимают Даниэля, а там, где они случайно касаются его кожи, разливается золото. Наша с ним магия теряет свои цвета, предпочитая единый цвет на двоих. Идеально, полное равновесие силы...

Некромант улыбается, и улыбка его ярка, безмятежна и счастлива. Мрачный принц предстал ангелом во плоти в ореоле золотого сияния.

Третий удар раскалывает это видение, представляя новую картинку.

«Тьма... Ночь... У них, оказывается, сотни оттенков», – пораженно думаю я, все краски словно включены на максимум. Если

бы был день, я бы ослепла.

Лес, луна на небосводе, шорох листьев, кружащих в водовороте. Кора деревьев пленяет синими, фиолетовыми, зелеными и темно-желтоватыми оттенками. Как на картине художника-живописца, что видит мир через призму своего зрения, перенося увиденное на холст.

А в глубине леса зреет багряный огонь – неестественный, безумный, мечущийся идвигающийся мне навстречу.

И я боюсь ослепнуть, так он ярок, но за страхом и опасением следует нечто еще – узнавание.

Как?.. Боже, нет...

Некромант становится все ближе, но на себя он не похож. Нечто мрачное, жуткое рвется на поверхность, захватывая его, а на лице Даниэля написано отчаяние, и оно словно стерло все знакомые мне черты.

Он побежден и сломлен. Его больше нет.

Некромант спотыкается, валясь на колени, а я хочу плакать, но не могу, пытаюсь кричать, позвать его, но и это мне недоступно.

Я бестелесна. Как это жестоко...

Воздух дрожит и вибрирует. Близится следующий удар. А мое сердце разрывается, я больше не хочу ничего видеть.

«Достаточно!» – выкрикиваю я, но возглас теряется во вновь нахлынувшей тьме.

И один за другим звучат удары. Раз, два, три...

И мир разверзся, словно черную дыру, что жадно пожирала кусочек вселенной, неожиданно вывернули наизнанку и заставили выплюнуть все то, что она успела поглотить.

Квартира. Незнакомые стены, но родные вещи. Я узнаю небольшую конструкцию из лего – космический корабль из «Звездных войн», стоящий на верхней полке в прихожей. Папа, несмотря на свой возраст, коллекционировал разные модели космолетов, а в нескольких коробках у нас хранились детали для целого города, который он каждый раз начинал выстраивать на новом месте, но иногда не возводил даже до середины. Такова была наша семья, пусть мы постоянно переезжали, но неизменно перевозили все накопленное барахло с собой, тратя на перевозку немалые деньги.

Через дверной проем я вижу гостиную с работающим на полную громкость телевизором. По ту сторону экрана вытанцовывает

известная певица, исполняющая свой новый хит в откровенном наряде, демонстрируя тело, не раз побывавшее в операционной пластического хирурга.

До меня доносятся звуки голосов, они идут из комнатки впереди, что, по всей видимости, является кухней. Дверь в нее прикрыта, и я неспешно вытягиваю ладонь, но когда пальцы достигают деревянной поверхности, то, не касаясь, проходят сквозь нее.

«Я все так же нереальна...» – мимолетно думаю я и, зажмурившись, прохожу дверь насквозь.

Льется свет, окно открыто, а ветер треплет легкие занавески, будто хрупкие крылья мотылька.

На плите скворчит сковородка, а рядом, ко мне спиной, стоит мама. Я вижу лишь ее волосы, забранные в высокий хвост, шею, приталенный халат и хлопковые штаны в бело-сиреневую полоску, торчащие из-под него. Но и этого оказалось достаточно, чтобы мое сердце сдавило, а слезы горькими ручьями хлынули из глаз.

«Мам... Мам, я так скучала...»

Я хочу подбежать к ней, обнять, сжать так сильно, как только смогу, но останавливаю себя, понимая, что если сделаю это, то уйти не смогу. Никогда. Я больше не вернусь.

Перед глазами встала картина леса и умирающего, сошедшего с ума Даниэля...

Что, если это возможное будущее? Вдруг да? Если я уйду, если перестану питать его своей силой, так и случится?

– Эмма... – слышу свое имя, произнесенное моими губами, моим голосом, но с чужой интонацией.

Я поднимаю голову и сквозь пелену вижу ее. Или, может быть, себя? Она находилась здесь все это время, сидя за столом у стены. На лице девушки потрясение, но она не удивлена.

Отмечаю про себя, что мои волосы успели отрасти. Если раньше они лишь касались плеч, то теперь лежали на них, как бывает спустя два-три месяца после стрижки.

– Конкордия? – произношу я, переставая плакать.

Она встает и мило, будто виновато, кивает. Девушка бросает быстрый взгляд на мою маму, что застыла, словно время остановилось, а потом боязливо и нерешительно протягивает мне руку.

– Я знала, что так будет. Она говорила. Мы связаны. Ты помогла мне, теперь я должна помочь тебе, – тихо говорит Конкордия. Ей страшно, и она борется с собой, но упорно держит ладонь раскрытой.

Посмотрев в ее глаза, я словно все понимаю, будто кто-то раскрыл мой разум, как шкатулку, вложив туда знание. Но оно туманно и неопределенно. Мне надо лишь коснуться ладони двойника, и все сложится, как пирамидка.

Зачастую наша жизнь зависит от двух вещей – решений, что мы принимаем, и случайностей. Один к одному, никак иначе. На первое мы способны влиять, на второе нет. Именно поэтому власть судьбы так превозносится людьми – она непредсказуема, мы ее не понимаем. Но иногда случайности не случайны. И эта встреча тоже.

«Моя просьба... Я не успела попросить, а ее все равно исполнили», – пораженно думаю я, глядя на маму в последний раз.

Поднимаюсь на ноги – гордо, пытаюсь казаться уверенной, хотя вовсе не чувствую себя таковой. Смотрю на Конкордию и в ее глазах вижу себя и те чувства, что у нее вызываю.

«Кажется, теперь она наконец-то удивлена... Только из-за чего?» – отстраненно думаю я и в следующую секунду крепко сжимаю ее ладонь в своей.

Больше никаких ударов колокола – краткая невесомость, будто мы попали в открытый космос. Но вместо непроглядной тьмы вокруг свет – неземной, ослепительный и плотный.

Вскоре он исчезает, и я понимаю, что стою посреди комнаты на нулевом этаже. А приглушенный свет, льющийся с потолка, освещает лица присутствующих: побледневший Ридж, напряженный некромант, в глазах которого мелькает облегчение, и перепуганная Конкордия, которая не понимает, где находится.

Это реальность. Я проснулась и вернулась, приведя двойника с собой.

Глава 29

Ответы

Оцепенение, наступившее при появлении Конкордии, было потревожено влетевшими внутрь Клаймом и Дарлой, которые невесть где пропадали и почему-то оказались мокрыми. Одежда облепила их тела подобно второй коже.

– Да чтоб мне провалиться! – пораженно прошептала водница, следом озвучивая ругательство, которое я слышала впервые. Нашарив рукой выключатель, девушка нажала его, и комнату озарили яркие лучи прямоугольной люстры с вереницей световых шаров, напоминающих игрушечные солнца.

Я поморщилась, прикрывая глаза, привыкшие к полутьме.

– Тихо, я все объясню, – сказала всем, видя, как Конкордия сжалась – плечи и голова опущены, а взгляд затравленно мечется от одного присутствующего к другому. Глядя на двойника, я добавила: – По крайней мере, постараюсь.

– Давайте поднимемся наверх, в гостиную, – настойчиво произнес некромант, первым сориентировавшись, и за это я была ему благодарна.

Но когда наша процессия поднялась и вышла в коридор, мы натолкнулись на Тильду.

– Даниэль, нам надо погово... – Голос девушки прервался, будто кто-то медленно убавлял звук радио, пока оно не затихло полностью. Она нахмурилась, открывая и закрывая рот. Тильда подняла ладонь и, будто завершая считалочку, стала водить рукой из стороны в сторону в такт словам, показывая на меня и Конкордию пальцем: – Это. Что. Такое? Почему. Ее. Две?

Мы оцепенели – я и двойник.

– Клайм изобрел новый артефакт... – Ридж стал пороть откровенную чушь, но его милая попытка нас защитить привела меня в чувство.

– Ридж, не забываешь ли ты, с кем разговариваешь? – обманчиво ласково сказала Тильда.

Некромант вздохнул, собираясь вмешаться, но я его опередила.

– Это настоящая Конкордия, – указала на двойника. – А я... попала в ее тело из другого мира. Мы выглядим одинаково, но ее душа в моем теле, а моя – в ее. Мы поменялись.

Если бы Даниэль опасался своей сестры, то не повел бы нас через весь особняк в гостиную, рискуя попасться. Скорее всего он с самого начала планировал во все посвятить Тильду.

– Значит, поменялись? – помедлив, переспросила девушка. Она тяжело посмотрела на меня, будто придавливая взглядом к полу.

Она может быть грозной...

Я поняла это еще в ночь игры. Скорее всего Тильда расправляется со своими врагами жестко и без сожалений. Она же Лефевр, а они умеют быстро принимать решения.

– Хватит пустой болтовни, нам и без этого надо многое обсудить, – грубо процедил Даниэль, проходя мимо сестры.

– Засранец, – едва слышно прошептала Тильда, посмотрев брату вслед.

Я усмехнулась и схватила Конкордию за руку:

– Идем.

Меня одолевали странные противоречия. Я держала за руку свое тело и совсем ничего не чувствовала. Будто не было разницы, чье оно, словно это лишь наряд, который я сменила. Я рассчитывала на что угодно, но только не на безразличие.

Мы вошли в гостиную, отделанную в мрачных багряных оттенках, и загоревшиеся светильники осветили бледную, будто неживую фигуру Дзафи, сидящую на бордовом диванчике. Этой ночью словно сама судьба поставила задачу оповестить всех в особняке о моей тайне

В этот раз пояснение деталей заняло еще меньше времени, и с этим прекрасно справился некромант. Судя по лицу Дзафи, на свете вообще не существует вещей, способных ее удивить, – бесчувственная, черствая убийца.

Я не хотела ставить на женщину клейм, это неправильно, ведь в тюрьму не сажают невинных, если она и убивала, то те люди, возможно, заслуживали своей участи. Звучало логично и благоразумно, но, даже понимая это, я не могла отделаться от легкой враждебности.

– Тише, Загадка, умей скрывать чувства, – прошептал некромант и, усмехнувшись, утянул меня на диван.

Сбитая с толку Конкордия посматривала на меня любопытным взглядом, она все еще переживала, но уже не так явно. Вообще, возвращаясь к странностям с двойниками, я совсем не видела в ней себя. Словно наблюдаешь за собой в кривое зеркало – вроде похоже, но что-то не то. И еще один всплывший нюанс – я начала замечать даже самые мелкие, по моему мнению, недостатки. Это как видеть себя двадцать четыре на семь со стороны – хочешь не хочешь, начнешь сравнивать и приглядываться.

«Но родители приняли ее за тебя», – раздался в моей голове злорадный голос.

Я постаралась запихнуть его поглубже. Избавиться и сжечь чувство ревности, пробирающееся в подкорку головного мозга. Нельзя усидеть сразу на двух стульях, а именно этим я сейчас занималась. Находилась рядом с Даниэлем и ревновала своих маму с папой к девушке, которой практически подарила свою семью.

Больше я не имею на это права. Раз уж приняла решение, обязана нести его бремя до конца.

Поначалу разговор напоминал игру в одни ворота, я спрашивала осторожно, подбирая слова, Конкордия отвечала. Изредка кто-то из присутствующих вставлял комментарии.

Позволив себе слабость, сначала я расспросила о родителях, интересуясь разными мелочами, начиная от их реакции на аварию и заканчивая их работой, будто она была действительно важна.

Воспоминания об аварии оказались правдивы, и я шумно втянула воздух от осознания причины, по которой перевернулась моя жизнь.

Сама виновата. Но все, что ни делается, – все к лучшему.

– Ладно... – со вздохом протянула я.

Сердце громко загрохотало в груди. Лишь несколько фраз отделяло от истины, лишь какая-то пара минут способна оправдать все мои старания. Хотя сейчас я отчетливо понимала, что ничего не бывает зря.

Магический мир – мой, здесь больше страданий и преград, но и возможности раскрыты разноцветным волшебным спектром. Очень самонадеянно заявлять, что я могу что-то изменить, принести больше света, но если да?

Колено некроманта невзначай коснулось моего, будто поторапливая.

– Я кое-что видела, пока спала, до того, как встретила тебя. Странно, что я так отчетливо все помню, – заговорила я, начав издалека.

За пару минут я постаралась максимально детально пересказать свои видения.

Когда я говорила о них, то словно заново переосмысливала увиденное. Три удара – три видения, а под конец я побывала дома.

Между ними есть связь. Но какая? Ответа я пока не находила. Но чувствовала, что она близко, дразнится, пощипывая меня за кончик носа и заставляя морщиться от досады.

Видение дома выбило меня из колеи, разворошило воспоминания острой пикой. Пусть сейчас мои мысли были полностью заняты попытками разложить имеющиеся сведения по полочкам, осмыслить их и понять, но немногим позже, когда все закончится, я посвящу несколько дней, а может, недель своей скорби.

Нельзя быть все время сильной, веселой, терпеливой или работать на износ, должно быть время для слабости, отдыха и даже грусти. В жизни столько красок, и мы должны пережить их все.

– Что значит, она прыгнула сама? – сощурившись, спросила Дарла. Водница любви к двойнику не питала, что сейчас и продемонстрировала в полной мере.

Конкордия тяжело и немного раздраженно вздохнула.

– Нет. Она не сама прыгнула. – Я укоризненно взглянула на дочь ректора.

– Но ты же только что сказала... – недоуменно протянула Дарла.

– Если те видения правдивы, то... – начала я, Конкордия ожидающе на меня посмотрела, не спеша заканчивать наш с водницей спор. – Возможно, я сейчас скажу полный бред, но ведь тебя уже не было? Пустая оболочка, просто тело?

– В смысле? – Ридж выглядел сбитым с толку.

Тильда, поджав губы и сложив руки на груди, безэмоционально глядела на моего двойника. Даниэль задумчиво наклонился вперед.

– Да. – Голос Конкордии разрезал тишину подобно тонкому скальпелю. – Я даже не помню, как это произошло.

– Как это? Я ведь видела все эти переломы.

– Все видели, Дарла. Я тоже галлюцинациями не страдаю. – Даниэль переводил взгляд с меня на двойника и обратно.

– Я прочувствовала на своей шкуре, – добавила я, поднимая руку. – Думаю, это самое лучшее доказательство.

Даниэль весело усмехнулся. Я вопросительно уставилась на него.

– Забавно. Твои первые слова в этом мире были обещанием сломать мне пальцы. – Судя по лицам остальных, они впервые слышали подробности нашего знакомства.

– За что? – поинтересовалась Дарла.

– Да так...

– У кого какие предположения? – громко спросил Ридж.

– Нагрубил, – бросила Дарла.

– Болевой шок? – Версия Клайма.

– Лапал? – со знанием дела сказала Тильда.

– В точку, – хмуро проговорила я.

– Я удерживал душу и разгонял кровь. В области груди это делать сподручнее, – добавил некромант, а я ущипнула его за руку. Уж подробностей можно было избежать.

Некромант загадочно усмехнулся.

– Даже не верится, – прошептала Конкордия, растирая ладони.

– Извини, – произнесла я, чувствуя себя тупицей. Вновь отвлеклась на какую-то ерунду.

– Нет-нет. Теперь я понимаю. Это и правда должно было случиться, – туманно изрекла двойник, а я точно поняла, о чем она говорит.

Мы должны были поменяться – мирами, телами, но не судьбами.

– Как ты упала? – вместо меня спросил некромант.

«Океан», – мысленно ответила я, помня тот шепот – древний, состоящий из сотни голосов, словно сплетенный из нитей.

– Джала, – прошептала Конкордия, пряча лицо в ладонях.

– Богиня? – уточнил Даниэль, будто его совершенно не тронуло это известие.

Конкордия кивнула. Девушка тяжело дышала, все еще прячась ото всех.

Значит, вот кому принадлежал голос... Должен был грянуть гром, молния или случиться пожар, но я лишь ощутила легкое жжение знака,

и больше ничего. Мы думали, что достаточно узнать правду, но, видимо, боги желают другого.

Повисла звенящая тишина, казалось, протяни руку – и сможешь ее потрогать, она прозрачным тягучим облаком заполнила все вокруг.

Дэафи тенью выскользнула из гостиной, будто упоминание богини выгнало ее прочь.

– Можно, я уточню на всякий случай?.. – оживился Ридж и продолжил, делая внушительные паузы: – Ты... утверждаешь... что богиня судьбы Джала... скинула тебя с башни?

Конкордия отняла руки от лица, но вновь лишь безмолвно кивнула, подтверждая сказанное.

– Ты понимаешь, что в это сложно поверить? По-моему, у богов есть развлечения поинтереснее, чем гробить кого-то из смертных, – размахивая руками, возразил он.

– Ридж, помолчи, – напряженно проговорила Тильда, подходя ближе и смотря на меня. – Перед тобой было три видения.

– Да. Падение с башни, потом скорее реальность, чем видение, и... – Я запнулась, посмотрев на некроманта. В моей памяти тенью вспыхнул его образ из леса – сокрушенный, безнадежный и чужой.

– И моя смерть, – хладнокровно сказал некромант. – Называй своими именами.

– Уж прости, что мне неприятно говорить об этом, – раздраженно бросила я. Спокойствие Даниэля не могло оставить меня равнодушной.

Бровь некроманта удивленно изогнулась. Кажется, он действительно не осознавал причину моего негодования. Я отвернулась.

– Прошрое, настоящее и будущее, – между тем продолжила Тильда и, чуть подумав, добавила: – Возможное будущее.

И правда, точная последовательность! Я догадалась о будущем, но так и не смогла связать все три видения.

Я вновь посмотрела на Конкордию. Накопилось так много вопросов, что на них могла уйти вся ночь.

– Какие у вас были отношения с Обероном? Ивонна намекала, что он использовал тебя, – спросила я, решив идти дальше.

Некоторые вопросы я умышленно оставляла при себе, собираясь поговорить с двойником позже и наедине.

– Я так не желала возвращаться в родной мир, но с самого начала знала, что придется... – вновь обхватывая лицо ладонями, прошептала она. – Нет, не использовал. Но мы и не были близкими друзьями. Я даже не знаю, как это назвать... Хотели лучшей жизни? Каково это – жить в тени старших семей, когда сам намного талантливее любого из их отпрысков? Амбиции...

– Но ты ведь из старших. Я никогда этого не понимала, – жестко сказала Дарла.

– Не надо, Дарла. – Маг энергии подошел к ней со спины, но было уже поздно.

– Да что ты можешь знать?! – тихо, но яростно спросила Конкордия, отнимая ладони, ее глаза застилала пелена слез. – Ты, как все, судишь лишь со стороны! Именно из-за таких, как ты, моя жизнь превратилась в ад!

Я вскочила на ноги.

– Тихо, тихо. – Я обняла ее. В свое время я тоже в этом нуждалась и желала тепла и поддержки. – Я понимаю. Знаю. Мы ведь прожили жизнями друг друга.

В первое мгновение показалось, что Конкордия меня оттолкнет, но, всхлипнув, она выдавила:

– У тебя такие прекрасные родители... – и обняла в ответ. Я улыбнулась с теплом на сердце, а ревность, терзавшая меня в самом начале, бесследно испарилась.

– Да, я знаю.

– Мой отец не такой. Он... – Плечи девушки напряглись, и я отчетливо ощутила ее ненависть – лютую, непримиримую, безрассудную.

Все же какая-то связь между нами существует. Или я действительно понимаю ее лучше других.

– Извините, что мешаю. Но если ты не хотела возвращаться, то почему здесь? – спросила Тильда.

Я отстранилась от двойника. Мы посмотрели прямо друг на друга, так что я видела, как расширяются ее зрачки.

У нее не было ответа.

Конкордия так же пристально всматривалась в мое лицо – поразительно чувствовать родство с совершенно чужим, казалось бы, человеком.

«Она говорила... Ты помогла мне — я помогу тебе», — эхом повторились когда-то сказанные слова.

Богиня направляет, надо лишь действовать и понять их хитроумный замысел. Как бы я поступила? Чем мне поможет появление двойника?

Я нахмурилась, отведя взгляд. Идея зарождалась, как искорка пламени, — несмело, готовая вот-вот погаснуть, но за мгновение превратилась в план, подобно пожару, что спалит врагов дотла.

— У меня есть идея, — решительно заявила я, приковывая к себе все взгляды — удивленные, спокойно-ожидаящие и недооценивающие. — Только для начала Даниэль должен поговорить кое с кем и убедиться в ее честности.

— Почему Даниэль? — поинтересовался Ридж, хотя ответ и так лежал на поверхности.

— Потому что в отличие от меня ему не станут врать. У меня нет того влияния и репутации, что у Даниэля, — сказала я.

— Репутация... — повторил некромант, с усмешкой посмотрев на меня.

— А я разве не права?

— Скорее, ты еще сгладила острые углы, — хмыкнула Дарла.

— Самую малость, — встрял Ридж. — Это как обозвать острый кинжал столовым ножичком, а потом пойти и перерезать им чью-то глотку.

Тильда хохотнула, оценив шутку.

— Как долго вы еще будете обсуждать меня? — холодно спросил Даниэль, сплетая руки в замок. — Что за план?

И я заговорила, излагая все детали. Некоторые моменты выглядели туманными и непродуманными, и тогда остальные предлагали свои идеи.

Неожиданно всплыла новая информация, которая свалилась на меня как снег на голову. По словам некроманта, сам глава рода Сарманель Райалин должен был приехать на вручение. Я вспомнила послание, когда-то полученное от Горидаса.

— Если приедет глава, то скорее всего будет собрание, — побелев, сказала Конкордия.

— Какое собрание? — хмуро поинтересовалась я.

Вообще я воспринимала все новости довольно стойко, чувствуя себя старшей сестрой, что обязана защищать младшую.

Двойник сглотнула.

– Дед соберет всех, кто будет поблизости. Студентов из академии, тех, кто служит в городе. Он называет это семейной встречей, подведением итогов. – Закрыв на мгновение глаза, она взяла краткую передышку и вскоре хриплым голосом продекларировала: – За успехи – награда, за провалы – расплата.

– Ублюдок... – против воли вырвалось у меня.

– Вот же мерзкий старикашка, – вторил Ридж, ударяя кулаком по дивану. – Это как суд?

– В какой-то степени, – согласилась Конкордия.

Некромант вновь задумался. Я была уверена – моя недавняя идея пришла к нему по душе.

Приятно оказаться полезной.

– Клайм и Дарла, как скоро будет готов артефакт? – подняв голову, требовательно спросил Даниэль.

– А когда он нужен? – осведомился Клайм.

– Завтра вечером.

Маг энергии нахмурился.

– Его надо доделать. И испытать. Иначе кто-то рискует оставить часть своих внутренностей в стене, – задумчиво протянул парень. – Если приступим сейчас, возможно, успеем.

– Приступайте.

– И похоже, выбора у нас не остается, – устало проговорила Дарла. – Только ради Эммы. Это не твоя заслуга, некромант, а ее.

– Мне все равно. Главное – сделайте.

Лицо водницы скривилось, демонстрируя ее отношение к приказам мага смерти.

Я благодарно посмотрела на Дарлу. Даниэль будто ожесточился, принявшись за серьезное дело.

– Сарманель попытается меня обмануть и загнать в ловушку, – некромант произнес это вслух, но слова предназначались лишь его сестре.

Тильда задумчиво зашагала по комнате.

– Я чего-то не знаю? – Чувствовалось, что от меня скрывали какую-то крайне важную деталь.

Некромантка переглянулась с братом.

– Слишком многое поставлено на кон. Я не могу говорить об этом при стольких людях и при ней особенно. – Девушка указала на Конкордию.

– Но ты знаешь нашу тайну... – недовольно начала я.

– Дорогая Эмма, вы решаете личные проблемы, а я – всего королевства. Мне ваша помощь не требуется, а вы без меня никуда. Ты ведь понимаешь, что я пытаюсь донести до тебя? – обманчиво мягко изложила Тильда.

На секунду я почти возненавидела ее. Взыграла гордость. И я даже собиралась ответить – грубо, яростно, собираясь спорить до последнего, но резко передумала. Голос разума возобладал.

Она права. Тильда служит монархии, и, похоже, Райалины чем-то их прогневили. Кто я, чтобы вмешиваться в службу королевской подданной?

– Да, я понимаю, – через силу сказала я. Гордость все еще обжигала меня, словно лава, заставляя щеки пылать.

– Ну, хорошо. Радует, что брат выбрал себе в жены кого-то с мозгами, – прозвучал то ли комплимент, то ли вывод.

Конкордия наблюдала за нами широко распахнутыми глазами. Очевидно, Тильда пугала ее.

– У вас с Даниэлем одинаковое понятие о такте. Не придется привыкать, – хмуро ответила я.

Воцарилась тишина. Тильда холодно посмотрела на меня. Но неожиданно тихий, чарующий смех разрушил напряжение. Некромант отвернулся, так что лицо оказалось скрыто, но его тело едва заметно сотрясало.

Меня будто оглушило.

Я слышала разные оттенки его смеха – ироничный, опасный, угрожающий, но никогда – настолько веселый, словно хрустальный.

– Ты постоянно прячешься! – Стремительно поднявшись, я кинулась к некроманту. Мне хотелось увидеть все его эмоции.

Но внезапно я упала.

С глухим грохотом рухнув прямо на некроманта, уткнулась носом в его живот. И скатилась бы ниже, если бы Даниэль меня не поддержал.

– Ты поставил мне подножку! – возмутилась я, смотря в темные глаза Даниэля.

– Нет. – Он больше не смеялся, я упустила момент.

– Поставил!

– Докажи, – иронично усмехнулся он.

– Доиграешься, Даниэль. – Я приняла вызов. – Тебе жить со мной. Я отомщу.

– Жду не дождусь. – Некромант помог мне достойно подняться.

Даниэль, словно сам не привыкший к таким ярким и теплым эмоциям, желал скрыть их от остальных. Неужели тьма, в которой он жил, была настолько непроглядной?

– Простите, я несколько раз слышала... – осторожно проговорила Конкордия и, глядя на меня, продолжила: – Ты выходишь за него замуж? Вы ведь знаете, что без согласия главы нельзя?

– Это еще почему? – напряглась я, перестав поправлять одежду.

– Законы. У нас есть свод законов внутри рода, – встревоженно произнесла Конкордия. – Вообще это аморально, но законы королевства не нарушаются. Есть договор, который подписывается сначала отцом, а потом уже самим ребенком по достижении шестнадцати лет, – сглотнув, поведала девушка.

– И ты его подписала?

– Да. У меня не было выбора, – горько проговорила Конкордия. – Откажись я подписывать договор, меня бы заставили силой или как-нибудь еще хуже...

– А кто-то говорил мне, что я попала не в Средневековье... – пораженно протянула я. Хотя, справедливости ради, я выросла в обычной среднестатистической семье и мне повезло с родителями, но кто знает, что творится там, у богатеньких?

– Ты ведь знал об этом? – Посмотрела на некроманта. Он кивнул.

Если знал, значит, готов. Отношения внутри рода Райалин все больше напоминали рабовладельческий строй.

Избегая вопросов о богине, я расспросила Конкордию о Холирале. Слишком непонятными и загадочными казались ее действия в ночном городе. Но все оказалось довольно просто, откровенный наряд был необходимостью, чтобы не привлекать внимания, – и я ее понимала, те платья, что надели мы с Дарлой, выделялись на общем фоне своей целомудренностью. Двойник тайно встречалась там с Рафалом по

подсказке Оберона. С этого момента начиналось самое интересное – парни не дружили, но вертелись в одних кругах, и еще в начале года, когда мой бывший одноклассник был смертельно пьян, он разболтал целителю заветную тайну своего отца – в подземелье под своим домом мужчина выращивал кордонскую траву.

На этом моменте брови Тильды поползли вверх. А это был показатель – ее даже наша с двойником история не особо впечатлила. Ридж присвистнул. Дарла находилась в неведении, как и я. Клайм наклонился к ней и что-то прошептал в самое ухо, отчего девушка дернула плечами и то ли испуганно, то ли смущенно отскочила от мага энергии.

– Объясните, я не понимаю, – попросила я.

– Кордонская трава запрещена во всех королевствах. Ее выжгли больше полувека назад, – бросился рассказывать Ридж.

– Но, видно, не всю, – заметил Даниэль. Он выглядел рассерженно – брови сведены к переносице, а все внимание направлено на Конкордию. Я узнавала этот взгляд, и ничего хорошего он не сулил.

– Даниэль, – позвала я. – Не надо, пожалуйста.

Некромант тяжело вздохнул:

– Ты ведь не знаешь, что это за трава, Эмма. – Едва отведя взгляд, он вновь посмотрел на моего двойника. Та напряженно поджала губы, но держалась молодцом, сложив руки на коленях. – Ее выжгли, потому что она лишает воли. Наркотик. Достаточно нескольких приемов, и появляется непреодолимая тяга. Убийство, обман, секс – какая угодно цена ради новой порции.

– В истории королевства был один случай, когда командир отправил больше сотни своих людей на верную смерть, сдав всю военную стратегию врагу, – закивал Ридж.

– Теперь ты понимаешь, – опасно сощурившись, произнес некромант, – для кого они собирались достать то растение?

Тильда, неведомо откуда достав клочок бумаги и прислонив его к стене, что-то писала. И я не сомневалась, что вскоре она воспользуется санкровеном, чтобы отправить послание нужным людям. Всю семью Рафала Зинерски ожидали огромные проблемы.

– Я не хотела. Мы до последнего пытались избежать этого... Боже, какая я дурочка, – заплакала Конкордия. – Я все это заслужила.

И в этот раз я не кинулась утешать ее. Просто молча слушала. Может, я сама наивность, но меня не отпускало чувство, что даже достань двойник то растение, она бы в итоге не решилась им воспользоваться.

– Просто чудо, что Сарманель не узнал про растение, – наклонившись, прошептала я Даниэлю.

Он кивнул.

– Но вся эта затея главы рода с браком меня до сих пор смущает... – продолжила я.

– Воспринимай это проще. Как один из способов напомнить о себе. Скорее всего он даже не думал, что у кого-то получится, – так же тихо поведал некромант.

Сверкнула вспышка санкровена, осветив заплаканное лицо двойника.

– Как Зинерски сохранили такую тайну, да еще и с болтливым сыном? – пробормотала под нос Тильда, качая головой.

– Если отец Рафала выращивает кордонскую траву, тогда, может, и берхалею? – наобум предположила я.

– Нет, Загадка. Это не показатель. Ее может кто угодно достать, – умерил мой пыл некромант.

– Подождите... Берхалея? – переспросила Конкордия, встрепенувшись.

– Ты что-то знаешь?

Девушка утерла слезы:

– Вряд ли это поможет... Но я очень тяжело на нее реагирую. Крайне болезненно. Зачастую теряю сознание.

– Почему?

Конкордия сглотнула и отвела взгляд, словно погружаясь в пучину воспоминаний:

– Когда в детях долго не пробуждается магия, ее пытаются пробудить берхалеей. Посылают в комнату, наполненную дымом. Я проходила через это пять раз, пока люди отца окончательно не убедились в том, что магией я обделена.

Взгляд Дарлы изменился – на место осуждения пришло сопереживание.

Я безоговорочно верила каждому слову двойника, у нее не было причины врать. Мы обе твердо знали – вскоре она вернется в мой мир,

а я останусь в ее.

– Кто мог знать об этом? – Моя рука задрожала, и я вцепилась в свое колено, пытаясь это скрыть.

– Любой из Райалинов.

– Значит, то нападение в доме Клайма было или просто шуткой, или кто-то целенаправленно целился в Конкордию. Пусть в этом теле сейчас я, но реакции остались прежними, – подвела я итог.

На этом мы временно завершили наше совещание. И я, и Конкордия были на пределе, хотя нам еще предстоял разговор наедине. Водница и маг энергии ушли, собираясь продолжить работу над артефактом. Санкровен Тильды вновь ярко сверкнул. Девушка спешно покинула нас, сказав некроманту, что будет на кухне и им необходимо переговорить. Ридж проводил двойника наверх, в одну из свободных спален. Воздушник хорошо ориентировался в этом старинном особняке.

– Почему ты мне не рассказал про Сарманеля? И про этот нюанс с законами внутри рода? – тихо спросила я, когда мы остались с Даниэлем наедине.

– Не хотел беспокоить. Ты и так переживала из-за Ивонны.

– Как бы я ни переживала, я хочу знать.

– Иногда ты слишком самостоятельная, – покачал головой Даниэль.

– А ты?

Я приблизилась к некроманту, вдыхая аромат его кожи.

– И я, – ответил он с полуулыбкой. – Но между нами есть разница – у меня больше опыта, Эмма.

– Но я ведь и не лезу на рожон. Я просто хочу знать. И опыт – дело времени, – отозвалась я, прямо глядя на некроманта. – Даниэль, я не буду напоминать тебе постоянно, скажу один-единственный раз – помни, чем я пожертвовала ради тебя. Это было тяжелым решением. И я надеюсь, что никогда о нем не пожалею.

– Эмма, – хрипло протянул некромант, кладя ладони на мои бедра и заставляя встать еще ближе. – Я это понимаю. Но и не обещаю, что все всегда будет гладко. Ты ведь сама знаешь, так не бывает.

Вот почему я ему доверилась. Лефевр никогда не обещал мне чего-то несбыточного. Слова не расходились с делом. Когда чужие речи слишком сладки, это, наоборот, повод для переживаний.

– Да, не бывает, – согласилась я и шутливо продолжила: – Но не вздумай изменить мне, Лефевр. Я не та, кто будет тихо плакать в своей комнате и терпеть. Нет, возможно, я пореву немного, но вскоре возьму себя в руки и тогда приду мстить.

– И что же ты сделаешь? Тоже изменишь? – насмешливо поинтересовался он.

– Зачем? – искренне удивилась я. – Потеря себя – не месть. Я приду и лишу тебя самого дорогого. Чем больше всего дорожат мужчины? Того и лишу...

– Как грозно, – покачал он головой. Губы Даниэля изогнулись в улыбке.

Завороженно смотря на его лицо, я желала поцеловать Лефевра, свести с ума, лишить так боготворимого им самообладания и вновь ощутить те страсть и тепло, которые он способен подарить. Но вместе с тем я отчетливо понимала – не сегодня. Кое-кто другой нуждался в моем внимании, и иной возможности не представится.

– Я хочу быть с тобой. Хочу просыпаться, учиться, любить и влипать в неприятности, – сглотнув, проговорила я.

– Влипать в неприятности? – Из всего сказанного его больше всего заинтересовало последнее.

– Да, – кивнула я. – Пока я не вижу спокойной жизни. Если я здесь, чтобы спасти тебя, то у богов есть на тебя планы.

Вот так из атеистки я превратилась в верующую. Но кто угодно поверит в таких условиях – Великие не поскупились на доказательства.

– Давай не будем об этом, – нахмурившись, сказал он.

– Хорошо, – легко согласилась я.

В гостиную вбежал Ридж, и его ничуть не смутила картина, что он застал. Сообщив мне, в какой спальне остановилась двойник, он ушел, собираясь отправиться в Холирал. По словам воздушника, у него есть парочка знакомых, что наверняка в курсе, в каком особняке разместится глава рода Райалин.

– Ладно, я пойду, мне еще надо поговорить с Конкордией. – Я отстранилась. Но, отойдя всего на два шага, вернулась и поцеловала Даниэля.

– Жду подробного рассказа. – Уголок его губ приподнялся, намекая на улыбку.

– Посмотрим, – покачала головой и вышла из комнаты.

До спальни некроманта я добралась без приключений и ни с кем не столкнувшись. И лишь вытащив скрытник и медальон из рюкзака, направилась к Конкордии. Вещи должны были вернуться к их хозяйке.

Прощупывая обложку артефакта в последний раз, я положила ладонь на металлическую пластину на корешке, и она вновь, как и всегда, обожгла холодом. Сколь долго за нее ни держись, она никогда не перенимала теплоту тела.

Когда я постучала в дверь спальни двойника, звук эхом разнесся по коридору и повторился несколько раз, словно старинный особняк отвечал мне.

Дверь распахнулась – Конкордия меня ждала. Но взгляд девушки остекленел, когда она увидела вещи в моих руках.

– Я должна была вернуть их тебе, – протянула ей когда-то добытые мною трофеи.

Спальня, перенявшая багровые оттенки гостиной, напоминала шатер – везде были ткани. Помимо обычных плотных штор, занавешивающих окна, за изголовьем кровати всю стену закрывала невесомая, едва переливающаяся темно-алая органза, плавно переходящая к потолку и собирающаяся у круглой люстры.

– Они для меня очень важны. Спасибо. – Конкордия прижала скрытник к груди, а потертый медальон надела на шею. – Ты пыталась его открыть?

– Да. Каждый день. Но не вышло. Даже Клайм не смог, я показывала ему накануне, – вспомнила я одну из вечерних посиделок в доме Райалинов. – И еще он сказал, что артефакт очень старый.

– Он принадлежал еще моей маме, – кивнула Конкордия, положив скрытник на столик у окна. – Знаешь, после того как я морально отошла от случившегося и вообще творившегося со мной всю сознательную жизнь, меня стала мучить совесть. Я знала, что ты заняла мое место, и понимала, что тебя ожидает.

– Как много ты успела узнать о моем мире?

Глаза Конкордии загадочно блеснули.

– Столько, сколько успела. Я гуглила. – Двойник улыбнулась. – Первый месяц провела в больнице, а когда чуть освоилась, сутками лазила в Интернете. Даже телефон прятать приходилось, а то

отбирали. Хорошо, что рядом со мной лежала девушка, она тоже многое рассказывала.

Двойнику повезло с реальностью куда больше. Двадцать первый век – век информации. Но стоило задуматься об этом всерьез, и мое мнение изменилось.

Да, знания доступны, но их объем таков, что даже пары лет может оказаться катастрофически мало.

Освоится ли она? Ответ могло дать лишь время.

– Извини, я перебила тебя. Продолжай.

Слушая ее, я невзначай проверяла все закутки спальни один за другим. Поиски подслушивающих артефактов превратились в привычку. Но именно в этой комнате все осложняли те самые километры ткани повсюду, а складки под потолком вообще оказались недостижимы.

– Меня мучила совесть. Я думала, а права ли богиня? Кордонская трава пагубна и разъедает сознание, а я вознамерилась ее достать и причинить вред другому человеку. И как я могу быть спасена? – Наедине Конкордия вела себя куда раскованнее, смелее, откровеннее.

А я лишь слушала – внимательно, оценивая слова и эмоции, оценивая ее. Да, меня в какой-то мере ослепляли неожиданно нахлынувшие родственные чувства, но я старалась судить беспристрастно, искала намеки на ложь и не находила.

– Твое окружение поразило меня. Многие из друзей звонили и писали. Я даже боялась взять в руки телефон. – Она светло улыбнулась, вспоминая тот момент. – Те, кто жил в городе, приходили в больницу. Я еще подумала: разве возможно, что о тебе беспокоится такое количество людей? Может, их подкупили или что-то пообещали?

А я едва не рассмеялась, Конкордия так искренне удивлялась. Все ее эмоции отражались в глазах и на лице. Если в тех картинах, что висели в столовой и гостиной, подобно крику о помощи, застыли отчаяние, тревога и безысходность, то теперь им на смену пришла надежда. Она окрылила девушку, подарила силы бороться и возможность понять свои и чужие ошибки, а также вину ее семьи.

И лишь теперь я осознала слова Даниэля, когда он увидел тот портрет: «И после этого ты пытаешься меня в чем-то убедить?»

Да, в тот день я окончательно проиграла нашу битву.

– К сожалению или к счастью, но в том мире у Эммы Кот нет такого количества денег, чтобы кого-то подкупать. – Про себя я склонялась ко второму. Жизнь в роскоши без должного воспитания может превратить ребенка в эгоистичное чудовище. – Ты только не говори остальным мое полное имя. Ридж потом век не отстанет.

В школе мою фамилию постоянно коверкали. Особенно бесило прозвище Бегемот, которое мне дали, когда мы изучали «Мастера и Маргариту». Причем по внешнему показателю оно ни разу мне не подходило. Но избавилась я от него так же легко, как и от остальных, – снова переехав.

– Ладно. Тем более у тебя теперь есть моя. Плохо это или хорошо.

– Ага. Она звучит. Рай-а-лин, – протянула я. – Видишь, словно песню поешь.

– Ну а Лефевр? Конечно, не поется, но что угодно лучше, если не связывает с моим родом. – Конкордия осторожно отодвинула край шторы и выглянула наружу, с каменным лицом рассматривая улицу.

Удивительно, что она сама об этом заговорила.

– Как думаешь, я правильно поступаю, решив выйти за Даниэля замуж? – Для себя я уже все решила, но мне все равно было услышать ответ.

– Не знаю. Некромант... – Конкордия нахмурилась. – Он меня пугает, Эмма, поэтому я не советчик. Когда надо, Лефевр может быть действительно жестоким.

Ее ответ меня порадовал – честный, без утаек. Проверку прошла.

– Дарла на днях пообещала, что утешит меня в случае развода, – поведала я и, покачав головой, добавила: – Пессимистка. Но я хотела спросить у тебя, действительно ли эта свадьба полностью избавит меня от Райалинов?

– Ты ему не доверяешь? – внезапно спросила Конкордия. – Некроманту. Говоришь так, будто собираешься с ним расстаться.

Я сглотнула.

Это действительно так выглядит? Что ж, тогда я, похоже, научилась скрывать эмоции.

– Нет, я, наоборот, его слишком люблю. Люблю его, забывая про себя. Особенно когда Даниэль рядом. Поэтому я порой боюсь, что принимаю неверные решения. – Мой голос звучал, как шорох сухих листьев, негромко, монотонно, но абсолютно искренне. – Я привыкла

всегда иметь план Б, какой бы серьезный выбор ни делала. Но в данной ситуации запасного выхода не может быть по определению. И об этом Даниэлю тоже лучше не знать. Мои мысли его не порадуют и отвлекут.

Конкордия странно на меня посмотрела. Вообще почти каждое упоминание некроманта ставило ее в тупик.

– Ему с тобой очень повезло. Надеюсь, он этого заслуживает. Главный момент в браке – кто в чью семью входит. И разницы между полами нет, мужчина может взять фамилию жены, как и наоборот. Но в случае с магами смерти здесь без вариантов. Они исключение. Ты будешь под защитой его рода, да и всех некромантов. Они очень принципиальны в этом вопросе. Могут недолго любить друг друга, но в целом, если возникают споры, стремительно объединяются, – выдала Конкордия и в заключение подвела итог: – Это наилучший вариант в твоём случае.

Даже так...

Магия изумрудным туманом кружилась около меня – искры, реагируя на мое настроение, словно стайка беспокойных насекомых, сталкивались друг с другом в вихре и вспыхивали подобно бенгальскому огню.

Недавно Даниэль сказал мне еще одну вещь – уровень дара напрямую влияет на человека, и его вечная борьба со смертью это доказывала. Воздействие своей силы я тоже чувствовала, порой она будто имела собственную волю и желания, отличные от моих.

Отодвинув личные переживания на второй план, я спросила у двойника о Джале, богине судьбы.

Меня очень смущало влияние Великой на возникшую ситуацию. Мы видели ее силу, но не понимали задумку и, будто куклы на веревочках, двигались в неизвестность.

Конкордия произносила имя богини тихо и с трепетом. Ее голова инстинктивно вжималась в плечи при каждом упоминании. Двойник разговаривала с ней лишь единожды, не видя истинного облика, и рассказ девушки в точности повторял мое видение про океан, с одной лишь разницей – когда меня выдернуло из видения, Конкордия осталась.

Именно от Джалы она узнала о случившемся с ее телом и о том, что ожидало ее впереди. Когда меня сбила машина, а двойник упала с

башни, мы поменялись местами.

Потребовалось всего мгновение.

– Она ведь могла меня просто исцелить, как тебя... – прошептала я. По словам двойника, врачи удивлялись легким травмам, полученным в аварии, – трещина в кости руки и сотрясение мозга. По словам очевидцев, автомобиль несся на огромной скорости и не смог затормозить.

– Не знаю. Но мне кажется, тут вопрос пользы. Она старается для своего мира, не для твоего, – откликнулась Конкордия, сидя рядом со мной на кровати. Мы обе, вытянув руки вдоль туловища, вцепились в покрывало и комкали его. – Ты нужна здесь. Пробуждение дара это подтверждает.

– Да, возможно. А что насчет твоей фразы, когда мы увиделись в том мире? – Я взглянула на нее.

– О помощи?

– О ней тоже. Но ты говорила, что она тебя предупреждала. Примерно так.

– А-а-а, это... В видении на берегу она сказала, что тебе понадобится моя помощь. И если ты придешь, я обязана временно вернуться. Но ее замысел мне не ясен. Джала не та, кто отвечает на вопросы. И если честно, Эмма, я забываю о ней.

– Как это забываешь? – озадачилась я.

– Словно сон. Все мои воспоминания об этом мире уже не такие, как прежде, – блекнут, погружаются в тумане, боюсь, что со временем он растворит их все. Пусть я очень нервничаю из-за того, что вновь вернулась, но мне кажется, если бы память оставалась ясной, я бы была просто в ужасе и паниковала.

Я сглотнула, почувствовав легкую тошноту. С моими воспоминаниями тоже творилось что-то неладное, и лишь услышав об этом от двойника, я в полной мере это осознала.

Шумно втянув воздух, сжала кулаки, перестав мучить многострадальное покрывало.

– Что с тобой? – Конкордия заметила неладное.

– Нет-нет, ничего, – мотнула головой. В отличие от двойника я не желала ничего забывать.

Мы замолчали, думая каждая о своем. А лучики поднимающегося над горизонтом солнца прорывались в комнату сквозь тонкую прореху

между двумя половинками штор.

– Так, хватит грустить. Нам бы поспать, а потом найти того, кто аккуратно обрежет нам волосы, – проговорила я, перекидывая свои волосы на плечо.

Переговорив с сестрой, некромант поднялся на второй этаж и застыл у двери одной из спален. Обычно особняк некромантов пустовал, никто не жил в нем, кроме Лефевра и Дэафи, разместившейся в спальне под самой крышей. Брови Даниэля слегка взметнулись, когда он осознал, что различает каждое слово, сказанное по ту сторону двери.

Эмма ошибалась. Заблуждалась и храбрилась, думая, что Даниэль не замечал ее тревог и сомнений. Конечно, он видел. Ведь маг смерти отнюдь не глупец.

Видел и молчал, но оставался самим собой...

Сложив руки на груди, Лефевр простоял несколько минут на одном месте и вскоре стремительно ушел, скрывшись за дверьми своей спальни.

Глава 30

Если упадем, то вдвоем...

Кутаясь в плащ, Тильда пересекала поле, покрытое душистой травой. Из-за росы носки ее ботинок блестели, а брюки намокли до самых колен.

Могуч-Древень, расположенный на краю территории академии, напоминал военачальника, которого поставили на круглосуточный пост, заставив охранять маловажный объект.

Тильда безрадостно посмотрела на древесный ствол. Король академию любил, но все же предпочел, чтобы это магическое растение росло у дворца. Семя Древня не просто достать, почти невозможно, а цена его такова, что покажется баснословной даже для маленького королевства. Поэтому поступок ректора магического заведения оказался щедрым подарком для будущих поколений студентов.

Нога Тильды провалилась в одну из расщелин в земле, скрытую травой, и она тихо выругалась. Сонная тишина, царившая ранее, прервалась шорохом листьев и крыльев птиц, стайкой поднявшихся из леса неподалеку.

– Лефевр, ты точно служишь при дворце? – раздался тихий, ровный голос.

Тильда вскинула голову и сощурилась, заметив ректора академии. Он стоял у самых корней исполина, опустив руки вдоль туловища, так, что длинные, расширяющиеся книзу рукава его плаща развевались, потревоженные ветром.

– Тишина, – подсказал Кровавая Река. – Если ты заслуживаешь и половины лестных отзывов своего командира, то я не должен был слышать даже шороха. А если бы услышал, должен был подумать, что это мышка пробежала, но ты, Лефевр, не оставила просторов для моей фантазии. Грубо, очень грубо.

Ректор осуждающе покачал головой. В отличие от самой некромантки мужчина двигался почти беззвучно, будто ветер или бестелесный призрак, и это вносило диссонанс в восприятие мира – привычный шум, сопровождающий передвижения по полю,

отсутствовал. Тильда понимала, что Кровавая Река использовал магию, но каким именно образом, разгадать не получалось.

– Травы по колено, господин ректор. А я не маг воздуха, воды, земли или даже огня, – оправдалась она, обращаясь исключительно на вы, и подошла ближе, больше не таясь.

– Не оправдывайся. Обратись к мастерам по магическому металлу, не рассчитывай исключительно на свой дар смерти, – бросил ректор. Остановившись и осмотрев раскинувшийся луг снова, он добавил: – Талантливая девочка эта Райалин. Даже остаточная магия сохранилась. Вчера высота травы едва достигала щиколоток.

Мужчина хвалил без эмоций, не меняясь в лице. Слишком многое он успел повидать за свою жизнь – терял, убивал, сам множество раз находился на волосок от смерти и в конце концов заслужил уважение и стал богатым. Корона предлагала ему щедрую награду, а он выбрал магическую академию. В пору его юности маги получали скромное образование, считалось – если сила подчиняется воле хозяина, то зачем ему обучение? Лишь те, кто способен был оплатить полное обучение, и редкие счастливицы, попавшие на бесплатное место, становились исключением. Но ведь истина такова – даже оружием надо уметь разумно пользоваться. Как считал Кровавая Река, именно из-за невежества погибло так много магов в той далекой войне, и как только он получил должность главы, учеба в академии стала доступной для всех.

Совсем скоро к основному замку пристроили корпуса, территорию расширили, и понемногу Холиральская магическая академия приняла нынешний вид.

– Характер тоже есть, – согласилась Тильда. – Но сдержанности никакой.

– Главное – характер, а остальное можно воспитать. Вся спешка ведь из-за нее? Старик Сарманель не тот, кого можно недооценить.

– Скорее из-за брата, – призналась Тильда, нахмурившись. Личная заинтересованность дорого ей обойдется, если она провалит дело.

– Даниэль... Когда я принял его в академию, нас завалили жалобами. Родители боялись за своих детей. Требовали исключения.

– Да, я помню.

– И знаешь, какой ответ им дали?

– Да. Он был весьма категоричен. Если бояться, то пусть уходят сами. Как-то так. – Тильда сдержанно улыбнулась.

– Верно. Потому что необоснованный страх превращает людей в животных. Я лично сталкиваюсь с ним постоянно. Мы разговаривали с Даниэлем перед зачислением – ожесточенный, замкнутый, и это неудивительно после всего, что он пережил, но на редкость принципиальный и высокоморальный. Качества, встречаемые нечасто. Поэтому я, не колеблясь, принял решение. – Приложив ладонь к древесному стволу, ректор загадочно добавил: – И оно принесло результат. Хотя, я должен признать, весьма неожиданный.

– Вы можете? Сами сказали, Сарманеля нельзя недооценивать. Я запросила подкрепление, но не уверена, что этого будет достаточно. – Тильда стремительно перешла к делу.

– Не уверена в успехе? – лениво поинтересовался Кровавая Река.

Косые лучи солнца, падающие на зеленый луг, заставляли капельки росы играть всеми цветами радуги.

– Дурное предчувствие. Райалины – монополисты по производству сарадала, за последние двадцать лет выкупили все сады и, по нашим источникам, далеко не всегда действовали законно. Но они умело подчищали следы, никто даже пикнуть не смел. Взять мать той же Конкордии, ее смерть кажется слишком подозрительной. Отец завещал ей огромный участок плодородных территорий, но мужу он не достался бы ни при каких условиях, только их прямому наследнику или королевству, если такового нет. В итоге она погибла – говорят, сама себя довела постоянным магическим истощением. Земли отошли старшей дочери, а ее, в свою очередь, выдали за дальнего родственника младшей ветви. Странно, что мать Райалин сошла с ума как раз в то время, когда собиралась разойтись с Картусом, сыном Сарманеля. В итоге земли все же перешли в собственность рода, – хмуро поведала историю Тильда и ожесточенно, с тихим гневом добавила: – С ними сложно договориться, и с каждым разом они захватывают все больше власти, угрожая короне. Вы просто обязаны мне помочь.

– Я прекрасно осознаю ситуацию, Тильда, – строго проговорил Кровавая Река. – И даже более того, в курсе желаний Сарманеля о долгой жизни.

– Даниэль вам рассказал? – удивилась она.

– Да, как он выразился, на всякий случай. И я вполне с ним согласен, иногда жизнь преподносит нам сюрпризы. Если каким-то образом старик добьется своего, кто-то из власть имущих должен быть в курсе. Сама знаешь, королевская семья слишком полагается на свой дар, не доверяя собственным глазам и суждению. Но боги не правят, а лишь подсказывают, следят за равновесием, остальное мы обязаны делать сами.

Некромантка задумчиво кивала, внимая каждому слову.

– Мое прямое вмешательство будет лишним и не понравится ни королю, ни богатеям. А именно волнений, Тильда, тебе необходимо избежать. Если не хватает людей, возьми Дарлу, но достань ей допуск на участие в операции. Моя дочь намного могущественнее, чем может показаться, я воспитал ее сильной.

– Хорошо, господин ректор, я вас поняла, – будто отрапортовала Тильда.

– Иди, Лефевр. Пусть Тирэн будет на твоей стороне, – гулко напутствовал ректор и, когда девушка отошла, вновь повернулся к Могуч-Древню: – Если что-то пойдет не так, возможно, тебе придется вернуть долг той девочке.

Чем старше становится человек, тем явственнее на его лице отпечатываются былые эмоции, те, что испытывались им чаще остальных. Лицо словно превращается в маску, отражая суть, – вечное недовольство или, наоборот, морщинки от постоянных улыбок. Но суровое и высокомерное лицо Сарманеля Райалина несло угрозу.

Как же мне не хотелось встречаться с ним наедине!

Огромный обеденный зал академии преобразился – столы убрали, количество светильников увеличили, чуть меньше одной трети пространства занимали стулья с высокой спинкой. Обнаружилась еще одна важная деталь – неглубокие ниши под самым потолком. Раньше они были прикрыты шторами, идеально подобранными под цвет стен, поэтому оставались незаметны невнимательному взгляду. Теперь же ткань убрали, и наверху восседали самые почтенные гости, в том числе Сарманель Райалин в окружении своей свиты – Горидаса, отца Конкордии и еще нескольких мужчин и женщин.

Вручение должно было начаться через несколько минут. Так сказал Ридж, поболтавший с Лиззи, секретарем заместительницы ректора. Сначала выступают подопечные магистра по музыкальному искусству, а следом слово возьмет ректор – все пройдет быстро, по делу и без растягивания драгоценного времени высокопоставленных гостей.

Касательно приза наша команда разделилась на два лагеря – Ридж и Даниэль получали большие выплаты на свои счета, а мы с Клаймом – двухнедельное летнее обучение у главы академии.

Наша четверка расположилась на первом ряду, неподалеку от банковских служащих в темных костюмах. Перед ними поставили стол с громоздкой, не в пример той, что использовалась перед Герадовой ночью, проверочной Маркеля.

Я отвернулась от ниши, смотря на импровизированную сцену, что поднималась от пола всего на ступеньку, и отстукивала пальцами по подлокотнику нервный ритм. Взгляды, буравящие спину, проникали под кожу, словно отравляя кровь. Основное беспокойство приносило внимание главы, но и Ивонна внесла свою лепту – пару минут назад при входе в зал мы пересеклись взглядами, и смотрела она так, словно прятала туза в рукаве.

– Он ничего тебе не сделает, – негромко произнес Даниэль, не поворачивая головы.

– Этот старик такой стремный, – сведя брови к переносице, прошептала я. Других слов для Сарманеля Райалина у меня не находилось. Ряд позади нас пустовал, поэтому никто не услышал моей фразы. Подслушивать же в этом месте никто не решится – слишком много важных шишек, да и магов воздуха, сбивавших все потоки.

Когда я склонила голову, волосы, словно шторы, закрыли лицо по бокам. Они едва достигали плеч, что оказалось весьма непривычно для этого мира. Поначалу мы планировали сделать стрижку лишь мне, обрезав лишнюю длину. Но после неудавшихся попыток Дарлы и Тильды и моих настоятельных замечаний, что быть лысой – не моя заветная мечта, за дело принялся Клайм. Медленно, но верно поработав и со мной, и с Конкордией, парень сотворил чудо – теперь мы были неотличимы.

Некромант покачал головой, не поняв меня, но объяснять я не стала – слишком рискованно.

Я порывалась вновь оглянуться на ложу Райалинов, но не из-за Сарманеля, а из-за его советника. Впервые за долгое время я увидела Горидаса, и, кажется, он изменился – то ли похудел, то ли выражение его лица рядом с главой выглядело слишком отталкивающим. Санкровен мужчины молчал. Вернувшись ранним утром от некроманта в дом Конкордии, я получила от служанки конверт с красивой открыткой-приглашением внутри. В ней сообщалось, что я обязана явиться на семейный ужин с главой рода. В самом низу открытки виднелась подпись советника. Адрес особняка не сообщался, указали лишь время прибытия партландера, что отвезет меня к месту сбора.

Узнав почерк Горидаса, я поддалась порыву и отправила ему послание через артефакт, интересуясь, как он. Но ответа так и не получила.

Некромант постоянно посматривал на меня – внимательно и проницательно. В отличие от меня Даниэль выглядел расслабленным и, сидя на обычном стуле, смотрелся едва ли не величественнее Сарманеля Райалина, восседавшего в шикарном кресле наверху.

Это определенно талант.

Церемония началась. Студенты сыграли незамысловатую, но вместе с тем запоминающуюся музыку, а одна девушка с шикарными волосами, заплетенными в длинную толстую косу, спела песню, рассказывающую легенду о Гераде, когда заветным сокровищем была вражеская принцесса.

Рука некроманта нашла мою, переплетая пальцы. Я сдавленно вздохнула, крепче сжимая его ладонь. По коже прошли золотые искорки, и мы стремительно отпустили друг друга.

– После вручения нам надо поговорить наедине, – тихо сказал Даниэль, пока с возвышения убирали музыкальные инструменты, освобождая место для ректора.

– Что-то случилось? – инстинктивно забеспокоилась я.

Мне приходилось тщательно контролировать свою силу. Для всех после вчерашнего пробуждения Древня я находилась на грани истощения и пользоваться магией мне временно запрещалось. Простого сходства с Конкордией не хватало, и мы прибегли к этой уловке. Благо обстоятельства складывались в нашу пользу.

– Нет, но поговорить надо, – откликнулся Даниэль и, приложив указательный палец к губам, призвал к молчанию.

На сцену вышел ректор, держа в руках четыре треугольных медальона с темным камнем в середине, напоминающих медали, что вручают на соревнованиях.

Властно подняв руку, мужчина добился почти абсолютной тишины в зале и лишь тогда заговорил.

Сарманель восседал в темно-синем широком кресле, а обе его ладони покоились на рукояти трости. Позади старика расположился Картус – родной сын главы рода. Но родной вовсе не означало любимый, у мужчины имелось еще двое родных братьев и сестра. Каждый из них обладал целительским даром, и никто так и не унаследовал природной магии своего отца, о чем Сарманель постоянно им напоминал.

Упреки звучали регулярно – не грозным, а с нотками усталости голосом, констатирующим факт.

«Будь кто-нибудь из моих детей хоть каплю похож на меня, проблем с выбором наследника не возникло бы» – эта фраза уже не раз звучала на семейных встречах.

Именно поэтому, когда у дочери Картуса проснулась магия, точка влияния неожиданно сместилась в его сторону.

– Картус, – позвал Сарманель, его внимательный взгляд оставался прикованным к мельтешащим, словно муравьи, студентам внизу.

– Да, отец? – спешно ответил мужчина.

– Сколько у тебя детей? – лениво спросил глава, заставив Картуса насторожиться.

– Как вы знаете, двое.

– И все девочки, – покачал головой Сарманель. – Старшая уже замужем.

– Не понимаю, к чему вы клоните, – терпеливо сказал Картус.

– Картус, если ты станешь главой рода, то кому передашь власть, когда настанет время?

Мужчина промолчал, чувствуя тихую ярость, его вновь отчитывали, как сопливого мальчишку. Но вид собственной дочери,

стоящей рука об руку с некромантом и сжимающей в руке победный трофей в виде медальона, что открывался и обнажал выгравированную внутри надпись – имя победителя и год соревнований, придал ему спокойствия. Он дважды оказался в выигрыше. Первый раз – когда пробудилась природная магия, второй – когда некромант изъявил желание встретиться с отцом.

«Совсем скоро... Я так близок к желаемому», – пронеслась мимолетная мысль в голове Картуса.

– В отличие от тебя у каждого из твоих братьев есть сыновья. Ты можешь передать власть кому-нибудь из них, конечно, если они не сделают это за тебя. Но борьба за власть всегда утомительна, она пагубно влияет на бизнес. Порядка нет, существенной прибыли тоже, – излагал старик, провожая взглядом некроманта и свою внучку, выходящих из зала. – Думаю, тебе необходимо подыскать новую жену, иначе моего места тебе не видать. Время еще есть, поторопись.

– Хорошо, отец, – сказал Картус. – Я вас понял.

Церемония вручения прошла так стремительно, что запомнилась лишь вспышками, будто на сцену навели камеру и сделали ряд фотографий.

Когда позвали победителей, в зале раздались вялые, неохотные аплодисменты. Словно, раз хлопнув, люди подумали: «А зачем я это делаю?»

Медальоны, что держал ректор, не были магическими, но были выполнены из очень прочного сплава. Клайм сказал, что эти побрякушки можно сбыть по хорошей цене. Изделие выполнялось на заказ известным мастером и поставлялось лишь для академии, поэтому имело коллекционную стоимость, не фактическую.

В какой-то момент я пожалела, что не вижу Дарлу. Стала искать девушку взглядом среди присутствующих в зале и лишь спустя пару секунд вспомнила – она осталась в особняке некроманта вместе с двойником. Тильда отсутствовала с самого утра, Дэафи не покидала своей спальни, поэтому мы решили, что поступить таким образом будет разумнее.

Раздавая нам медальоны, глава академии напоминал хищную птицу, высокую и угловатую, но спрятавшую крылья. В тот момент, когда он закрыл обзор, отрезая меня от ниши Райалинов, я ощутила нахлынувшее умиротворение. Ректор был стар – лишь вблизи я отчетливо это поняла, – обладал тяжелым взглядом, и лицо его не выражало дружелюбия, но из-за этого он вовсе не выглядел отталкивающим, даже наоборот.

Положив увесистый медальон в мою раскрытую ладонь, глава академии приглушенно произнес:

– Изменить мир не так-то просто... – Поначалу я даже не осознала его слов, но, не давая опомниться, мужчина пожелал мне удачи и перешел к некроманту.

Одна-единственная фраза оглушила меня, взволновала и взбодрила, отвлекла от Сарманеля, восседавшего наверху. Я осознала, что глава рода Райалин – не самый могущественный человек в этом мире, есть и другие. Как это поможет мне, я пока не представляла.

– Что он имел в виду?

Некромант должен был слышать слова ректора.

Но бровь Даниэля вопросительно изогнулась, а объяснить я не успела – его и Риджа вызвали к банковским служащим, чтобы подтвердить выплату призовых денег.

В этот раз проверочная Маркеля сработала без характерного скрипа. А я порадовалась, что все же выбрала занятия с ректором, вновь проходить через эту штуку совсем не хотелось.

Ридж возвращался от артефакта довольный, едва не светясь, как начищенная монетка.

– Благодаря парочке знакомых я открыл счет в Риттерине на свое имя. Призовые деньги отправятся сразу же туда, – негромко поведаль воздушник, встав рядом.

– О-о-о, рада за тебя. Ты все же решился? – Нелегкий выбор – отречься от семьи или предать мечту стать зодчим.

– Да.

– Все получится, – уверенно заявила я, положив ладонь ему на плечо.

Ридж искренне улыбнулся и кивнул, а я опустила руку.

Первая паника из-за будущей встречи с главой схлынула, и я почувствовала себя самой собой.

Ректор произнес последнее слово, все поднялись и, подобно реке, общим потоком направились к выходу.

Ну и мы тоже. Только уже у самой двери рука некроманта нашла мою, обжигая теплом, тогда как у меня, наоборот, пальцы замерзли, и мы свернули в одно из узких ответвлений коридора.

Когда мы с Даниэлем проскочили несколько знакомых аудиторий, я поняла, что движемся мы в сторону Западной башни.

После очередного поворота я выронила медальон, и он с гулким звоном упал на каменный пол.

– Подожди. – Я остановилась, выдернув руку из захвата. Подняв артефакт и повесив его себе на шею, посмотрела на Даниэля – он стоял расслабленно, опустив плечи, волосы его были слегка растрепаны.

– Что-то произошло? – вновь спросила я, подойдя ближе.

– Нет. – Он качнул головой.

– Я же вижу – что-то не так.

Внезапно из-за угла, как черт из табакерки, выскочила госпожа Фаден. Как ее занесло в эти края и почему заместительница ректора не присутствовала на вручении, оставалось лишь гадать.

Женщина остановилась, заметив нас.

– Райалин, вы что здесь делаете? – Она словно частично ослепла, видя лишь меня, но не замечая некроманта.

Решила отыграться на мне.

– Стою, наверное, – сказала я, пожав плечами.

– Вы еще паясничаете? – Женщина поджала губы и стрельнула в меня глазами.

– Нет. Я лишь ответила на ваш вопрос.

– С вашим поведением, Райалин... – взвилась заместительница.

– Прошу прощения, каким поведением? – поинтересовался некромант.

Губы госпожи Фаден, казалось, сжались еще сильнее.

– Вы хотя бы понимаете, что неподобающе себя ведете? Наша академия – пример для подражания, а девушки – пример воспитания. Но вместо этого вы устроили разврат в коридоре.

– Какой разврат? – опешила я. Когда она появилась, я всего лишь вновь держала Даниэля за руку.

Лицо некроманта стало жестким.

– Вот этот. – Женщина сделала неопределенный жест, будто проводя черту между мной и магом смерти.

Не оставалось сомнений – она все еще точит на меня зуб за сломанный копчик.

– Что такое, по-вашему, разврат? – резко поинтересовался Даниэль, невооруженным взглядом было заметно, как его взбесила эта ситуация, но голос оставался холодным и равнодушным, как и всегда. – Сейчас мы просто держались за руки и не делали ничего неприличного.

На лице госпожи Фаден отразилась растерянность.

– Но собирались, – быстро сориентировалась она.

– Собирались, – невозмутимо подтвердил Даниэль.

Заместительница, не ожидавшая такого признания, снова оказалась сбита с толку. Я отвернулась, пряча улыбку.

– Но позже, через несколько дней, и всю ночь, – запоздало добавил некромант. – У нас свадьба на выходных.

И после этого я закашляла, подавившись, а Даниэль заботливо и осторожно несколько раз постучал мне по спине.

Госпожа Фаден покраснела, по ее коже прошлись язычки пламени, так что бумаги в ее руках едва не вспыхнули, подпалившись по краям.

– Мы можем идти?

– Идите! – Женщина была слишком поглощена спасением своих бумажек. Или просто решила отпустить ситуацию и скорее об этом забыть.

Когда мы с некромантом отошли, погрузившись в пустоту коридоров, я рассмеялась – громко и до слез в глазах.

– У меня бы... – новая волна смеха не дала договорить, – никогда язык не повернулся такое сказать.

Даниэль улыбнулся, в его глазах тоже царило веселье.

– Я всего лишь сказал правду, – невозмутимо проговорил он, снова меня смутив.

Совсем скоро мы продолжили путь и, достигнув лестницы на вершину Западной башни, стали подниматься. Почти всю дорогу я была сосредоточена лишь на ступеньках, понимая, почему так мало студентов уединяются наверху, – слишком долгий подъем.

Маленькие окошки, временами возникавшие вдоль стены, пропускали неяркий рассеянный свет, приглушенный листвой Древня,

в это темное царство. Порой его было недостаточно, так что я вытягивала руку, касаясь стены, чтобы не упасть.

Дыхание сбилось, а звук шагов почти оглушал в воцарившейся тишине.

– Скоро я останусь одна, – хриплым голосом сказала я. – У тебя же последний год в академии, Даниэль.

Говорить о будущем – неплохой способ отвлечься. Когда Лефевр закончит обучение, мы будем видеться лишь по вечерам.

– А ты этого хочешь? – раздалось позади.

– Нет, конечно, – покачала головой. – Последние несколько дней заставили меня привыкнуть.

– К чему? – Некромант был крайне неразговорчив.

– К тебе. В академии, после нее, вечером, ночью – ты почти всегда был рядом. – Впереди забрезжил яркий свет.

Даниэль усмехнулся.

– А мне не требовалось привыкать, Загадка, – слышался теплый голос, таким он бывает, лишь когда мы с некромантом наедине.

Я замерла, почувствовав, что Даниэль остановился на ступеньку позади. Уже наверху подъем стал менее крутым, так что некромант, даже находясь за моей спиной, оставался выше меня.

– Совсем? – Медленно подняв голову, я увидела его. Глаза, тонущие в моих, губы, с которых исчезла улыбка, и очерченные мутным светом черты лица.

На мгновение мой вопрос потонул, словно не выдержал давления тревожной тишины, такой, что пробирает до мурашек, заставляет все естество обратиться в слух, будто от этого зависит твоя жизнь, сердце, душа...

Невозможно. Нереально.

Любовь так двойственна, она способна завести на вершину мира, но безжалостно свергает вниз, в пучину недоверия, ревности и злости.

Надеюсь, Даниэль и есть моя вершина. И я с нее не упаду.

– Да. Узнав тебя, я сразу все понял. – Бархатный голос некроманта звучал хрипло.

Мне хотелось, чтобы он обнял меня, поцеловал, напомнил, каково это – взлетать к небесам, ведь я так соскучилась. Но у Даниэля были иные планы.

– Идем. – Он легонько меня подтолкнул, заставляя закончить наш путь.

Опустив голову и досадливо скривившись, я преодолела оставшиеся ступеньки и остановилась на краю площадки у самой стены. Флер романтики, окутавший меня еще мгновение назад, улетел сквозь низкое окно башни, оставив настороженность и воспоминания.

Это место точно такое же, как в видении.

Я сглотнула. Воображение рисовало тени – тревожные, танцующие на стенах. Раньше я об этом не задумывалась, но теперь поступок богини выглядел жутким – захватив контроль над телом, она просто сбросила его с башни, едва не прикончив.

Джала видит будущее? Точно ли она знала, что появится Даниэль и спасет меня?

От подобных мыслей сердце в груди билось гулко и тяжело, словно бегун на длинные дистанции, преодолевавший последние метры – быстро, надрывно, на грани возможностей.

– Думаю, она точно знала, – сказал Даниэль, когда я озвучила свои сомнения.

В отличие от меня он прошел вперед, остановившись в центре округлой башни. Некромант склонил голову и, словно ему стало душно, неспешными, но ловкими движениями пальцев расстегнул пиджак. Под ним оказалась тончайшая рубашка из черной матовой ткани.

– К тебе она тоже приходила? – нахмурившись, спросила я.

– Не совсем, – покачал он головой и, протянув ладонь, добавил: – Иди ко мне. Не бойся.

– Я и не боюсь, – негромко пробурчала я, хотя из-за видения меня сковала какая-то нерешительность, то ли действительно страх, то ли знание о случившемся в этом месте.

Именно здесь все началось... Или я ошибаюсь? Скорее всего это место – случайность и надо благодарить богиню за то, что она не заколола Конкордию ножом в собственной кухне.

Вложив руку в ладонь Даниэля, я вновь ощутила спокойствие и умиротворение. Мир стал ярче, заиграл всеми красками, словно мы оказались в центре сцены, освещаемой множеством софитов.

Окинув меня внимательным взглядом, маг смерти подошел ближе к высокому и почти достигающему пола окну, потянув меня за собой.

Мы оказались у самого края башни – Даниэль позади меня, а я лицом к листве, закрывшей обзор и игравшей всеми оттенками изумрудного из-за пробивающихся сверху солнечных лучей. Чтобы спрыгнуть, оставалось лишь забраться на каменный выступ.

Или достаточно с силой толкнуть меня в спину...

Дыхание перехватило, словно воздух наверху был слишком разряжен, а время остановилось, поддавшись власти момента.

Ладони некроманта коснулись моей талии, обнимая, пальцы сплелись в замок на животе. Все тело Даниэля напряглось, когда он на пару секунд сжал меня чуть крепче.

Тишина. Безмолвие. Любовь.

– Она лишь сказала, что ты для меня, – прошептал Даниэль.

Я озадачилась:

– Как подарок, что ли? – Подобная трактовка меня не особо радовала.

Некромант усмехнулся:

– Нет. – Я почувствовала, как качнулась его голова. – Спасение, награда, сокровище...

Теперь уже улыбнулась я. Некромант не имел привычки льстить или даже говорить пустые комплименты, но зато тому, что он озвучивал, можно было верить без оглядки.

– Зачем мы здесь, Даниэль?

– Помнишь, я говорил, что всегда буду ловить тебя? – ответил он вопросом на вопрос. Его голос не лишился теплоты, но стал серьезнее, подобно весеннему ветру, что несет приятную свежесть и холод одновременно.

– Да. – В этом разговоре не было места шуткам или остротам, лишь откровенность, лишь честность. Пусть она не всегда приходится по душе, зато не противоречит реалиям мира.

– Но если что-то пойдет не так... – тяжело начал Даниэль, – я скажу это лишь единожды, просто хочу, чтобы ты знала. Если мы упадем, то вдвоем.

Даниэль не отличался романтичностью. Он вообще считал это пустой тратой времени. Слишком скучно, слишком посредственно,

слишком напоказ. Некромант верил, что привязанность надо показывать действиями – серьезными, обдуманнными и доказывающими, что на него можно положиться.

В этом был весь он. Никакого притворства, если ложь, то лишь вынужденная, но если правда, то живая, реальная и вечная.

И даже теперь, когда следовало, наоборот, заявить, что все будет прекрасно, Даниэль признавался в своей возможной несостоятельности.

Люди не всемогущи, даже такие, как он.

– Почему ты это говоришь? – Эмма напряглась, ее голос похолодел.

Даниэль усмехнулся, медля с ответом.

Он вдыхал аромат девушки, чувствовал, как вздымается ее грудь при каждом вздохе, и ощущал нежность и желание защищать.

В самом начале он пытался найти ответ: почему именно она? Единственная, кто влияет на него подобно алкоголю, но, опьянев, он не лишался ясности ума, а словно отыскивал в себе новые грани, запертые под замком за гигантскими дверьми.

– Потому что так будет правильно.

– Кто бы мог подумать, что едва ли не самый могущественный некрмант королевства будет таким правильным мальчиком? – Голос Эммы звучал насмешливо, но он достаточно изучил ее, чтобы понимать, что за шуткой она прячет переживания.

– Ты меня провоцируешь?

– Нет. Как я могу? – наигранно удивилась она.

– Лучше бы это было правдой.

– А иначе?

– Иначе я поддамся на провокацию. – Пальцы некрманта расцепились, его ладонь медленно поднялась, и слишком ловко, одним движением руки он расслабил бант на шее природницы. Не встретив сопротивления, расстегнул ворот блузки и еще одну пуговку чуть ниже. – Даже не остановишь?

– Нет. Не хочу. – В ее ослабевшем голосе слышалось желание.

Губы Даниэля сложились в ироничную улыбку, и вскоре декольте стало еще глубже, но дальше Лефевр не пошел. Эмма, обычно бросающаяся в омут страсти с головой, позволяя эмоциям брать верх,

растворяясь, даря тепло, вручая себя и забирая частичку некроманта, застыла без движения.

Она нуждалась в нежности, трепетных касаниях и признаниях в любви. А некромант напоминал искусителя, что нашептывает заветные слова, скрываясь от своей жертвы в тени.

Подцепив ткань блузы, Даниэль оттянул воротник на одну сторону, оголяя правое плечо девушки, и склонился, притрагиваясь к нему губами – невесомо, почти невинно, но ноги Эммы подогнулись, и она едва не упала.

– Ты еще чувствительнее, чем я думал...

– А ты болтаешь в самый неподходящий момент, – огрызнулась природница, ей определенно нравилось то, что он с ней делал.

Некромант приподнял брови – из них двоих он контролировал себя куда лучше, потому что вскоре ожидал большей награды.

– Мне нравится с тобой разговаривать... И я люблю тебя всю... И любой. – Слова звучали в перерывах между поцелуями, которыми он покрывал расстояние от плеча до шеи и чуть выше.

Природница то откликалась, то прикрывала глаза, будто плавясь от нахлынувших чувств. Нежность дарила вдохновение. Это ощущал некромант, ему же вторило сердце Эммы.

Ветер, с шорохом листвы залетевший в башню, прошелся вдоль стен, но, словно осознав происходящее, затих, исчез, растворился, оставив влюбленных наедине. Каждая секунда – серебро, каждая минута – золотая драгоценность, которых у Даниэля с Эммой осталось не так уж и много...

Глава 31

Собрание

Звезды, горевшие на небосводе, рассыпались миллионами вселенных – ярких, загадочных, прекрасных. Элитный особняк на краю Холирала имел обширную территорию, огороженную высоким забором. Крутая крыша взметалась вверх, переходя в металлический низкий заборчик по всей ее длине. По бокам дома были невысокие башенки, лишь на метр возвышавшиеся над крышей. Окна особняка были наполовину витражными и соединили в себе все оттенки голубого, синего и светло-оранжевого, приближенного к бежевому.

Буквально в паре улочек к западу от строения начинался рынок возможностей, а к востоку – квартал мастеров. Расположение выгодное, но уединенное.

По краям широкой улицы, подобно стражникам, выстроились высокие фонари без стекол. Магический огонь в них горел синим пламенем и прогонял тьму холодным светом.

К главным воротам особняка один за другим подъезжали партландеры, как обычные, небольшого размера, с немалым количеством царапин на металлических боках, так и новые, начищенные и сверкавшие, как драгоценность, в свете фонарей.

Тильда наблюдала за особняком, выбранным Райалинами, из фешенебельной гостиницы на другой стороне улицы. Номер расположился под самой крышей, и из окон его открывался прекрасный вид. В комнате, помимо некромантки, находилось еще семеро человек, трое из них, как и девушка, служили короне, а четверо являлись студентами академии.

Артефакт, изготовленный Клаймом и Дарлой, покоился у Тильды в кармане. Работал он сносно, но иногда все же делал промашки, воздействуя на слишком маленькую площадь, – приходилось протискиваться сквозь стену то на корточках, то нырять вперед головой, словно в кроличью нору.

– Вроде бы говорили, что соберутся родственники, находящиеся поблизости, – безрадостно глядя на все прибывавших Райалинов, сказала Дарла.

– Ты недооцениваешь желание угодить. Вероятнее всего, соберутся все. – Именно поэтому Тильда считала, что у них недостаточно сил. Но где есть люди, есть и утечка сведений, неважно, в королевском дворце или где-то еще. Но в их случае это не пустые предположения – Горидас подтвердил догадки некромантки. Только назвать имена сейчас он отказался, лишь после заключения под стражу самого Сарманеля.

И настолько прекрасная возможность разобраться со стариком, как сегодня, не представится еще очень долго. В основное время глава рода пребывал в особняке Райалинов в столице и пробраться незамеченными внутрь того здания было практически невозможно. Охрана, выстраиваемая годами, бросила бы вызов любому гениальному вору, если бы таковой нашелся.

– Мы пробираемся, добываем доказательства, записи артефактов, и все? – уточнила водница. Охрана у особняка впечатляла – несколько десятков человек в зеленых одеждах, сшитых белоснежными нитями. Не все из них были целителями, а роду Райалин подавляющее большинство и вовсе не принадлежало, просто работали на них. Магам щедро платили, а вакантные места появлялись довольно редко, ведь почти никто не увольнялся по собственной воле.

– И еще кое-какие бумаги, – нехотя добавила Тильда.

Дарла кивнула собственным мыслям. Водница знала, насколько важно это мероприятие – отец даже изменил свое решение о ее переводе на немагическое отделение академии. Если девушка поможет, ей позволят вернуться. Правда, Дарле казалось, что Кровавая Река что-то знает о происхождении Эммы, хотя сама водница не говорила ему об этом ни слова.

Когда Тильда отошла, переговариваясь о чем-то со своими подчиненными, ее место занял Клайм.

Внутренне водница вздрогнула, но внешне оставалась непоколебима, тверда и холодна. После недавнего откровенного разговора с магом энергии она старалась держать дистанцию. Но Клайм постоянно возникал рядом. Обычно он молчал, но его присутствие было будто физически осязаемо – блондин не позволял забыть о себе.

Дарлу это и раздражало, и доставляло удовольствие. Пока что она себя совсем не понимала. С одной стороны, обида полностью не

исчезла, не полопалась, как мыльная пена, но с другой – девушка жаждала тепла, мечтала вернуть то, что происходило между ними когда-то.

– Будь осторожна, Дарла, – нарушил тяжелое молчание Клайм.

– Переживаешь? – усмехнувшись, с вызовом поинтересовалась она.

– За других. – Он невозмутимо кивнул в сторону особняка, за которым они наблюдали. Клайм, как и Ридж, оставался в отеле и внутрь вместе с остальными не шел. – Я видел твои тренировки, а прошло чуть больше двух лет с последнего раза. Неплохая форма, чтобы удивить меня.

– Удивить тебя? – с сомнением переспросила Дарла и после уверенно добавила: – Это невозможно!

Губы мага энергии дрогнули.

Водница тоже едва не улыбнулась, но вовремя взяла себя в руки – она не собиралась так легко сдаваться.

– Но это не тренировка, Клайм, – неожиданно сухо сказала девушка.

– Да. Именно поэтому я буду рядом.

Дарла сглотнула и, помедлив, кивнула.

«Хорошо. Я полагаюсь на тебя», – говорил вид водницы. Она признавала его не как любимого, а как соратника, способного выручить в сложной ситуации.

Больше ни о чем поговорить они не успели – к особняку на улице подъехал очередной партландер, из которого вышла знакомая фигура. Девушка прошла вдоль многочисленной охраны и исчезла в недрах дома.

Тильда оказалась права – на нынешнюю встречу Райалины собрались практически в полном составе. Отсутствовала лишь пара человек из младшей семьи.

К главному залу вел длинный темный коридор с едва мерцавшими светильниками округлой формы, выступающими прямо из стены.

– Возможно, глава отметит тебя лично. Сохраняй достоинство, – напутствовал Картус, положив ладонь на плечо Конкордии. Со стороны могло показаться, будто надзиратель ведет заключенного.

Ни один мускул на лице девушки не дрогнул, но взгляд потяжелел, налился свинцом, и если бы отец увидел его, то вовсе не узнал бы свою дочь.

– Я постараюсь, – тем не менее сказала она.

Но Картус скривился – ответ пришелся ему не по душе. Мужчина склонился, собираясь приструнить свою непослушную дочурку, но ему помешали.

– Рада видеть вас вместе. Это так редко происходит! Порой мне кажется, что у моего брата и вовсе нет детей, – произнесла женщина с вишневой помадой на губах, что сложились в кривую улыбку. У любого, даже самого непроницательного человека возникли бы сомнения в ее искренности.

– Добрый вечер, Элиз. И мы тоже рады вас видеть. – Картус проигнорировал выпад сестры. Рядом с женщиной появилась Ивонна, отставшая и только что нагнавшая мать.

Конкордия, едва взглянув на родственниц, отвела взгляд, смотря прямо перед собой. Ивонна же, решившая смолчать в присутствии старших, наоборот, внимательно следила за ней.

Девушка словно сканировала каждую частичку тела сестры и, будто раз за разом что-то находя, улыбалась все шире – довольно, высокомерно, пугающе.

– Слышала, ты подыскиваешь жену, – опережала события Элиз. – У меня есть одна знакомая...

– Спасибо, обойдусь своими силами, – резко оборвал ее Картус.

– Ну как пожелаешь. Я всего лишь предложила свою помощь, – безразлично пожала плечами женщина. – Хотя кто знает, может, жена и не понадобится? Расположение отца – шаткая вещь. Сегодня – есть, завтра – нет.

– Не боишься? – неожиданно прямо спросил Картус, остановившись. Их процессия как раз достигла конца коридора.

– Почему я должна бояться? – фальшиво удивилась Элиз. – Это всего лишь забота, братец. Всего лишь забота...

Картус не мигая уставился на сестру, всем своим видом показывая, что он думает о ее «заботе».

– Ладно, мы пойдем к нашему столику. Прекрасного вечера, – помахала Элиз ладонью в причудливой перчатке с обрезанными

указательным и средним пальцами. На первом виднелся санкровен с витиеватыми узорами на крышке.

– И вам. Прекрасного, – рублеными фразами, с неохотой отозвался Картус, резко отвернувшись.

По всему залу были расставлены столы – одни маленькие и круглые, а другие побольше и овальные. В центре каждого находилась статуэтка сарадала – золотого, серебряного и почти ржавого цвета. Так обозначалось, для какой именно семьи предназначалось место. Все старшие сидели поближе к главе рода.

Картус, словно ледокол, двигался вперед. Его дочь шла следом, привлекая к себе многочисленные взгляды – недоверчивые, а некоторые откровенно завистливые. Когда девушка прошла мимо Оберона, то едва заметно вздрогнула, но, кроме парня, этого никто не заметил.

Обстановка накалялась. В зале царило напряжение, как бывало всякий раз при подобных встречах. Гости прибывали не менее чем за полчаса, во избежание опозданий, а Сарманель появлялся ровно в назначенное время. Старик словно ожидал за дверьми и отсчитывал минуты для эффектного появления.

Каменный пол, колонны, прямоугольные окна, драгоценности и артефакты, надетые на гостей, – все сверкало благодаря очень яркому, порой слепящему освещению. Световые камни были в стенах и грудой болтались под потолком, собранные в серебряную металлическую сетку.

Конкордия, плотно сжав губы, рассматривала стол главы. Ее настроение менялось – девушку обуревали то страх, то решимость, то ненависть, то безразличие. Хотя чувства к отцу всегда оставались ровными и как не менялись на протяжении нескольких лет, так и теперь оставались теми же – отвращение и жажда мести.

Внезапно боковые двери распахнулись, являя советника, который посмотрел на присутствующих зорким сосредоточенным взглядом и отступил, пропуская главу рода вперед.

От Сарманеля Райалина всегда исходила какая-то пугающая, пробирающаяся под черепную коробку темная аура. В редкие моменты, когда Конкордия встречалась с главой, ее всегда поражала способность старика отдавать приказы – резко, мгновенно, почти не

тратя времени на обдумывание и не изменяясь в лице, независимо от того, какой бы жестокий указ ни прозвучал.

«Он не человек. В нем нет души...» – отстраненно, без прежнего поглощающего страха подумала девушка. Она искренне надеялась, что боги «позаботятся» об этом чудовище.

Горидас затворил двери, оставшись по ту сторону. Сарманель махнул рукой, начиная ужин, и в полной тишине зазвенели столовые приборы.

Так было всегда – сначала еда, а потом суд. В прежние времена Конкордии и кусок в горло не шел, но теперь девушка справилась почти с половиной содержимого своей тарелки, несмотря на то что ей постоянно казалось, что глава смотрит на нее. Но она не пыталась подтвердить свои догадки, рассудив, что привлекать к себе внимание ей ни к чему. Его и так скоро станет слишком много.

Конкордия сглотнула. При мысли о том, что скоро произойдет, ее пробрал озноб, а аппетит, следуя давней традиции, пропал.

Уже несколько часов я не снимала рюкзак с плеч – такова была просьба Конкордии. Мы не знали, когда она исчезнет. Случится ли это сегодня, завтра, а может, через неделю? Но двойник хотела забрать скрытник и медальон матери с собой, а так как взять их в логово Райалинов не имелось возможности, я держалась поблизости, чтобы, в случае чего, каким-то чудом успеть передать их ей.

Бредовая затея.

И она так и не сказала, что написано на страницах артефакта. Это настолько личное?

– Грустишь? – Рядом со мной сел Клайм.

Пока все находились в гостинной номера, я ушла в спальню, не включая света, уселась на широком подоконнике и сняла маску, скрывшую мое лицо от коллег Тильды. Вид на особняк был не такой хороший, как в соседней комнате, но я могла побыть наедине с собой.

– Нет. Но чувствую себя бесполезной. Это меня удручает, – призналась я, удивившись явлению блондина.

– Я испытываю похожие чувства, – вздохнув и сложив руки на груди, холодно проговорил парень.

Тильда со своими подчиненными и Дарлой покинули номер несколько минут назад. Они должны были обогнуть особняк и пробраться в дом со стороны заднего двора.

— И каково это — знать, что она намного сильнее тебя? — То ли обстановка создавала определенную атмосферу, то ли мне было плевать на то, что я перехожу границы личного.

Но Клайм даже бровью не повел:

— У всех свои таланты. И она сильная для других, не для меня. Я знаю ее слабости.

— Говоришь, как манипулятор. — После краткого экскурса в их взаимоотношения с Дарлой у меня возникла именно такая мысль. И я видела, что за последние сутки их отношения переменились: ее ненависть обратилась осторожностью, его спокойствие — заботой.

— Возможно. Но я просто очень хорошо ее знаю. Я разбираюсь в людях.

Я кивнула, принимая к сведению. Но маг энергии до сих пор оставался для меня загадкой без ответа.

Окна в особняке Райалинов горели так, словно светились сами по себе, а не пропускали через себя освещение изнутри. Партландеры не прибывали уже больше часа, а главные ворота закрыли, выставив снаружи охрану, разбредшуюся вдоль всего ограждения.

Как крепость.

— Что это? — спросила я, когда Клайм протянул ко мне ладонь с лежащим на ней металлическим, немного выпуклым, как тарелка инопланетян, диском.

— Артефакт, довольно популярный, но дорогой.

— И что он может? — По магической вещице прошла вибрация, и она чуть запрыгала.

Клайм не ответил, лишь поднес ее ближе ко мне.

Я взяла диск, и в то же мгновение вибрация словно прошла внутрь меня, по запястьям, плечам и шее, сосредоточиваясь в районе ушей и давя на перепонки. Буквально через пару секунд я услышала голоса и догадалась, что они идут из недр того особняка.

— Как?! — спросила, широко раскрыв глаза.

— Артефакт действует лишь на коротком расстоянии. Он парный: один передает, другой принимает. — Голос Клайма едва пробивался

через шум, транслируемый диском, и поэтому мне пришлось положить вещицу на подоконник.

– Ты передал вторую половину Конкордии? – Незнание понемногу давила на нервы, а теперь у меня появилась возможность понять то, что творилось по ту сторону дороги, за высоким забором и толстыми стенами.

– Да, и Дарле тоже.

– А Даниэлю?

– Он не взял.

Ну конечно! Почти уверена, что он отказался от артефакта из-за меня. Не оставляет мне поводов вмешаться.

Я запустила пальцы в волосы, обхватывая голову. Громко выдохнула, испустив бессильный стон. Не думала, что оставаться в стороне будет так сложно!

– Спасибо, – посмотрев на парня, сказала я.

Клайм едва заметно улыбнулся, а я вновь схватила артефакт, полностью обратившись в слух.

Постепенно звук столовых приборов стихал, уступая место шепоту. Райалины напоминали осмелевших мелких животных, выползавших на поверхность в присутствии тигра.

Конкордия оглянулась, осматривая помещение вокруг.

Чем дальше от Сарманеля находились столики, тем ближе они теснились друг к другу. Младшие семьи сидели практически спина к спине, их разделяло настолько малое расстояние, что порой подняться из-за стола казалось проблематичным.

«Вот вся суть отношений в моем роде...» – отстраненно подумала Конкордия, чувствуя тоску и горечь за потерянное детство.

Если ты слабее, тебя ущемляют и унижают при любой возможности. А если шанс не выпадает сам, для него создают условия... Доверие? Его не существует! Поддержка? Бред! Куда лучше нож в спину. Любовь? Очередная чепуха! Есть только выгода, и ничего больше!

Взгляд девушки остановился на Обероне, не в силах сдвинуться дальше. Парень смотрел на Конкордию не мигая, будто догадываясь –

она настоящая, и она все помнит.

Они познакомились около пяти лет назад. Конечно, виделись и раньше, но впервые заговорили именно в тот вечер в саду, после очередного сближения и прилюдного унижения девушки. Она чувствовала себя сломленной и разбитой, птицей, крыльям которой не суждено было раскрыться. Райалин ожидала от брата новой порции насмешек и издевательств. Но этого не произошло.

Они разговорились, скрывшись вдали от других. Конкордия почувствовала себя лучше, ведь впервые кто-то остался к происходящему равнодушен. Оберон и она находились в похожей ситуации – парня сковывало положение, ему завидовали и поэтому нападали, ведь еще в детстве уровень его целительского дара был намного выше среднего, а с ней не считались из-за откровенно наплевательского и пренебрежительного отношения отца.

Картус никогда этого не скрывал, об этом все знали, как и о том, что мужчина не пошевелит ради дочери и пальцем. Поэтому, когда началась вся эта история с некромантом, Конкордия старалась вовсе не для родителя, а ради Оберона. Она намеревалась передать всю добытую информацию ему и его родной сестре, тоже обучавшейся в Холиральской академии.

Возможно, это было глупо, а может, и нет. Конкордии было наплевать, ею двигало лишь отчаянное желание помешать отцу, насолить, разозлить, хоть как-то запечатлеться в его памяти.

И похоже, вскоре ей действительно выпадет такая возможность. Она почти не боялась, лишь по телу порой инстинктивно прокатывалась волна дрожи. Но душу грели теплые, как весенние лучи солнца, воспоминания о семье, ожидавшей ее в другом мире.

Чужие люди, ставшие родными, и она собиралась сделать все, что угодно, чтобы не подвести ни их, ни Эмму.

Конкордия отвернулась от Оберона с несвойственной ей уверенностью в том, что этой ночью доиграет свою роль до конца.

– Думаю, пора начинать, – раздался скрипучий голос Сарманеля. Сняв тканую салфетку в крупной морщинистой ладони, он отбросил ее на край стола. – Сегодня мне доставили целых пять писем, похвально.

Письма-доносы писались перед каждым собранием и отправлялись главе, а потом он зачитывал их вслух при всех членах

рода. Вот так Райалины год за годом следили друг за другом, чтобы отыскать компромат и выделиться в глазах Сарманеля. Главное, писать правду и иметь доказательства, старик строго наказывал, если его попусту беспокоили.

Вскоре по обжигающему взгляду Сарманеля, направленному на нее, Конкордия поняла – старик добрался до нужного письма.

– Ивонна, Конкордия, подойдите, – властно позвал глава.

Обе девушки одновременно поднялись.

– У нас интересный случай, – заговорил Сарманель, когда сестры приблизились к нему. Лица присутствующих загорелись любопытством. – Моя внучка, дочь Картуса, добилась немалых успехов в последнее время. Вы все это заметили. За подобные достижения всегда следует награда, но кое-кто считает, что нас всех нагло обманули и выставили дураками, утверждая, что в теле этой девушки обосновалась другая душа. А душа настоящей Конкордии давно покинула наш прекрасный мир. И сотворили это боги, ведь у малышки есть знак предназначения на теле.

Старик покачал головой. Невозможно было понять, как он отнесся к содержимому письма, но что-то в его манере говорить и во взгляде определенно поменялось.

– Это шутка такая? – с недоумением спросила Конкордия у Ивонны. Голос прозвучал негромко, но его слышали все.

– Не притворяйся. Не поможет. – Лицо целительницы ожесточилось.

– Помолчите, – тяжело взглянув на них, властно бросил Сарманель.

Глава не стал полностью зачитывать письмо, пробежался по основным доказательствам выдвинутого обвинения, упомянул миссис Ладин и ее подробный рассказ о поведении Конкордии после пробуждения, отметил необычное изменение пера на занятиях в академии. А в завершение, словно восклицательный знак в конце предложения, – новость о знаке предназначения, о котором Сарманель уже говорил ранее.

Тишина, разлившаяся по залу, стала осязаема.

– Конкордия, теперь можешь сказать, что ты думаешь о выдвинутых обвинениях, – проявил неожиданное благодушие Сарманель.

– Ивонна пытается меня подставить и унижить, как делала это постоянно, – возмущенно ответила Конкордия.

– Постоянно? – сделал акцент глава.

Конкордия сглотнула:

– Да. Мои воспоминания понемногу возвращаются.

– Почему же ты об этом никому не сказала? – лукаво проговорил глава.

Ивонна с недоверием уставилась на сестру, но почти сразу успокоилась, подумав, что благодаря рассказам Оберона иномирянка могла притвориться, чтобы отвести подозрения от себя. У целительницы не оставалось сомнений, что отбросы из средней семьи заодно с Конкордией. Скорее всего они даже не понимают, что перед ними фальшивки, помогая ей по старой памяти.

Целительнице пришлось припереть сестру Оберона к стенке. Именно так она узнала о Холирале и именно тогда добыла ключ от номера в «Голубой крови».

– Это произошло недавно. Я не успела, – виновато опустив взгляд, отозвалась Конкордия.

– Ивонна, – в свою очередь, обратился Сарманель, – твой черед говорить.

– Достаточно осмотреть ее. Я не вру. Я бы не стала выдвигать подобное обвинение, не имея доказательств, – порывисто произнесла девушка.

– Ты лично его видела? – вкрадчиво спросил глава.

– Нет, – помедлив, сквозь зубы ответила она. – Но видел кое-кто другой. Карлет.

Разворачивающееся представление все больше напоминало комедию с не очень талантливыми актерами. Бывшая одноклассница Конкордии поднялась из-за стола, нервно теребя пояс на платье. В это самое время Ивонна позволила себе победную улыбку.

– Вот все и закончилось, Эмма, – снисходительно прошептала она.

– Я не Эмма, Ивон, – едва шевеля губами, ответила Конкордия и, улыбнувшись, добавила: – В новинку будет почувствовать себя жалкой, ведь так?

Она произнесла это так тихо, что никто не мог услышать, да и внимание членов рода к двум сестрам несколько ослабло, ведь

одновременно с последними словами дочери Картуса раздалось негромкое, слегка испуганное отрицание:

– Я ничего не видела. – Карлет выглядела блее мела. – Ивонна приказала мне следить за ней, но я ничего подобного не видела. Правда, не видела!

– Ты лжешь! – В зале полыхнуло магией – белой, целительской. Ивонна обернулась к Конкордии: – Это все ты!

В ее глазах промелькнули искры, и она вновь посмотрела на Карлет:

– Скажи правду. Немедленно!

– Ивонна! Хватит! – вмешалась мать девушки, выглядевшая злой и разочарованной.

Картус улыбался. Поначалу тень беспокойства зародилась в его груди, но теперь она исчезла, сменившись легким весельем. Его ослепили власть и жажда превосходства. Но, к сожалению, Сарманель был не таким, его неживой взгляд скользил по обеим внучкам. Он не доверял никому, но то, как яростно отстаивала свое мнение дочка Элиз, наводило на мысль, что она полностью уверена в своей правоте.

– Тихо. Я не верю глупостям, но возможно всякое. – Тяжелый взгляд опустил на Конкордию. Глава не сомневался, что никакого знака на теле девушки не обнаружат, – внучка выглядела слишком уверенной и спокойной для той, чья голова лежала на плахе.

Оставалось переговорить с той женщиной и Горидасом, ведь советник присутствовал при пробуждении Конкордии после падения.

«Но это все после», – недовольно подумал глава. Пусть упоминание богов внесло некую смуту в сознание Сарманеля, но сегодня существовала вещь, заслуживающая куда большего внимания.

«Лишь бы этот щенок явился». – Недовольство, связанное с некромантом, росло, ведь старик потратил на него непозволительно много времени. И не раз сталкивался с грубостью и откровенным неуважением, а подобного никто уже давно себе не позволял.

– Оставим этот вопрос открытым, – сказал Сарманель и, обернувшись к двери, властно позвал: – Горидас!

Советник не заставил себя ждать.

– Отведи Конкордию в одну из комнат и возвращайся. Мне понадобится твоя помощь. – От слов главы по телу Конкордии прошла дрожь. Первоначальный план свернул не в ту сторону. Они

предполагали, что глава отпустит ее вместе с остальными, а не задержит в особняке. – Элиз, вверяю тебе наказание своей дочери. Я учил обращаться ко мне лишь с прямыми доказательствами, а не с предположениями.

– Да, конечно, отец, – беспрекословно согласилась женщина, исподлобья взглянув на дочь.

– Но если все же она окажется права, возможно, вам позволят переехать в Еркитский особняк. Ты ведь давно мечтала об этом?

– Да. – Элиз кивнула, особо не рассчитывая на награду от отца и считая слова дочери ложью, но не ее собственной, а чужой, выданной за правду.

«Наверняка Конкордия подговорила паршивку из младшего рода соврать, чтобы отомстить», – решила Элиз, досадуя на глупость дочери, что попала в столь очевидную ловушку.

Конкордия покидала помещение не оглядываясь, в зале не находилось никого, кто мог бы ей помочь, поэтому уходила девушка без сожалений.

Глава 32

На краю бездны...

Некроманта вновь обыскиали. Впервые это случилось у главных ворот и вот теперь внутри особняка. Даниэль не мог не отметить, с какой тщательностью служащие Райалинов исполняли свой долг.

Если первый раз парня проверяли воздушной магией, то во второй женщина-охранница прощупала его тело и даже позволила себе шальную улыбку.

С подобным Даниэль сталкивался впервые – перед ним стояла любительница мальчиков помладше в возрасте около тридцати пяти лет.

Фигурой она обладала достойной, выделяющейся даже под форменной туникой, но вот доступность еще никогда не привлекала умных и гордых мужчин. Такие, как Даниэль, искали тех, кто выделяется из толпы, поведением доказывая свою верность и избирательность, а уже потом, возможно, влюблялись в них или просто хотели завладеть. Итог всегда различен, но в случае с некромантом можно было с уверенностью сказать: он пропал. Его привлекала лишь Эмма, и никто кроме нее. Если бы существовала приворотная магия, парень бы подумал, что это она, а потом сам бы обвинил себя в глупости – ведь подобные привязанность и любовь не бывают искусственными.

– Заинтересовал? – холодно спросил Даниэль.

Внутри парня рычал зверь, выказывая свое отвращение и недовольство.

Женщина улыбнулась, не обращая внимания на недовольный взгляд второго охранника, что был с ней в паре.

– Ты такая ледышка, но по опыту знаю, что, когда надо, вы огонь. Опалишь меня своими языками пламени? – флиртованно прошептала она, склонившись. Некроманта обдало сладким запахом ванили, слишком терпким и приторным для его обоняния.

Даниэль скривился, но, наклонившись к ней, проговорил:

– Разве что сожгу дотла. – Прозвучало мрачно и с угрозой, а в сознание женщины ворвались крики мертвых. С громким возгласом

отшатнувшись, она рухнула на пол, ее лицо исказилось гримасой отчаяния, страха и ужаса.

– Тоже хочешь? – спросил некромант, когда второй охранник дернулся в его сторону. Мужчина остановился, недоверчиво косясь на все еще корчащуюся на полу напарницу. – Правильный выбор. Лучше скорее отведи меня к своему хозяину и не трать время.

Даниэль до конца не знал, что выкинет Сарманель, и поэтому собирался действовать по ситуации – разговорить старика и потянуть время для действий сестры.

В холл вошел Горидас, неприязненно скользнул взглядом по все еще трепыхавшейся на полу женщине и, посмотрев на некроманта, пригласил:

– Идемте. Глава вас ожидает. – Не здороваясь, он качнул головой в сторону и чуть погодя грозно, не обещавшим ничего хорошего тоном обратился к охране: – Осмотри ее, а потом отправь прочь. Пусть управляющий пришлет другого человека.

Даниэль внимательно посмотрел на советника и последовал за ним. Кривая улыбка обозначилась на его лице.

Вскоре они свернули в длинный, но узкий коридор. На другом конце виднелись чуть приоткрытые двустворчатые двери, и через возникшую щель проникал мерцающий оранжевый свет. Внутри комнаты наверняка горел камин.

В эту часть особняка была допущена лишь личная охрана, в данный момент находившаяся внутри временного кабинета главы – уютной комнаты, стены которой были обшиты красным деревом, а в высоком камине из серого камня весело трещали дрова, и отблески огня являлись единственным источником света.

Горидас быстрым размашистым шагом добрался до конца коридора и распахнул перед некромантом дверь.

Даниэль вошел и огляделся.

Внутри в широком кресле с мягкими подлокотниками и стоящей неподалеку от него скамеечкой для ног сидел Сарманель, в его глазах отражалось пламя камина. Около руки старика кружилась мелким ураганом магия – туман темно-зеленого, порой едва ли не черного цвета, – а на стуле у окна, занавешенного иссиня-черными шторами, сидела Конкордия, опутанная плотными стеблями, растущими из тяжелых каменных горшков, стоящих по бокам от девушки.

На лице двойника царила паника.

Горидас переступил с ноги на ногу, для него, как и для некроманта, увиденное стало неожиданностью.

– Что это? – жестко спросил Даниэль.

– Думаю, моя внучка обязана присутствовать на переговорах.

Один из ростков обернулся около раскрытого рта девушки, выполняя роль кляпа, так что она могла лишь мычать.

– Для чего?

– Во избежание глупостей, – проскрежетал глава.

Сарманель не мог выращивать растения из семени и видоизменять их первоначальный облик, но он искусно воздействовал на остальную зелень, управляя, придавая сил и ускоряя цветение.

– Вот странность – моя внучка не может пользоваться магией! Конечно, вырастить Могуч-Древень дорогого стоит, но ведь настоящего истощения не случилось. Как странно, что она не пытается сопротивляться мне остатками сил, ведь девочка так напугана. – Старик поморщился, а на его лице появилось задумчивое выражение.

На скулах некроманта заиграли желваки. Но вскоре гнев обернулся непроницаемым спокойствием.

– Я пришел сюда не для того, чтобы наблюдать за вашими играми, Сарманель.

– Разве это и не твоя игра тоже, Даниэль? – спросил тот, на время потеряв к внучке интерес. Посмотрев на своих охранников, застывших чуть в отдалении от кресла, старик властно приказал: – Выйдите. Оставайтесь за дверью и охраняйте. А ты, Горидас, останься.

Двое мужчин направились к дверям. В отличие от остальных стражников они были одеты в белоснежную форму, а на их поясах висели большие кинжалы с рукоятками, выполненными из черного камня с мелкими мерцающими вкраплениями.

В свою охрану Сарманель не выбирал абы кого.

– Предполагаю, у меня появился товар для обмена, некромант? – оскалившись, спросил старик. – С тобой было сложно. Ты не нуждался ни в деньгах, ни в какой-либо помощи. Полностью самодостаточен.

– И угрозы тоже на меня не действовали, – подсказал Даниэль, проходя вперед и занимая свободное кресло напротив главы. На Конкордию некромант больше не оглядывался, а Сарманель пристально следил за каждым его движением.

– Верно, – согласился глава. – Но всему свойственно меняться. Иначе тебя бы здесь не было.

Зеленый туман пропал, и старик расслабился, чувствуя себя хозяином положения. Некромант был собран и холоден, словно присутствие Конкордии никак не усложнило его задачу.

«Эмме, мягко сказать, не понравится, если с ее двойником что-то произойдет», – отстраненно подумал он.

Старик прощупывал Даниэля, искал границы, за которые мог бы зайти, и наконец-то с гадкой улыбкой заявил:

– Я не расторгну родовой договор с Конкордией, – и, сделав внушительную паузу, продолжил: – Пока не расторгну.

– Меняете правила?

– Ставлю условия.

Все это время Горидас стоял у двери, подобно охранникам снаружи. Конкордия же незаметно вновь пыталась активировать артефакт. Она успела вовремя обрубить связь, чтобы пройти магический обыск. Подобные вещицы всегда создавались с расчетом на то, что их существование должно оставаться в тайне для остальных, поэтому силовой фон глушился, что помогало пройти проверку другими артефактами. Именно из-за этой особенности передатчик имел столь высокую стоимость.

– Мне это не выгодно. Она талантливый природник, – продолжил Сарманель.

– Но разве ваши цели не превыше всего? – резонно заметил Даниэль.

– Это верно. – Порой в старике просыпалось подобие уважения к некроманту. Всего лишь отголосок, но для того, кто всегда считался лишь с собой, даже тень одного чувства говорила о многом. – Но у меня нет подходящего тела.

Горидас насторожился. Глава не имел привычки рассказывать о своих планах, если не был уверен, что они останутся в тайне.

– Не можете найти младенца? – уточнил Даниэль.

Для ритуала был необходим новорожденный ребенок, хрупкая душа, еще не закрепившаяся в теле. Все же некромант не принадлежал к богам, что с такой легкостью перетасовали души Эммы и Конкордии, словно это было так просто. Хотя с недавних пор Даниэль предполагал, что похожесть девушек тоже сыграла немаловажную

роль, они изначально были связаны. Правда, в ситуации с младенцем тоже имелись определенные условия – чтобы сохранить свои воспоминания, Сарманелю потребуется постоянное воздействие целителей на детский мозг, который просто не способен был воспринять разом такой объем информации. Ну а потом заново пройти период взросления. Не каждый готов решиться на подобное – слишком много риска. Да и порой забвение прошлой жизни едва ли не высшая благодать, что даруют человеку, позволяющая снять со своих плеч груз былых ошибок и потерь.

Идея о смене тела не пришла главе рода Райалин случайно. Поначалу зародилась навязчивая мысль найти способ продлить себе жизнь, но со временем она переросла в нечто большее, и начались поиски, что с каждым годом становились все усерднее, безрассуднее и жестче.

Взятки. Угрозы. Убийства.

И вскоре в руки Сарманеля попал дневник умершего некроманта, ставившего эксперименты пару веков назад. Примерно в то же время в семье Лефевра случилась трагедия, чем старик и воспользовался, расспросив Даниэля.

Сам маг смерти плохо помнил тот диалог, но было ясно одно: Даниэль сказал или показал нечто такое, что твердо убедило Сарманеля в том, что он справится с поставленной задачей.

– Он еще не родился, – вновь оскалившись, ответил старик.

Притихшая Конкордия слушала, широко раскрыв глаза. Она еще не понимала сути требований главы, но уже догадывалась – это нечто аморальное. Подобные мысли вызывали в ней ужас и понимание того, что, как и в случае с кордонской травой, она едва не совершила преступление.

Почти убила. Почти разрушила чужую жизнь. Дважды.

– Я позабочусь о том, что вскоре у кого-то из моих детей родится сын.

Челюсть Даниэля заныла от напряжения. Одно из самых скверных его предположений сбывалось.

– И тот, чьего ребенка вы выберете, получит власть?

– Да. Так будет проще наследовать ее после, – спокойно, поделовому подтвердил старик, но его голос был сух и не предвещал ничего хорошего.

Сарманель собирался убить своего новорожденного внука, заняв его место. Откровенно говоря, даже мозг некроманта пасовал от зашкаливающей противоестественности этой идеи.

– И что же вы предлагаете мне? Ждать год? – вкрадчиво спросил Даниэль и тут же, покачав головой, добавил: – Нет, так не пойдет.

– Почему? Этот год ты сможешь делать с ней все, что угодно. Вы будете свободны, – проскрежетал Сарманель, все больше походящий на спятившего. В его глазах горел безумный огонек. – Когда придет время моей смерти, я расторгну договор, и вы освободитесь.

В кабинете наступила тишина, что нарушалась лишь громким дыханием Конкордии и веселым потрескиванием дров в камине.

Некромант мрачно ухмыльнулся.

Неужели все так просто? Конечно нет. Даниэль мог притвориться, что заглотил наживку, тем более некоторые доказательства уже имелись в их распоряжении, но вместо этого маг смерти неожиданно прямо и угрожающе спросил:

– И потом вы убьете меня, Сарманель? – И, глядя в покрасневшие глаза старика, добавил: – Хотя скорее всего вы предпочтете избавиться не только от меня. Со временем не останется никого, кто бы знал правду о вас. Зачем вам лишний риск, ведь так? Поэтому, Горидас, что бы этот полоумный тебе ни пытался обещать, он не исполнит.

Старик поднялся, тяжело и грозно. Пренебрежение некроманта вызвало в нем едва сдерживаемый гнев.

– Щенок, хочешь по-плохому?! – спросил он, выплевывая каждое слово. – Я знаю твои слабости, некромант. И если ты сам пришел ко мне, то уже не уйдешь! Что, если я надавлю на все точки сразу?

Сарманель действительно разузнал о нем довольно много, и даже про слабость к алкоголю и всем подобным веществам, и то, что, если Даниэль потеряет контроль, худо станет всем.

Но старик сам недавно заявил: всему свойственно меняться – так и магия смерти больше не мучила и не изнуряла некроманта, а стала верным цепным псом, способным разорвать всех в клочья.

– Зачем же так бурно реагировать? – лениво поинтересовался Даниэль. И, словно пойдя на попятную, продолжил: – Я лишь сделал правильный вывод. Но к вашей радости, Сарманель, я уверен в своих силах, поэтому сомневаюсь, что хоть кто-то из убийц, подсланных вами, сможет до меня добраться.

Искусная способность некроманта – ходить по грани и не сорваться. Но в переговорах с главой козырем Даниэля было то, что он действительно старику необходим. Чем выше уровень дара смерти, тем больше шансов на успех.

– Хитришь, Лефевр, – мрачно прокаркал Сарманель, вновь опускаясь в кресло. – Но даже тебе всего знать не дано.

Их отряд пробрался в дом почти бесшумно, и все шло донельзя гладко, что и беспокоило Тильду.

Она втянула носом воздух – сухой и теплый, с приятным легким ароматом, что заставлял почувствовать себя как дома и расслабиться. Но некромантка с легкостью избавилась от иллюзии гостеприимства и, махнув в сторону, показала верный путь к комнате на втором этаже, где Сарманель должен был хранить закладные и записи умершего некроманта.

«Он слишком одержим страхом лишиться этих документов, поэтому постоянно возит их с собой. Он давно стал параноиком» – вот так нелестно отозвался Горидаас о старике.

По мнению советника, Сарманель и в этот раз не оставит важные бумаги в столичном особняке.

Некромантка доверчивостью не отличалась, и Горидаас вызывал у нее оправданные сомнения, но выбора не оставалось, приходилось рисковать, полностью полагаясь на сведения, сообщенные мужчиной.

Мало кто знал, что королевская семья тоже задолжала денег Райалинам. Решив не увеличивать налоги, совет взял крупный заем – крайне глупый поступок, по мнению Тильды, – и после этого Сарманель приобрел еще больше власти.

Девушку раздражало, что все дерьмо приходилось разгребать ей, но такова природа людей. Мы все разные и поддаемся порокам – лени, алчности, эгоизму. И даже дураки прорываются к власти. Так было всегда и навсегда останется.

Записи древнего некроманта были необходимы, чтобы доказать вину главы. Прямо сейчас Даниэль писал на артефакт свой разговор с Сарманелем, но в случае королевского суда слишком рискованно опираться на голоса, запечатленные магическим предметом. Они

нуждались в ином доказательстве – вещественном, и книга умершего мага смерти подходила лучше всего.

Отряд осторожно пробирался вперед по коридору, уже преодолев лестницу. Воздушник из их команды особым щитом скрывал их от себе подобных, а целитель тихо избавлялся от встреченных на пути служащих.

Способности Тильды пока были без надобности, впрочем, как и Дарлы, и третьего мужчины-огневика, прибывшего на подмогу из столицы. Некромантка крепко держала в руке ручку кейса с костями, девушка привыкла носить его повсюду с собой. Он не доставлял неудобств, даже, наоборот, доказывал ее силу и принадлежность особым знаком магов смерти на крышке.

Коридоры на втором этаже оказались чуть шире, а пол был укрыт пушистым ковром с золотыми кисточками по краям. Тильда вспомнила план дома, что успела изучить накануне, и отмеченное черным крестиком помещение – именно там глава хранил привезенные из столицы бумаги. Но хранил – слишком мягко сказано, они не лежали, как на блюдечке, в одном из ящиков стола. Нет, в комнате находился сейф, созданный мастером магического металла, его не сдвинуть с места, не взорвать, не прорезать сталь, открыть можно, лишь зная комбинацию.

Нужная им комната отличалась даже дверью, которая выглядела более добротной и крепкой, а еще запертой на замок – обычный, не магический.

Тильда отступила вбок, пропуская Дарлу. Водница вытянула руку, и над ее ладонью прямо из воздуха собрались капельки воды, которые тонкой струйкой скользнули внутрь замка. Чтобы разобраться с ним, девушке понадобилась лишь пара секунд, и вскоре дверь радушно открылась, пропуская их в комнату.

Сейф стоял на виду – высокая металлическая коробка высотой по пояс. Его не спрятали в стене, прикрыв картиной, и не скрыли за дверьми шкафа, выдавая уверенность хозяев особняка в том, что никто не в силах открыть двери этого чудовища. Да и унести тоже никто не сможет, на ящик не действовала никакая магия – лишь физическая сила, а на вид он казался крайне тяжелым.

Дарла оглядела помещение с высокими потолками и серыми стенами – оно предназначалось только для сейфа. Воздушник и

целитель остались у двери прикрывать их, как и раньше.

Некромантка осторожно подошла к металлической коробке. Она сохраняла самообладание, не давая дурному предчувствию возобладать над собой.

Девушка опустила на пол кейс, что коснулся поверхности едва слышным тревожным звуком, будто умоляя некромантку не расставаться с собой. Подойдя к сейфу достаточно близко, она опустилась на корточки, собираясь его открыть.

Размеренное дыхание. Собранность.

Тильда потянулась к дверце, уже готовая выставить верную комбинацию. Но коснуться металла не успела – он сам нашел ее в виде холодного лезвия, прижатого к горлу.

Горидас, как и Конкордия, оставался в роли наблюдателя. Свою миссию он исполнил, пришел черед других.

Несмотря на одержимость Сарманеля, советник к нему изрядно привязался, в какой-то степени восхищаясь стариком. Тот заменил ему отца, хотя утверждать подобное кощунственно, но за неимением никого другого даже палач станет близким человеком.

– Я проявлю великодушие, мальчик. – Сарманель подался навстречу, словно собираясь поведать величайший секрет.

Некромант в ответ не склонился, лишь сплел пальцы в замок, но старика это уже не оскорбило.

– Трагедия, случившаяся с вашей семьей, потрясла все королевство. Даже я пустил скупую слезу.

– Не лгите. – Красный туман всколыхнулся на коже некроманта. Подлая насмешка, скрытая за маской сочувствия, пробудила в нем самые кровожадные чувства.

– Какая ложь? – спросил старик лукаво. – В знак сочувствия я кое-что отыскал для тебя. Помнится, когда-то ты активно интересовался их судьбой.

Бровь некроманта вопросительно изогнулась.

– Трупы убийц твоего отца. Три тела. Пришлось изрядно постараться, чтобы найти их.

Ладони мага смерти с силой сжали подлокотники, едва не разрывая ткань. Кровь зашумела в голове, возвращая старые отравленные желания. В первые годы после трагедии он мечтал ночами, искал днями и спрашивал, как одержимый, о трупах убийц. Им завладело маниакальное желание сделать их своими игрушками и марионетками, отомстить своим собственным изощренным способом.

Сарманель и правда слишком много о нем знал. Он старательно изучал некроманта, заставляя уверовать, что рано или поздно подобный сегодняшнему разговор между ними все равно бы состоялся.

В глазах Лефевра загорелся алый огонек, то ли обычный всплеск силы, то ли влияние его собственных демонов, вернувшихся к нему в этот злополучный вечер.

– Я собираюсь передать их тебе. Как залог нашего сотрудничества, – продолжил Сарманель, не обращая внимания на происходящее с некромантом.

Пальцы парня расслабились, вновь опустившись на уже потрепанную поверхность подлокотников. Он молчал, раздумывая. И даже Эмма, слышавшая слова главы через артефакт, напряженно замерла, ожидая ответа Даниэля. Некромант утверждал, что перестал цепляться за прошлое, но в этот самый момент она вовсе не была в этом уверена.

Неожиданный грохот сверху, подобно грому в небе, привлек внимание. Звуки борьбы, утробное рычание, и вскоре свет в особняке мелькнул тревожным алым, сообщая о непрошенных гостях.

– Хм, уже? – немного удивился глава. В следующую секунду, одарив Горидаса острым, тяжелым, почти невыносимым взглядом, он произнес: – Я разочарован. Ты меня очень подвел. Но кому, как не тебе, знать, что я всегда вознаграждаю предателей сполна.

Советник сглотнул и, отойдя от двери, встал в боевую стойку.

– Вы все-таки узнали, – констатировал воздушник напряженно.

– Абсолютная верность всегда выделяется на фоне лжи. Я ее люблю. Поэтому когда-то и подпустил тебя ближе. – Старик говорил почти безразлично, как ценитель вина, что глотнул прекрасного напитка, но, попробовав его вновь спустя время, неожиданно почувствовал горечь и решил избавиться от испорченной бутылки и забыть. – Ты стал слишком скрытным и утаивал информацию о дочери

Картуса. Я даже решил, что ты так сильно захотел девушку, что защищал ее передо мной, и тогда предложил тебе желаемое. Но видимо, дело не только в ней. К тому же, как я погляжу, внучка тоже непроста. Слишком много странностей и неточностей.

Особняк словно пробуждался, все больше напоминая муравейник с копошащейся внутри охраной.

Звук борьбы повторился, а деревянные панели, которыми был отделан потолок, надрывно затрещали. Одна из планок рухнула вниз, приземлившись на пол неподалеку от камина.

Как бы это ни хотел скрыть Сарманель, но предательство задело его за то живое, что в нем еще осталось. Иначе бы он так не отвлекся и не позволил Даниэлю умертвить стебли, опутывающие Конкордию, тем самым ослабив их хватку.

В подходящий момент двойник должна была сбежать. Ее присутствие связывало руки, не давало действовать открыто, хотя прелюдия уже давно окончилась.

Панели над головой вновь затрещали, отходя от поверхности и осыпая головы присутствующих строительной пылью. Потолок покрылся сеткой трещин, подобно льду.

Горидас вновь отпрыгнул к двери. Некромант подскочил на ноги, отшатнувшись к Конкордии. Лишь Сарманель остался недвижим в своем кресле, когда часть потолка в другой стороне комнаты глыбой рухнула вниз, взметнув серые облака. Конкордия закашлялась от пыли.

В центре разрухи возвышался раскрытый пустой сейф. На груде бетонных обломков стояла Тильда с глубоким кровоточащим порезом на подбородке. У ее ног находилась костяная кошка с внушительными клыками, чей красноватый магический свет усугублялся пятнами крови на пасти. Дарла зависла в воздухе, на полпути к поверхности, поддерживаемая водным сгустком, а двое мужчин в некогда черных одеждах уже пришли в себя, приняв боевую стойку.

Изначально их отряд состоял из пяти магов, а теперь сократился до четырех и одного трупа, который лежал с разорванным горлом и из-за пыли не сразу бросился в глаза.

Тильда, сплюнув кровавую слюну на пол, выглядела чертовски злой.

— Вот и остальные гости, — поприветствовал их Сарманель, а дверь в кабинет распахнулась, являя больше десяти охранников в

белой форме, что ровным строем расположились в коридоре. – Мой сюрприз нашел адресата, верно? Некрасиво обращаться так с моими подарками.

Старик взглянул на некромантку и на труп у ее ног, ясно давая понять, что предательство коллеги организовано именно им. Огневик едва не прикончил Тильду, но она оказалась быстрее.

– Не беспокойтесь. Я заглажу вину, умею делать ответные подарки. Пусть и не сразу, – холодно пообещала она. Дарла за спиной девушки мягко опустилась на пол, еще сверху она успела оглядеться и понять: их приперли к стенке.

Сначала нападение своего же со спины, а потом пустой сейф, после открытия которого потолок внезапно обрушился вниз. Благодаря предателю глава заблаговременно знал о времени их визита и потрудился собрать всех визитеров в одном месте.

– Повезло как утопленникам, – мрачно прошептала Дарла, зная, что Клайм прекрасно ее слышит. Одной отвлеченной фразой водница дала понять, что она в полном порядке.

«Магу энергии точно не место здесь. Нас ждет либо кровавая битва, либо...» – Но, посмотрев на некроманта, о втором варианте развития событий Дарла предпочла не думать.

– В какой-то степени ты права, милочка, – расслышал и ответил ей глава. – Из-за отсутствия существенных доказательств ваш лидер не может воспользоваться артефактом правосудия. Как печально! Выходит, я поймал воров в своем доме и могу сделать с ними все, что угодно.

Даниэль обменялся взглядом с сестрой, его скулы напряглись. Парень медленно и неспешно стал закатывать рукава.

– Но я все еще готов проявить благодушие, хотя условия несколько изменились. – Следуя молчаливому приказу Сарманеля, несколько человек в белой форме шагнули из коридора в кабинет. – Я все еще собираюсь отдать тела убийц твоего отца, некромант, и даже позволю уйти тебе, твоей сестре и всем остальным в ее окружении. Но Конкордия останется, хочу потолковать с внучкой. И естественно, Горидас тоже не покинет этот дом, разве что позже и не на своих ногах. – Старик оскалился собственной шутке.

Тильда взглянула на советника, он был бледен, но держался достойно, в его глазах горел воинственный огонь. Некромантка не

отличалась благородством, но и к подлым тварям себя не относил, чтобы оставлять мужчину на растерзание. Ну и о том, чтобы бросить Конкордию, тоже не могло быть и речи.

Даниэль осознавал сложившуюся ситуацию, как и понимал то, что, если убьет Сарманеля, многим облегчит жизнь, но зато сам будет вынужден податься в вечные бега. Меньше всего Лефевр желал подобной судьбы Эмме, но без нее он вскоре умрет.

Тяжелый выбор требует смелости и самопожертвования, в первом Даниэль недостатка не имел, а вот во втором... Он опустил голову, чувствуя, как что-то внутри его разрывается на куски.

Оказывается, нелегко оставаться безрассудным, когда есть что терять.

– Мне не нужны те трупы, уже то, что их телами торгуют как товаром, подобно надругательству, – медленно растягивая слова, прохрипел некромант, красный туман больше не вился беспорядочным облаком, он словно состоял из сотни змей – спутавшихся и пожирающих друг друга. Когда одни алые искры гасли, ярко вспыхивая, то загорались другие, крупнее и багрянее.

Огонь в камине потух, будто спасовав перед мертвенным холодом. Тильда яростно что-то прокричала, пытаясь остановить брата, а костяная кошка рассыпалась – магия смерти Даниэля была столь сильна, что просто заглушила силу сестры.

– Не глупи. – Сарманель не паниковал, но ощутимо беспокоился. А вот стражники попадали на пол, хватаясь за головы.

Старик был близок к своему закономерному концу, а Даниэль к преступлению, что перевернет его жизнь с ног на голову, обратив былые намерения в прах.

«Возможно, Эмма увидела не вероятное будущее, а то, что действительно грядет. Неприятно осознавать, что впереди тебя ждет лишь смерть», – отстраненно подумал Даниэль.

В этот самый миг, когда, казалось бы, иного пути нет, случилось непредвиденное.

– Эмма! Принеси скрытник! Там есть... Там есть доказательства! – отчаянно прокричала Конкордия.

Пусть растения умерли, но путы оставались все еще крепки, и освобождение далось девушке нелегко, оставив красные натертые росчерки на руках, плечах и теле.

Глава 33

Я никогда тебя не забуду

Крик догнал меня на улице, когда я выбежала из гостиницы.

Я не могла оставаться в стороне, отсиживаясь в безопасном месте, и намеревалась явить себя миру, чтобы хоть как-то помешать Даниэлю. Он остановил меня однажды, не дав навредить человеку, теперь настал мой черед.

Когда меня увидят одновременно с Конкордией, путь в академию будет закрыт, нам с Даниэлем останется лишь бежать – на другой материк, в чужое королевство.

Еще в номере Ридж хотел меня остановить, но вмешался Клайм, слушавший голоса в особняке вместе со мной.

– Идем. Потом мы как-нибудь со всем разберемся, – сказал маг энергии.

Теперь его спина маячила впереди.

Возглас Конкордии поторопил меня, дал цель – во что бы то ни стало доставить скрытник в особняк.

Для чего? Чем он может помочь? О каких доказательствах кричала двойник?

Вопросы без ответа. А звездное небо над головой, словно насмехаясь, выглядело до безобразия умиротворенно и тихо. Оно вечное и непревзойденное, и ему нет никакого дела до проблем смертных. Но моя душа жаждала дождя – внезапного и сильного, чтобы молнии сверкали на небе, пугая и восхищая всех вокруг. Такая погода вторила бы нынешним событиям, подтверждая, что для остальных людей они не пройдут бесследно.

Стебель взрыл землю, разбрасывая брусчатку – сработал эффект неожиданности, стражники даже не осознали надвигающейся угрозы, а их уже смело. С еще одним охранником я справилась довольно легко, и со вторым тоже, а вот с третьим провозилась. Несмотря на свою одаренность, я оставалась первокурсницей-недоучкой, а охранники были тренированными бойцами, прошедшими подготовку.

Но на мое счастье, стражников на пути попадалось немного, но на лице каждого из них неизменно мелькало удивление. Они узнавали

меня.

Из-за моей спины пронесся порыв ветра, взлохмативший волосы, и ударил в грудь женщину, перегородившую вход в особняк. Она вскрикнула и пораженно упала на пол, хватая ртом воздух.

Ридж! До сих пор я не знала, что он бежал следом за мной.

Едва оглянувшись на остановившегося Клайма, который теперь вместе с воздушником прикрывал меня, я зеленым вихрем ворвалась в дом. Я готова была сделать все, что угодно, лишь бы прорваться к некроманту, – ломать стены, пол, если понадобится, проложить себе новый путь или вновь вступить в схватку.

Обостренные чувства придали реальности яркие тона, подобно тем, что я наблюдала в последнем видении, посланном богиней судьбы. Двигаясь вперед по неожиданно пустым коридорам, я твердо знала направление, чувствуя холодное дыхание магии смерти, пока не увидела кучку людей, стонущих на полу, схватившись за головы.

Я нашла! Они здесь! *Он* здесь.

Побежав быстрее, я перепрыгивала через лежащих на полу стражников, и не единожды, но совершенно случайно наступила на чьи-то ноги. Оставшееся расстояние от двери до Даниэля я преодолела едва ли не одним прыжком, чувствуя себя дикой кошкой, и, загородив некроманта, встала перед ним, угрожающе вытянув правую руку в сторону Сарманеля. Глава удивился, но выражение его лица больше напоминало гримасу боли, и лишь расширенные глаза говорили другое.

Зловещий свист ударил по перепонкам.

Занавешенное окно пробил красно-черный стебель с острыми колючками, способными вспороть плоть, и с жалом наверху, что, подобно сабле, готова кромсать своих врагов.

– Д-держи, – я едва могла говорить, слова мешались с хриплыми вдохами. Сорвав рюкзак с плеч, швырнула его двойнику. – Внутри.

– Эмма... – Голос некроманта прозвучал недовольно.

– Молчи... Даниэль, пожалуйста, – не оглядываясь, с чувством сказала я. – Не только ты можешь брать всю вину на себя. Теперь мы будем делать это вместе. От начала и до конца!

– Так это правда! – Старик перевел горящий взгляд с меня на Конкордию, наконец-то справившуюся с завязками и вытащившую скрытник.

Сарманель шагнул ко мне, будто собираясь подойти ближе и убедиться, что я реальна, но ядовитый стебель вновь рассек пространство, предупреждая изогнувшись.

Влияние Даниэля прекратилось, и стражники приходили в себя, вставая на ноги.

Сарманель внушал опасение, не более, но и вызывал гнев – праведный, необузданный и неподдельный.

Из-за него мы зашли слишком далеко.

Ощутив ладони на своих плечах, я не оглянулась.

Конкордия поднялась, а открытый скрытник в ее руках зашелестел листьями, исписанными вдоль и поперек. Они словно состарились, став потрепанными и пожелтевшими, обретя свой истинный облик. Обложка артефакта тоже изменилась, обратившись в протертую кожу с вязью узоров по краям.

Но не только мое внимание привлек артефакт – Сарманель узнал его. Руки старика задрожали – возраст брал свое.

– Заберите у нее скрытник, немедленно! – крикнул старик солдатам, приходящим в себя, а с его рук сорвался магический туман.

Зная зависимость своей силы от живых растений, Сарманель постарался расставить их повсюду, прикрыв то дверцей шкафа, то фасадом стола.

Зеленые молнии, метнувшиеся к Конкордии, внезапно обмякли, а потом их разрубило красно-черное чудовище, которое я вырастила вновь под влиянием ситуации.

В этот самый миг воины в белом, кажется, окончательно пришли в сознание. Такое количество магии я видела впервые. Искрящая, абсолютная, разная, но отчетливее всего чувствовалась мертвая сила Даниэля. Она балансировала где-то на грани, а влияние моего дара давно исчерпалось. Некромант потратил слишком много магии, воздействуя на десятки живых, поэтому новая попытка могла привести к истощению.

Старик сам дернулся в сторону пробежавшей Конкордии, а я перехватила его руку. Но, несмотря на возраст, он оказался сильнее. Наши взгляды пересеклись.

Шелест. Бормотание. Водный всплеск.

Дарла не позволяла никому подойти к ним, пока Тильда вчитывалась в записи. Крепкие руки обхватили мою талию, резко

потянув назад, и в следующее мгновение комната исчезла в белом ослепительном свете, в ушах повис звон, не позволяющий трезво мыслить, и лишь ладони Даниэля не давали провалиться в беспамятство или закричать самой, вторя неизвестному шуму.

Свет исчез так же внезапно, как и возник. Словно включили лампочку и выключили, ослепив обидчиков.

– В порядке? – Передо мной возникло сосредоточенное лицо Тильды.

Сама того не поняв, я упала прямо на Даниэля, который принял удар, притянув к себе.

– Да, – прохрипела я, не переставая моргать – в голове до сих пор звучал отдаленный звон.

Некромантка кивнула и быстро поднялась на ноги, зорко выглядывая в комнате своих среди чужих. В основном все, как и мы с Лефевром, лежали на полу. Взглядом наткнувшись на какого-то мужчину, я пораженно заметила, что его глаза заволокла белая дымка.

– Что это? – Я зашевелилась, совсем не заботясь о некроманте под собой.

Даниэль приподнялся вместе со мной.

– Артефакт правосудия обезоруживает всех, кто поблизости, неважно, друг или враг. И чтобы отменить его действие, надо коснуться им тела поверженного. – Слушая объяснения Даниэля, я наблюдала, как некромантка коснулась чем-то красным и блестящим щеки Горидаса, и белая поволока сошла с его глаз. – Загадка...

Некромант смотрел на меня рассерженно, сжимая запястья.

– Ты понимаешь, что натворила? – поймав мой взгляд, спросил он. На его скулах заиграли желваки.

– А что я натворила? – обманчиво тихо проговорила я. – Не дала тебе одному взвалить на себя все?

Я сглотнула.

Наши лица находились рядом. Оба недовольные. Он – ледышка, неожиданно начавшая таять от собственных эмоций, и я, не ждавшая благодарности, но и прямого укора тоже, будто совершила что-то бессмысленное.

– Я нас спасла! Тебя, Конкордию и этого ублюдка! – посмотрела на старика, недвижно лежавшего на полу, пусть это было сомнительное достижение, но все же...

В кабинет ворвались Ридж и Клайм, последний сразу направился к воднице, недавно пришедшей в себя и пытавшейся неуверенно подняться на ноги. Маг энергии подхватил протестующую Дарлу на руки, и я завистливо вздохнула.

– Их допросят, Загадка. Всех! Мы говорили с тобой об этом.

– Мы сбежим, – упрямо сказала я.

– Ты будешь всю жизнь бежать?

– Но ты ведь собирался!

Впервые с момента нашей встречи мы вновь не понимали друг друга. Даниэль собирался меня защищать до последнего, но не принимал того факта, что я сделаю для него то же самое.

– Ай! – Бедро адски обожгло.

– Эмма...

Я обернулась, точно зная, куда смотреть. Конкордия, все еще сидевшая на полу, медленно таяла, словно утренний туман, разгоняемый все выше поднимавшимся по небосводу солнцем.

Я было кинулась к ней, но, едва поднявшись, вновь упала, и к жгучей боли на бедре прибавилась глухая и ноющая – в коленях. Попыталась обнять двойника, но руки прошли сквозь тело, а пальцы заledenели, словно я засунула их в морозильник.

– Я возвращаюсь, – мило, с долей грусти улыбнулась Конкордия.

Мы посмотрели друг на друга. Одинаковые глаза, идентичные лица и похожие чувства – мы будем скучать друг по другу и своим мирам. И я, и Конкордия знали, что этот момент настанет, но кто мог подумать, что расставание выйдет тяжелее, чем мы предполагали?

Это навсегда. Мы поменялись окончательно. И никогда больше не увидим друг друга.

– Позаботься о моих родителях, – прошептала я, чувствуя, как по щеке потекла слеза. И сбивчиво продолжила, говоря то, что не успела: – Не расстраивай их. Слушайся. Иногда можешь потрепать нервы, но немного. Мама воспринимает все ближе к сердцу, чем показывает. Если случатся неприятности, лучше говори отцу, он дает дельные советы. И...

Конкордия становилась все менее плотной.

– Эмма, не переживай, – перебила Конкордия и попыталась коснуться моей руки, но передумала, вспомнив, что у меня не вышло. Сглотнув, она заговорила, оправдываясь: – Я... скрытнич... Там

записи моей матери, поэтому я не дала их раньше. Не только записи, но и доказательства. Пытки, издевательства – она умерла не сама. Ее убили ради земель ее отца. Я не хотела, чтобы то, что написано там, увидел хоть кто-то. – Голос становился глух, напоминая шум ветра. – Слишком много грязи...

– Я понимаю, все хорошо, – прошептала я. Двойник растворялась, как ночной сон.

– Спасибо, Эмма, – прошептало эхо. – Я никогда тебя не забуду...

– Я тоже... Никогда... – произнесла в пустоту, а щеки вновь стали мокрыми от слез.

Она исчезла. И боль в бедре тоже, похоже, пропала навсегда. Мне показалось, я просидела, застыв на одном месте, больше часа, а на самом деле не прошло и минуты.

Сглотнула и утерла лицо, понимая, что теперь время – драгоценная величина.

Даниэль переговаривался с сестрой, жестикулируя с несвойственной ему активностью. Натянутый как струна, напряженный, с бледным лицом.

Резко кивнув, некромант направился ко мне.

– Тильда потянет время, но недолго. Не уверен, что успеем выбраться из Морлада, но для начала главное – покинуть Холирал, – быстро проговорил он.

– Ладно, я поняла, – ответила, с трудом беря себя в руки. – Все еще злишься?

– Да. Хотя и понимаю, почему ты это сделала. – Выражение его лица смягчилось. – Ты правильно поступила. Просто дай мне время это принять.

Мы поднялись. Прощание с остальными выходило скомканным и быстрым, настолько, что мы с Дарлой даже не смогли ничего толкового сказать друг другу. Даниэль и маг энергии быстро обменялись санкровенами.

– Я выжду время. Полгода, не меньше. Лишь потом дам о себе знать, – говорил Даниэль Клайму.

Мы пускались в бег. Никакой академии, свободной жизни, свадьбы... Но я ни о чем не жалела, ведь какой в этом смысл? Когда я попала в этот мир, то двигалась лишь вперед, не давая себе остановиться, не позволяя сдаться.

Тупиковых ситуаций нет, если ты полон сил и желания искать выход.

Теперь мы вместе, и мы сможем все.

Неожиданно кольнуло сердце, и по рукам прошли мурашки. Моя магия, что, как зверек, свернулась клубочком внутри, с надеждой подняла мордочку вверх, чувствуя что-то еще, недоступное мне.

И грянул зов – тихий, нежный и древний, словно вобравший в себя дыхание времени. Чем-то он был отдаленно похож на звучание тростниковой дудочки.

Древень?

Я развернулась и подбежала к разбитому окну. Меня встретила ночь, дохнувшая в лицо прохладным воздухом.

– Эмма!

– Подожди, что-то происходит, – прислушиваясь к своим чувствам, прошептала я, и тьма стала уступать место золотому свету.

Поначалу лишь марево, но огонь становился все ярче, освещая ночь, и спустя пару мгновений словно полностью ее уничтожил.

Здесь, в Холирале, времена суток поменялись местами. Невозможное, возможное...

– Даниэль. – Я не глядя вцепилась в рукав подошедшего парня. – Древень. Он цветет!

Золотое сияние на время украло мое сознание, и на какое-то мгновение я оказалась там, на территории академии, рядом с гигантом.

Листва трепетала, а золотые бутоны заполонили ветви Могуч-Древня. Они раскрывались, цвели, осыпались и, не успев достигнуть земли, обращались в золотую пыль, что облаком целенаправленно неслась к городу. Она бережно накрывала дома, словно укутывая одеялом, и захватывала улочку за улочкой, пока не достигла нас.

«Непосвященные забудут...» – донесся шелест, а золотая пыльца, прильнув, ласково коснулась моего лица.

– Спасибо, – еще в полной мере не осознавая случившегося, прошептала я, вновь вернувшись в разруху особняка.

Я не могла поверить. Ведь чудес не бывает! Но, опровергая весь мой реализм, чудо внезапно вторглось в нашу жизнь подобно весеннему солнцу, разогнавшему холод.

– Даниэль... – повернулась к некроманту, счастливо улыбаясь.

– Я знаю, – прошептал он, прижимая к себе, невольно заставляя вслушиваться в учащенный стук его сердца. – Все закончилось, Загадка. Все завершилось.

Ректор задумчиво глядел на парящий в небе золотой поток. Холирал словно покрылся позолотой, став похожим на игрушечный городок.

– Долг возвращен, – проговорил он, касаясь позолоченного ствола Древня. – Я ведь говорил, что так все и будет.

Кровавая Река замолчал, словно выслушивая невидимого собеседника.

– Да, возможно, – согласился он. – Кто знает, будет ли их будущее столь великим, как ты утверждаешь. Нам остается лишь наблюдать и ждать.

Эпилог

Ностальгировать свойственно всем. Люди любят вспоминать прошлое, зачастую забывая о будущем. Я такой привычки не имела, но именно сегодня события прошедших месяцев сами собой лезли в голову, делая меня рассеянной.

Поднимаясь по каменной лестнице с крутыми ступеньками на третий этаж, туда, где проходило обучение лишь магическое отделение академии, я думала о том, что уже почти два года живу в этом мире. Теперь я студентка третьего курса, и, не считая этого года, мне осталось еще два. За прошедшее время я значительно выросла в магическом плане, хотя, по мнению некроманта, коснулась лишь основ.

Влияние летних занятий с ректором понемногу давало о себе знать. Хотя, как именно они проходили, я не могла рассказать никому – ни Дарле, ни Риджу, ни даже некроманту. Ректор Холиральской академии умеет убеждать, я бы даже сказала – внушать. Поэтому его тайну я хранила исправно и бережно.

Остановившись на верхней ступеньке, я вздохнула, дыхание чуть сбилось после крутого подъема.

В этом учебном корпусе всегда царила полутьма, и я искренне удивлялась, как до сих пор ни разу не споткнулась и кувыркком не скатилась по лестнице на первый этаж.

Даже Дарла прогнозировала, что когда-нибудь это обязательно произойдет. Сама водница наверх почти не поднималась, да и у меня занятия в этом месте тоже не проходили, тем не менее я преодолевала эти лестничные пролеты едва ли не каждый день.

У подружки все наладилось. Сразу после того, как Сарманеля схватили, ее вновь перевели на магическое отделение. Пусть отношения с отцом поменялись не сильно, но водница стала к нему терпимее. И по моему мнению, это влияние Клайма, который все же взял девушку измором, и этим летом они сыграли свадьбу – негромкое торжество у подножья гор, где чета Дард – родители мага энергии – обычно проводила лето.

Но Дарла находилась в аналогичном моему положению – нам обоим предстояло окончить Холиральскую академию. Поэтому, не считая Риджа, уехавшего за своей мечтой в Риттерин, наша компания осталась в Холирале. Все мы постоянно поддерживали с воздушником связь. Санкровены исправно передавали послания, беспорядочно сверкая у меня, Клайма, Даниэля и даже порой у водницы в течение дня.

Обучение на зодчего Риджу нравилось. Стоило оно довольно дорого, настолько, что выигранных в Герадовой ночи денег ему бы точно не хватило, а разгневанные родители до сих пор не могли принять выбор сына. Но финансовая проблема решилась поразительно легко – некромант перевел весь свой прошлогодний выигрыш на счет друга.

– Я с самого начала планировал отдать те деньги ему. Ждал, пока Ридж наберется смелости и выберет то, чего действительно желает сам, – поведал мне тем вечером Даниэль, и на этом разговор закончился. Лефевр не желал благодарностей или почестей, наоборот, старался их избежать, поэтому и сообщил другу лишь перед отплытием его корабля на другой материк.

Благородный, наглый, верный близким людям и в первую очередь своим принципам и решениям, Даниэль оставался собой, несмотря ни на что.

Идя по темному коридору, я внезапно вспомнила о Дзафи. Бывший палач в тюрьме и женщина, что в какой-то степени исполнила роль матери в нелегкое для некроманта время. Не прошло и недели после нашей свадьбы, как она покинула дом Лефевров. В ту пору я чувствовала себя виноватой, ведь мое появление словно выгнало ее из особняка. Хотя чуть позже я поняла, что это был ее собственный выбор. Когда надобность контролировать Даниэля исчезла, Дзафи почувствовала себя ненужной, а жизнь обычной женщины была явно не для нее. Тем не менее некромант поддерживал с ней связь, и вскоре она должна была приехать в гости.

Звуки моих шагов отражались эхом от стен уже успевшего опустеть коридора. Оглянувшись по сторонам, я схватилась за дверную ручку и, повернув ее, вошла в аудиторию.

Внутри помещения обнаружили двое – некромант и светловолосая девушка, что, оправдываясь, пыталась отменить

полученное домашнее задание.

Многое поменялось, но порой мне казалось, что все осталось как прежде. Хотя к одному я точно никогда не привыкну – к Даниэлю-преподавателю, который, напрочь игнорируя магистерскую мантию, всегда небрежно вешал ее на спинку стула, подобно ненужному плащу, оставаясь в рубашке и брюках, сшитых из ткани его излюбленного черного цвета. При этом он всегда умудрялся выглядеть элегантно и аристократично.

– Я привязан к тебе чувствами, браком и необходимостью, поэтому у меня просто не остается выбора, кроме как стать преподавателем в этой академии, пока ты ее не окончишь, – иронично, будто укоряя, сказал Даниэль после своего выпуска.

– Ты жалуешься? – сощурившись, спросила я, пытаюсь скрыть волнение, нахлынувшее на меня из-за его решения.

– Нет. Но ты все равно должна чувствовать вину, чтобы потом ее добросовестно искупить, – нагло и с интимным подтекстом заявил мне тогда некромант.

Все считали его хладнокровным, сдержанным и крайне умным человеком. И да, он разумен, но только не наедине со мной. Теперь, после свадьбы, я точно знала: под этой ледяной маской скрывается вулкан. Вулкан, который я разбудила. Вулкан, пылающий только для меня.

– Вы меня вызывали?

Судя по ветру, пронесшемуся по комнате, первокурсница, стоявшая у стола Даниэля, относилась к воздушным магам.

Некромант временно вел у их курса какой-то общеобразовательный предмет. С начала учебного года прошла всего неделя, поэтому почти никто из новеньких не знал, что мы с магом смерти давным-давно женаты. В академии при посторонних мы разговаривали сугубо официально, да и свою старую фамилию в документах учебного заведения я менять не стала, оставаясь Райалин, хотя фактически уже давно относилась к роду некроманта, записанная как Конкордия Лефевр. Со временем я обязательно верну свое настоящее имя, но пока это слишком рискованно.

Пусть благодаря магии Древня все, кроме моих друзей, некроманта и его близких, позабыли о странностях, связанных со

мной, мы все равно сохраняли осторожность. Ивонна, окончив академию, жила своей жизнью, больше никого не терроризируя.

Суд над Сарманелем завершился всего год назад. С тех самых пор старик гнил в тюрьме вместе с несколькими своими родственниками, включая Картуса, что приложил руку к смерти своей жены, матери Конкордии. По рассказам Тильды, без постоянного целительского оздоровления жить бывшему главе рода осталось недолго. После его ареста, когда стало очевидно, что доказательство вины лишь вопрос времени, из своих глубоких нор повылазили свидетели его преступлений. Тогда все окончательно решилось, и никакие деньги бы его не спасли. Единственное, чего Сарманель добился, – заключения вместо казни, и то лишь благодаря каким-то договоренностям с королем. Тильда не вдавалась в подробности, заявив, что это секретные сведения.

Все оставшиеся на свободе Райалины задышали спокойно, Оберон и его сестра тоже. Вскоре после ареста главы рода Тильда передала мне письмо-донос, найденное среди бумаг старика. В нем целитель обвинял самого себя в том, что это он когда-то подложил в дурманицы берхалею, прекрасно зная особенную реакцию Конкордии на дым этой травы. Оберон надеялся, что стресс вернет ей потерянную память, но не вышло, а парня, похоже, заела совесть, поэтому он сдал себя сам, желая таким образом наказать. Несколько раз прочитав то письмо, я его уничтожила, решив не копить обиды и забыть обо всем. Скорее всего враждебное отношение внутри семьи и толкнуло целителя на этот гнусный поступок, как и Конкордию когда-то.

Горидас навещал старика регулярно, будто все еще исполняя роль советника. Это казалось диким, учитывая расправу, что ожидала мужчину, если бы в ту ночь нам не улыбнулась удача. Мы с ним почти не разговаривали с тех самых пор, как, оставшись наедине с магом, я поблагодарила его за помощь – быстро, но искренне. Я прекрасно помнила тот несостоявшийся поцелуй в гостиной дома Райалинов, и поэтому держала дистанцию. Но для себя решила: если Горидас когда-нибудь попадет в неприятности, я обязательно ему помогу.

– Да. Подождите немного, – не оглядываясь, сидя за столом, попросил Даниэль. Наверняка он почувствовал меня, когда я только подходила к аудитории, – в последнее время мы ощущали друг друга,

даже не видя. Равнодушно посмотрев на студентку, некромант произнес: – Дирави, идите, не отнимайте мое время.

На лице девушки отразилась досада вкупе с отчаянием, и она бросила на меня ненавидящий взгляд, будто я причина всех ее бед.

За последний год из-за регулярного преподавания Даниэль стал куда сдержаннее и выглядел холодной и недоступной ледышкой в глазах окружающих, только уже без привычных ноток раздражения в голосе. И поэтому его популярность резко возросла. Возможно, кто-то сочтет меня дурочкой, но, во-первых, я была в некроманте уверена, как в себе, доверие незримой нитью всегда соединяло нас, а во-вторых – я считала себя выше того, чтобы гонять девок от своего мужа. Постепенно к середине года их запал иссякал, и все становилось как прежде. К тому же я тоже пользовалась некоторым успехом у противоположного пола. Только мой успех заканчивался после убийственного взгляда Даниэля, что отпугивал парней пуще самой смерти.

Попрощавшись с преподавателем, студентка вихрем промчалась мимо, а до моих ушей донесся воздушный шепот:

– Он мой! Не лезь! – И не успела я посмотреть ей вслед, как она уже вылетела из аудитории.

Улыбнувшись, я покачала головой.

– Почему она задержалась? – спросила, подойдя ближе к мужу.

– Не поняла лекцию, – поднимаясь из-за стола, отозвался Даниэль.

– И ты ей ее заново объяснял? – невинно поинтересовалась я.

Некромант посмотрел на меня скептическим взглядом, приподняв бровь.

– Да, Эмма. Не только объяснял, но и показывал, – криво усмехнувшись, насмешливо сказал Даниэль. – Конечно, нет, задал доклад по теме лекции на тридцать страниц. Обычно подобные работы хорошо вправляют мозги всем непонимающим.

Маг смерти подошел к двери в аудиторию и, провернув в замочной скважине ключ, закрыл ее.

– А ты жесток, – посмеялась я, изначально ожидавшая подобного ответа.

Мы прошли в смежный с аудиторией кабинет Даниэля. Раньше он был чуланом, но теперь ни у кого бы язык не повернулся так его назвать. Как только Даниэль заступил на пост преподавателя, он не

поскупился и нанял для ремонта рабочих, заявив при этом, что желает проводить хоть часть своего времени в комфорте. Поэтому, переступая порог этого небольшого помещения, я словно переносилась в комнату какого-то дома – уютную и не лишенную чувства стиля своего хозяина.

Почти все место занимал внушительного размера крепкий деревянный стол, рядом стояли удобное кресло и шкаф, а вместо отсутствующего окна на стене висела картина – мрачный город в темных тонах, а чуть сбоку еще одна – моя, «Черный квадрат» Малевича собственной персоной. Там, где могла, я вносила веяния своего мира, не собираясь ничего забывать, с теплотой вспоминала родных и надеялась, что у них все сложилось хорошо.

Раньше в кабинете еще находился маленький диванчик, но недавно я его испортила, заставив деревянные ножки выпустить новые ветки и зацвести. Моя сила выросла, и контроль тоже, но вот во сне от него было мало толку. Я успела попортить большое количество мебели в особняке и теперь тщательно следила за собой, стараясь не засыпать где попало.

Впрочем, эксцессы все равно случались – проросшая однажды из каркаса кровати ветка ввела меня в глубокое заблуждение, проткнув матрас возле Даниэля. Спросонья решив, что это утренний постовой заступил на пост, я запоздало поняла, что слишком сильно вздернуто одеяло, да и в общем-то выглядело оно очень неестественно. Именно после этого случая, не вызвавшего, мягко говоря, восторга у мага смерти, старую постель заменили на новую с каркасом из металла.

За неимением дивана я облокотилась на пустой стол, осматривая его хозяйским взглядом. Несмотря на преподавательскую должность, Даниэль с бумажками практически не возился и, казалось, к занятиям не готовился, но, послушав однажды одну из его лекций из-за стены, я поняла, что в конспектах он не нуждался.

Правда, лекции он читал довольно редко, проводя большую часть времени на Мертвяке вместе со студентами-некромантами всех курсов.

– И почему вы меня вызвали, магистр Лефевр? – продолжая давнюю игру, иронично спросила я. – Соскучились? Или появилось какое-то другое важное дело?

Даниэль коварно улыбнулся, доставая из шкафа бутылку и тут же наливая в бокал немного вина. После того как влияние моей силы на

него стало регулярным, он больше не испытывал трудностей с контролем своего дара.

– Или, может быть, вы тоже хотите дать мне задание, как той студентке? Между прочим, она пригрозила мне, сказав, что вы принадлежите ей, – продолжала я, откровенно его провоцируя.

Мы одни, аудитория закрыта, а мне скучно. Тем более меня ожидала тяжелая лекция у госпожи Фаден, так что я просто нуждалась в хороших эмоциях.

– Так вы правда принадлежите ей, магистр Лефевр? – спросила я, замороженно глядя, как Даниэль нарочито неспешно и спокойно ставит опустевший бокал на полку.

Это было странно и обескураживающе, и сердце подпрыгнуло к горлу, когда некромант одним шагом преодолел разделяющее нас расстояние и, крепко схватив за бедра, рывком усадил меня на стол, покрывая шею сумбурными поцелуями и пару раз легонько прикусывая нежную кожу.

– Все-все, хватит, я пошутила, – сказала я, то ли смеясь, то ли томно вздыхая.

Мне нравилось обмениваться с ним колкостями, иронизировать, но если до свадьбы Даниэль играл в эту игру честно, то после нее, когда мы находились наедине, постоянно жульничал.

– Эмма, дорогая, ты ведь знаешь, к чему приводят твои шуточки? – прохрипел он, перестав целовать, но забираясь ладонями под юбку.

– Знаю. Но что поделать, не могу сдержаться, – призналась и лишь потом поняла двоякость ситуации: если я не могу сдержаться, то почему обязан он?

Некромант остановился, мы одарили друг друга долгими внимательными взглядами, и он медленно склонился, нежно целуя меня в губы.

– Много еще занятий? – спросил Даниэль, поглаживая большим пальцем внутреннюю сторону бедра под юбкой. Некромант делал это часто, зная, что мои мысли в этот момент превращаются в рой непослушных насекомых.

– Будто ты не знаешь, – поддела я. – Мне кажется, ты запоминаешь мое расписание быстрее меня.

– Всего лишь кажется, – с полуулыбкой прошептал он.

— Ну да, конечно, — ни капли не поверила я.

Пока мы лишь наслаждались жизнью, и порой мне казалось, что она дает нам слишком многое, настолько счастливой я себя чувствовала.

Даниэль же узнавал мир заново, привыкал к его краскам, учился временами расслабляться, а не ежесекундно искать подвоха в окружающих его людях. И с каждым днем, месяцем, годом у него получалось все лучше и лучше.

Мы растворялись друг в друге, и лишь потому, что это чувство было обоюдно, оставались собой.

Даниэль вновь поцеловал меня, движением рук мастерски провоцируя на большее, а я сопротивлялась, хотя уже не была уверена, что выстою до конца.